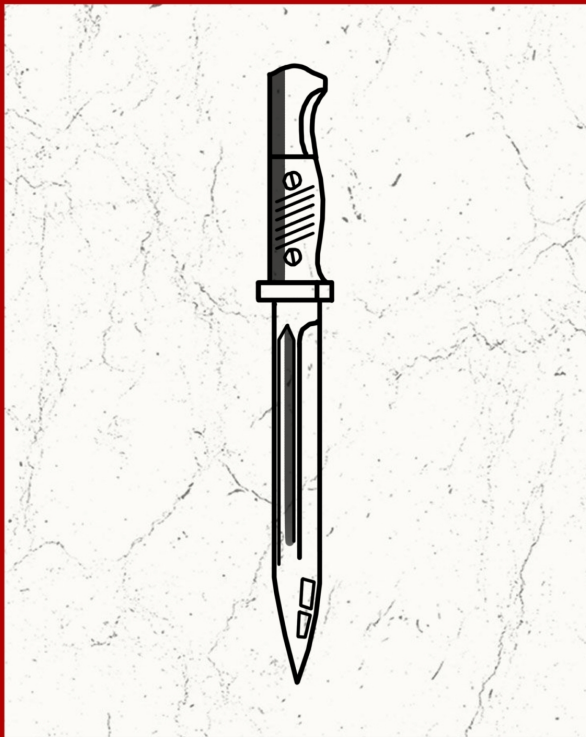

01.01.1961

"Сколько раз ты увидишь его, столько раз ты его и убей..."

ЧЁРНЫЕ КРЫЛЬЯ

ДМИТРИЙ ГАРТВИГ

18+

Дмитрий Гартви́г

Чёрные крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67711424

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы проиграли. Военная машина Германии стальным смерчем прошла по Европе, сея лишь смерть и разрушения на своём пути. Весь свободный мир: от шотландских гор и до поволжских степей, содрогнулся в ужасе. Теперь над ним нависли непроглядной тенью чёрные крылья хищного германского орла. Колосс Третьего, тысячелетнего, Рейха лёг всей своей тяжестью на покорённые народы, чадя дымом концлагерей и гремя тяжёлыми сапогами его солдат.

Но где-то там, под коркой из золы и пепла, тлеет пламя ненависти. Пламя ненависти и неминуемого возмездия, что кипит в людских душах, заставляя продолжать бесконечную борьбу. И гремят металлическим лязгом заводы, маршируют полки Чёрной Армии, снуют по истерзанной многострадальной земле агенты бесчисленных спецслужб. Солнце новой, нещадной зари восходит над миром, крещёным огнём...

Содержание

Пролог	4
Часть I	11
Глава первая	11
Глава вторая	35
Глава третья	76
Глава четвёртая	121
Часть II	157
Глава первая	157
Глава вторая	182
Глава третья	211
Глава четвёртая	271
Глава пятая	313
Глава шестая	349
Часть III	384
Глава первая	384
Глава вторая	417
Глава третья	449
Глава четвёртая	484
Глава пятая	523
Глава шестая	576
Эпилог	599

Дмитрий Гартви́г

Чёрные крылья

Пролог

Эндзиг

*«Чёрные птицы слетают с луны,
Чёрные птицы кошмарные сны,
Кружатся, кружатся всю ночь
Ищут повсюду мою дочь.»*

Соединённые Штаты Америки, Вашингтон, округ Колумбия. 6 января, 1945 год.

Франклин Делано Рузвельт умирал. Он чувствовал дыхание смерти, слышал своим старческим, слабым слухом её тихие, почти беззвучные шаги. Тридцать второй президент Соединённых Штатов Америки понимал, что времени у него осталось не так много. Дни, а может быть, даже и часы. И чем явственнее к нему приходило осознание скорой неизбежности, тем тяжелее становилось у него на душе.

Он проиграл. Проиграл позорно, с треском, без шанса на реванш. Вся жизнь он, как истинный американский патриот, боролся за благополучие и счастье своего народа. И, казалось, даже начал побеждать. Ещё вот-вот, ещё чуть-чуть

и страна бы выползла из той клоаки, в которую привела её неуёмная жажда наживы.

Но все его усилия, все жертвы его многострадального народа, весь голод, монотонный и безрадостный труд – всё это обесценилось, перечеркнулось размахом чёрных крыльев хищного орла Германии. Страны, от которой никто не ожидал беды. Страны, которую парализовали нерушимые оковы международных договоров, санкций и контрибуций. Страны, втопанной в грязь после Великой войны. Той самой страны, что за какие-то жалкие шесть лет смяла железным кулаком весь цивилизованный мир.

Как же так вышло? Как получилось, что все союзы, все политические фронты и дипломатические меры безопасности оказались пустым звуком, дырявой ширмой, разошедшейся на куски сразу, как только германский хищник решил показать свои клыки? Почему те же самые люди, которые шагали по грязи Фландрии, дышали отравленным воздухом и вглядывались в километры ничейной земли, снова допустили подобное? Почему шкурный интерес, трусость и жадность вновь взяли верх в сердцах и душах людей? Разве недостаточно было одного урока двадцатилетней давности?

Впрочем, рыба всегда гниёт с головы, и престарелый президент прекрасно это понимал. Он не мог винить тысячи американских и европейских патриотов, отдавших жизни за свободу собственных стран. Франклин Делано Рузвельт мог винить только себя и своих коллег, людей из Франции, Бри-

тании, России и многих других государств, павших жертвой нацистского режима. Где был он и его Палата Представителей, когда солдаты Муссолини травили беззащитных абиссинцев газом? Где был сэр Чемберлен, когда легион «Кондор» разносил в пух и прах испанский городок Гернику? Чем занималось правительство Даладье, когда немцы вгрызались в глотку чешского народа? Чем думал советский министр иностранных дел Рыков, когда подписывал тот самый, роковой для России, договор с Риббентропом?

Слишком поздно, слишком несвоевременно и слишком глупо. Теперь все виновники катастрофы либо в могиле, либо в двух шагах от неё. Правительство Кирова, ещё не так давно братавшееся с Гитлером, теперь горько поплатилось за свою дружбу, а ошмётки Красной Армии откатываются к Уралу, теснимые с двух сторон немцами и японцами. Чемберлен в могиле, а его преемник Черчилль прячется где-то в горах северной Англии, пока измотанная и израненная двенадцатая армия генерала Монтгомери на руинах Лондона из последних сил отбивает яростные атаки немецкого Лиса пустыни. Правда, вероятнее всего, ему уже очень скоро дадут титул «Волк Альбиона», так как перед нынешними успехами Эрвина Роммеля на Британских островах меркнет даже его блистательная кампания в Северной Африке. Японцы всю хозяйничают на Гавайях, а их десант на Аляску едва удалось отбросить только у Анкориджа.

Старый мир умирал. Умирал вместе с иллюминированны-

ми магазинами, танцем чарльстон и сигаретами от «Американ тобакко». Взамен всем этим прелестям придут продуктовые талоны, грохот военных маршей и чад печей, день и ночь работающих в бесчисленных концлагерях.

Старый мир умирал. И вместе с ним умирал тридцать второй президент США. Старый, больной, немощный, не в состоянии уже что-то изменить и на что-то повлиять. Старик в инвалидном кресле, он напоминал эпоху, в которой жил и правил. Лоск, серьёзность намерений и жизнерадостность были лишь пиджаком на дряхлом теле, в котором на самом деле все эти двадцать лет, прошедшие со времён Великой войны, зрел гнойник. И гнойник этот, в конце концов, лопнул. Теперь его зловонная масса уже затопила почти всю планету, оставив нетронутыми лишь небольшие островки свободы.

Но он должен попытаться. Ради самой памяти о чём-то прекрасном, ради его страны и его народа, ради всех живущих в мире людей, он не должен отступить. Даже сейчас, на смертном одре он не имеет права сдаваться. Иначе все они окажутся правы. Все те мерзкие, крикливые и косолапые автократы, кричащие о том, что идеалы, которым Рузвельт когда-то поклялся служить, не стоят и ломаного гроша. Они попадут в точку, потому что главный носитель этих идей окажется слабаком и ничтожеством, который в самый ответственный момент отказался бороться и предпочёл опустить руки.

Тугой ком боли поднялся к его горлу. Президент понимал, что времени мало, но не думал, что настолько. Есть только один шанс всё изменить, повернуть всё вспять. Шанс, успех которого зависит уже даже не от него, и даже не от его народа. Шанс, который он вручает в руки людям, совершенно ему незнакомым, чуждым и непонятным. Но иначе нельзя. Борьба будет трудна, силы врага велики, а надежда на победу призрачна. Но нужно драться. Потому что иначе конец всему. Потому что иначе эндзиг, «окончательная победа германского народа», о которой так часто распинается Гитлер в своих речах, действительно свершится. И эта победа станет самым страшным поражением для всего человечества. Эту победу никак нельзя допустить. В этом два народа: его и тот, неведомый и далёкий, были солидарны полностью. Они доказали собственной историей, собственной кровью и собственным происхождением, что готовы идти до конца, не отступая ни перед чем. И сегодня, в самый тёмный день, пробил час доказать это.

Трясущейся, почти негнущейся рукой он потянулся к красной трубке телефона. С усилием приподнял её и поднёс к уху. Номер набирать было не нужно, линия была служебной. Через минуту томительного ожидания и тревожных гудков, ему наконец-то ответили:

– Слушаю, господин президент.

Сухой голос на том конце телефонного провода не здоровался даже, информировал.

– Мистер Даллес?

Горло у Франклина Делано Рузвельта пересохло. Он с силой сглотнул, стараясь выжать из своего умирающего организма хоть немного влаги для продолжения диалога.

– Да, я слушаю вас, господин президент, говорите.

Сейчас или никогда.

– Начинайте операцию «Вашингтон», мистер Даллес.

Тягостное молчание в трубке, длившееся несколько мучительно долгих секунд.

– Вы уверены, господин президент?

– Абсолютно.

– Хорошо, вас понял. Первый доклад о ходе операции будет у вас на столе через два дня. До свидания, господин президент.

– До свидания, мистер Даллес.

Президент положил трубку. Вот и всё. Теперь от него уже ничего не зависит. Приказ о начале операции он подписал заблаговременно, за пару часов до этого короткого, но такого важного телефонного разговора. Теперь у них у всех...

Дыхание перехватило неожиданно. Хотя, это, конечно, неподходящее слово для человека, ожидающего смерть со дня на день. Тем не менее, агония наступила как всегда внезапно, вероломно и без предупреждения. Рузвельт захрипел, не в силах выдавить из себя ни слова, чтобы позвать на помощь, и упал лицом на большой лакированный президентский стол, прижавшись к его поверхности своей морщини-

стой щекой. Затухающий взор упал на их с женой совместную чёрно-белую фотографию. Переместился на массивные настольные часы. Циферблат показывал половину четвёртого дня.

«Помоги нам всем, Господь...», – была его последняя мысль.

Часть I

Глава первая Стальное сердце

*«Чёрные птицы из детских глаз
Выключают чёрным клювом алмаз,
Алмаз унесут в чёрных когтях,
Оставив в глазах чёрный угольный страх.»*

Россия, Урал, окрестности Перми. 9 мая, 1945 год.

– Не прекращать огонь, не прекращать огонь! – орёт, захлёбываясь, наш комиссар.

Я, впрочем, останавливаться и не собираюсь. Нет, не из-за истеричных, мешающих сосредоточиться выкриков товарища Алеутова, отнюдь. Для того чтобы посылать в цепочки врага патрон за патроном, у меня есть другая, куда более важная причина.

«Кресты» продолжают наступать, но темпы своего наступления, к счастью, сбавили. Минут десять назад мы пожгли всю их бронетехнику, и горящие остовы «панцеров» теперь украшают опушку густого пермского леса. Правда, и мы сами заплатили за это страшную цену. Все наши немногочисленные танки и самоходки, которые мы с таким трудом смог-

ли сохранить во время нашего отчаянного отступления к Уралу, сейчас либо точно также горели, чадя чёрным густым дымом, либо были искорёжены до такой степени, что не могли дальше продолжать бой. Впрочем, такая ситуация была по всему фронту. И мы, и немцы истощили свои силы до последнего предела. Между нашими позициями разлилось море огня и разворочённой стали, в котором островами служили закопчённые башни танков и фюзеляжи рухнувших самолётов.

Вся моя жизнь сжалась сегодня в тонкую линию, состоящую из серых пунктиров бетонных укреплений. Моё сердце – это громада ДОТ-а, откуда гулко посылает свои смертоносные снаряды артиллерийское орудие. Мои лёгкие – пара ДЗОТ-ов, откуда с трудом отхаркивают пороховую гарь два пулемёта. Мои вены – траншеи, заполненные солдатами, что устало глядят воспалёнными красными глазами в прорезь прицела и из последних сил ловят врага на мушку. Мои уши – это рёв моторов в вышине неба, звук отчаянной схватки израненных воробьёв против сытых и откормленных немецких ястребов.

Сегодня мы все герои. Каждый, кто ещё стоит, и каждый, кто уже лёг. Мы сделали по-настоящему невозможное. Выстояли, не дрогнули, перемололи, истощили наступающие немецкие части. Заставили их хвалёных танкergренадёр вылезти из-под защиты своих «непобедимых» и «неостановимых» танков и встретиться с нами, обыкновенной пехо-

той, лицом к лицу. Наши летчики принудили громады их безнаказанных бомбардировщиков с чёрными крестами на крыльях в ужасе повернуть назад, беспорядочно сбрасывая свой смертоносный груз. А их самые «правильные», самые «арийские» солдаты, те, что с двумя серебряными молниями на воротничках, лежат сейчас на нашей земле мёртвые, с обгоревшими лицами и выпущенными кишками.

А мы стоим. Из последних сил, изнурённые до предела, до самого нельзя, но стоим. Только вот есть одна проблема. Она состоит в том, что у нас больше нет резервов, нет подкреплений и помощи ждать неоткуда. А у противника за спиной – вся мощь завоёванной Европы.

«Кресты» прут вперед широко растянутыми цепями, одна за другой, через огненную сибирскую просеку, совершенно не боясь нашего огня. Впрочем, бояться уже почти нечего. Пулемёт на правом фланге выдал последнюю свою печальную трель и замолк навсегда, а в моём подсумке уже виднеется дно. Не лучше, готов ручаться, дела обстоят и у моих товарищей. Выстрелы по обеим сторонам от меня становятся всё реже, всё прицельнее и экономнее. Раздающиеся в ответ автоматные очереди, наоборот, звучат всё бодрее, всё злее и наглее. Немцы приближаются.

Мне шестнадцать лет. Летом, если я, конечно, до него доживу, будет семнадцать. Воюю я уже почти год, с лета сорок четвёртого. Призвали меня в то страшное и беспокойное, даже по нынешним меркам, время, когда остатки тридцать

девятой армии командарма Ефремова обречённо дрались в окружённой со всех сторон Москве, а маршал Тухачевский приказал пустить газ в Чебоксарском направлении. Чёрные, беспросветные, кромешные дни. Тогда казалось, что всё вот-вот окончательно рухнет: фронт развалится, армия разбежится, а немцы бодрым маршем прошагают до Свердловска, где и встретятся с японцами. Но, слава Богу, обошлось. В последнюю секунду, но обошлось. Командование сумело взять себя в руки, стабилизировать положение и вдохнуть уверенность в солдат. Цена за это была, прямо скажем, специфичная, но, по-моему мнению, оправданная. Михаил Николаевич же, из-за ошибки которого Красная Армия понесла неоправданные потери от собственного же химического оружия и была вынуждена призывать в свои ряды подростков, очень быстро поплатился за свою оплошность жизнью. Я был одним из тех, кого военкомат оторвал от заводского станка и смены в четырнадцать часов, всучил в руки винтовку и отправил прямо на линию фронта, неумолимо откатывающуюся тогда к Уралу. Многие бы назвали наших командармов сволочами и убийцами, но я говорю им искреннее спасибо. У фронта, пусть здесь и свищут пули, пусть громахают танки и визжат пикирующие бомбардировщики, есть одно очень важное достоинство по сравнению с жаркими и душными оружейными заводами. Здесь я действительно могу убивать немцев.

Ну, вот и всё. Этот был последний. Патроны у меня закон-

чилишь, а гитлеровцы уже почти вплотную подошли к траншеям. Что же, так даже лучше. Я до сих пор не особо хорошо умею обращаться с винтовкой. Всё из-за моего неважного зрения. Но зато, моя близорукость не помеха для моего штыка...

Я падаю на колени и судорожно начинаю искать среди трупов товарищей, таких же молодых и безусых юнцов, как и я, хотя бы одну завалившуюся обойму, хотя бы один нерасстрелянный патрон, как вдруг, где-то надо мной, за земляной стеной траншеи раздаётся взрыв. Я сжимаюсь в клубок и закрываю голову руками. По моей спине больно бьют большие и чёрные комья обугленной земли, но осколки, слава Богу, проходят мимо. Впрочем, радоваться рано. Вслед за землёй, в траншею падает небритый и чумазый гранадёр, в испачканной сажей форме цвета фельдграу. Он, стоя на коленях, судорожно трясёт головой, а вместе с ней в такт болтается и новенький сорок пятый «гевер», висящий у него на шее. Контузия. Значит, времени у меня мало.

Из полусидячего положения, отталкиваясь руками от стоптанной земли, я резко выпрыгиваю вперёд, врезаюсь своей тощей, костлявой головой гранадёру в подбородок. Слышу, как он охает, чувствую, как оседает и падает на землю. Я же, не давая ему продохнуть, громозжусь на него сверху. Его замыленные, контуженные глаза непонимающе смотрят на меня снизу вверх.

Нож я достал ещё в прыжке. Теперь же быстро поднимаю

его на уровень глаз и резким движением втыкаю «кресту» в горло. Гренадёр захлёбывается булькающим криком, извивается от боли, стучит ногами в тяжёлых армейских ботинках, пытаясь меня сбросить. У него это не получается. Я же, тем временем, продолжаю своё благородное дело. Простой солдатский клинок поднимается и снова опускается, направляемый моей рукой, оглушает поле боя ещё одной порцией криков немецкого солдата. Я бью сильно и размашисто, отводя локоть за затылок, чётко чувствую каждое попадание. Я ощущаю, как из твари, что пришла на эту землю в поисках места под солнцем, фонтанами уходит жизнь. Ещё чуть-чуть и эта дрянь перестанет осквернять своим существованием мой дом. Ещё чуть-чуть и этот немец перестанет дышать.

Наконец, он успокоился. Ещё один труп, ещё один гроб, который придётся сколотить Вермахту. Ещё одна похоронка для его курвы-подружки, что сидит где-то в Германии и волнуется за своего наречённого. Это обстоятельство, стоит сказать, меня несказанно радует. Они все здесь останутся. У нас очень большая страна, самая большая в мире. Места под могилы хватит для каждого. Никаких проблем. Тем более, их можно даже и не отпевать.

Вот собака. Новую винтовку своей кровью испачкал. Ладно, мы не из привередливых. Особенно, учитывая тот факт, что в траншею прыгнул ещё один немец, с виду – так брат-близнец предыдущего. Та же серая форма, та же чумазная рожка. Правда, на этот раз он меня не видит, занят тем, что по-

ливаает моих сослуживцев, находящихся по левую руку, очередями. Эта его невнимательность и будет ему приговором. Быстро поднимаю немецкую винтовку и нажимаю на спуск. Предохранитель «гевера» оказывается установленным на режим автоматического огня. Незваного гостя прошивает сразу четыре патрона, прежде чем я отпускаю курок. Этот падает сразу, ни разу не дёрнувшись и не издав ни единого звука.

По всей длине траншеи идёт рукопашный бой, исход которого пока неясен. Безусловно, наши превосходят немцев по силе, ярости и напору, однако противник давит числом и экипирован он намного лучше. Очень сложно эффективно воевать, когда на тебя, шестнадцатилетнего мальчишку, менее чем за пять минут нападают трое здоровых мужиков, один из которых, воспользовавшийся моей секундной заминкой, заходит со спины. Мне невероятно везёт, и каким-то невероятным образом я чувствую направленный на меня удар и, дёрнувшись, подставляю немецкому ножу руку, а не печень. Впрочем, помогает мне это не сильно. Яростно шипя от боли, истекая кровью из огромной рваной раны на правой руке, я смотрю в голубые, весело-искристые глаза немца. Я пытаюсь поднять свой трофейный «гевер» левой рукой, но сильный пинок тяжёлым армейским сапогом по дулу автомата, разом перечеркивает все мои планы. Оружие отлетает в сторону, оказавшись вне моей досягаемости. Теперь я, худощавый близорукий подросток, полностью беззащитен перед беспощадным палачом в сером. В последний

момент у меня успеваает промелькнуть мысль: «Только не нож». Лучше пуля, пожалуйста, пусть будет пуля. Так быстрее...

Неожиданно для всей этой адской какофонии звуков, я отчётливо слышу один-единственный отчётливый для меня выстрел. Я удивлённо смотрю, как немец, ещё недавно стальными тисками сжимавший свой окровавленный клинок, закатывает глаза и медленно оседает. На спине у него алеет дырка от пули. В это же мгновение звуки боя отступают. Я слышу лишь радостное, победное, ни на что другое не похожее, громогласное «Ура!», вихрем доносящееся от стороны леса. А через секунду меня вновь оглушает канонада таких родных, русских винтовок. Мы выдержали. Я не могу в это поверить.

Когда нашему батальону было приказано стоять насмерть, я заранее знал, что свой семнадцатый день рождения я навряд ли встречу. Обычно эти слова означают только одно: вы, ребята, все теперь смертники. Конечно, обычно в таких случаях командование обещает помощь, поддержку авиации и тому подобные маленькие фронтовые прелести. Но все их обещания, конечно же, пустой звук. К тем, кого оставили в арьергарде, никакого подкрепления, конечно же, уже никогда не придёт. А так как последние четыре года наша армия только и делает, что бесконечно отступает, все прекрасно понимают, что означают эти роковые слова. У тех, кто услышал подобную фразу, обычно два пути: смерть или немецкий

ПЛЕН. И я хочу сказать, разумный человек выберет смерть.

Сегодня же, когда я с утра ложился на промёрзшую твёрдую землю окопа, скулой прижимаясь к деревянному прикладу своей трёхлинейки, я вообще не думал, что у нас ещё остались резервы. А ты ж поди...

И всё же, мы умудрились выстоять. Жертва тех тысяч солдат, что насмерть стояли под Казанью и Нижним Новгородом, пока десятки и сотни рабочих под руководством дивинженера Карбышева возводили здесь, в Приуралье, оборонительные позиции, оказалась не напрасна. Мы действительно выстояли. Действительно удержали немцев на этом, на самом последнем рубеже. И сейчас, глядя как под натиском наших резервов бегут ещё совсем недавно непобедимые гренадёры, я понимал, что сегодня мы одержали победу. Возможно, первую за долгие годы. Возможно, первую за всю войну. Но, тем не менее, сегодня поле боя осталось за нами.

Кое-как зажимая кровоточащую рану, я побрёл в ту сторону, где когда-то находился наш батальонный госпиталь. Откуда-то с правого фланга доносились далёкие хлопки выстрелов, там, видимо, ещё продолжалась вялотекущая перестрелка. Но у нас, слава Богу, всё кончилось. Где-то там, вдалеке, на уже ничейной земле, мелькали серые силуэты в панике отступающих немцев. Прибывшие нам на помощь солдаты, все как один с мрачными, похоронными рожами, так неподходящими победителям, занимали позиции в полуразрушенных укреплениях. То тут, то там я видел санитарные

команды, выносившие из траншей убитых и раненых. Первых просто штабелями складывали где-то в сторонке, сил и времени, хоронить их, просто не было. Раненых же, по крайней мере, тех, кого можно было отличить от мёртвых, тащили на руках, носилок совсем не хватало, несли в тот же госпиталь, куда направлялся и я. Немногие из наших, кто мог ещё стоять на ногах то и дело останавливались и трясущимися руками закуривали, стараясь унять волнение.

До госпиталя я добрался, слава Богу, достаточно быстро и поэтому получил свой законный кусок бинта для перевязки. Мало того, мне даже наложили жгут, строго-настрого запретив отходить от госпиталя, пока его не снимут. Наблюдая за тем, сколько раненых приносят сюда каждую минуту, я понимал, что приди я чуть попозже, мог вполне себе остаться без помощи. Впрочем, имелось у меня подозрение, что вскоре и мне самому придётся пожертвовать свою нательную рубашку на бинты и подвязки. Груда стонущих и истекающих кровью только увеличивалась, а конца и края этим бедолагам видно не было.

Я, тяжело выдохнув, уселся прямо на землю. Стоять больше сил не было. В бою да, я практически не чувствую усталости. Но вот после сражения всегда накатывает. Ноги трясутся, руки дрожат, дёргается левое веко. После каждого боя так, ничего поделаться пока не могу. Обязательно трясучка начиналась. Особенность организма, ничего более. Зато, когда надо он не подводит. Работает как часы, не устаёт и не жа-

лается. Наверное, нужно просто время, чтобы окончательно привыкнуть к смерти, что то и дело проходит по касательной.

В таком состоянии меня и застал комиссар Алеутов.

– Ты как, Гришка?

– Ничего, нормально, товарищ комиссар. Сейчас чуть отдышусь – и снова бой, – выдавил я дрожащую улыбку.

Алеутов неплохой человек, даром что комиссар. Людей никогда почём зря не губил, относился по-человечески. Надо мной, можно сказать, взял шефство. В конце концов, в его батальоне я был единственный несовершеннолетний. Остальные как-то постарше. Оно и хорошо. Мне с матёрыми солдатами всегда спокойнее, чем со сверстниками. В конце концов, рядом с опытными бойцами шанс дотянуть до завтрашнего утра всё же больше, чем со вчерашними школьниками.

Единственной неприятной чертой в характере Алеутова была его чрезмерная политизированность. Я, конечно, понимаю, что политический офицер таким и должен быть, но здесь Александр Сергеевич частенько хватал лишку. Закоренелый коммунист, воевал ещё в Гражданскую. Верный кировец, идейный его последователь, наверное, самый преданный и фанатичный из тех, что я видел за всю свою жизнь. Тем больше его оскорбили события полугодовой давности. Настолько, что он чуть не пустил себе пулю в лоб, мы едва успели отобрать у него револьвер. Но оклемался и, хотя маршалов так и не простил, воевать продолжил, командовал ба-

тальяном с той же неукротимой энергией, что и раньше. Хороших офицеров у нас, по понятным причинам было не особо много, так что Алеутов выполнял обязанности комбата. И исполнял их неплохо, стоит сказать, сказывались характер и боевое прошлое. Хотя, впрочем, причём тут прошлое? Алеутов и эту войну прошагал с самого первого дня. И пыльные тропинки её довели Александра Сергеевича от Курска и Орла прямо под Пермь, к последней цитадели русской расы. Единственное, что командование старалось не подпускать наш батальон к белым частям. Хоть сегодня мы и воюем на одной стороне, Алеутов реагировал на своих бывших противников не совсем адекватно. Впрочем, его понять тоже можно. Хотя лично я всё равно не до конца принимал тот факт, что такой храбрый воин ставит идеологию выше кровного родства. Где сейчас, спрашивается, все те «славные» татарские, кавказские и казахские коммунисты? Не захватчикам ли сапоги лижут? А русские... русским отступить больше некуда. Русские все плечом к плечу стоят на бесконечно длинном фронте от Северного океана и до казахских степей. Белые или красные, да хоть бы и коричневые, разницы нет никакой. Кровь у нас одна. Как и Родина.

– Оружие-то держать сможешь? – спросил у меня комбат.

Я аккуратно пошевелил рукой. Болела, конечно, адски, но я чувствовал, что вполне способен нажимать ею на курок. Тем более, врач сказал, что ни сухожилия, ни кровеносные сосуды не задеты, так что заживёт всего через недельку.

– Смогу, – уверенно ответил я.

– Это хорошо, это очень хорошо. Отдыхай тогда, Гриша, отдыхай. Потому что, кажется, ещё не всё... – продолжил диалог Алеутов после недолгого молчания.

– Почему вы так думаете, товарищ комиссар? Мы их неплохо потрепали. Вон, танков сколько пожгли. Да и самой немчуры тоже нормально настреляли. Бегут так, что аж пятки сверкают. Сегодня навряд ли ещё сунутся.

– Хлопцев видишь, что подошли? – Алеутов указал ладонью на небольшую компанию солдат, явно из подкрепления, что кучковались недалеко от нас и гоняли одну сигарету на шестерых. Лица у них были, конечно...

– Ну и рожи, – прямо высказал я свою позицию.

– Вот и я о том же, Гришаня. Как на похоронах. После победы таких не бывает. Либо знают прекрасно, что сейчас ещё попрут, либо ещё на каком участке прорыв был. Только вот кажется мне, что никакого прорыва не было. Это их сюда вместе с нами умирать послали.

– Это вы мне скажите, товарищ комиссар, что же на нас сейчас должно такое пойти, чтобы дыры гвардейскими частями начали затыкать? – спросил я.

– Не знаю, Гришка, не знаю. Но чуёт моё сердце, что-то очень скверное назревает.

Это действительно было странно. То, что подошедшие нам на помощь соединения были гвардией, не так давно, кстати, сформированной было ясно по зелёному окаймле-

нию их погон. У Алеутова, кстати, из-за возвращения гвардейских частей случился небольшой приступ ярости. Ну конечно, «пережиток царизма», за что он, спрашивается, воевал? Хотя погоны Александр Сергеевич воспринял достаточно спокойно, лишь что-то недовольно пробурчав на этот счёт. Ну, тут сложно было нашему армейскому руководству возражать, погоны были гораздо более удобны, чем осточертевшие всем жуткие лычки на рукавах, из-за которых возникало столько неразберихи и путаницы. Тем более, у лычек теперь была совершенно недобрая память, связанная с маршалом Тухачевским – ярим поборником этого детища революции и фанатичным противником возвращения «золотопогонников» в армию.

Впрочем, от рассуждений о недавних реформах в Красной Армии, стоит перейти к проблемам насущным. Действительно, почему гвардия? И почему с такими мрачными лицами? Неужели и вправду – прорыв? Если уж сюда пригнали лучших из лучших...

– Товарищ командир батальона, товарищ командир батальона! – из раздумий нас вырвал звонкий голос одного из бойцов.

– Товарищ командир батальона! – продолжал надрывать голос, в обладателе которого, подбежавшего к нам, я опознал рядового Степнякова, моего сослуживца. Хороший парень, храбрый, хоть и немного глуповатый. – Разрешите доложить, там это, там... начальство.

Он сильно запыхался после быстрого бега и никак не мог отдышаться. Видать, кто-то по-настоящему важный приехал. И действительно, только сейчас я услышал тяжёлый рёв «Виллиса», припаркованного где-то рядом с госпиталем.

– Здравия желаю, товарищи бойцы, – чей-то громкий, хорошо поставленный командный голос заставил меня вздрогнуть.

Я обернулся, желая увидеть, кто именно из высоких чинов нагрязнул по наши несчастные души. Правда, как только я понял, кто стоит передо мной, я тут же вскочил, вытянувшись по струнке. Алеутов, заметивший нашего гостя на секунду раньше меня, тоже был на ногах, прикладывая вытянутую ладонь к виску.

– Здравия желаем, товарищ командарм! – разом рывкнули мы оба.

Наголо бритая голова, сильная выступающая челюсть и прищуренный взгляд умных и честных глаз. Дополняют картину генеральские погоны, тёмно-синий мундир и три человека свиты, двое из которых – личная охрана. Человек, которого я сотни раз видел на пропагандистских плакатах, и ни разу – в жизни. Герой Ворошиловграда и Горького. Генерал Конев.

– Не командарм, а генерал-лейтенант, – вставил свои пять копеек его ординарец – сухой поджарый майор, на полторы головы выше самого Конева. – Извольте обращаться по уставу.

Двое гвардейцев, стоящих по обе руки от генерала, недобро прищурились на нас с Алеутовым, давая понять, что, беря пример с этого дылды, готовы защищать честь своего командира от любых посягательств.

Со званиями действительно возникала ещё небольшая путаница. Со времени упразднения революционной ранговой системы и возвращения старых, дореволюционных званий, прошло не так много времени, так что многие солдаты, в том числе и мы с Алеутовым, продолжали ошибаться при обращении по уставу.

– Виктор Евгеньевич, успокойтесь, пожалуйста. Не тот случай, – резко осадил Конев своего вестового. – Вольно, бойцы.

Только теперь мы с комбатом позволили себе выдохнуть.

– Товарищ Алеутов, это, я так полагаю, вы? – он обратился к Александру Сергеевичу.

– Так точно, товарищ генерал! – чётко отрапортовал Алеутов, всё также, не убирая ладонь от козырька. – Алеутов Александр Сергеевич, комиссар Красной Армии, исполняющий обязанности командира семнадцатого пехотного батальона двести четырнадцатого краснознамённого пехотного полка имени Фрунзе, член партии! Товарищ генерал, разрешите доложить, приказ верховного командования выполнен. Позиция силами батальона удержана, потери личного состава составили...

– Тише, товарищ комбат, тише, – улыбаясь, успокоил Але-

утова Конев. – Вы не на докладе. А за выполнение задания хвалю. Мало того, могу поручиться в том, что ваши заслуги, как и мужество ваших солдат, не останутся без внимания верховного главнокомандующего. Так что, сверлите новую дырочку на погонах, товарищ комбат.

– Служу Советскому Союзу! – всё также, не меняя положения «смирно», гаркнул Алеутов. Служака...

– Я вот зачем прибыл, товарищ комбат, – у генерала на секунду мелькнули печальные нотки в голосе, но он быстро взял себя в руки. – Вашему батальону, ровно как и всему полку, приказано сняться с занимаемых позиций и отбыть к местоположению объекта сорок восемь. Ваши нынешние позиции займём мы, с вверенными мне подразделениями. Приказ понятен? Координаты объекта знаете?

– Так точно, товарищ генерал, координаты имеются... – ответил Алеутов, однако в его словах была явно слышна задумчивость, немой вопрос, который он не решался задать. Поэтому я, не страдающий особо чиновпочитанием, решил ему помочь.

– А почему гвардия, товарищ генерал?

Комиссар и ординарец одновременно резко зыркнули на меня, призывая к тишине, я же в ответ лишь невинно хлопал глазами, вытянувшись по струнке, всё также неотрывно глядя на генерала.

Конев печально улыбнулся мне.

– Чуть больше двух недель назад американцы объявили

операцию «Вашингтон», о чём и уведомили наше верховное командование. Мы же, в свою очередь, объявили начало операции «Гея». И если ты читал в школе мифы древней Греции, то поймёшь, что мы собираемся делать.

Мифы Древней Греции я не читал. Точнее читал, но ничего оттуда уже не помню. Война выбивает из памяти всё лишнее, отсекает всю шелуху, словно нож хирурга. Остаются только самые чистые и самые полезные знания. Как открыть консервным ножом банку тушёнки, правила сборки-разборки штатной винтовки, уязвимые места немецких танков. А сколько там было подвигов у Геракла – мне совершенно до лампочки.

Конев вздохнул, видя моё непонимание.

– Ты, солдат, небось наверняка знаешь слухи про «оружие возмездия»?

– Знаю, товарищ генерал, – скрывать было сложно, слухи такие действительно такие ходили. Только я в них не верил. Кто вообще в здравом уме поверит в один-единственный агрегат, способный одним махом выиграть безнадёжно проигранную войну? Особенно, если это, как говорят длинные языки, будет огромный танк, который не взять ни одной пушкой. Или самолёт, который летает без пропеллера, за счёт какой-то только реактивности. А ещё про чудо-бомбу говорят, она, мол, способна за один раз целый город уничтожить. Бред сивой кобылы. Особенно бомба. Вот бомба – это совсем анекдот.

– Ну, так вот, считай, что слухи подтвердились. Через три часа мы ожидаем генеральное наступление немецких войск по всему уральскому фронту. Решающее. Вермахт хочет окончательно раздавить наше сопротивление и выйти к Свердловску на соединение с японцами. Тем более, после того, как вы утёрли им нос, к желанию закончить войну прибавится ещё и жажда мести. И мы эту жажду хорошенько так подогреем, – генерал кинул заинтересованный взгляд на радиостанцию, которую двое бойцов разворачивали в десятке метров от нас. – Так что через три часа ждёт гостей. А ещё через пять операция «Гея» вступает в свою финальную фазу. Ты спрашивал, зачем нам здесь гвардия? Так вот, я тебе отвечаю: гвардия нужна для того, чтобы умирать и побеждать. И сегодня, на этом самом месте, она свой долг исполнит.

Он резко повернулся к Алеутову.

– Соберите своих людей, комбат, и очистите занимаемые позиции. Вы сами всё слышали, времени, чтобы добраться до объекта у вас не так уж много, всего пять часов, так что я бы предложил вам поторопиться.

– Товарищ генерал, а не можем ли мы... все мои люди пойдут добровольцами... – начал было комиссар, но Конев резко прервал его.

– Не можете, товарищ комиссар, приказ командования на этот счёт предельно ясен. Тем более, то, что мы здесь сделаем, всё это будет ради них, – он указал на меня. – Ради тех, кто ещё будет. Дадим им хоть один, призрачный шанс, пра-

вильно ведь? Так что уводите пацана, а заодно и всех своих людей. Сегодня потерь будет не больше, чем необходимо.

– Вас понял, товарищ генерал. Разрешите приступить к выполнению приказа? – Александр Сергеевич снова взял под козырёк.

– Разрешаю, товарищ комбат.

Не успел Конев закончить фразу, а Алеутова уже и след простыл. Наш деятельный комиссар побежал раздавать указания. Военное управление было полностью его стихией, и в этом деле он чувствовал себя, как рыба в воде. Я же остался стоять, растеряно глядя на генерала.

Значит, это не сказки? Оружие действительно существует?

– А ты чего стоишь, рядовой? Не слышал указаний?

– Слышал, товарищ генерал.

– Ну, так вперёд. Иди, парень, иди, собирайся. Зайди в госпиталь, пусть тебе жгут снимут. А то потом в суматохе забудешь, не дай Бог до гангрены доведёшь. Дорога вам предстоит неблизкая, а времени мало. Иди, солдат... и помни нас.

* * *

Самолёты мы слышали часа через четыре, после того как вышли по направлению к объекту. Алеутов уверенно вёл нас вперёд, он, как оказалось, прекрасно знал и дорогу, и направление. Наш комиссар как раз громко уточнял, что мы про-

шли примерно две трети пути, когда в небе над лесной чащей лениво и обречённо прополз чёрный силуэт бомбардировщика «Пе-8», окружённого стайкой шустрых истребителей. Шёл он, как и вся ватага, медленно, спокойно и рассудительно, будто понимал, что спешить ему туда, куда он направляется, смысла нет. Там кипит бой, да, бой страшный и кровавый, где каждый из наших бойцов ходит между жизнью и смертью. Вот только, когда над полем брани появится его крылатая фигура, никакой жизни там больше не будет.

Самолёты медленно плыли на запад...

Весь наш батальон, как один, задрал головы и провожал взглядом эту благородную, стальную птицу, несущую свой смертоносный груз. Но та смерть, та необратимая страшная гибель для одних, станет спасением, отблеском надежды для миллионов других. Для жён и матерей гвардейцев Конева, что сейчас ведут безнадёжный бой в изрытых пулями и снарядами траншеях. Для детей, младших братьев и сестёр тех солдат, что сейчас по всей длине фронта сдерживают неотвратимое, механически-расчётливое немецкое наступление. Для престарелых отцов тех мальчишек, что в свои двенадцать лет вынуждены стоять две смены подряд за заводскими станками, производя оружие и танки для Красной Армии. И если спросить у тех солдат, что сегодня сменили нас на переднем крае обороны, что они выберут: свою жизнь или эту слабую, едва тускнеющую надежду для миллионов других их соотечественников, ответ их будет очевиден.

Впрочем, скоро у наблюдаемых самолётов появилась компания. То тут, то там, по всей длине горизонта, небо заволакивали всё новые и новые эскадрильи, сопровождающие, каждая по одному, а то и по несколько стратегических бомбардировщиков. Кажется, сегодня Новиков решил поднять в воздух всё, что у нас ещё могло летать.

Я едва успел подумать: «Значит, всё-таки бомба...»

А потом началась гонка. Гонка, которую я никогда в своей жизни не забуду.

– Батальон бего-о-ом! – заревел, словно воздушная сирена, Алеутов.

И мы рванули. Все как один, убегая от страшного, нечеловеческого пожара. От лютой смерти, которая была уготована генералу Коневу и всем его солдатам. Солдатам, что сейчас отдавали свои жизни ради того, чтобы жили мы. И мы, в свою очередь, в благодарность к ним, во имя самой памяти о них, не имели право этой подаренной нам жизнью пренебрегать.

Бежать быстрее, ещё быстрее. Бежать по-животному, по-дикому, едва не вставая на четвереньки. Перепрыгивать корни и коряги, огибать вековые деревья. Мимо лишайника, обволакивающего древний мокрый камень, подобно зелёному ковру. Мимо едва заметной звериной тропки, мимо лесного ручья и раскидистого дуба, непонятно как выросшего посреди соснового бора. Только вперёд, не сбавляя темп, не останавливаться ни в коем случае.

Наш батальон неожиданно вылетел на лесную поляну.

Точнее сказать, это было солидных размеров поле, по непонятной усмешке природы вырвавшее место для своих весенних трав у векового леса. Со всех сторон оно было окружено деревьями и понятно было, что здесь путь наш отнюдь не кончается. До неведомого мне объекта было ещё далеко. Но, тем не менее, мы сделали секундную передышку, на мгновение замерев всем подразделением и разглядывая открывшийся нам простор.

В тот же миг нас потрянуло. Мы услышали взрыв, похожий на гулкий, почти подземный хлопок, как будто где-то недалеко от нас проводились горные работы. Вот только, никаких работ рядом с нами. А было лишь действие неведомого нам оружия на расстоянии десятков километров от нас.

Через секунду задрожала земля, заставив многих из нас упасть на колени. Небеса вспыхнули, как будто на них зажгли ещё одно новое солнце. К чёрту, какое новое солнце?! Тысячи новых солнц! Всё это время между наших рядов бегал Алеутов и орал: «Не смотреть, не смотреть! В землю! Всем уткнуться в землю!» Многие, наверное, в страхе за свою жизнь так и делали. Но не я. Я неотрывно смотрел на поднимающееся из-за деревьев огромное ревущее пылевое облако, оставшееся от взрыва и более всего напоминающее своей формой шляпку гриба. Я видел, как тучи пепла медленно закрывают своей массой свет настоящего, весеннего солнца, от чего оно чернеет до цвета копоты, цвета мрачных крематориев лагерей смерти, цвета эсесовских мундиров. И

в тот момент я понял, отчётливо и ясно понял, что вижу свет нового для себя светила. Солнца, которое на годы, если не на десятилетия и века, почернело для моего народа.

Меня зовут Григорий Иванович Отрепьев. Мне шестнадцать лет. И сегодня я смотрю, как чёрное солнце Нового Порядка восходит над моей страной. Сегодня я вижу новую зарю, которую не забуду никогда...

Глава вторая

Клятва

*«Возьмите тогда глаза мои,
Возьмите тогда глаза мои
Возьмите тогда глаза мои,
Чтоб они вас впредь не видали.
Нам уже не нужны глаза твои,
Нам уже не нужны глаза твои,
Побывали уже в глазах твоих
И всё что нам нужно взяли.»*

Чёрная Армия, окрестности Нижнего Тагила. 27 ноября, 1961 год.

Меня зовут Григорий Иванович Отрепьев. Мне тридцать три года. И я помню свою Клятву:

«Я верю, прежде всего, в Россию: единую, неделимую, непобедимую...».

Сегодня нас опять подняли по тревоге. Радарная станция около Серова засекала неопознанный летательный объект где-то над горами. Судя по всему – самолёт-шпион. Как всегда: либо немецкий, либо японский. А мы с такими особенно не церемонимся. Теперь сбитый аппарат лежит где-то в горах, а на нас, как на группу быстрого реагирования, возложена задача отыскать место падения. Впрочем, искать там почти нечего. Падающий самолёт вели чуть ли не по пя-

там и поэтому, место его пребывания известно сейчас чуть ли не с точностью до нескольких метров. Так что наше дело маленькое – прибыть на место, выставить оцепление и провести первичный допрос пленного лётчика, если, конечно, осталось что допрашивать. Обычная работа, почти рутина, я такими вещами занимался уже не раз и не два.

«...Я верю в свою собственную силу и в силу и мужество моих товарищей».

– Здравия желаем, Григорий Иванович! – Зверюганов приветствует меня, едва я появляюсь в тесном и пыльном кузове грузовика.

– Привет, Фёдор, привет, – я, в знак приветствия, ударяю об его протянутую ладонь своей.

– Григорий Иванович, вы знаете, что там?

В иерархии организации, в которой мы оба служим, моё положение выше, чем его. Собственно говоря, я являюсь его непосредственным начальником, как являюсь непосредственным начальником ещё девятнадцати балбесов, сидящих с ним в одном кузове. А все вместе мы – оперативное подразделение «Стальной руки», внешней и внутренней разведки Чёрной Армии.

Я вновь вытаскиваю половину своего несчастного туловища на холод и ветер, царящий за бортом, отодвигая при этом край тента и впуская мороз внутрь, ко всеобщему неудовольствию моих подчинённых. Махаю рукой в чёрной вязаной варежке, привлекая внимание водителя. Мы больше нико-

го не ждём, и грузовик резко трогается, едва не выбрасывая меня на белоснежное покрывало. Лишь чудом мне удаётся удержаться и не уронить ни себя, ни свой авторитет в глазах солдат.

– Самолёт сбили, – обернувшись, ответил я на вопрос Зверюганова. – Нас посылают проверить.

На его лице сразу же отразилась вся скука и тоска от полученного известия. Действительно, какой нормальный человек станет радоваться рабочей рутине?

– А чей самолёт-то? – поинтересовался кто-то из солдат. Кто именно, я понять так и не смог, как раз в этот момент грузовик подпрыгнул на очередной кочке, смазав для меня лицо спрашивающего.

– Пока неизвестно. На позывные не отвечал ни на одном из языков.

– Это что же получается, товарищ капитан? Хотите сказать, что здесь ещё кто-то летает, кроме япошек или немчуры? Может быть, у степняков самолёты появились? – взрыв грубого, солдатского хохота был для шутника более чем удовлетворительным ответом.

– Доедем до места, Добровольский, ты мне лично доложишь, что за модель самолёта и из какой страны оный аппарат прилетел. Доклад сделаешь на казахском, – мстительно добавил я.

Добровольский аж обалдел. Двухметровый, с огромной, по-русски пышной русой бородой, казахского он в жизни не

знал, а летать боялся. На каждого же степняка, которому не посчастливилось оказаться в его поле зрения, зыркал так су-рово, что тот, несмотря на весь свой буйный кочевой нрав, старался как можно дальше убраться от недоброго взгляда этого громилы. Учитывая непростые отношения Чёрной Армии с казахским населением, удавалось это далеко не всегда. Видимо, были у Добровольского какие-то свои счёты с каза-хами. Впрочем, он об этом не распространялся.

На самом деле, было над чем задуматься. Как говорил когда-то Александр Сергеевич Алеутов: «В каждой шутке есть доля шутки и доля военной тайны». Парни были пра-вы, авиация в регионе была только у немецкого рейхскомис-сариата и Новосибирской республики, марионеточного госу-дарства японцев. Мы же были зажаты с обеих сторон эти-ми двумя колоссами, не в силах продохнуть и толком раз-вернуть наши немногочисленные военно-воздушные силы. Но они у нас всё равно были. Парочка трофейных немецких вертолётов и два десятка реактивных самолётов собственно-го производства и куча бесчисленного хлама времён Послед-ней войны, абсолютно на сегодняшний день бесполезного. Их наличие, правда, ничего не решало. Едва мы попробуем поднять их в воздух, как коршуны престарелого, разжирев-шего, но всё такого же боевитого Германа Геринга разорвут наших ребят в клочья.

Мир шагнул далеко вперёд с тех самых пор, как мы на-несли атомный удар прямо по гвардейцам Конева. Очень да-

леко. Теперь немцы утюжили то немногое, что осталось от России ракетами «воздух-земля», выпускаемыми с реактивных штурмовиков и заливали наши города напалмом, сбрасываемым с таких же современных бомбардировщиков. Нам же оставалось лишь по мере сил огрызаться на бесконечные бомбёжки и всеми силами стараться развернуть собственное производство военной техники. Получалось, надо сказать, с трудом. Слава Богу, хоть на восточной границе было всё спокойно. Японцы, откусившие от России во время Последней войны всю Сибирь вместе с Дальним Востоком, на этом успокоились и, в отличие от немцев, нас авианалётами не дожимали. Даже шли на какой-никакой контакт, именно через границу с их марионеткой – Новосибирской республикой, в Чёрную Армию шёл поток контрабанды.

Оставались, правда, ещё казахские степняки, скатившиеся после развала Союза, до состояния анархических кочевых племён. Но их в расчёт и не стоило брать. Там не то что до авиации, до государства в принципе было ещё очень далеко.

Подвинув Зверюганова, я сел на деревянную скамейку, прибитую вдоль стенки грузовика и, откинувшись назад, поддался размышлениям. Границы Чёрной Армии беспокойны, это факт. Немецкие рейды, японские солдаты, бряцающие оружием (больше для виду, понятное дело), набег степняков и просто шайки бандитов, рыскающие то тут, то там в поисках наживы. Всё это было, всё это понятно. Но вот неопознанного самолёта мы не сбивали ещё никогда. Всегда

было понятно, чей он, хотя бы по предсмертным воплям в эфире. А тут же...

«Я стою за живых, и за честь мёртвых. За те поколения, что были, и за те, что будут...».

Грузовик остановился около горного КПП примерно через полчаса езды. Мы мгновенно выгрузились из него. У обычных солдат, если кто видел, такие действия занимают относительно много времени и часто бывают очень неуклюжими. Мы же всё сделали быстро, чётко и аккуратно, меньше чем за минуту рассыпавшись полукругом вокруг машины и зорким взглядом осматривая местность. Правда, если говорить начистоту, не совсем зорким. Самым слабым звеном в этой цепочки был, конечно же, я со своей близорукостью. Тем не менее, за годы практики я научился худо-бедно справляться и с этим недугом, так что мои соратники могли со спокойной душой на меня положиться.

Впрочем, на этот раз всё было тихо. Противника, как и ожидалось, в округе не было, а небольшой охранный пост был полностью под нашим контролем, что подтверждал молоденький рядовой, выпорхнувший из тёплого, протопленного помещения на зимний сибирский холод и рассматривающий нас широко распахнутыми глазами.

– В-вы... вы из разведки, да? – слегка запинаясь, обратился он ко мне.

– Вольно, рядовой, – я обратился к нему по уставу. Парня необходимо было привести в чувство, а ничто не способ-

ствуует хладнокровию больше, чем чёткое следование установленным правилам. – Оперативное отделение внешней и внутренней разведки Чёрной Армии, капитан Отрепьев. Доложите обстановку.

– А... а, да, так точно, товарищ... э-э-э, капитан, – ответил он, разглядывая мои погоны. На самом деле, у нас в «Стальной руке» своя система званий, по которой, если переводить на армейские ранги, ко мне следовало обращаться «товарищ полковник». Впрочем, бедному солдатику об этом знать было не обязательно. Он и так сильно теряется от волнения.

– Ваши люди уже здесь, они недавно прибыли. Спросили меня, не видел ли я падавший самолёт. Я сказал, что видел, и указал сторону, в которую он летел. Они сказали, чтобы я дождался вас, а потом послал следом.

«Мои люди»? «Послал следом»? Это что ещё за фокусы? Все «мои» ехали со мной в одном кузове, и опередить меня уж никак не могли. Следовательно, это какие угодно «чужие», но уж никак не «мои». И хорошо, если эти чужие носят мундиры Чёрной Армии, а не какую-нибудь форму цвета фельдграу...

– Ну, и куда же «мои люди» пошли? – не скрывая иронии, спросил я.

Солдатик, впрочем, сарказма не почуял и бодро отрапортовал:

– На четырнадцатый перевал, товарищ капитан! Ваши люди отправились на четырнадцатый.

Сказал так, будто я все здешние медвежьи углы знаю...

– Показывай, где дорога на четырнадцатый, – сухо приказал я рядовому.

«...Когда придёт час отмищения, я встану плечом к плечу со своими товарищами, без страха встречу со своим кровным врагом и поставлю свой народ превыше собственной жизни».

А вот и «чужие».

– Здорово, Гром, – подойдя со спины, поприветствовал я крупного, широкоплечего мужчину в серой шинели.

– Здорово, Анафема, – крепкое рукопожатие было ответом на моё приветствие.

Гром – это от фамилии. А так на самом деле он Василий Андреевич Громов, сын белоэмигранта, уехавшего из России после Гражданской. Родился Гром в Париже, в двадцать пятом году. Его отец был одним из тех немногих русских, кто содержал свои капиталы в иностранных банках и после своего бегства не работал ни в такси, ни в книжных издательствах, совершенно не нуждаясь в средствах. Мальчик получил прекрасное образование, объездил всю Европу и Северную Америку, собственными глазами видел Рим и Брюссель, Лондон и Берлин. По его словам, отец пророчил ему блестящую карьеру юриста, которую на корню загубили немецкие танки, растоптавшие и смявшие французские войска летом сорокового года. Его семье пришлось бежать в Британию, которая, впрочем, тоже вскоре пала. Вася, правда, этого уже не

увидел. Ещё в сорок втором, когда англичане из последних сил отражали разрушительные бомбардировки Люфтваффе, он, приписав себе в документах лишний год, вместе с другими белыми солдатами прибыл в Архангельск. Белые бригады... спустя двадцать лет после обидного и горького поражения, спустя двадцать лет кромешного красного террора, унижений и оскорблений, эти люди нашли в себе силы прийти на помощь своей обливающейся кровью Родине. Родине, которая отреклась и плюнула в лицо своим самым доблестным и верным сыновьям. Это был величайший акт единения нашего народа. Два непримиримых соперника – Белая и Красная армии, маршировали вместе, плечом к плечу, по улицам древнего северного города. А женщины, которые в силу военного положения, были чуть ли не единственными зрительницами этого величественного шествия, плакали и падали на колени от радости. Правда, даже помощь белогвардейцев не смогла спасти Россию. Немецкие «панцеры» уже колесили по Невскому проспекту, а свора коллаборационистов вывозила русские богатства из Эрмитажа. Уже была почти взята в окружение Москва, а Киров метался из стороны в сторону в своем рабочем кабинете в Куйбышеве, не зная, что предпринять. Впереди было падение Ворошиловграда, газовая атака под Чебоксарами, знаменитый сентябрьский переворот, совершённый нашим же высшим генералитетом, и горькая победа весной сорок пятого, что досталась нам такой огромной ценой, но дала шанс на выживание. Впереди были одни лишь

поражения и растоптанные надежды. Но в тот момент, маршируя по ледяным улицам Архангельска, Вася был счастлив. Счастлив, как никогда в жизни. Так он сам мне говорил.

А моё же прозвище, Анафема, это от имени-фамилии. Григорий Отрепьев, беглый монах, выдававший себя за невинно-убиенного царевича Дмитрия. Гришка Отрепьев. Анафема. Всё просто. Интересные у меня, конечно, были родители...

– Что происходит? – спросил я у Громова.

– Чёрт его знает, Гриш, зенитчики сбили самолёт, а нам расхлёбывай. Ай, чего я распинаюсь, ты, небось, ситуацию лучше меня знаешь, с поправкой на твоё ведомство. Самолёт на позывные не отвечал, во время падения идентифицировать не удалось. Вот всё, что знаю.

– Личные соображения имеешь?

– А что личные соображения? Сами только приехали. Мы с ребятами в патруле были, получили приказ выдвинуться на место происшествия. Чутка опередили вас. Вот, собственно и всё.

– А самолёт где?

– Да вон, в низине валяется, – Громов одной рукой показал на место крушения, другой же – зажал нос и смачно сморкнулся, едва не высморкав вместе со всей гадостью собственные мозги. Да, от белоручки, сына белогвардейца, не осталось и следа.

– И чей он?

– Да хрен его, прибуду, знает. Свалился, мля, на нашу голову. Одно точно могу сказать: ни свастики, ни красно солнышка я на нём не вижу.

«Красно солнышко», так шуточно солдаты называют флаг Японской империи, который лепился в стране восходящего солнца на все виды вооружения и военной техники. Японцы настолько сильно гордятся своей продукцией, что заранее, ещё до выполнения ею очередного трудового подвига, стараются выставить на ней собственное клеймо. Впрочем, зря стараются. Хвалёное японское качество – лишь фикция и откровенное враньё. Возможно, когда-то, в годы Последней войны слова «Мицубиси», «Кавасаки» и «Накаджима» что-то и значили, но теперь их товары, как и товары многих других дзайбацу, покупают лишь отсталые марионеточные государства самой Японии, как например та же Новосибирская республика или Мэнцзян в Монголии, где развернуть собственное производство просто невозможно.

Самолёт лежал недалеко от нас, всего метрах в двухстах. Лично я не особо понимаю, как ему удалось упасть в высокогорную низину, не развалившись при этом на кучу обломков и не смявшись в тонкий блин металла. Наверное, просто повезло. Такое тоже иногда случается в нашем беспощадном мире.

Впрочем, со словами Громова я согласился сразу же после беглого осмотра. Не японец и не немец. В этом я точно могу поручиться, так как знал матчасть всех самолётов-разведчи-

ков обеих сверхдержав на зубок. Собственно говоря, другого от моей профессии не ждут.

Сам же аппарат представлял вытянутый, остроносый фюзеляж, переломившийся на две неравные части и выкрашенный в сине-серый пятнистый камуфляж. Крылья, которые, в свою очередь, отвалились от корпуса и кусками валялись по всей заснеженной низине, были непропорционально длинными. В задней части фюзеляжа виднелось смятое падением отверстие, из которого медленно вытекала какая-то вязкая жидкость. Самолёт был реактивным.

– Надо проверить, – внёс я очевидное предложение, закончив осмотр.

– Понятно, что надо, я и сам хотел сходить, – ответил Громов из-за спины.

– Так, а чего же не сходил? – удивлённо спросил я.

Я уже встречался с Громовым раньше, и встречался достаточно часто. Это, можно сказать, был мой единственный друг, если у меня вообще могут быть друзья в обычном человеческом понимании. Вася был очень деятельный и инициативный командир. Умный, по-настоящему талантливый в военном деле, он являлся, к тому же, невероятно выносливым, стойко переносил все походные тяжести и лишения. Свою дополнительную офицерскую пайку никогда втихаря не жрал, всегда делился ею с обычными солдатами. Единственное, что мешало ему к своим тридцати шести годам уже командовать дивизиями и сидеть с важным видом за

штабными картами, так это его независимость и абсолютное отсутствие чиновничества. Воспитанный в семье белоэмигранта и получивший прекрасное образование, он так и не избавился от привычки смотреть на нас, пролетариев, чутка свысока. А следовательно, иногда позволял себе в разговорах со старшими по званию очень много вольности. Особенно страдал он от этого в годы войны, когда рядов Красной Армии ещё не коснулась живительная жуковская чистка, и офицеры, воспитанные революцией, гнались за формой, а не за содержанием. Один раз, по словам самого Громова, его едва не расстреляли, но спасло заступничество высокопоставленных белых офицеров, которым импонировал храбрый и способный юноша, и с мнением которых руководство Красной Армии было вынуждено, скрипя зубами, считаться. Потом, уже в Чёрной Армии, Вася сам отказался от майорских погон, предпочтя всё также бегать по Уральским горам вместе со своим отдельным батальоном сибирских стрелков, многие из которых прошли вместе с ним его трудный путь: от архангельских портов, до сибирских снежных пустошей. Впрочем, лично я считаю, что по Громову штабное кресло всё-таки плачет. Слишком уж он умный для простой солдатской полевой работы. Мне бы, например, куда спокойнее было, если бы этот талантливейший командир не по горам скакал, а занимался чётким и скрупулёзным планированием операций, заменив собой, молодым и энергичным, дряхлеющих командиров Последней войны, что так и просиживают

штаны по генштабовским кабинетам. Вася, впрочем, и сам это прекрасно понимал и, как я слышал краем уха, постепенно поддавался на уговоры заняться, как он выражался, «бу-магомарательством».

Тем необычнее была его робость в деле осмотра самолёта. Раньше он никогда бы не упустил возможности вырвать первенство и утереть мне нос.

– Отрепьев, я откуда мог знать, что за самолётом явишься именно ты? Если бы твоё высочество нижайше соизволило меня предупредить, я бы его уже, конечно же, на металлолом разобрал. А так... неопознанный самолёт, знаков отличий нет, модель мне неизвестная. От него вашей «Стальной рукой» пахнет за версту. А я, сам знаешь, в дела разведки не лезу. Себе дороже обычно выходит. Так что давай-ка ты сам с ним разбирайся. Если мне не прикажешь, конечно. Моё-то дело маленькое: я на место прибыл, проконтролировал, чтобы никакой зондеркоманды из самолёта не вылезло, а теперь со спокойной душой передаю его тебе в руки. Дерзай.

«Я буду щитом и мечом России, с помощью которого будет вершиться правосудие за всех павших».

– Командир, давайте я, – несмело предложил Добровольский.

– Отставить, я сам пойду. Прикрывайте меня, – приказал я и начал свой спуск к обломкам самолёта. А что было делать?

Уральские горы – не такая уж непреодолимая преграда,

как рисует их военная пропаганда рейха, оправдывая поражения собственных вооружённых сил. Это горы, да, и они, как и всякие горы, таят в себе опасность. Каждый миг под твоими ногами рискует проломиться корка льда, каждый камень, на который ты ступаешь, готов сорваться вниз. Но всё же, эти горы проходимы. При должной сноровке – даже без специального снаряжения.

Спуск, слава Богу, вышел коротким. До места падения было действительно недалеко. Оказавшись в низине, я помахал рукой своим товарищам и, взяв наизготовку автомат, начал потихоньку приближаться к самолёту. Пожара не было, как ни странно, а все огнеопасные жидкости, какие в этом аппарате могли быть, давным-давно уже перемешались с холодным снегом.

Когда стекло в кабине пилота резко отскочило вверх, я едва не выстрелил от неожиданности. Такое бывает, подумал я, автоматика сработала, хоть и запоздало. Правда, вслед за стеклом, из кабины выбралось человеческое тело, облачённое в слегка мешковатую форму пилота и гермошлем с чёрными непрозрачными очками.

Надо же, пилот всё-таки выжил. Правда, наслаждаться, к его несчастью, он эти фактом будет недолго. Это, скорее всего, немец. Японцы обычно ниже ростом, да и телосложение у них немного другое. Нет, стопроцентный немец. Значит, дело ясное: допросить прямо здесь, в том самом КПП, у которого мы недавно останавливались, а потом в расход.

– Please, don't shoot! Bitte, nicht schießen! – заорал вдруг пленник, глядя в тёмное дуло моего автомата и поднимая руки.

Так.

Ну, допустим, «нихт шиссен» я понял, что такое. А первая часть предложения?

Нет, догадаться по смыслу, конечно, можно. Но это точно не немецкий. И не японский.

– Командир, вы в порядке? – подбежав, спросили меня Зверюганов и Добровольский. Бойцы запыхались, и было видно, что они поспешили ко мне на выручку, едва увидели, как от самолёта отделяются его составные части.

– Я-то в порядке. А вот у этого парня проблемы, – дёрнув стволом, я указал на пилота, которому явно становилось зябко в своей, прямо скажем, несезонной одежде.

– Please... – уже жалобно пробурчал сквозь завесу гермошлема пленник, сделав неуверенный шаг вперёд.

А вот этого делать не стоило.

– Stehen! – заорал я, пуская автоматную очередь прямо ему под ноги. Незнакомец тут же застыл как вкопанный.

Он и дальше что-то лопотал, но я его уже не слушал. Всё моё внимание было сконцентрировано на мушке прицела, словно вокруг меня кипел бой. Я был готов ко всему: любое движение, любой шорох, любое непонятное действие, и наш пленник тут же был бы продырявлен насквозь очередной очередью. В этот момент к нам и подошёл Громов.

– Гриша, что тут у тебя твориться? Мы слышали выстрелы.

– О, Гром, вот ты мне как раз и нужен. Ты у нас образованный, скажи, на каком языке он болтает, я что-то не пойму.

Вася начал перечислять:

– Geben sie ihren Namen und Titel an! Anata no namae to katagaki o nobe nasai! State your name and military rank!

Последнее предложение пилоту, видимо, было знакомо. Он быстро закивал своей огромной из-за надетого шлема, похожей на стрекозину, головой.

– Capitan Gary Powers, United States air force. Where I am?

Громов хохотнул. Затем, после пары секунд тишины, он издал ещё один смешок. А затем плотину прорвало. Он хохотал, не останавливаясь, минут пять, а на его скуластом, небритом лице выступили слёзы. Мы с ребятами изо всех сил пытались его успокоить, но ничего не помогало. Пленник, сняв к тому времени гермошлем, всё также стоял в стороне и растеряно улыбался, дрожа от холода.

– Громов, твою мать, да что с тобой такое! – не выдержав, я вмазал ему по щеке. Не так сильно, как мог бы, но это всё равно привело его в чувство.

– З-з-зенитчики хреновы... а-ха-ха, Господи Боже, – Гром никак не мог взять себя в руки. – Зенитчики, стража небесная, защитнички наши, американца сбили.

Чего?!

– Вася, дорогой, а объясни мне, пожалуйста, какого хрена

американец делает посреди Сибири в целом, и в воздушном пространстве Чёрной Армии в частности?

– А я, дорогой мой, понятия не имею, какого хрена американцы делают в нашем воздушном пространстве. Вот что-то, а это уж точно вашего ведомства дело, не моё.

– Ну так нужно поинтересоваться, – зашипел я Васе на ухо. – Ты здесь, блин, единственный грамотей, один на весь отряд его язык знаешь. Ну, так и проведи процедуру первичного допроса. С моей санкции.

– А-ха-ха, «с моей санкции», – передразнил он меня. – Господи, идиоты.

– Эй, ты, – он обратился к сбитому лётчику. – Ком ту ми...

Пилот послушно подошёл, и у них с Васей завязался диалог. Громов что-то постоянно спрашивал, улыбка не спадала с его лица, а пилот, улыбаясь в ответ, ему отвечал. Весь их разговор продлился минуты три, и всё это время мы, мои люди вперемешку с людьми Громова, стояли полумесяцем вокруг этих двоих, натянутые как струна и готовые в любой момент применить оружие. А Вася всё улыбался, будто не замечал нашего полубоевого построения. Если этот парень сейчас не думает о том, какие эти русские добрые и улыбочивые парни, то я честно не знаю, чем забита его голова.

Наконец, Громов подошёл ко мне.

– Это американский лётчик. Зовут его Гэри Пауэрс. Вылетел с базы в Гренландии и выполнял задание по аэрофотосъёмке позиций немцев под Архангельском.

– Под Архангельском? – удивлённо спросил я.

– Под Архангельском, – подтвердил Гром.

– Это хорошо, что под Архангельском, это может... ладно, продолжай.

– Так вот, на середине полёта он сбился с курса, собирался, используя ориентир в виде Кольского полуострова, повернуть обратно и лечь на курс возвращения. Но немного не рассчитал и вместо запада полетел на восток. Запаса топлива у таких самолётов, как я понял, немерено, поэтому и дотянул до нас. А тут уж мы его и приняли.

– А на позывные почему не отвечал?

– А как он, по-твоему, ответит, если у него рация совершенно на другие частоты настроена? Наши же наверняка только по немецким да по японским давали сигналы. Естественно он нас не слышал ни хрена.

– Тьфу ты, Господи, придурок. Сотрудничать хоть готов?

– Готов, только он нас, походу, за немцев принял. Пару раз он на их язык переходил, пистолет свой мне сдал и монетку серебряную, с ядом. Говорит, там внутри иголка, он уколотся должен, если в плен попадётся. Сказал, что готов передать нашему командованию все им сделанные фотографии, лишь бы ему домой разрешили вернуться.

– Вот собака! – в сердцах воскликнул я.

– И не говори, – согласился со мной Громов.

– Пойдём, огорошим предателя? – с улыбкой предложил я.

– Ну, пойдём, – с ехидцей в голосе согласился Громов.

Уже подходя к пилоту, я спросил:

– Как «Россия» будет по-американски?

– По-английски, балда. «Раша» будет.

Подойдя к Гэри Пауэрсу, радующемуся тому факту, что его, похоже, не будут сегодня убивать, я хлопнул его по плечу с такой силой, что он аж пошатнулся, и, собрав все свои знания английского в кулак, сказал:

– Велком ту Раша.

На его лицо любо-дорого было посмотреть. Брови поползли наверх, челюсть предательски отвисла, а глаза вылезли из орбит.

Зло сплюнув, я продолжил:

– ...точнее в то, что от неё осталось.

«Я даю эту клятву моей священной Родине!»

* * *

Новосибирская республика, Новосибирск. 20 декабря 1961 год.

Валерий внимательно наблюдал, как паровоз, шумно выдыхая облака пара из своего чёрного, как смоль, тела, прибывал на перрон. Состав пришёл с опозданием, и в один момент Валерий уже было заволновался, не случилось ли чего. Потому что в случае каких-либо неприятностей, карьере и свободному существованию Саблина пришёл бы конец. Как,

впрочем, и жизни.

Паровоз напоследок щёлкнул своими несмазанными колёсными тормозами и остановился. С грохотом открылись двери вагонов, наружу повалили пассажиры. Не сказать, чтобы их было много: хоть юг и жил богаче, чем работники северных предприятий, поездку на поезде всё равно мало кто мог себе позволить. Даже у Саблина – преуспевающего, в общем и целом, клерка, окончившего, помимо восьми школьных классов ещё и юридическое училище, денег на такое дорогое предприятие не водилось. Поэтому он ничуть не удивился, когда увидел, что с поезда сходят в основном японские солдаты, одетые в свою зелёно-коричневую форму, и японские же управляющие, наверняка возвращающиеся с севера после инспекций. Впрочем, среди этой массы роскошных азиатских глаз было и одно белое, вполне европейское лицо. Оно принадлежало щупленькому мужчине, примерно тридцати лет, с ясно-голубыми, бегающими глазами. В руках мужчина держал чёрный дипломат, не так давно вошедший в моду в Америке и без которого портфельные инвесторы теперь не видят смысла в жизни. Собственно говоря, на портфельного инвестора он больше всего и смахивал.

«Мой пассажир», – подумал Саблин и, скользя сквозь людской поток, направился к европейцу.

Мужчина слегка дёрнулся, когда Валерий, ловко вынырнувший из толпы, подхватил его под локоть. От Саблина не укрылось резкое движение иностранца, будто его новый

знакомый собирался потянуться за пазуху, но опомнился, вспомнив что-то важное, и одёрнул руку. Валерию оставалось только улыбнуться. В Сибири гайдзинам уже как шестнадцать лет не разрешается носить оружие, так что белому другу придётся избавляться от своих канзаских привычек. Впрочем, почему именно канзаских? На Хоккайдо ведь тоже можно свободно таскать пистолет за пазухой...

– Приветствую, – поздоровался Саблин, отводя незнакомца в сторонку, прямо к стенке небольшого двухэтажного обшарпанного здания, выполняющего функцию зала ожидания.

– Здравствуйте, – вежливо, хотя и недоверчиво ответил на приветствие «инвестор».

– Я полагаю, вы прибыли от наших общих друзей, правильно? – улыбаясь, продолжал знакомство Саблин.

До его собеседника наконец-то дошло.

– Ах, да, конечно, от наших общих друзей. Позвольте представиться, Джеймс Кюри, Центральноамериканское Рабочее Учреждение, – он переложил дипломат в левую руку и протянул правую для рукопожатия. Валерий с готовностью пожал её. – А вы, получается...

– Олег. Олег Гордиевский. Доверенное лицо Рабочего Учреждения в Новосибирске.

Называть своего настоящего имени Саблин, конечно же, пока не собирался. Если вообще собирался. Особенно, если человек, стоящий перед ним, не тот, за кого себя выда-

ёт. Центральноамериканское Рабочее Учреждение, ну надо же...

– Моё начальство поручило мне обсудить несколько вопросов, которые они считают безотлагательными, – сразу перешёл к делу Кюри. – Я бы хотел немедленно проследовать к вашему руководству, чтобы как можно быстрее решить поставленные задачи. В конце концов, это для нашего общего же благополучия. Есть одно соблазнительное предложение для наших, хм, западных партнёров, и в случае одобрения этого предложения, огромный, просто колоссальный успех по обе стороны океана нам гарантирован.

«Западных партнёров»?! Валерий ужаснулся. Если этот идиот так открыто говорит о таких вещах, то он полный, абсолютный профан и место его, вместе с его чемоданчиком – на нью-йоркской бирже, а не там, где он, по его словам, сейчас работает. Господи, чему же их там, в «Рабочем Учреждении» учат? Впрочем, Саблин прекрасно понимал, что не стоит так сразу окатывать помоями настолько авторитетную и ответственную организацию. В конце концов, за столько лет – это их единственная промашка. Тем более, всегда оставалась ещё одна причина странного и безответственного поведения их «посланника»...

– Прошу прощения, господин Кюри, но это пока невозможно. Если вы хорошо знаете историю, то помните, что мы, русские, всегда славились своим гостеприимством. Наши японские покровители, в свою очередь, заметили эту яр-

кую черту и ещё сильнее развили в моём народе это благородное чувство. Мои начальники будут глубоко огорчены тем фактом, что вы не примите моего приглашения отдохнуть с тяжёлой и дальней дороги. И их неудовольствие, будьте уверены, падёт именно на меня, за то, что своей грубостью оттолкнул такого уважаемого гостя, – за весь этот сладкий и напыщенный монолог у Саблина не дрогнул ни один мускул. Всю свою хвалебную, по-восточному заискивающую оду он проговорил с абсолютно каменным выражением лица. – Тем более, вас всё равно раньше чем через четыре-пять часов никто не ждёт. Конечно, если вы настаиваете, начальство соберёт экстренное совещание и выслушает ваши предложения, но я всё же настойчиво рекомендую вам отдохнуть. Я для вашего же удобства, я готов предоставить вам свою квартиру недалеко от вокзала. Уровень наших городских гостиниц, к сожалению, оставляет желать лучшего, но если вы настаиваете, я могу...

– Не стоит, не стоит, – прервал Саблина Джеймс. – Ваша квартира будет подходящим вариантом. Мы возьмём извозчика?

– Мистер Кюри знаком с нашими порядками? – Валерий улыбнулся, про себя лихорадочно соображая, откуда «американец» мог узнать про извозчиков, если впервые в Новосибирске. – Нет, к сожалению, все привокзальные экипажи сейчас заняты. Мы немного пройдемся пешком, благо, что тут недалеко.

Всю дорогу до квартиры они прошли молча. Конечно, Саблин не был настолько дураком, чтобы приводить незнакомца в своё собственное обиталище. Для подобного рода встреч у него и у людей, с которыми он работал, имелось огромное число конспиративных квартир. Одной из них он и намеревался воспользоваться.

Многих, особенно людей с Урала и из Западной России, могло бы смутить то, как вызывающе одет американец. Синий пиджак, яркая бежевая рубашка и широкие штаны из мягкой ткани. У людей определённых профессий или тех, кто был слабо знаком с положением дел в республике, такой вид мог бы вызвать шок и паническую атаку, но суть заключалась в том, что в нынешнее время для европейца в Восточноазиатской Сфере Процветания лучшего амплуа было просто не найти. Инвесторы, бизнесмены, банкиры из Германии, Италии, Америки и даже Южной Африки – все они были желанными гостями в Японской империи и её марионетках. Дзайбацу бронировали для них люксовые номера в отелях, устраивали пышные банкеты и находили лучших девочек, стоило европейским финансовым воротилам только глазом моргнуть. Всё самое лучшее, всё, что дорогие господа пожелают. А произошло это из-за того, что японцы совершенно не умеют считать деньги.

Полгода назад Токийская биржа оглушительно рухнула. Японский денежный пузырь гражданских автомобилей, в который вся Сфера инвестировала почти год, наконец-то лоп-

нул, утянув с собой на дно почти все остальные отрасли японской промышленности: от каучуковой и до горнодобывающей. В Токио тогда творился подлинный кошмар. Взрослые мужчины, уверенные и одетые в строгие костюмы, стояли стройными рядами у края моста, спокойно дожидаясь своей очереди прыгнуть. Правительство и финансовая элита в панике слёзно молили европейских инвесторов, которые были с ними подвязаны, спасти безнадёжное положение крупным вливанием средств. И инвесторы потянулись, выбора у них, по сути, не было. Ведь, несмотря на всё японское движение к автаркии, мировую экономику никто не отменял. И финансовую ответственность тоже.

Ударило по всей Сфере. Особенно сильно по юго-восточной Азии – основному экспортёру резины, селитры, топлива и дешёвой рабочей силы. Сибирь, как это ни странно, пострадала меньше всех, хотя именно здесь располагались все ведущие японские горнодобывающие концерны. Конечно, на бумаге они, чисто формально, были не японскими, а новосибирскими, магаданскими и приамурскими, но любой, хоть чуть-чуть разбирающийся в политике и экономике человек, прекрасно понимал, что за ниточки дёргают японские дзайбацу – крупные бизнес-династии, почти что сросшиеся с государством. Вот только когда их миллиарды йен в одночасье сгорели в прожорливой топке мировой экономики, эти колоссы на глиняных ногах начали рушиться, дав, наконец-то, их вассалам шанс выйти из тени. И вассалы этим

шансом воспользовались. Сибирские промышленники, которые до сих пор были большими начальниками лишь на бумагах, гордо заявили о своих правах, потребовав у их кукловодов и японского правительства большей автономии во внутренних и внешних делах, пригрозив оставить империю вообще без горного сырья. И они, на фоне экономистов, рвущих от досады волосы на голове, эту автономию получили. Из Сибири в США, Италию и Южноафриканский союз поплыли алмазы, газ и нефть, привлекая в восточную часть России деньги, инвестиции и образованных людей. Особенно людей.

Так что образ, выбранный Джеймсом Кюри, был абсолютно верным решением. В данный момент европеец здесь не смог бы быть в большей безопасности, чем выставив себя денежным воротилой.

Тем временем Саблин и Кюри добрались до безликого и серого пятиэтажного дома со скрипучими деревянными подъездными дверями, открытыми нараспашку, и начисто выбитыми стёклами по всему третьему этажу. На этом этаже когда-то жили рабочие с севера: Сургута, Нижневартовска, Нового Уренгоя. Какое-то сердобольное предприятие позволяло им и их семьям проводить здесь одну неделю в год, в качестве отпуска. Правда, продлилась эта «сладкая» жизнь недолго – пролетарии так сильно буянили и пьянствовали, что в одну прекрасную ночь местная полиция просто-напросто выкинула их всех на мороз. А руководство той компании

поголовно сняли с занимаемых должностей, заменив матёрыми потомками самураев. Валерию и Джеймсу, слава Богу, не пришлось подниматься на этот загаженный, разорённый этаж. Их квартира была на первом.

Кюри первым перешагнул порог. Это было грязное, пыльное и абсолютно неживое двухкомнатное помещение с взбухшими жёлтыми обоями и изредка снующими по полу тараканами. Впрочем, тараканы сейчас – настоящий бич всей Сибири. Чёрные, усатые, и, что самое главное, невероятно огромные. Непонятно, на чём они умудряются так откармливаться. Несмотря на то, что с едой сейчас не так туго, как в пятидесятые, когда от голода вымирали целые города, но всё равно, провианта хватает не всем. Тем же, которым хватает, перепадает лишь слегка больше необходимого минимума. А тараканам всё ни по чём. Они отжираются до совершенно неприличных размеров и плодятся просто в невообразимых количествах, одновременно с этим становясь чуть ли не хитиновыми танками, которых даже удар каблуком сапога не всегда убивает с первого раза.

– Милое место, – чересчур весело заявил Кюри, обводя это логовище взглядом.

Щелчок пистолетного затвора, раздавшийся у него за спиной, не разделял оптимизма американца.

– Я думаю, нам лучше поговорить более откровенно на кухне, не находите? – ровным голосом спросил Саблин.

Американец медленно поднял руки.

– Я думаю, что нам определённо нужно поговорить, – слегка повернув голову, ответил он.

– Замечательно. Теперь спокойно идите в правую дверь и садитесь за стол. Руки держите так, чтобы я их видел. И никаких резких движений, это понятно?

– Более чем.

Кюри в точности исполнил указания Саблина. Прошёл, сел, положил руки на грязный и пыльный стол. И с ожиданием уставился на пистолет Валерия.

– Вы говорите, что прибыли от наших общих друзей из Центральноамериканского Рабочего Учреждения, правильно я вас понимаю? – начал Саблин свой допрос.

– Правильно понимаете, – без тени страха в голосе ответил американец.

– Мои друзья никогда бы не прислали ко мне человека с пустыми руками. Надеюсь, у вас есть для меня подарок? Знаете ли, я ведь заядлый коллекционер...

– Ах, подарок. Конечно имеется, за кого вы меня принимаете? Держите, это, как мне кажется, будет отличным пополнением вашей коллекции, – с этими словами Джеймс протянул Валерию октябристский значок. Потёртый латунный мальчик, изображённый в центре красной звезды, смотрел на Саблина вроде как даже с укоризной.

– У вас отличный русский, вы знаете об этом, мистер Кюри? Не каждый иностранец способен без ошибок выговорить слово «Центральноамериканский», – с уважением отметил

Саблин, с чувством светлой ностальгии рассматривая значок.

– Благодарю, мистер Гордиевский. У нас очень хорошие учителя в Рабочем Учреждении. Впрочем, вместо Центральноамериканского, я предпочитаю называть его Центральным, если вы понимаете...

– Прекрасно понимаю. Не вы первый и, боюсь, не вы последний. И, пожалуйста, мистер Саблин. Валерий Саблин.

– А вы... да, впрочем, понимаю. Мне следовало бы показать значок раньше, чтобы не вызывать подозрений.

– И где бы вы мне его показывали? На вокзале, заполненном японскими солдатами? Не придумывайте, всё нормально, обычная проверка.

– Хорошо, вы правы. Если проверки закончились, а все явки совпали с паролями, я думаю, что нам стоит, наконец, поговорить о деле.

«Даже острить на русском умудряется», – подумал про себя Саблин. Вслух же сказал:

– Так прошу вас, начинайте. Это ведь вы приехали ко мне в Новосибирск, а не я к вам в Вашингтон.

Американец улыбнулся.

– В Лэнгли, мистер Саблин. Штаб-квартира моего ведомства находится в Лэнгли. Впрочем, к делу это отношения не имеет. Моё руководство интересуется ваши контакты и контакты людей, на которых вы по-настоящему работаете, с контрабандистами. Конкретно, с теми людьми, которые, несмот-

ря на запрет властей, всё также контактируют с Чёрной Армией.

– Неплохо, – если бы Саблин сейчас ел, он бы непременно поперхнулся. Так же – просто с силой сглотнул. – Насколько я помню, раньше ваше правительство не интересовалось Чёрной Армией, предпочитая работать с сибирскими протекторами.

– Ситуация изменилась. До недавнего времени да, мы предпочитали работать с вами, Магаданом и частично Приамурьем. Но в руки наших агентов, работающих в рейхе, попал крайне... интересный документ, представляющий огромную ценность для маршала Жукова и его приближённых. Я бы даже сказал, документ абсолютной важности.

– А почему нельзя передать этот документ нам, Русскому Сопротивлению? Или напрямую президенту республики? Я знаю, репутация Матковского сильно подмочена, но это уже совершенно не тот человек, которым он был в сороковых. Он искренне ненавидит японцев, несмотря на всю ту власть, которой они его одарили, и целиком сочувствует нашему делу. Поверьте, он не станет...

– Мистер Саблин, моему руководству известно, что представляет из себя режим Михаила Матковского, будьте уверены, – холодно пресек его возражения Кюри. – Тем не менее, передача таких ценных бумаг не может быть осуществлена ему. Поверьте, если бы мы могли обойтись без сотрудничества с «чёрными», мы бы нашли способ. Тем не менее,

на данный момент только у Жукова есть то, чего нет ни у одной другой политической силы на территории России.

– И что же это? – с недоверием спросил Саблин.

– Независимость.

И это было горькой правдой. Как не старались участники Русского Сопротивления, действующие в республике, как не пыжились ленинцы и кировцы в Магаданском Содружестве Городов, как бы не декламировал Родзаевский в своём Приамурье построение «подлинно русского и подлинно национального» государства, но именно фанатики из Чёрной Армии оставались единственной реальной политической силой во всём бывшем Союзе. Они единственные, кто не сложил оружия после разгрома Красной Армии. Единственные, кто продолжил бороться за Россию. В страшные дни весны сорок пятого, когда всё висело на волоске, они получили от президента Рузвельта пять ядерных бомб, недавно испытанных американскими учёными. Это было то самое «оружие возмездия», о котором грезил ещё Черчилль, когда вместе с британской армией прятался в Шотландских горах. Правда, храброму британскому премьер-министру не суждено было дожить до того дня, когда это оружие пустят в ход. Впрочем, как и всей Британской империи, чьё солнце окончательно зашло во всё том же сорок пятом. Отмщению было суждено свершиться в России. Пять ядерных ударов обрушились на немецкие армии волной из огня и радиоактивных изотопов, сминая стройные и казавшиеся непобедимыми ряды Вер-

махта. Хитрым и осторожным азиатам хватило чужого примера, чтобы немедленно остановить наступление, которое они вели от самого Владивостока и начать переговоры с маршалом Жуковым, в ту пору уже взявшим власть в свои руки. Это была первая и, пожалуй, единственная победа русского народа в той войне. Победа, доставшаяся неимоверно тяжелой ценой. Тысячи солдат, прошедших всю войну, тысячи закалённых в боях ветеранов в одну секунду сгорели в горниле ядерного пламени. За ними последовали и их командиры: героические генералы и маршалы, видевшие и горящий Киев, и вымирающий от голода Ленинград, и отравленную химическим оружием землю Чебоксар. Те самые маршалы, что организовали августовский путч, арестовав Кирова и всю его преступную и бесхребетную клику, дав при этом шанс на спасение всей России. Самые известные из них, любимцы пропаганды и простых солдат: Конев, Тимошенко и Василевский отдали свои жизни ради выживания собственного народа.

И несмотря на все эти жертвы, несмотря на голод, болезни и постоянные налёты немецких ВВС, люди Чёрной Армии продолжали сопротивляться. Несмотря ни на что, день и ночь продолжали работать заводы на Урале, продолжали тренироваться новобранцы и воспитываться новое поколение пока ещё совсем юных солдат. Вся огромная машина этой армии, ставшей государством, вся она работала лишь ради одной цели.

Мести.

Действительно, если на этой многострадальной земле и осталась сила, способная стать для Америки союзником в её начинаниях, то это Чёрная Армия. И Саблин это прекрасно понимал.

– Ну, и что же вы конкретно хотите передать руководству Чёрной Армии?

– Это уже не ваша забота, мистер Саблин. Обсуждать такие вопросы я намерен не с вами, а с вашим руководством. Не потому что вам не доверяю, а потому что, мой русский товарищ, – слово «товарищ» он специально произнёс с отвратительным акцентом. – Под пытками говорят все, даже самые стойкие. Особенно – под пытками гестапо или кэмпейтай[1]. А это слишком важная информация, чтобы я мог доверить её рядовому участнику Сопротивления, вы уж меня извините.

– Дело в том, мистер Кюри, – возразил на это Саблин. – Что я вовсе не рядовой участник. И даже не из местных руководителей. Так получилось, что, несмотря на свою молодость, я являюсь главным по связям с верхушкой контрабандистской организации, действующей в Новосибирске. Если быть точным, то с верхушкой единственной контрабандистской организации, действующей в Новосибирске. А так, как Новосибирск является, по сути, главным транспортным узлом во всей республике, эта же организация оказывается *единственной* в стране. Мы поняли друг, друга Джеймс?

– Поняли, Валерий. Простите, меня несколько смутил ваш возраст. Сколько вам лет? – поинтересовался американец.

Саблин улыбнулся.

– Мне двадцать два.

– И вы уже занимаете такой важный пост в вашей организации? Молодой человек, если вы будете продолжать в том же темпе, то очень далеко пойдёте. Я ни разу не удивлюсь, если когда-нибудь увижу вас на приёме в Вашингтоне.

– Заканчивайте с лестью, мистер Кюри. Я её не переносю, – Саблин скривился. Лесть он действительно не принимал, считая её поглощение уделом бездарностей и неудачников.

Джеймс кивнул, принимая правила игры.

– И тем не менее, всех деталей я не могу открыть даже вам. Это... это слишком важная вещь, чтобы умножать возможности утечки информации.

– Ладно, не хотите говорить, так не хотите. В конце концов, вы доказали, что являетесь тем, за кого себя выдаёте, а такие люди обычно не преувеличивают важности своего задания, – устало отмахнулся от него Саблин. Этот диспут ему уже порядком поднадоел. – Хотите тайно передать что-то через границу, это возможно. Только придётся заплатить. Не нам, понятное дело, мы в этом деле лишь посредники. Но воры в законе обязательно потребуют плату. Чёрная Армия охотно принимает в свои ряды беглецов, бегущих из Мос-

ковии или Новосибирска, а контрабандистов, несущих важные сведения или необходимые товары – так и вовсе с распростёртыми объятиями, но мимо японских пограничников проскочить сложно. В последнее время они как на иголках. Контрабандисты затребуют большую цену. Очень большую.

– Я понимаю вас. Деньги у меня есть. Доллары США, японские йены, немецкие рейхсмарки, рубли Чёрной Армии и Советского Союза. Что ваши друзья предпочтут?

– Я думаю, йены их вполне устроят, – с улыбкой ответил Валентин. – И всё же, мистер Кюри, я хочу знать, как именно вы хотите перевезти через границу документы такой важности.

– Что же, мистер Саблин, на этот вопрос я охотно вам отвечу, – Джеймс Кюри улыбнулся всей своей ослепительной белоснежной улыбкой. – Документы проследуют в моём дипломате. А это означает, что через границу следует перевезти меня самого.

На этом оглушительном моменте в дверь громко постучали.

– Открыть немедленно! Корпус безопасности японских вооружённых сил!

– Твою мать! – выругался Саблин. – Нас замели! Это кэмпейтай.

– Вы привели хвост? – осуждающе, но серьёзно спросил Кюри, вставая со стула.

– Без понятия. Скорее уж вы. Вспомните, сколько солдат

ехало с вами в одном поезде. Нас вели с самого вокзала, а мы попались как малые дети. Впрочем, сейчас не время. Нужно выбираться.

– У вас есть оружие? – спросил, выглядывая в окно американец. – Кажется, нас ещё не взяли в кольцо, можно будет попробовать прорваться.

– Да, оружие есть. Посмотрите вон в том кухонном ящике со скошенной ручкой. Там должен быть ТТ, восьмизарядный. Пользоваться умеете?

– Не хуже вашего, – ответил Джеймс, передёргивая затвор пистолета. – Уходим через окно?..

В этот же момент дверь, в которую уже долго и настойчиво долбили чем-то тяжёлым, наконец-то слетела с петель. В прихожую ввалились четверо японцев, с ошалевшими глазами и с длинными, совершенно неудобными пистолетами, название которых Валерий напрочь забыл. Хотя, если существовал ещё более неподходящий момент для того, чтобы вспоминать модель оружия, которым были вооружены его враги, то Саблин его не знал.

Вместе с американцем они немедленно открыли стрельбу из двух пистолетов, изрешетив незваных гостей. Звуки выстрелов громким эхом разносились по небольшой квартирке и мерзким звоном отдавались в ушах. И несмотря на это, стрелки всё равно слышали гулкий грохот тяжёлых сапог, неумолимо приближающийся к ним. Вместо четырёх, уже, к счастью, мёртвых японцев, здесь скоро их будет больше.

Намного больше.

– Через окно! – крикнул, перекрывая контузию, Кюри, и тут же, сделав ещё один выстрел, на этот раз по окну, прыгнул сквозь треснувшее стекло. Валерий немедленно последовал его примеру.

На улице было чисто. Ни кучи солдат, ни несуразного грузовичка с огромной надписью на кузове «Niku», по-русски «Мясо», на котором обычно разъезжали японские силовики. Ничего из этого, улица была стерильна, словно во время вспышки очередной эпидемии. И ни единого звука. Лишь только громкий топот, доносящийся из-за спины, из разбитого окна.

Саблин отряхнул окровавленные, порезанные осколками стекла руки и помог встать Джеймсу, отделавшемуся, к счастью, только лёгкими порезами. Останавливаться нельзя было ни в коем случае. Кэмпейтай захотела, видимо, сработать ювелирно, и не стала оцеплять дом. Тем хуже для неё. Теперь у двух беглецов, которые со всех ног убегали от свищущих вокруг них пуль, не забывая при этом изредка оборачиваться и отстреливаться, появлялся шанс.

– Сюда! – Саблин рванул своего нового знакомого за рукав, заметив знакомый поворот.

Обогнув нужный им угол жилого дома, брата-близнеца того, из которого они только что сбежали, двое мужчин оказались нос к носу с обшарпанным рыжим мусорным баком, из которого откровенно разило тухлятиной и отбросами.

– Внутрь! – резко скомандовал Валерий.

– Издеваешься? – с неуместной тоской в голосе поинтересовался Джеймс.

– Делай, что велено, американец! – обычно такой спокойный Саблин даже прикрикнул на него. – Потом будешь права качать!

Кюри наконец-то влез в бак, сперва гулко упав на его металлический пол, а затем с всплеском провалившись куда-то ещё ниже. Валерий, бросив последний, нервный взгляд на улицу, последовал его примеру.

Когда Саблин аккуратно спустился в канализацию, задвинув за собой тяжёлую крышку люка, американец уже выбрался из зловонной жижи и с брезгливым выражением лица отряхивал штанину.

– Никогда бы не подумал, что кто-то додумается прятать тайный вход в канализацию под мусорным баком, – ироничность, несмотря на пикантность всей ситуации, снова вернулась к американцу.

– Японцы тоже не думают, – Саблин стоял, оперевшись руками об колени и переводя дыхание. – У нас примерно ещё десять минут, прежде чем безопасники поймут, что добыча от них ускользнула, и доложат об этом начальству. И ещё час до того, как они полезут в канализацию. За это время нам необходимо по тоннелям покинуть город. Это в принципе реально, если только не будем мешкать.

Саблин на секунду прервался, пытаясь восстановить ды-

хание.

– Не могу только одного понять, почему они так на вас взъелись? Обычно американских агентов, даже если разоблачают, то не трогают. Один-единственный разведчик в колонии, прямо скажем, куда безопаснее, чем международный скандал. Особенно – в условиях такого жуткого кризиса. Тем более, что раскрытого агента можно преспокойно пичкать дезинформацией, и не беспокоиться на этот счёт. Вас же попытались не арестовать даже, чтобы потом спокойно из страны выдворить, а именно задержать. После такого обычно не звонок в посольство следует, а допрос в тёмном подвале. С применением пыток.

– Вы хотите сказать, они знают? – серьёзно спросил американец.

– Полагаю, что да.

– Я надеюсь, вы осознаёте, какой важности информацию я несу, и что произойдёт, если она попадёт в чужие руки? Последствия такой... оплошности я не могу предсказать, – в голосе разведчика сквозил металл.

Саблин шумно выдохнул, пытаясь подавить нервный смешок.

– Расслабься, Джеймс. Я помню свою клятву. Я ценой своей жизни помогу любому врагу японцев и немцев. Если, конечно, буду в силах помочь. Не беспокойся, я сделаю всё возможное, чтобы ты успешно выполнил свою миссию.

Джеймс слегка подрагивающей рукой поправил свой рос-

кошный галстук.

– В таком случае, если японцам известно про данные, которые я собираюсь передать Чёрной Армии, мне необходимо как можно быстрее встретиться с мистером Алеутовым.

Саблин присвистнул.

– С Алеу-у-товым? Как можно быстрее? Ну, тут уж тебе я точно не помощник. Через границу Соппротивление тебя, так и быть, проведёт. Да и денег твоих не надо, найдём, чем контрабандистам заплатить. А вот уж с шефом «Стальной руки» сам разбирайся. На него мы влияния не имеем, и иметь не можем. Тем более, Алеутов, как я понимаю, сейчас сильно занят. Как мне говорили, у них там сейчас какая-то очень важная операция планируется. Деталей, естественно, не сообщают, да и сама подготовка – лишь предмет слухов. Но факт остаётся фактом, в последнее время в нашем уральском осином гнезде наблюдается подозрительное оживление. Да и вообще, – Саблин резко выпрямился, отчего стал смотреть на Джеймса почти в упор. – Что это за информация такой важности, чтобы для её передачи необходимо было свидание с самим Алеутовым?

На лице Кюри не дрогнул ни один мускул.

– Шанс на возрождение России, Валерий. Ни больше, ни меньше...

[1] Японская тайная полиция

Глава третья

Конь бледный

*«Пути добра с путями зла
так перепутались веками,
что и чистейшие дела
творяют грязнейшими руками.»*

Рейхскомиссариат Московия, окрестности Архангельска. 25 декабря, 1961 год.

– Анафема, приём, цель прибыла на объект, – затрещал у меня в ухе японский наушник.

– Принято, Броня, – прижав почти ко рту микрофон, ответил я.

Прекрасно. Добыча попала прямо в силки охотнику. Это значит, что пора двигаться к точке рандеву. Наш почти месячный переход через весь Русский Север наконец-то завершён.

Отлипнув от окуляра бинокля, я убрал его в кожаную кобуру, висящую на поясе, закинул за спину старую добрую трёхлинейку с оптическим прицелом, лежащую рядом со мной на снегу, и в буквальном смысле встал на лыжи. Для того чтобы добраться до места встречи, мне понадобится меньше пяти минут. На лыжах я чувствую себя как рыба в воде, даже если передвигаться приходится по незнакомому лесу. Я на них и раньше, ещё до войны хорошо ходил, а сейчас, по-

сле изнурительных тренировок в сибирских лесах, мне воистину не было равных.

До точки сбора я, как и ожидал, добрался раньше напарника. Мне пришлось ждать ещё минут пять, прежде чем его силуэт замелькал среди заснеженных елей на опушке леса. Нет, он тоже неплохо держался на лыжах, иначе, его бы просто не послали на это задание. Просто я в этом деле был бесподобен.

– Броня, – поприветствовал я Артёма кивком головы.

– Анафема, – Броня ответил мне тем же самым.

– Доложи обстановку, – приказал я ему.

– По существу докладывать нечего. Шесть грузовиков, по одному бронев автомобилю в начале и конце колонны. Впереди поновее машина будет, объект наверняка там. Численность противника уточнить не могу, чем вооружены тоже не скажу. На всех машинах – Андреевский крест, но сам понимаешь, это ничего не значит. Могут быть и немцы. Хотя грузовики – старье, «кресты» обычно на таком говне не катаются. Им бы всё больше с понтом...

– Понял тебя. С моей стороны всё тихо было, – я ещё раз окинул взглядом военную базу, стоящую в чистом поле, на расстоянии примерно километра от нас. – План действий у нас такой. Ждём пару часов до темноты, затем попластунски подбираемся к базе. Берём языка, узнаём, где находится объект. Затем следует ликвидация и бегство. Уходить будем, скорее всего, с боем, на одном из грузовиков. Перед уходом

желательно совершить ещё какую-нибудь диверсию, чтобы, если не сорвать погоню, то хотя бы её отсрочить. Понял, лейтенант?

– Понял, – Артём шмыгнул носом. – Значит, с наступлением темноты?..

– Да, с наступлением темноты.

* * *

Когда Алеутов, мой бывший комбат, а теперь глава разведывательного управления «Стальная рука», предложил мне план этой операции, я согласился даже не думая. Единственным моим условием был Артём. Я, несмотря на все возражения, настоял на том, чтобы мне позволили взять его с собой. Молодой оперативник, только-только закончивший обучение, он приглянулся мне уже давно. Я заприметил его аж в пятьдесят пятом, когда этот голодный и тощий оборванец, дрался с такими же, как он сам, доходягами за кусок хлеба. Это ещё было до того знаменитого казахского рейда генерала Батова, который отбросил степняков за Оренбург и хоть немного решил вопрос с продовольствием. Но до того знаменательного события было ещё два года, и поэтому вся Чёрная Армия добывала себе пропитание с боем, вырывая сантиметры пашни у скупой уральской земли.

Не знаю, чем меня зацепил тот маленький, двенадцатилетний оборванец, который так отчаянно боролся за своё вы-

живание на тёмных улицах Свердловска. Наверное, он разом мне напоминал всех нас. Голодный, худой, одетый в лохмотья и кишачий вшами, он снова и снова меткими ударами маленького кулачка сбивал с ног своих обидчиков, которые изо всех сил пытались отобрать у него краюху чёрствого, измазанного в дождевой грязи хлеба. Их было больше, намного больше, человек пять, не меньше, но они всё равно оказывались биты. Пятеро против одного, и все хотя бы раз оказались уложенными на лопатки. Он один олицетворял всех нас: таких же избитых, раненых и голодных. Но, несмотря на всё это, не допускающих даже самой мысли о капитуляции. В тот день я вмешался в его судьбу. Разогнал его противников, привёл пацана к себе в казённую квартиру, отмыл, накормил и обрил его шевелящиеся от насекомых волосы. А через неделю отдал в училище. Теперь же передо мной стоял невысокий (детское недоедание всё-таки сказалось на его организме), но крепкий восемнадцатилетний юноша, способный разобрать пятьдесят четвёртый «гевер» с закрытыми глазами, прекрасно владеющий ножом и в совершенстве разговаривающий на трёх языках: русском, немецком и японском. Прибавьте ко всему, что в свои юные годы он уже ходил в чине младшего лейтенанта разведки, что означало собственное жильё и стабильный офицерский паёк. Может быть, где-то в сытых и безбедных странах это ничего и не значило, но в Чёрной Армии это был предел мечтаний.

Так что, я настоял на том, чтобы моим напарником в этом

предприятию стал именно Артём, получивший в нашей организации позывной «Броня». Это от фамилии – Броневой. Алеутов, конечно, сперва возражал насчёт его кандидатуры, настаивал на том, что Артём ещё желторотый юнец, не нюхавший пороха, а операция особой важности. Но возражения бывшего комбата я отмёл, потому что, во-первых, видел успехи своего подопечного во время выпускных экзаменов, а во-вторых, и это, наверное, самая главная причина, я был уверен, что для действительно полного успеха операции, мне и был нужен такой вот юнец.

Ночи мы дождались спокойно. Я успел даже пару часиков подремать, зарывшись в сугроб чуть ли не с головой. Артём, правда, всё это время бодрствовал, но ему это, если честно, только на пользу. Пусть не расслабляется, молодой ещё слишком. Так что, когда солнце окончательно зашло над всем Белым морем, мы с Артёмом ползли по-пластунски, один за другим, закутанные с головы до пят в белые, как снег, маскхалаты. Собственно говоря, они и были нашей единственной маскировкой, защищавшей нас от губительного света прожекторных лучей, изредка проскальзывающих над нашими головами. Каждый раз, когда часовые на наблюдательной вышке направляли их на нас, мы были вынуждены утыкаться головой в снег, обжигая ледяными иглами лица, но, зато, оставаясь незаметными для наблюдателей. Впрочем, никаких особых проблем мы с этими вояками не испытывали, так как они, видимо, понятия не имели

о порядках несения караульной службы и даже не смотрели вниз. И очень зря, могли бы очень много интересного для себя обнаружить. Конкретно – двух вооружённых до зубов головорезов, уже час как ползущих от лесной опушки до военно-морской базы, которую этим солдатам и было поручено охранять.

Как только мы оказались около хилого забора, представляющего из себя сетку рабицу, натянутую на врытые в землю бетонные столбы, Артём облегченно выдохнул. Рановато он. Как по мне – самая трудная часть работы была ещё впереди. Так или иначе, мы начали действовать. Мой напарник передал мне кусачки, и я несколькими отточенными движениями проделал нам проход на территорию базы. Немецкие прихлебатели видимо настолько обленились и так сильно расслабились, что даже не пустили ток по своему хилому ограждению. Впрочем, оставалась возможность, что их новые хозяйка просто сэкономили электричество на своих слугах, справедливо считая, что такую-то сволочь русские бабы всяко ещё нарожают.

Теперь мы были внутри. Пока всё шло поразительно легко. Настолько легко, что даже настораживало. Впрочем, не нужно путать приграничные территории, где гарнизоны всегда настороже, а в отражение наших рейдов частенько вмешиваются регулярные немецкие части, с глубоким тылом рейхскомиссариата, военной базой, где на приколе стоят три единственные, никому не нужные подлодки Московии.

Здесь порядки совершенно другие, не те, к которым привык я, десятки раз переходивший линию фронта для совершения диверсий. И даже официальный визит человека, имя которого не упоминается честными людьми без глубочайшего презрения в голосе, не может эти порядки изменить. Тем более, предатели ведь действительно всерьёз не ожидают, что кто-то в таком месте посмеет покуситься на жизнь и здоровье их трижды проклятого вождя.

Артём выпрямился и на полусогнутых ногах подошёл к ближайшему зданию, прижавшись к его стене и взяв оружие наизготовку. Я последовал его примеру. По всей базе стояла темень, не видать ни зги. Лишь над дверьми некоторых, видимо, особо важных строений, горели белым, печальным светом электрические лампочки. Караульных или патрульных тоже нигде не было видно.

– Во, блин, дают, – прокомментировал эту ситуацию мой товарищ.

На самом деле, было о чём задуматься. Наш план заключался в том, чтобы незаметно захватить какой-нибудь армейский патруль, а затем выпытать у него местонахождение объекта. Пустые же улицы военной базы перечёркивали такой ход событий на корню. Нам оставалось либо искать «языка» на ощупь, заходя в каждое плюс-минус административное, не похожее на казарменный барак, здание, либо захватывать его прямоиком на солдатской койке, в казармах, заполненных спящими власовцами. Впрочем, второй вариант

я рассматривал лишь от безысходности. Я не строил иллюзий насчёт боеспособности здешнего гарнизона, но в таком случае мы вдвоём оказались бы против нескольких десятков, если не сотен. Схватка была бы обречённой и безнадёжной. Так что, нам оставалось лишь понадеяться на авось и прочёсывать каждое здание по очереди.

Удача нам улыбнулась почти сразу. В первом же помещении, которое мы решили проверить, горел свет. Два солдата, очевидно караульные, которым по уставу полагалось сейчас патрулировать заснеженные улицы, внимательно глядя по сторонам и высматривая в зимней ночи врагов рейхскомиссариата, сидели за столом возле почерневшей от времени печки-буржуйки и резались в карты.

– Анафема, смотри, – кивком своего новенького «гевера» Артём указал на окно, в котором мелькали их силуэты.

– Вижу, Броня, тише, – я поднял вверх ладонь, призывая соблюдать тишину.

Задача, на самом деле, стояла абсолютно тривиальная. Судя по тому, что я видел в окне, оружие они отбросили куда-то в дальний угол комнаты. А значит, сопротивления можно было не ожидать.

Собственно говоря, мы просто зашли. Спокойно открыли дверь и наставили на горе-картёжников оружие. Власовцы заметили нас сразу же. Лица их в удивлении вытянулись, глаза полезли из орбит. Один попытался было вскочить, но тут же сам собой понял, что занятие это абсолютно бесполезное.

Так что им ничего не оставалось, кроме как обречённо поднять руки и, в своём немом удивлении, медленно опуститься на колени. Я же прижал палец к губам и произнёс:

– Хоть один звук, суки власовские, и ваши мозги окажутся на стенке. Всё ясно? – полушёпотом поставил я их перед фактом.

Они торопливо закивали.

– Броня, обоим руки перетяни. Оружие ваше где, козлы?

Пленники одновременно кивнули в угол комнаты, где, прямо под портретом Вишневого, лежали два «гевера». Новые, пятьдесят четвёртые, смазка блестит от огня мирно потрескивающей печки. Надо же, расщедрились-таки немцы, выдали своим лизоблюдам хорошее оружие. Подачка с барского плеча.

Пока Броня вязал им руки верёвкой, я подошёл к автоматам и, не сводя с власовцев глаз, тихонько разрядил оружие. Как раз в этот момент Артём закончил со связыванием и вопросительно глянул на меня. Я согласно кивнул ему. Через несколько секунду рты обоих предателей были заткнуты тряпичными кляпами. От одного из них тут же раздалось возмущённое мычание, однако небольшая оплеуха по затылку быстро разрешила все недоразумения. Вот теперь можно было говорить по-настоящему:

– Значит так, мразь, слушай меня внимательно, – я спокойно, не производя шума и не повышая голоса, начал свою речь. Артём положил обоих на пол и сидел на их спинах, упи-

раясь коленями в позвоночники, и готовый в любой момент полоснуть каждого ножом по горлу. – Мне от вас нужен ответ лишь на один вопрос. Ответите на него – останетесь живы. Полежите здесь до утра с кляпами во рту, это да. Но жизнь себе сохраните. А теперь, прежде чем я задам вопрос, давайте договоримся. У моего напарника, который сейчас находится в намного более выгодной позиции, чем вы, в руках нож. Боевой нож. Хороший. Обращаться он с ним умеет. И он, и я, оба мы считаем, что холодное оружие в разы надёжнее, чем огнестрельное. Осечки не даёт, и перезарядки не требует. Поэтому, давайте условимся, что говорить вы будете только по делу. Я задаю вопрос, мой товарищ вытаскивает вам кляпы, и вы на него отвечаете. Никаких криков, никаких свистов, никаких попыток позвать помощь. Иначе, сами понимаете, узнаете на личном опыте, насколько хорошо наши оружейники выполняют свою работу. Всё понятно?

Власовцы разом кивнули.

– Замечательно, – их ответ меня более чем удовлетворил. – Теперь сам вопрос: где сейчас находится генерал-комиссар Андрей Власов?

На секунду они замерли. Потом переглянулись. Потом ещё раз согласно кивнули.

– Это, как я понимаю, знак того, что вы готовы к сотрудничеству? Отлично. Броня, снимите кляп. С одного, с левого. Приказ был незамедлительно выполнен.

– Власов в административный корпус заселился. Это око-

ло доков, большое четырёхэтажное здание с пологой крышей. С последнего этажа всех писак выгнали, он там скорее всего. Больше ничего не знаю, честно, – от страха его голос слегка дрожал.

– А ты что скажешь, – указал я на правого власовца, пока Броня затыкал левого посредством того же самого слюнявого кляпа.

– Скажу, что из административного корпуса он не вышел целый день, – ответил тот, когда Артём освободил ему рот. – Я в карауле стоял около администрации. Он как туда зашёл, так носа оттуда не показывал. Это всё что мы знаем, честно. Ребят, не убивайте, пожалуйста. Мы солдаты простые, не офицеры. Мы же русские, как и вы, не немцы. У нас же матери...

Знакомая шарманка. Обычно, правда, поют про семью и детей. Но эти двое ещё слишком молоды, чтобы заикаться про голодных детишек, плачущих от голода и в отчаянии зовущих папку. Сами не так давно бриться по-настоящему начали. Едва ли старше Артёма, а уже нацепили на форму Андреевский крест. Нет, такую сволочь нужно давить в зародыше.

Я посмотрел на Артёма.

– В расход.

Они попытались было сопротивляться. Что-то яростно замычали, задёргались, пытаюсь сбросить моего напарника со спины, но куда уж там. Два коротких взмаха ножа – и всё

кончено.

– Сапоги не запачкай, – я указал ему на огромную лужу крови, натёкшую из-под власовцев.

– Хорошо, – ответил Броня бесцветным голосом, поднимаясь. Лицо его, освещенное печным огнём, было бледным как мел.

Я подошёл и обхватил его голову руками, заставив смотреть мне в глаза.

– Артём, слышишь меня? Смотри на меня. Ты не людей убил, слышишь! Это власовцы были, власовцы, – я яростно шептал ему это, чувствуя, как парня колотит мелкая дрожь. – Они не люди уже давным-давно. Это предатели, душегубы и мучители. Что, на жалость тебе надавили, про мамочку свою плакать начали? Русскими себя назвали? Не русские они ни черта! И матери у них нет никакой! Мать их своё чрево прокляла, когда узнала, что её сын форму носит с Андреевским крестом. Дети, если у них они были, батьке в рожу плюнули и из дому ушли. Жена с радостью забылась в объятиях другого. Потому что они предатели, понимаешь, предатели! С ними только так: ножом по горлу, и никак по-другому. Пока я на фронте дрался, они тыловые деревни грабили. Когда наши люди по четыре смены у станков стояли, они вместе с немцами шли, в одном ряду, плечом к плечу с завоевателями. Ты за кусок хлеба в детстве дрался, а они водку жрали и шлюх своих тискали. У них ни матерей нет, ни отцов, ни крови, ни чести. Они это всё предали, продали, променяли

на сапоги немецкие. Это не люди нихера уже. Это собаки бешеные. Ты для них подарок сделал, отправил на суд Божий. Там у них хотя бы шанс оправдаться есть, потому что на суде человеческом, мирском, им пощады точно не будет.

Постепенно, чем дольше я распинался, Артём успокаивался. Под конец моей речи дрожь окончательно унялась. Пацан ещё ни разу никого не убивал по-настоящему, чтобы не в пылу схватки, а вот так, хладнокровно и по приказу. Вот и тряхануло его. Не, ну каков боец, а? Приказ исполнил чётко, быстро, ни секунды не раздумывая. Только после того, как дело было сделано, пришло осознание, что он кого-то убил.

– Я в порядке, Анафема. Спасибо, – он отодвинул мои руки. – Нужно посмотреть, нет ли у них сигарет, – он кивнул на трупы.

– Ты куришь разве? – я удивился. Никогда не видел, чтобы Артём дымил.

– Очень редко, – он улыбнулся. – Сам же знаешь, табак у нас в дефиците. Пусть, в таком случае, хоть эта сволочь поделится.

– Ладно, давай, шмонай. Только быстро, нам ещё дела делать.

Тут он был, конечно, прав. Со времени Последней войны курево было в крайнем дефиците. Дон и Волгу полностью оккупировали немцы, так что единственное место, где мы могли выращивать табак, были казахские степи. Очень быст-

ро степняки смекнули, что махорка – это настоящая золотая жила, и начали растить её специально нам на продажу, заламывая при этом цены до небес. Не помог даже тот самый знаменитый рейд Батова, благодаря которому степняки теперь носа не показывают дальше Оренбургской степи. Почти все земли, полученные Чёрной Армией в ходе той операции, были отданы под пашню. Так что, желание Артёма поживиться немецкими сигаретами, было вполне оправдано.

Как только он закончил, довольный собственным приобретением, я встал на его пути, сложив руки на груди и загородив выход. Он грустно вздохнул.

– У них на двоих было семнадцать штук. Я отдам тебе восемь.

– Отлично, – согласился я на такой обмен, кладя в нагрудный карман маскхалата восемь белых цилиндриков. – Теперь пошли. Время не ждёт.

Нужное нам здание мы нашли быстро. Это был здорово выделяющийся на фоне остальных одноэтажных барачных кирпичный дом. Четыре этажа, не считая цокольный, окна которого чёрными провалами выглядывали из-под нечищенных сугробов. Рядом со входом в здание стояли в карауле двое полусонных часовых, оперевшись на свои автоматы. А вот это уже было хоть какое-то подобие дисциплины. Впрочем, солдаты, как мне показалось, больше заботились о том, как бы не замёрзнуть, чем об охране такого высокопоставленного лица. Они то и дело переминались с ноги на ногу,

совали руки в карманы или дышали на них, надеясь отогреть, постоянно курили и перебрасывались ничего не значащими фразами. Одним предателям такая оплошность уже стоила жизни. И для этих такая безалаберность тоже кончится плачевно.

Немного посоветовавшись, мы с Артёмом решили выманить их с поста и разобраться поодиночке. Для этого было решено подползти к окнам цокольного этажа и прикладом выбить одно из них, одновременно затаившись рядом. Как только один из них придёт проверить, что произошло, тут же скрутить и ожидать второго. Собственно говоря, как только я подполз к противоположной от караульных стене здания, мы начали приводить план в исполнение. Я ударил прикладом своей трёхлинейки, которую я до сих пор предпочитал новомодным штурмовым винтовкам, по окну, огласив ночную тишину грохотом разбиваемого стекла.

Пару минут было тихо. Потом, из-за поворота наконец-то показался власовец, беспечно поглядывающий по сторонам. Когда он подошёл к разбитому окну, задумчиво наклонившись и уставившись в черноту подвала, я набросился на него сзади, одной рукой зажимая рот, а другой – нанося меткий удар по затылку. Предатель закономерно отключился. Мне оставалось лишь аккуратно просунуть его тело в подвальное окно и залечь обратно в сугроб, на место своей засады.

Второй власовец соображал дольше. Минут пятнадцать он ждал своего напарника, прежде чем нервы не выдержали.

Он вышел из-за поворота гораздо осторожнее, чем его напарник. Даже водил стволом автомата по сторонам, но делал это настолько бестолково, что у меня начало закрадываться подозрение, что этих, так называемых, солдат, вообще ничему не учат. В принципе, такая теория имела право на существование, ведь, несмотря на всё подобострастие РОА, которая готова была немцам ноги мыть и воду пить, они всё также не доверяли русским. И правильно, хочу сказать, делали.

Второй власовец тоже заметил разбитое стекло, и, повторив ошибку своего напарника, подошёл к нему, тут же разделив его судьбу. Когда и со вторым караульным было покончено, я сделал рукой знак Артёму, чтобы он полз ко мне.

Через окно мы спустились в подвал. В помещении было достаточно тепло, и, судя по огромному количеству труб и технических котлов, именно здесь располагалась котельная. С нас тотчас же начали стекать струйки растаявшего снега. Хотя, сейчас нам было на это наплевать. Нам нужно было переодеться во власовскую форму. Просто потому что к двум рядовым, пусть и незнакомым, у любого встречного будет намного меньше вопросов, чем к двум незнакомцам в масках. Поэтому мы, не сговариваясь, принялись раздевать двух оглушённых караульных. Они оба были слегка выше нас ростом, сказывалось хорошее питание, но с этим уж ничего не поделаешь, пришлось закатывать рукава. Я-то ещё ничего, а вот на Артёме форма болталась, словно мешок. Впрочем, нам в ней и не на парад идти.

– Никогда не думал, что нацеплю власовскую форму, – презрительно сказал мой напарник, рассматривая синий крест на белом фоне, пришитый к его левому рукаву.

– Не переживай, Броня, мы это дерьмо временно нацепили. Исключительно для пользы дела.

– Это и успокаивает. А с этими что делать будем? – он кивнул на двух мужчин, раздетых до трусов и лежащих на грязном бетонном полу котельной.

– Как и с прошлыми, – я пожал плечами. – Ножом по горлу и дело с концом. Тебе помочь? – спросил я, замечая, как Артём мнётся.

– Нет, – твёрдо отказался он. – Я сам.

И действительно, не медля больше ни секунды, он подошёл к одному, а затем и второму бессознательному телу, и скупыми, профессиональными движениями оборвал жизнь часовых.

– С этими легче, – сказал он, вытирая клинок от крови. – Эти не скулят. Пошли, что ли?

– Пошли.

Сказать, правда, оказалось легче, чем сделать. Мы провозились минут пять, пытаясь в непроглядной тьме, среди хитросплетения труб и датчиков найти выход из подвала. В конце концов, нам это удалось. Выходом являлся огромный деревянный люк, обитый железом и имеющий солидное металлическое кольцо вместо ручки. К счастью, он оказался незапертым.

Мы с Артёмом аккуратно потянули крышку люка от себя. Он был достаточно тяжёлым и, что самое страшное, насквозь проржавевшим. Тем не менее, когда мы вылезли-таки из котельной и оказались в каком-то подсобном помещении, никто и не подумал прийти на адские скрипы, которые ещё недавно издавало это ржавое чудовище. Везение? Нет, скорее закономерные последствия отвратительной дисциплины, царящей у власовцев. И правда, интендант, которого мы увидели, когда вышли из кладовки, мирно спал за своим деревянным столом, уронив голову на грудь. Артём достал нож, непрозрачно намекая на то, что и этого предателя можно было бы отправить к праотцам, но я отрицательно покачал головой. Руки, конечно, очень сильно чесались, но я прекрасно понимал, что сейчас, когда между нами и целью находились всего лишь три несчастных этажа, лишняя кровь была нам ни к чему.

Минут десять мы искали лестницу. Когда нашли – начали подниматься не спеша, замирая на лестничных пролётах и чутко вслушиваясь в сонливую тишину, поразившую административный корпус. Ничего. Как будто во всём здании не было ни одной живой души. Караул либо спал, либо занимался чем угодно, кроме своих непосредственных обязанностей. Впрочем, мне начинало казаться, что охраны у Власова вообще не было, несмотря на то, что под его нужды освободили целый этаж. Видимо, совсем уже осмелел, собака, смерти не боится. Что ж, баба с возу – кобыле легче.

Первого бодрствующего человека в этом царстве сна мы встретили сразу, как только вошли на четвёртый этаж. Это был совсем молодой рядовой, который стоял на тумбочке и, дико выпучив глаза, до белизны в костяшках сжимал автомат.

Артём сразу потянул меня обратно.

– Анафема, что делать будем? Давай я его попробую ножом, того...

Я ехидно улыбнулся.

– Расслабься. Не надо никого резать. По крайней мере, пока. Просто повторяй за мной.

И, не слушая больше Артёмкиных возражений, пошёл прямо в сторону часового, как можно отчётливее гремя сапогами. Оказавшись на расстоянии не более трёх шагов, я козырнул солдату, который при моём приближении окончательно окаменел в стойке «смирно». Артём, слава Богу, не додумался его ни пырять, ни стрелять. Просто также спокойно козырнул и прошёл дальше.

Кабинет Власова найти оказалось не сложно. Особенно, учитывая тот факт, что он был обозначен вычурной дубовой дверью, резко контрастирующей с остальным одинаково блеклым декором здания. Я склонился над замочной скважиной и принялся в ней ковыряться, совершенно не боясь быть замеченным. От того оловянного солдатики мы отошли уже на порядочное расстояние, включающее в себя пару поворотов, так что мы совершенно не волновались. К тому же,

он был так сильно занят фанатичным разглядыванием стены, что навряд ли бы услышал лязганье отмычки.

Замок оказался совсем простеньким, так что вскрыл я его без особых проблем. Мы вошли в кабинет. На фоне тёмного провала окна, блестящего ночными звёздами, колыхались зелёные официальные шторы. Форточка, не выдавшая в своей жизни бомбардировок, несмотря на зимние морозы, оставалась открытой и заполняла всё помещение щекочущей ноздри прохладой. Посредине помещения стоял огромный, массивный стол, того самого типажа, что обычно стоят в кабинете больших начальников. Да и вообще, помещение в целом производило серьёзное впечатление. Полки с документами, ковёр и бесчисленное количество телефонов для связи со всеми первыми лицами рейхспротектората: от Владимира Вишневого, самого генерал-губернатора, и до Франца Гальдера – руководителя частей Вермахта, дислоцированных в Московии. Здесь была даже солидных размеров кровать, предназначенная, наверное, для того, чтобы хозяин кабинета мог с чистой душой работать допоздна. В данный момент, правда, на этой кровати, свесив ноги на пол, сидела заспанная рожа, с отвратительными оплывшими щеками, высоким лбом, и огромными лопухими ушами. Мерзкое, до тошноты отвратительное лицо, которое я десятки раз видел на пропагандистских плакатах.

Генерал Власов.

– Господа, вы кто? – сонно проворчал он.

– Мы правосудие, – зачитал приговор я. И рванулся вперёд.

Мы не дали ему опомниться. Мой ботинок с силой врезался ему в челюсть. Брызнула кровь и обрюзгший старик, в которого Власов превратился со времен Последней войны, с мерзким всхлипом упал на пол. Экзекуцию продолжил уже Артём, насев на ублюдка сверху и молотя его кулаками по лицу. Всё это время, пока Артём наслаждался действием, Власов отчаянно пытался позвать на помощь, но меткие удары моего напарника, снова и снова обрушивающийся на его физиономию, не оставляли предателю ни единого шанса. В конце концов, он прекратил и эти жалкие попытки, и просто закрывал лицо ладонями, тихонько поскуливая.

Артём наконец-то прервался.

– Ну и, что нам делать с ним?

Я протянул ему моток верёвки, предусмотрительно взятой с собой.

– Вешай.

– Я? Один? – кажется, мне удалось его удивить.

– Ты. Один, – подтвердил я.

– Но, почему, Анафема? – он всё ещё не понимал.

– Потому что я так приказал, Броня. Ты же не задавал вопросов, когда перерезал глотки двум власовцам в том бараке? Почему же сейчас спрашиваешь? Ты солдат, точно такой же, как и я. А солдат должен выполнять приказы. Даже если ему мерзко, противно и неприятно. А иначе, солдат риску-

ет очень скоро превратиться в предателя, и конец его будет незавиден.

Мы оба, не сговариваясь, посмотрели на корчившегося на полу Власова.

– Хорошо. Но потом ты объяснишь мне причину. Солдат имеет на это право?

– Имеет, – согласился я. – Но сперва дело.

Артём принялся вязать узел. У него это не особенно хорошо получалось, в конце концов, он был солдатом, а не палачом. Так что мне пришлось прийти к нему на помощь. Когда петля была закончена и водружена на место люстры, генерал-коллаборационист, до этого безмолвно взиравший на нас, наконец-то понял, что его ждёт и, мыча своим беззубым окровавленным ртом, из последних сил попытался уползти. Артём не дал ему такой возможности. Подхватив его под мышки, он приподнял Власова над полом, водрузил на небольшой казенный табурет и просунул его голову в петлю.

– Ваше последнее слово, товарищ Власов? – спросил я.

Боже мой, он действительно попытался что-то сказать. Даже на пороге смерти он пытался, подумать только, оправдаться, сказать нечто, что, по его мнению, поможет ему спасти свою никчёмную жизнь. Ничтожество.

Артём, слава Богу, не дал ему такой возможности. Одним ловким пинком он выбил табурет из-под предателя. Тело Власова дёрнулось, верёвка натянулась, передавив дыха-

тельные пути. И после этого не осталось никаких разговоров. Лишь предсмертные хрипы.

– И всё же, почему я? – спросил Артём, когда Власов прекратил дёргаться.

Я усмехнулся.

– А что тебе не нравится, Артём? Радуйся, теперь ты герой. Настоящий герой, всамделишный. Ты казнил самого Власова, генерала-предателя, человека, который в самый критический момент для своего Отчества, посмел поднять оружие на своих же кровных братьев. И это в восемнадцать лет. Ты имеешь полное право гордиться собой.

– А ты? – мальчишка никак не хотел угомониться.

– А что я? – я постарался придать голосу как можно больше напускного равнодушия. – Я, как и любой другой на моём месте, безмерно горд своим воспитанником. Ты и вправду молодец. Твой оглушительный успех мы обязательно отпразднуем. У меня, представляешь, завалилась где-то бутылочка старого, ещё советского «Рижского бальзама»...

– Не придуривайся, Гриша, – Артём серьёзно посмотрел на меня. – Ты прекрасно понимаешь, о чём идёт речь. Не стоит держать меня за малолетнего дурачка, я сам прекрасно знаю, что теперь я считаюсь героем для всей Чёрной Армии. Но почему ты не захотел им стать? Почему не захотел быть всенародным любимцем?

– Гришей я для тебя, Броня, стану, когда вернёмся домой. Пока мы на операции, попрошу либо обращаться по форме,

либо использовать позывной, – резко осадил я своего товарища. Дружба дружбой, а устав ещё никто не отменял. – А что до твоего вопроса, я на него уже когда-то Алеутову, нашему общему начальнику, ответил. Власова должен был повесить именно ты, молодой, не заставший наших прошлых неудач, русский парень. Потому что наше время уже прошло. Мы те, кто хорошо помнят тот, старый Союз, мы свою войну уже проиграли. Мы пустили немецкие танки в Ленинград, не смогли выбить их десант из Архангельска, позволили прорвать нашу линию обороны на Волге. Именно из-за нас ты был вынужден драться в детстве за еду. Мы проиграли свою войну, просрали её с треском и грохотом. Всё, что мы можем – это плевать немцам в колодезь, огрызаться и упёрто цепляться за узкую полосу земли на Урале. Многие из нас, представляешь, всё ещё верят в идиотские идеалы Маркса. Они хотят строить свой любимый социализм на вот этом вот узком перешейке, растянутом на участке от Казахстана и до Карского моря. Им плевать на Россию, плевать на русский народ. Главная причина краха Союза для них – отступление от постулатов Маркса, немец для них – брат-пролетарий, которого лично Геринг плёткой на войну гонит.

На мгновения я аж задохнулся от переполняющей меня ярости.

– Но ты, я знаю, не такой. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, на меня глядят глаза того голодного мальчика, которого я когда-то спас в свердловском переулке. Мальчи-

ка, который теперь возмужал, и прекрасно понимает, кто его настоящий враг. Враг, которого он ни за что в жизни не будет ни жалеть, ни щадить. Просто потому что он прекрасно помнит, с каким отчаяньем дрался за ту несчастную краюху хлеба. Те старые, никому ненужные коммунисты, они лишь цепляются за власть, не хотят уступать насиженные кабинетные кресла. Вы же, ты и тысячи других русских парней, что сегодня входят в лета, вы все не этого хотите. Не высоких чинов, и не золотых погон. Всё, что вас интересует – это месть. Мечь тем самым тварям, что заставляли вас голодать. Мечь тем людям, что засыпали ваши дома бомбами, а родителей травили собаками. Я прекрасно понимаю ваши чувства, броня. И сегодня, поверь, вы сделали первый шаг к своей цели. Сегодня ты своими собственными руками смыл пятно позора с русской истории. Сегодня, Артёмка, ты по-настоящему начал мстить.

Выглянув в окно, хлопающее своей незакрытой форточкой, я сказал:

– Пойдём, Броня. Посмотри на эту мразь в последний раз, и пойдём. Путь нас ждёт совсем неблизкий.

Меньше чем через минуту мы оба вышли из кабинета, где висел коллаборационист Власов, и быстрым шагом направились к лестнице. Прежде чем покинуть эту, забытую Богом военную базу, нам нужно было ещё, как минимум, разобраться с тем пареньком-часовым...

Чёрная Армия, Свердловск. 12 января, 1962 год.

– Ты уже уходишь? – игриво спросила меня Аня, высовывая голову из-под одеяла.

– Да, уже ухожу, – холодно ответил я, стоя перед зеркалом и заправляя рубашку в форменные брюки. – Меня ждут в штабе.

– Могут подождать и подольше, – она откинула одеяло и, встав с кровати, обняла меня сзади. – Ты ведь у нас герой, только что с операции вернулся и имеешь полное право отдохнуть.

Всё это она говорила, водя по моей груди ладонью, и всё теснее и теснее прижимаясь губами к уху. При этом, судя по той картине, что я наблюдал в отражении, одеться она не удосужилась.

– Вернись в постель. – равнодушным тоном ответил я на её заигрывания. – Окно открыто, простудишься.

Форточка в комнате действительно была открыта, давая полную волюницу уральскому морозу. Анина рука тут же исчезла с моей груди. Сама она отстранилась, и, возмущённо фыркнув, вернулась в кровать, закутавшись в одеяло и повернувшись ко мне спиной.

Обиделась.

Я же тем временем продолжил свои сборы. Застегнул во-

ротник чёрной рубашки, накинул на неё сверху такой же чёрный китель с белой, пятиконечной звездой на рукаве, перетянул его массивным армейским ремнём. Сев на краешек кровати, натянул высокие тяжёлые сапоги. Анька при этом не издала ни звука.

Я перебросил через шею лямку своего офицерского планшета и направился к выходу из квартиры. Лишь в прихожей до меня донёсся обвиняющий голос из спальни:

– Для тебя всегда служба была важнее, чем я! – плаксивым голоском запрочитала Аня.

Вот же взбалмошная девица. Мне ничего не оставалось, кроме как ответить своей обычной для таких скандалов фразой:

– Мы это уже обсуждали.

Хлопком тяжёлой входной двери, я отсёк себя от недовольных криков моей же любовницы. Сразу стало заметно тише. Поправив воротник рубашки, я широким шагом пошёл к выходу из подъезда. Всего-то через два лестничных пролёта, обшарпанных и заплёванных до самого нельзя, я оказался на зимней свердловской улочке. Холодный воздух тут же освежил мои мысли и подчистую вымел раздражение, направленное на несносную девчонку. В конце концов... в конце концов, это ведь Аня. Чего ещё я от неё ожидал?

Когда мы впервые познакомились, я не думал, что у нас с ней так далеко всё зайдёт. Точнее, я вообще не думал, что увижу её во второй раз. Это было, насколько я помню, на

мой двадцатый день рождения. Подумать только, уже тринадцать лет прошло с тех пор. Я тогда ещё не вступил в ряды разведки и, как и многие молодые люди моего возраста, прозябал в армейских казармах на краю Свердловска. Конечно же, у меня, как у любого здорового парня в моём возрасте, свербило в одном месте. Поэтому, в день своего двадцатилетия, я, старший сержант отдельного мотострелкового батальона имени генерала Конева, решил утолить свою тоску по женскому полу и направился в близлежащий бордель. Раньше, при социализме, проституция у нас в стране была запрещена, но хочется задать вопрос: где этот социализм сейчас? Маршал Жуков правильно сделал, что разрешил бордели. Особенно учитывая тот факт, что вся наша страна, по сути, превратилась в одну огромную военную базу. Каждый здесь солдат, каждый ведёт свою собственную войну. Кто-то – против голода, кто-то – против болезней, кто-то – против немцев, не прекращающих своих разрушительных бомбардировок и устраивающих рейды с целью прощупать нашу оборону. А солдаты, впрочем, не только они, чтобы не сойти с ума, обязаны развлекаться. В том числе бабами, водкой и куревом. Бабами – в первую очередь. Потому что если у гражданских ещё была хоть какая-то возможность обустроить свою личную жизнь, то у этих бедолаг, к которым в то время принадлежал и я, такой возможности не было.

Аню я выбрал сразу. Это не была какая-то любовь с первого взгляда, отнюдь нет. Мне, если честно, иногда кажется,

что я любить вообще не умею. Она мне просто понравилась. Какими-то особенными предпочтениями в постели я никогда не отличался, тем более в юности, поэтому мне бы подошла любая симпатичная молоденькая девушка. Анька таковой и являлась. На два года младше меня, ей едва исполнилось восемнадцать лет. На голову ниже, шатенка, но тогда красила волосы в рыжий. Яркие синие глаза. Вот, собственно, и весь портрет. Нам тогда хватило двадцати минут и мы, отдышавшись после действия, недоумённо глядели друг на друга, не понимая, что нам, собственно, делать дальше. Я решил взять инициативу в свои руки и пригласил её посидеть в кафетерии, который при борделе также был. Денег у меня тогда было немного: лишь скудные увольнительные и свои небольшие сбережения. Но, собственно, мы и не заказали ни мраморной говядины, ни кувшина водки, ни свежих морепродуктов. Так, выпили по чашке суррогатного, почти безвкусного кофе, поговорили о какой-то ерунде, меня ещё раз поздравили с днём рождения, а потом Анька убежала. График, наверное, плотный был. Я же, ещё чутка посидев, тоже отправился в казарму.

А через неделю зашёл ещё. А потом ещё через неделю. И сам вдруг не заметил, как Аня стала «скрипкой одного скрипача» и по совместительству моей солдатской женой. Других клиентов она быстро перестала обслуживать, дожидаясь только моего прихода. Конечно, держать такую сотрудницу борделю было совершенно невыгодно, так что, через пару

лет таких «отношений», я, уже к тому времени оперативник «Стальной руки», забрал её к себе. Наверное, Аня являлась единственной на всю Чёрную Армию домохозяйкой, так как за все те десять лет, что мы сожительствовали, она ни разу не вышла на работу.

Хотя, какая работа может быть в Чёрной Армии для бывшей проститутки? Только обратно на панель. А подкладывать Аню под других мужиков, несмотря на то, что совсем её не любил, я не собирался. Других же вариантов у неё не было. А в условиях огромного военного лагеря, которым стала теперь Россия, работа у человека могла быть двух видов: либо производить оружие, либо им пользоваться. Тем же, кто не умел ни того, ни другого оставалась лишь дорога в общество нищих, бандитов и шлюх.

Такова была наша недобрая действительность. Четырнадцатичасовые смены, казарменные построения, бесконечные дежурства на оборонительной линии Карбышева и дикий рёв реактивных бомбардировщиков Люфтваффе, до сих пор не прекращающих своих разрушительных налётов. Вот главные составляющие нашей жизни. Не гремят своими оркестрами театры, не трещит киноплёнкой кино, не скрипят перьями писатели. Только хищно лязгают затворы автоматов да громяхают заводские станки. Всё, что осталось от некогда великого народа, управляющего половиной Евразии, теперь заперто в клетку своей последней цитадели протянувшейся по всей длине Уральских гор. Нескончаемый труд, вечная

война ради выживания, ради удержания той последней черты, что у нас ещё оставалась – вот наша судьба. Отступать больше некуда, позади – бездна. Та самая бездна, что смотрит на нас волчьим оскалом гестаповских клыков и непомерно прожорливой пастью японской кэмпейтай. Ненависть и жажда отмщения – всё, что поддерживает нас на плаву. Вера в то, что в один прекрасный день мы воспрянем, очнёмся от нашего бесконечного кошмара и пойдём. Пойдём вперёд, хлынем бесконечным потоком во все стороны, смывая всю ту грязь, что нанесло на наши земли. Пусть даже умрём во время этого похода, плевать, уж пусть лучше так, чем бесконечно задыхаться от угольного смога и бежать со всех ног в бомбоубежище, едва только ухо резанёт далёкий и страшный гул.

Но пока до этого ещё далеко. Пока мы должны продолжать свою работу. Днём и ночью, без отдыха и без усталости учиться, тренироваться и крепчать. Воспитывать новое поколение солдат, тех самых, которые не видели нашего поражения в Последней войне, но которые всей душой жаждут вернуть ту жизнь, что у них отняли. Дрессировать без жалости самих себя, чтобы в нужный момент, в день, когда правосудие свершится, не дать слабину, не щадить ни себя, ни тем более врага и, следуя словам присяги, поставить свой народ выше собственной жизни. Мы – Чёрная Армия. Мы – ведомое мстью воинство, последний оплот русской расы. И мы не можем проиграть, потому что поражение означает конец

всего. Я же, как солдат этой армии, не имею права ни на любовь, ни на привязанность, лишь на чистую, незамутнённую ненависть. Такова была моя клятва, которую я когда-то, положив руку на сердце, дал перед строем.

Захваченный этими невесёлыми мыслями, я и сам не заметил, как добрался до здания штаба. Говоря точнее – до главного управления разведки Чёрной Армии. В последнее время высшее командование всё чаще и чаще заседало именно здесь. Не знаю, с чем конкретно это было связано: то ли с тем, что Алеутов вёл какую-то свою, скрытую от глаз простого капитана игру, целью которой было расширение полномочий разведки, то ли сыграла свою роль удачная планировка здания, три верхних этажа которого выглядели строго и представительно, а четыре других, вырытых под землёй, представляли собой отличное бомбоубежище. Меня же в эту обитель сильных мира сего пригласили ради моего доклада по поводу операции «Осина», с которой я, как правильно заметила Аня, недавно вернулся. Уже подойдя ко входу в здание, у двух широких двойных дверей я нос к носу столкнулся с Артёмом.

– Как ты удачно подгадал, – улыбнулся мне мой воспитанник.

– Я бы и раньше пришёл, – ответил я, пожимая протянутую мне руку. – Анька задержала.

Артём понимающе кивнул. Спросил:

– Ну, и как она там?

Я пожал плечами.

– Да как обычно. Скандалит.

Артём осуждающе посмотрел на меня, но ничего, слава Богу, не сказал. Он был очень хорошо знаком с Аней. Когда я привёл его голодного и грязного к себе домой, бывшая проститутка очень хорошо к нему отнеслась. Не знаю, с чем это связано, наверное, материнские инстинкты не могут убить ни работа в борделе, ни голод, ни постоянный страх перед бомбёжками. Так что, на время его недолгого пребывания в моём доме, а затем и немногочисленных увольнительных из училища, она была ему самой настоящей матерью. Которая и покушать приготовит, и по головке погладит, безудержно вквохча над бедным малолетним курсантиком.

Такая вот у меня была странная семья. Бывшая проститутка, занявшая место законной жены и беспризорник, ставший мне сыном, пусть даже и приёмным. Впрочем, я не жаловался. Странно было бы ожидать чего-то другого от человека, у которого все эмоции, кроме застаревшей жажды мести – лишь грамотно наведённый морок.

Мне иногда кажется, что тот атомный взрыв, свидетелем которого я был шестнадцать лет назад, выжег во мне что-то очень важное. Помимо километров безлюдной, опустошённой земли, помимо радиоактивных осадков, разнесённых по всей Сибири переменчивыми ветрами, помимо сгоревших в ядерном огне великих генералов и их гвардейцев, я и сам потерял что-то личное. Что-то, без чего невозможна нормаль-

ная человеческая жизнь. Тот столб пыли и пепла, на который я замороженно смотрел глазами шестнадцатилетнего юноши, всю жизнь будет своим тёмным молотом висеть над моей душой, не давая возможности по-настоящему полюбить Аню и от всей души гордиться Артёмом. Они оба для меня – лишь инструменты моей ненависти, лишь орудия отмщения моего народа. Женщина мне нужна, чтобы вовремя сбрасывать напряжение, накопленное во время непрерывных операций, ни о какой любви там речи не идёт. Ребёнок, которого я когда-то подобрал с улицы, послужит мне прекрасным наследником, когда пробьёт мой час, а пока послужит нашей общей Родине на полях её бесконечных сражений. Я же вполне себе могу разыграть роль принца на белом коне, вытащившего солдатскую подстилку из мрака и копоты борделя, или любящего наставника, возвысившего своего ученика до высот, которые так сложно покорить любому другому сироте. Если окружающие меня люди так сильно хотят, чтобы я играл этот спектакль, то пожалуйста, мне не сложно. В конце концов, не зря же именно искусство притворства и скрытности я избрал своей профессией?

Мы вдвоём спускались по длинной винтовой лестнице, ведущей в подвальные помещения. Обычно именно там, на глубине третьего этажа, проходили заседания штаба. Я знал дорогу, потому что все эти большие шишки собирались по обыкновению в кабинете Алеутова, в котором я также был довольно частым гостем. Артём же на такие вершины ещё

ни разу не поднимался (или, точнее сказать, никогда не спустился до таких глубин), поэтому покорно шагал следом.

Как только мы спустились на первый подвальный этаж, нас тут же перехватил личный секретарь Алеутова.

– Григорий Иванович, Господи, ну где вы ходите, вас уже давно все ждут! – запричитал он, попытавшись потянуть меня за рукав.

Руку я немедленно одёрнул.

– Василий, не шелести. Отдышись сперва. Кого там такого важного Александр Сергеевич пригласил, что аж меня, героя и ветерана, в такую рань выдернул? Я только что с операции, мне отдых, между прочим, полагается, – улыбкой я попытался смягчить ситуацию.

Правда, возымело это полностью противоположный эффект. У секретаря аж глаза на лоб полезли, от неопишуемого возмущения он яростно замахал руками.

– Как это кого привел? Вы что себе позволяете, Григорий Иванович?! Думаете, раз Александр Сергеевич вам благоволит, так можно балду гонять?! Что хочу, то и ворочу, да?! Дома у себя возмущаться будете, а здесь извольте выполнять приказы, вам всё понятно?! – Василий, обычно дружелюбный донельзя человек, даже сорвался на крик.

Так. А вот это уже серьёзно. В такое состояние Васю могло привести появление у Алеутова только кого-нибудь действительно важного. Например, Иисуса Христа, Сергея Мироновича Кирова или Адольфа Гитлера. Двое из них не яви-

лись бы по причине скоропостижной смерти, а третьего, наверняка, не пустили бы наши пограничные части. Так что я, оставив при себе своё бахвальство, покорно пошёл быстрым шагом за Василием. Артём же, за время нашего короткого диалога не сказавший ни слова, всё также следовал за нами.

Только когда наша компания добралась-таки до кабинета, я понял причины такой спешки. За круглым столом, место за которым занимал, помимо прочих, и мой непосредственный начальник, Алеутов, находились люди, которых действительно не нужно заставлять ждать. Слева от Александра Сергеевича сидел уже порядком постаревший Александр Александрович Новиков, маршал нашей немногочисленной, но всё же существующей авиации, исполняющий, помимо своих основных обязанностей, функцию министра иностранных дел. Проще говоря, именно с ним немцы договаривались, когда необходимо было обменивать пленных, и именно у него японцы выторговывали наши драгоценные металлы взамен на столь необходимое нам оборудование. Рядом с Новиковым восседал Николай Герасимович Кузнецов, в прошлом адмирал советского флота, ныне же, из-за фактического отсутствия у нас каких-либо ВМФ, исполняющий обязанности министра военной промышленности и народного хозяйства. Именно ему Чёрная Армия была обязана организацией рейда Батова, который, если не решил проблему голода в стране, то хотя бы отодвинул её на дальний план. Около адмирала, не имеющего собственного флота, занял

место Константин Константинович Рокоссовский, главнокомандующий нашими сухопутными вооружёнными силами. Единственный, наверное, кто исполнял свои непосредственные обязанности. Ещё одно место занимала грузная широкоплечая фигура, сидящая спиной ко мне, из-за чего я не мог понять, кто это, собственно, такой. На генерала Карбышева, ещё одного очень важного человека в нашем кабинете министров, этот человек был не похож, престарелый татарин, чьи укрепления когда-то спасли Россию, был намного уже в плечах. Да и к тому же, Дмитрий Михайлович очень неохотно вылезал из своих бетонных бункеров, постоянно совершенствуя их и доводя до недостижимого идеала. Впрочем, нельзя сказать, что работа эта была напрасной. Его неприступная линия обороны нерушимой стеной стояла уже шестнадцать лет, не пуская немцев к Уралу. Так или иначе, затворничество, а правильнее сказать, его фанатичная преданность делу, вошла уже в легенды и народный фольклор. Я лично слышал парочку анекдотов на эту тему, а Алеутов говорил, что за все эти годы Карбышев посетил едва ли больше десятка штабных заседаний, на которых откровенно скучал и искал возможность побыстрее улизнуть.

– Ну, надеюсь, теперь все в сборе? – спросил, оборачиваясь ко мне, незнакомец.

Вот так вот...

Теперь я окончательно понял причину панической спешки, с которой Вася нас вёл в это помещение.

Если честно, если бы в помещении оказался Иисус, стоило бы меньше спешить с ним на встречу, чем с этим человеком.

Передо мной собственной персоной сидел Георгий Константинович Жуков, верховный маршал Чёрной Армии и спаситель России.

– Здравия желаем, товарищ верховный маршал! – не сговариваясь, гаркнули мы с Артёмом, моментально приняв стойку «смирно» и приложив руки к козырькам.

– Вольно, солдаты, – усмехнулся маршал. – Чем так орать, лучше представьтесь, для начала.

– Капитан государственной безопасности Чёрной Армии, Отрепьев Григорий Иванович! – не снижая ни на йоту громкости голоса, назвался я.

Жуков поморщился.

– Я же просил, капитан, не нужно так орать. Ну, а вы, молодой человек? – он посмотрел на Артёма.

– Броневой Артём Константинович, лейтенант государственной безопасности, – намного тише чем я представился Артём.

– Вот видишь, капитан? – Жуков с улыбкой указал на Артёма, – Вот так нужно разговаривать, а не орать в замкнутом помещении, не щадя слуха старых людей. Чему вы их только учите, Александр Сергеевич? – спросил он, обернувшись к Алеутову.

Алеутов махнул рукой.

– А, этот. Этот не мой, я таких дуболомов не учу, это так,

приблуда армейский, из бывшего моего батальона.

Взрыв скрипучего старческого хохота стал ему ответом.

А я и не знал, что Алеутов с самим Жуковым на короткой ноге. Впрочем, чего ещё можно ожидать от главы разведки?

– А ты, капитан, не мнись, – предложил Рокоссовский. – Начинай доклад. Иначе они тут до вечера байки могут травить.

– Ну, ты уж лишку-то не бери, Костя, – буркнул на него Алеутов. – Так, шутканули разок. Давай, Отрепьев, начинай.

И я, раскрыв свой планшет и достав оттуда экземпляр рапорта, отпечатанный на жёлтой тонкой бумаге, начал докладывать. Доложил сперва про месячный поход на лыжах через половину рейхскомиссариата. Затем, рассказал, как два дня ждали приезда Власова, который, почему-то, задерживался. По порядку изложил ход проникновения на базу, взятия языка и ликвидации цели. Не преминул, кстати, упомянуть, что именно Артём, своими собственными руками, и повесил генерала-предателя.

Под конец моего доклада Жуков повернулся к Артёму, всё также робко стоявшему у двери в кабинет, и спросил:

– Ну, а ты? Есть что добавить по существу?

– Никак нет, товарищ верховный маршал. По существу замечаний нет, если не считать того, что повесил Власова я по прямому приказу капитана Отрепьева.

– Как будто тебе для этого приказ нужен был, лейтенант, – Жуков встал со своего кресла и подошёл ко мне.

– По твоему приказу, значит, пацан этого гада повесил?

– Так точно, товарищ верховный маршал, – исступлённо распахнув глаза и глядя как бы сквозь него, ответил я.

– Очень интересно. А с какой целью, позволь поинтересоваться, ты этот приказ отдал? Что, неужели не захотел своё имя на страницы истории вписывать? – с ехидцей в голосе поинтересовался Жуков.

Сойти за дурачка у меня не получилось. Не обманула верховного маршала ни моя оловянная стойка, ни зрачки глаз, из которых я тщательно постарался убрать все признаки интеллекта. Слишком умным и слишком опытным человеком был Георгий Константинович, чтобы попасться на такую, по сути, детскую, уловку.

Я выдохнул и прикрыл глаза.

– С целью пропагандистского эффекта, товарищ верховный маршал, – уже намного более спокойно пояснил я.

Артём, стоящий позади меня, тоскливо вздохнул.

– Вот как, – удовлетворённо произнёс Жуков. – И в чём же этот эффект состоит?

– В том, товарищ верховный маршал, что лейтенант Броневой, в силу своей юности, своей биографии и своих, пока что, немногочисленных заслуг, может стать очень хорошей пропагандистской фигурой. На нём, как на молодом человеке восемнадцати лет, не лежит ответственности за поражение в Последней войне. Он – символ новой России, возрождающейся и жаждущей мести. К тому же, он, в отличие от

многих героических фигур, почитающихся нашим народом, ещё жив. А значит, список подвигов народного героя можно будет продолжить на радость пропагандистам.

– Или же перечеркнуть крест-накрест, если твой лейтенант струсит или надумает перейти через границу с поднятыми руками. Так ведь, лейтенант? – спросил Жуков, обращаясь к Артёму.

Тот, в свою очередь, вспыхнул, покраснел с головы до пят, и уже открыл было рот для возражений, как верховный маршал примиряюще поднял руку.

– Спокойно, Артём Константинович. Я пошутил. Ни в чём таком подозревать тебя у нас нет причин.

И повернулся к Алеутову.

– На этом, я думаю, с докладом покончено. Сообщите старшему лейтенанту Броневому о его повышении в звании, и перейдём к основной части совещания...

Артём буквально светился от счастья. Я его прекрасно понимал. Первая же боевая операция – и такой успех. Мало того, что поставленная задача была с успехом выполнена, так ещё и награда нашла своего героя. Помимо новых звёздочек на погоны, мой подопечный получил ещё и серебряный кружок медали «За отвагу» на выпяченную от гордости грудь. Кажется, высшее командование пришло к тому же выводу, что и я, и захотело сделать из Артёма нового национального героя. Так что, теперь считанные часы отделяют нас от того, чтобы фотография Артёма появилась на заглавных страни-

цах газет. Я же был этому только рад.

Немного помучив официальными поздравлениями и рукопожатиями, Алеутов отпустил Артёма. Я было хотел подняться и выйти вслед за ним, но требовательный взгляд моего начальника остановил меня и заставил опуститься обратно в кресло. Как назло, стоявшее рядом с Георгием Константиновичем.

– Что ж, – вновь начал верховный маршал. – Позволь и тебя от всей души поздравить, Гришка. То, что вы сделали... это словами не описать. Это первое серьёзное поражение, нанесённое нами рейху с весны сорок пятого. Я уж было думал, что Власов так и умрёт от старости, избежав возмездия. Ан нет! Висит в петле, как последняя собака. Всё-таки, в этом мире ещё осталась справедливость, да?

Жуков печально улыбнулся.

– Честно сказать, Гриша, когда мы всё это начинали, я не думал, что мы зайдём так далеко. В тот августовский день, когда мы, здесь присутствующие, за исключением вас двоих с Александром Сергеевичем, входили в кабинет Кирова, я хотел лишь одного: снятия маршала Тухачевского со всех постов. Потому что уже больше не было никаких сил терпеть. Его, так называемый «гений», обходился нам дороже, чем все стратегические уловки Вермахта. Его химическое оружие, призванное переломить ход войны, било сильнее по нам, чем по немцам. Там, под Чебоксарами, когда этот ублюдок приказал пустить газ, полегли десятки тысяч сол-

дат. Хороших, храбрых солдат, прошедших всю войну. А эта мразь, этот самовлюблённый бездарь, он их всех задушил. Не дал даже шанса умереть достойно, как полагается мужчинам, с оружием в руках. Потравил хлором и фосгеном. Мы, не поверишь, не хотели даже Кирова смещать, всё завертелось как-то... само. А потом, когда с Кировым, да и со всем почти бывшим советским правительством было покончено, и мы медленно откатывались к Уралу, я думал, что это конец. Что прижмут нас где-нибудь у Свердловска с двух сторон – и всё. Меня – повесят, всех остальных русских людей – кого куда. Кто посильнее – в рабство, кто послабее, сожгут в своих газовых камерах. И если бы мне тогда сказали, я бы никогда не поверил, что смогу взглянуть в глаза убийце генерала Власова.

Голос маршала дрогнул. Он схватил стакан воды, стоявший на столе, и залпом проглотил его содержимое, заглушая подступившие к горлу слёзы.

– Впрочем, мы позвали тебя сюда не для того, чтобы обсуждать дела давно минувших дней. Александр Сергеевич, будьте добры... – попросил Жуков Алеутова, сделав приглашающий жест рукой.

Алеутов быстро достал какую-то бумажку из огромной стопки листов, лежащих у него на столе, и, перегнувшись, протянул её мне.

– Читай, – скомандовал он.

Я бегло пробежался по приказному листу (а это был имен-

но он, жёлтый и казённый).

– Принимая во внимание сложившуюся обстановку... прошлые заслуги капитана... присвоить звание... полковника вне очереди? – поражённо прочитал я, поднимая глаза на Алеутова.

– Меня не благодари, – тут же открестился он. – Это всё благодаря Георгию Константиновичу. Я, конечно, давно хотел тебя повысить, но майорские звёзды – это максимум, что тебе светило. То, что ты теперь полкан – не моя заслуга.

Я удивлённо повернулся к Жукову. Не он ли всегда говорил, что дисциплина и иерархия в армии основа выживания нашего народа? Ни он ли категорически запретил внеочередное присвоение званий? Ни он ли во всеуслышание заявлял о том, что офицер должен отходить под каждым погонами минимум три года? И тут, на тебе, сам же и нарушает свои же постулаты. Я, честно, не понимаю, что происходит. Наверное, такой чести я не был удостоен, даже если бы в космос полетел.

Жуков слегка смущенно крикнул.

– Видишь ли, Григорий, твоё повышение до полковника не случайно ни разу. И от слов своих я не отказываюсь. Дисциплина на первом месте. Но, видишь ли, тут возникла необходимость...

– Я всегда готов исполнить свой долг, товарищ верховный маршал, но... не поймите меня неправильно, я бы мог выполнять его и в чине капитана. Я служу не ради звёздочек

на плечах.

– Я знаю, Григорий, я знаю, – ответил Жуков. – Твой по-служной список говорит сам за себя. Но, понимаешь, от тебя в очень скором времени потребуется работа с информацией, доступ к которой могут иметь только офицеры генеральско-го чина и выше. Понимаешь, о чём я?

Я прекрасно понимал. Звания разведки дают два чина вперёд, если переводить на армейские ранги. Так что, если бы я подчинялся именно военному ведомству, я сейчас бы был полновесным генерал-майором.

– Ну так, и что это за информация? – задал я вопрос, адресуя его Георгию Константиновичу.

Все собравшиеся в кабинете молча переглянулись. Слово, после небольшой паузы, по уже заведённой традиции, взял Жуков.

– Вы с Артёмом очень хорошо подоспели с убийством Власова. Дело в том, что недавно из Новосибирской республики к нам пришёл один человек. И человек этот принёс очень интересные сведения...

Глава четвёртая

Воскресенье

«Явись, мое дивное диво!

Быть светлым меня научи!

Вздыхается конская грива...

За ветром взывают мечи...»

Окрестности Новосибирска, Новосибирская республика. 21 декабря, 1961 год.

Все мужчины, собравшиеся за круглым столом, стоящим в центре большой и просторной землянки, напряжённо молчали.

Жилище, в котором находились эти шестеро, никак нельзя было назвать «временным». Это был настоящий подземный дом, стены которого были выложены толстыми брёвнами, пол устелен деревянными досками, а на потолке на длинном шнуре ярко горела старая, ещё советских времён лампочка. Мужчины, сидевшие за столом, на котором были разложены многочисленные документы, карты и приказы, молчали, силясь переварить только что услышанную информацию.

Первым взял себя в руки самый старший из них, человек лет шестидесяти на вид, которого все здесь звали просто Михаилом. Михаил был по своему обыкновению гладко выбрит, имел аккуратно уложенную причёску и изредка поправлял

свои круглые очки в тонкой оправе.

– Значит, вы полагаете, – спросил он у Джеймса Кюри, который также находился в помещении. – Что Советский Союз, с таким оглушительным треском проигравший войну, имел собственную агентурную сеть в высших эшелонах нацистской Германии?

– Я не полагаю, Михаил, – ответил американец, крепко затягиваясь импортной сигаретой. – Я это абсолютно точно знаю.

– И всё же, из каких источников к вашему руководству поступила эта информация? – не отставал Михаил.

– Этот вопрос, Михаил, можно сказать, ключевой, – улыбнулся Джеймс, выпуская облачко дыма. – Информация эта поступила от нашего агента в Столице Мира Германии...

Михаил тут же поморщился.

– Вам самому не противно выговаривать это длиннющее название? Давайте обойдёмся без пустого формализма, хорошо? Называйте этот город так, как все привыкли, а упражнения в пафосе оставьте, пожалуйста, Гитлеру и Шпееру.

Кюри кивнул.

– Как будет угодно, но в целом, это дело не меняет. Наш агент в Берлине, недавно получивший высокую должность в СС и был допущен в партийный архив НСДАП[1], выполняя порученное ему всё той же партией задание. В чём именно заключалось это задание сейчас абсолютно неважно, но во время работы с архивными, ещё довоенными документами,

он обнаружил кое-что очень интересное.

Затушив сигарету в жерле чёрной пепельницы, стоявшей перед ним на столе, американец потянулся за новой.

– А именно? – призывая Джеймса продолжать, спросил Михаил.

– А именно донесение гестапо в РСХА[2], датированное тридцать шестым годом, где упоминалось о том, что в рядах СД[3], а также в партийном аппарате и самой гестапо находится разветвлённая агентурная сеть Советского Союза. Дело легло на стол сначала «Вешателю» Гейдриху, а затем и самому Генриху Гиммлеру. Стоит ли говорить, что всемогущий шеф СС тут же взял его под свой контроль?

– Я могу предсказать, чем всё кончилось, – перебил собеседника Михаил.

– Не нужно, это и так очевидно. Ваш тогдашний нарком внутренних дел, Ягода, если не ошибаюсь, был в высшей степени идиотом. Его шпионов немцы раскусили как детей, и судьба их, могу вас заверить, незавидна. Лишь один из тех пятнадцати дожил до сорок первого, да и то, вскоре был заморен нацистами голодом в концлагере.

– Они успели передать хоть какую-то ценную информацию? – спросил, поправляя очки, Михаил.

– На этот счёт у меня нет данных, – Джеймс пожал плечами. – Но, судя по тому, где и при каких обстоятельствах мы сейчас разговариваем, стоит предположить, что ничего путного вашим агентам нарыть не удалось.

– Это всё, конечно же, очень печально, – встрял в диалог ещё один мужчина, совсем уже старик. Его лысая голова и тоненькая козлиная борода как будто бы сошли с пропагандистских плакатов Британии, когда она ещё считала своими главными врагами большевиков. – Но как информация о пятнадцати замученных в застенках СС советских шпионах может нам помочь в нашем нынешнем положении? В конце концов, господин Кюри, мы уже давно запрашивали у вашей организации...

– Тем, господин Бухарин, – резко перебил говорившего американец. – Что по донесению того же гестапо, агентов изначально было шестнадцать.

Вот теперь в помещении повисла по-настоящему гробовая тишина. Все присутствующие, за исключением американца, который продолжал выкуривать одну сигарету за другой, молчали, медленно переваривая полученную информацию. Каждый из них испытывал то самое облегчение утопающего, который посреди бескрайнего океана видит грязную, почерневшую и взбухшую дощечку, последнее напоминание о погибшем в шторм корабле. Это, конечно, не спасение, но в безжалостном водном мире хоть что-то.

Наконец, слово взял Саблин:

– Ты хочешь сказать, Джеймс, что где-то в рейхе до сих пор действует агент Советского Союза?

– Я не могу этого утверждать, – покачал головой его новый знакомый. – Как не может это утверждать и моё руко-

водство. Но, существует вероятность, и притом отличная от нуля, что где-то на самых высших должностях немецкой империи находится ваш, русский человек.

– Высших? С чего это вы взяли, что в высших? Может быть, он как был простым служакой, так им и остался? – не унимался Бухарин.

– Успокойтесь, Николай Иванович, – резко осадил его Михаил. – Не разводите полемику на пустом месте. Если этот человек, при условии, конечно, что он до сих пор жив, сумел избежать ищеек Гимmlера, то он либо очень умён, либо уже тогда находился на достаточно высокой должности, для того, чтобы отвести от себя всякие подозрения. И я хочу сказать, что оба этих варианта рано или поздно должны были привести его к вершинам власти в рейхе. Другое дело, если он жив и добился относительного успеха, почему он не дал о себе знать?

Старикан с козлиной бородкой смущённо замолчал.

– А кому, Михаил? – вновь подал голос Саблин. – Никому не известным подпольщикам в Новосибирске? Магадане? Или, может быть, амурским коммунистам-нелегалам, которых Родзаевский держит в чёрном теле? А может, ты имеешь в виду тех одиночных народных мстителей в Московии, доведённых до предела немецкой оккупацией и от отчаяния нападающих на немецкие патрули?

Конечно, все прекрасно понимали, что на просторах разорённой России оставалась ещё одна действующая сила, но

упоминать о ней при Михаиле означало подвести себя если не под смертный приговор, то под двухчасовую гневную лекцию уж точно.

– Не понимаю, что в этом плохого? В конце концов, мы, и нам подобные, единственные, кто ещё остался верен Союзу. Но хорошо, Валерий, я тебя понял, – приложив ладонь ко лбу, сказал Михаил. – Ну, и что тогда ты предлагаешь? – спросил он, поворачиваясь к американцу, – Как мы, по-твоему, сможем связаться с нашим агентом в Германии, особенно учитывая тот факт, что мы не знаем его ни имени, ни позывного, ни занимаемой должности. Да чёрт подери, мы даже не знаем, жив ли он вообще, или нет.

«Нашим», – подумал про себя Саблин. – «Значит, Михаил не планирует начинать очередную идеологическую перепалку, на основе того, что взгляды этого неизвестного могут отличаться от его понимания идей Маркса. Это уже хорошо».

– А я и не предлагаю вам связываться с ним, – Джеймс наконец-то закончил курить. – Это сделает Чёрная Армия.

«А ведь я уже было подумал, что всё обойдётся...», – с тоской подумал Саблин.

– Чёрная Армия?! – в гневе воскликнул Михаил. Строго говоря, он не был одинок в своих чувствах. Его возмущения разделяли и все остальные участники совета. – Вы предлагаете передать бесценные сведения советской разведки этим предателям?! Пусть катятся к чёрту вместе со своим великорусским шовинизмом и обожаемым верховным маршалом,

от нас они ничего не получают!

Так уж получилось, что одновременно с падением Союза, пала и его коммунистическая идеология. Правда, не от рук немецких захватчиков, как это могло показаться со стороны, а от рук военной хунты, возглавляемой Жуковым. Как только военные свергнули Кирова, верховный маршал провозгласил смену курса и отказ от идей Маркса, которые привели Россию к такому бедственному положению и поставили на край гибели. Фигуру Ленина он заменил собственной персоной, а идеи мировой пролетарской революции сменили идеи национализма, ставящие выживание русского народа во главу угла.

Не всем, правда, это пришлось по вкусу. Очень много ортодоксальных коммунистов и верных кировцев, не поддерживавших новый курс Жукова, сбежало за Урал, прямо в лапы к японским оккупантам. И если Новосибирск или Магадан к таким беглецам относились терпимо, то вот в Приамурье, где власть захватил Константин Родзаевский, основатель Русской Фашистской партии, они были вне закона и подвергались репрессиям. Одним из таких ортодоксальных марксистов был и Михаил Андреевич Суслов, человек, что уже на протяжении восьми лет руководит Русским Сопротивлением в Новосибирской республике. Правда, русское в этом Сопротивлении только название. Всё остальное – это огромный полемический марксистский кружок, участники которого целыми днями спорят о том, насколько сильно Ки-

ров отклонился от ленинского курса, и почему именно это, а не какое-либо другое отклонение являлось фатальной причиной краха Союза. Впрочем, несмотря на то, что это положение дел Саблину решительно не нравилось (во главе именно его взглядов всегда стоял, в первую очередь, реваншизм, а поэтому он готов был иметь в союзниках хоть самого чёрта, лишь бы тот помог изгнать оккупантов с его родной земли), иногда он задумывался, что всё могло бы быть намного хуже. Ведь именно благодаря усилиям Михаила Соппротивление в Новосибирске всё ещё представляет из себя единую организацию. А вот в Магадане, например, местные подпольщики уже раскололись на десятки мелких течений, каждое из которых не столько занимается подрывной деятельностью против японцев, сколько грызётся с остальными, за право называть именно своё понимание социализма истинно верным.

– Вам, Михаил, я ничего не предлагаю, – иронично упрекнул председателя новосибирского сопротивления Джеймс. – Я лишь прошу перевести меня через границу для встречи с людьми Жукова. Вы можете как угодно относиться к идеям верховного маршала, но вы не можете отрицать того, что он – единственная реальная сила во всём регионе, которой под силу наладить связь, если это до сих пор возможно, с тем самым неизвестным нам агентом.

– Пусть этот националист и реакционер делает, что хочет у себя в вотчине, но я не позволю ему претендовать на что-то больше, чем заслуженное им по праву звание местного полу-

сумасшедшего царька, – Михаил был непреклонен. – Все мы ценой огромных потерь полсотни лет выползали из великодержавной имперской ямы не для того, чтобы одним махом вернуться туда, втопав все наши светлые идеи в грязь. Особенно сейчас, когда они так нам нужны.

– Вам напомнить, куда вас привели эти идеи? – из голоса американца так и сочился сарказм.

Михаил гневно зыркнул на него.

– Не смей меня поучать, американец, – в гневе он даже перешёл на «ты». – Кто ты вообще такой, чтобы рассуждать о судьбах моей страны и идеях закономерного исторического развития? Именно заигрывание с такими как вы, лакеями капитала, привело режим Кирова к краху. Отступление от марксистско-ленинской теории стало причиной того, что на нашей земле сейчас хозяйничают фашистские оккупанты, а идея мировой революции и всемирного равенства втоптана в грязь.

– Да неужели?! – пришло время возмущаться уже Джеймсу. – А может быть, всё дело в том, что вы, коммунистические идиоты, выкинули из страны всех царских генералов, посадив на их место вчерашних поручиков, а кухарок, крестьян и пролетариев поставили управлять государством?! Может быть, потому что ваш, весь из себя такой революционный и идеологически правильный маршал Тухачевский травил газом собственных солдат, вместо того, чтобы убивать немцев? Или, может быть, потому, что вы тратили ко-

лоссальные средства на то, чтобы поддерживать левые партии по всей Европе, вместо того, чтобы укреплять оборонный потенциал своей же собственной страны?!

Все собравшиеся, помимо двух спорщиков, возбуждённо гудели. Здесь любили поспорить и подискутировать, а эта перепалка грозила перерасти из простого обмена упрёками в самый натуральный скандал. Такое дело пенсионеры, управляющие всей этой организацией, очень любили.

– Хватит! – прервал диспут Михаил. – Ваша позиция мне ясна, мистер Кюри. С нашей стороны мы готовы оказать всяческое содействие в деле установления связи с тем мифическим агентом. Мы, не будем скрывать, сами в этом заинтересованы, поэтому вам будут доступны любые ресурсы, которые мы сможем предоставить. Деньги, люди, оружие, даже официальные каналы Новосибирской республики, всё это вы получите по первой необходимости. Но ни о каких контактах с Чёрной Армией и речи идти не может. Эти предатели дела революции для нас ровно такие же враги, как и немцы с японцами.

– Прошу прощения, Михаил, но из всех возможностей, которыми располагаете вы и ваша организация, меня интересуют только ваши связи с контрабандистами, – гнул свою линию американец.

– Сколько угодно, мистер Кюри, но связываться с Чёрной Армией, ровно как и переходить через границу, вам позволено не будет.

– Но... – попытался было возразить Джеймс.

– Это моё последнее слово, – Михаил был абсолютно непреклонен. – Мы не можем даже допустить мысли о том, что бесценные данные, которыми вы располагаете, могут попасть в руки контрреволюции.

– Я осмелюсь вам напомнить, Михаил, – в голосе Джеймса прорезалась сталь. – Что я не являюсь одним из ваших мальчиков на побегушках. Я вообще не подчиняюсь вашим приказам, если вы забыли, и ваши комплексы по поводу революционности того или иного действия мне до лампочки.

Михаил развёл руками.

– В таком случае, ничем не могу помочь, товарищ Кюри. Соппротивление не может действовать во вред самому себе, даже если этого требует ЦРУ. Тем более, хочу напомнить, что ваша организация тоже несколько раз отказывала нам в поддержке. Так что мы, считай, квиты. Конечно, мне искренне жаль, что мы не сможем воспользоваться вашими, безусловно, ценными сведениями, но, в конце концов, их достоверность действительно достаточно сомнительна. На этом совещание закончено, всем спасибо, все свободны, – на прощание Михаил громко грохнул стопкой важных бумажек об стол.

Старички, кряхтя, начали подниматься с насиженных мест. Михаил не оборачиваясь прошёл к выходу из землянки, около которого двумя каменными истуканами замерли часовые, одетые в тёплые зимние ватники, перевязанные

красными лентами на левых руках. Все остальные, в том числе и склочный Бухарин, не спеша последовали за своим лидером, тихонько переговариваясь скрипучими старческими голосами. Очень скоро в помещении остались лишь Саблин и слегка ошалевший Джеймс.

Поднявшись с места, Валерий подошёл к американцу.

– Ты как? – спросил он, присаживаясь рядом.

Американец печально улыбнулся.

– Когда ты сказал, что у тебя есть выход на здешних контрабандистов, я уже было обрадовался, что задание почти выполнено. Когда же мы без проблем ушли от японской военной полиции, я понял, что всё идёт слишком гладко и где-то должна быть подлянка. Так что, – он грустно вздохнул. – Я почти не расстроился. Но, если честно, я полагал, что твой начальник, хоть и достаточно ортодоксален, всё-таки не игнорирует здравый смысл в угоду идеологии.

– Что есть, то есть, – развёл руками Саблин. – Не считай его совсем дураком. Наоборот, Суслов очень хороший организатор. Пока он не взял бразды правления, у нас тут был полный кавардак. Просто...

– Просто он обыкновенный религиозный фанатик, у которого Библия заменена «Манифестом коммунистической партии», – резко прервал Джеймс Саблина. – Какой бы он хороший управленец не был, Валерий, а оставаться в этой дыре я не собираюсь, уж поверь. У меня чёткий приказ: доставить сведения Чёрной Армии и, по возможности, согла-

совать дальнейшие совместные действия. И я его выполняю: с помощью Сопротивления или без неё – значения не имеет. Ваш местечковый марксистский кружок с его игрой в прятки с кэмпейтай, уж прости, меня, как и моё управление, совсем не интересуется. Если хотите – можете и дальше строить социалистическое государство в сибирской глуши, заниматься политическими интригами с Матковским и строить землянки в тайге. Мне же необходимо перебраться через границу. Любой ценой.

Ещё даже не закончив своей гневной тирады, американец резко встал со стула, едва его не опрокинув, и покинул помещение, оставив Саблина в задумчивом одиночестве.

* * *

Джеймс Кюри проснулся от того, что кто-то его тихонько, но настойчиво дёргает за плечо.

Он резко открыл глаза и уже ухватил руку будящего в захват, намереваясь сломать незваному гостю кисть, когда услышал знакомый голос:

– Джеймс, спокойно, это я.

Голос принадлежал Валерию.

Окончательно проснувшись и ослабив хватку, американец отвернулся от деревянной стены землянки, в которую, уснув, уткнулся носом, и, сев на кровати, сонно посмотрел на своего знакомого. Всё, что он увидел – лишь тёмный силуэт на

фоне дверного проёма, из которого слабо струился лунный свет и холодный лесной воздух. Освещения, не считая давно погасших восковых свечей, в землянке, где разместили агента иностранной разведки, не было.

– Ты чего? – поборов зевоту спросил Джеймс.

– Нету времени. Собирайся давай, только тихо. Всё важное с собой бери и пошли.

– Свечу-то хоть можно зажечь? Темно, хоть глаз выколи.

– Какую свечу, ты что, сдурел?! – зашипел на него Саблин. – Давай так, на ощупь.

Пока американец собирался, Саблин встал в дверном проёме и, оперевшись на косяк, аккуратно осматривал местность. В конце концов, когда разведчик закончил свои сборы и, протирая свои всё ещё сонные глаза, подошёл к Валерию, тот аккуратно поманил его за собой, сделав знак, чтобы шёл тихо.

К чести Джеймса можно было сказать, что, несмотря на всю сонливость и напускную неряшливость, держался он достаточно хорошо. Чувствовалась школа ЦРУ. Он не издал ни единого звука, пока следовал за Саблиным, за исключением тихого и ровного дыхания.

– Тихо! – шепнул Саблин, падая на блестящий от лунного света сугроб.

Джеймс немедленно последовал его примеру.

Мимо них вразвалку, чадя махоркой, прошёл часовой, одетый в толстый тёплый зимний ватник с тёмно-синим шер-

стяным воротником. На плече у этого солидного, бородатого мужчины болталась старая, ещё советских времён, самозарядная винтовка «СВТ-38», когда-то сослужившая хорошую службу Красной Армии на полях Последней войны.

Мужчина остановился и неспешно, явно растягивая удовольствие, затянулся. Спокойно помотал головой из стороны в сторону. Негромко кашлянул и тут же дёрнулся, будто его током ударило. Аккуратно сняв с плеча винтовку, он подошёл к месту, где, не шевелясь и боясь вздохнуть, лежали Саблин и американец. Часовой пристально взгляделся в то место, где лежал Валерий и удивлённым голосом спросил:

– Саблин, ты что...

Закончить он не успел. Страшно захрипев, часовой повалился на колени. Он безуспешно старался вытащить из шеи металлический прямоугольник метательного ножа, но всё было тщетно. Бросок Саблина оказался убийственно-точным, оружие вошло очень глубоко. Жизнь быстро уходила из его невидящих глаз бородача, и вскоре часовой окончательно упал набок, чтобы больше уже никогда не встать.

– Идём, быстро! – Вставая, Саблин потянул за плечо американца, наблюдавшего за тем, как быстро окрашивается в красный снег.

«Он только что спокойно убил часового, который его, по всей видимости, знал», – подумал про себя Джеймс, бегом следуя за Валерием. – «Для такого хладнокровия у парня должна либо начисто отсутствовать совесть, либо он должен

быть на все сто процентов уверен в своей правоте. Хочется надеяться, что тут именно второе».

– Сука, Миши здесь было быть не должно! – шипя, выругался Саблин, прижимаясь спиной к стволу могучей ели и пропуская мимо патруль, состоящий из двух человек. – Я же лично два месяца наблюдал за патрулями. Суслов, похоже, что-то заподозрил.

– Плохо? – всё также тихо поинтересовался Джеймс.

– Не то слово, – ответил Валерий. – Этих двоих видишь? Кюри кивнул головой.

– А ведь по обычному расписанию часовых их здесь быть не должно. Как не должно было быть и того, убитого. Они сейчас круг сделают и увидят тело. У нас с тобой на всё про всё осталось минут пять.

– На что «на всё»? – задал Джеймс резонный вопрос.

– Давай ты шевелись, Господи...

Они снова побежали, всё также в полуприсяде, прикрывая руками затылки, как будто защищаясь от пуль. Где-то в ночном сибирском лесу гулко ухал филин, а высокие ели, озаряемые ночным светом, шумели на холодном ветру, заглушая треск снега под их ногами.

Наконец, Джеймс сориентировался, куда ведёт его Саблин. Валерий выводил их к выходу из лагеря, узенькой грунтовой дороге, по которой его вчера привезли сюда, пряча в брезентовом кузове чёрной трёхтонки. Путешествие оказалось ниже среднего, особенно беря во внимание отврати-

тельное качество дороги и собачий холод, от которого не спасала ни тёплая зимняя одежда, ни добротные валенки, которые одолжил американцу один сердобольный партизан.

На выезде из лагеря, который Джеймсу был уже знаком, стояла та самая трёхтонка, лениво ворча заведённым двигателем. Единственная левая фара у автомобиля не горела, а внутри кузова находились семеро, темнеющие в лунном свете силуэтами своих ушанок.

Передняя дверца открылась, и показавшаяся из неё рука с отчётливым украинским акцентом поговорила:

– Ну че, ви там довго порпатися будете, хлопцы?

– Давай трогай, Леха! – заорал Саблин, запрыгивая в кузов и затягивая за собой американца.

Партизаны, сидящие там и по мере возможностей помогающие Валерию, тут же на него зашикали.

– Ты чего орёшь, совсем сдурел?

Саблин только рукой махнул от досады.

В тот же миг от лагеря, до того момента покрытого сонной тишиной, донёсся громкий, разрезающий ночное безмолвие крик: «Тревога!». Часовые-таки нашли тело.

– Твою! – ударил с досады кулаком по кузову Саблин. – Всё равно опоздали!

Тут же, чертыхаясь и перешагивая через своих товарищей, он подошёл к кабине и несколько раз постучал по её крыше.

– Лёша, заводи давай, засветились!

Третий раз украинцу повторять не пришлось. Машина взревела, чуть-чуть пробуксовала в колее снега и рванула в ночь, подпрыгивая на каждой кочке, заставляя бойцов судорожно вжиматься в доски кузова и хвататься за борта. Где-то там, за спиной, оставались засыпанные снегом бугорки землянок, а сам лагерь просыпался по тревоге, разбуженный людскими криками, лязганьем затворов и суетливой паникой.

Саблин устало оперся спиной о кузов, присев напротив Джеймса.

– Надеюсь, американец, это того стоило.

Джеймс печально поднял на него глаза.

– Я тоже очень на это надеюсь...

* * *

Новосибирская республика, Новосибирск. 22 декабря, 1961 год.

– У нас проблемы? – спросил Джеймс, прихлёбывая из бесцветной жестяной кружки суррогатный чай.

– Да, и большие, – угрюмо ответил ему Саблин, скрестив руки на груди. – Я немного недооценил возможности Михаила. О том, что мы, можно сказать, вне закона, знают теперь почти все уркаганы в Новосибирске. Ни в одной малине и ни в одном бандитском схроне нам теперь не укрыться. Нас тут же выдадут, если не людям Михаила, то кэмпэйтэй, которая

тебя, если ты успел забыть, тоже ищет. А японская военная полиция, между прочим, намного опаснее моих бывших товарищей.

Положение у них действительно было не из лучших. По сути, Соппротивление всегда конфликтовало с оккупационной администрацией, но конфликт этот был вялотекущим, выливающимся лишь в точечные задержания и лёгкие полицейские рейды, о которых подпольщиков заранее предупреждали свои люди в силовых органах. Теперь же всё было по-другому. За дело взялась не люди Матковского, во многом сочувствующие делу Соппротивления, а японцы напрямую, для которых что русский, что китаец, что коммунист, что либерал – всё одно, нарушитель спокойствия империи. А если этот нарушитель вступил в контакт с иностранным агентом, у которого при себе особо важные сведения, то незадачливому бунтовщику остаётся только молиться.

Они вдвоём стояли около двери старого, разваливающегося деревянного здания. Над этой самой дверью висела широкая заснеженная вывеска, на которой едва можно было разобрать слово «Столовая». Собственно говоря, надпись почти не врала: поесть здесь тоже имелась возможность. Правда, на стол накрывали отнюдь не каждому. Заказать что-нибудь можно было лишь в том случае, если ты являлся «своим». В противном случае, светловолосая полноватая продавщица лет тридцати, которую здесь звали не иначе, как Манька, тоскливо заявляла тебе, что продукты кончились, и подвоза

сегодня не будет. Как не будет его и завтра, и послезавтра, и даже через два месяца. Сидящие же за заляпанными столами лица крайне уголовного вида, которые имели привычку очень громко чавкать, поедая продукты питания, ничуть не смущали Маньку, и на закономерный вопрос случайных посетителей она лишь растеряно разводила руками, мол, кто успел – тот и съел.

Так незадачливый голодающий мог ходить в эту «столовую» очень долго. А точнее, до тех пор, пока на него не укажет пальцем немолодой хозяйин заведения, старый уголовник по кличке Повар, появляющийся на глазах посторонних лишь в грязном поварском фартуке, бреющий голову наголо и ничуть не стесняющийся длинной синей воровской наколки, тянущейся по всей левой половине лица. С того момента это место становится для «голодающего» вторым домом, так как именно одобрение Повара, этого старого зэка, мотавшего срок ещё при Ленине, необходимо для принятия в воровское сообщество Новособа.

Впрочем, в эту малину допускались не только карманники, форточники, напёрсточники и прочее ворьё. Для подпольщиков этот притон также стал очень важным местом. Ведь где, кроме как в воровской среде можно узнать информацию, тщательно скрываемую официальными каналами, разжиться краденой амуницией и оружием, а также спокойно обсудить важные вопросы, не опасаясь лишних ушей? Нет, слушателей-то здесь как раз было предостаточно, но все

они руководствовались очень мудрым эковским правилом: «Меньше знаешь – крепче спишь». Особенно, когда за болтливый язык спрашивают неприветливые люди, вооружённые пусть и старенькими, но рабочими винтовками.

Именно сюда и прибыл Саблин со своим отрядом, желая узнать последние новости. Не сказать, чтобы они его обрадовали. Можно сказать, они едва не вляпались, так как Повар сообщил ему о том, что люди Михаила пробыли здесь три часа до их прибытия и только недавно ушли в неизвестном направлении. Сам же Повар решил придерживаться твёрдого нейтралитета в этой истории и честно предупредил Валерия, что скажет остальным подпольщикам, что он со своим отрядом был тут. Если его, конечно, спросят. С этим заявлением от старого уголовника надежды Саблина на то, что у них с Джеймсом получится связаться с обычными, «официальными» контрабандистами, которые постоянно работали на Соппротивление, растаяли словно дым. Нет, точнее связаться-то они бы связались, но лишь для того, чтобы в ту же секунду быть выданными Михаилу и его людям.

– И я всё равно не понимаю, зачем ты это сделал? – в который раз поинтересовался Джеймс.

Валерий вздохнул. Для его команды, для всех восьмерых человек, что сопровождали его в этом безумном бегстве из лагеря подпольщиков, это был очевидный и давно решённый вопрос. Но Джеймс, видимо, ещё не особо хорошо понимал происходящее, а отшучиваться и заминать проклёвывающе-

еся объяснение Валерию надоело. Тем более сейчас, когда дороги назад больше не было, ему, как никогда, требовалось вселить уверенность в своих ребят, напомнить им всем, а прежде всего самому себе, зачем они всё это затеяли.

– Затем, Джеймс, что это нельзя было больше терпеть. Хватит. Можно ошибиться один раз, от этого никто не застрахован. Можно ошибиться второй раз, тех, кто сдаются после первой же преграды на своём пути, история обычно не жалуется. Но на третий раз даже до самого недалёкого идиота дойдёт, что неудачи, в конце концов, вылились в самую натуральную закономерность, уже независящую от персоналий. Знаешь, почему для всех русских людей Жуков – национальный герой? Я имею в виду, вообще для всех: от Москвы и до Магадана? Почему жители приграничных областей Московии каждый раз сжимают на удачу кулаки, когда Чёрная Армия в очередной раз идёт в рейд? Почему церкви Приамурья, взлелеянные Родзаевским, молятся не за здоровье первого русского фашиста, а втихую ставят свечку долгим летам жизни верховного маршала? А всё очень просто, Джеймс: потому что он продолжает бороться. Он и его люди – единственные из нас, русских, кто ещё не сложил оружие. Их долгая, по-настоящему Последняя война продолжается вот уже двадцать лет. Зажатые со всех сторон, они и не думают капитулировать. Их решимость только крепнет с каждым новым налётом лётчиков Геринга, которые всё также безуспешно стараются стереть их с лица земли. Их уверен-

ность в собственном деле увеличивается с каждым новым рейдом, с каждым убитым немцем. С каждым новым беженцем, что больше не в силах терпеть ад Московии или чистилище Новосибирска, их ряды растут. Им плевать на идеологию, в их рядах и бывшие коммунисты, и дети белогвардейцев, и обычные, далёкие от политики люди, в сердцах которых горит негасимое пламя ненависти. Весь Урал дымит военными заводами, со станков сходят сотни, нет, тысячи новых винтовок, танков и артиллерийских орудий! Новое поколение, поколение, не заставшее войну, не сломленное горечью поражения, каждый день тренируется, готовится к тому, чтобы неостановимой армадой спуститься с гор и устроить захватчикам ад на земле, точно так же, как они устроили его нам двадцать лет назад!

Саблин перевёл дыхание.

– Да, методы Жукова далеки от гуманных, а его идеи почти никак не переплетаются со старым социализмом, безраздельно властвовавшим в Союзе. Он не нормирован, не теоретичен, у него нет никаких представлений о диалектическом историческом противоборстве угнетённых и угнетаемых. Зато у него есть ненависть и желание отомстить, которое ведёт его, как и всю его Чёрную Армию, вперёд. У него есть праведный гнев, что станет путеводным маяком для всех неравнодушных людей на просторах посыпанной пеплом многострадальной русской земли! А что же нам может предложить весь такой правильный, начитанный и идео-

логически-верный Суслов? Старую пыльную идею, слепое следование которой когда-то поставило на колени мою Родину? Идею, разгромившую её историю и культуру, подвываящую всё её тысячелетнее наследие к идеологии какого-то полусумасшедшего немца? Ну уж нет, друг мой. Немца мы, русские, привыкли резать ножом по горлу, а не заучивать его памфлеты наизусть.

Постепенно, тот жар, с которым Саблин начинал свою речь, сходил на нет. Подпольщик успокаивался и брал себя в руки. Нужно было заканчивать.

– Пойми меня, Джеймс. Я родился в тридцать девятом году, в Ленинграде. Мой город, если ты помнишь, заморен голодом, его величественные дворцы и соборы уничтожены немецкими варварами. Три миллиона скорбных душ: женщины, старики, дети, умершие страшной, голодной смертью. Эрмитаж, Зимний дворец русских императоров, сровняли с землёй, а его бесценное наследие навсегда потеряно. Из Спаса на Крови сделали мишень для авиабомб, а Александрийскую колонну, символ победы моего народа, утопили в Балтийском море. Да, я почти не видел того самого Союза, о котором так любит ностальгировать Михаил, но мне плевать на него. Мне плевать на Ленина, на Маркса и на Энгельса. Я не хочу участвовать в пыльных, бесконечных идеологических диспутах, беря винтовку в руку только лишь для ещё одного обхода лагеря. Я хочу увидеть, хоть перед смертью, но увидеть родной русский флаг, гордо реющий над освобождён-

ной Москвой и Петербургом. И полки, десятки, нет, сотни полков, без остановки рвущиеся на запад! Туда, куда ведёт их священная ярость.

Ребята, кажется, прониклись. Эта идея возникла у них, одних из самых молодых участников движения, далеко не вчера. Они, юные и злые, достаточно давно вынашивали планы по смещению Михаила со всех занимаемых постов, если понадобится, то и силой. Они хотели перейти к настоящим действиям, пусть и ненормированным марксистской идеологией, но приводящим хоть к каким-то результатам. Пусть даже эти результаты будут составлять лишь десяток-другой узкоглазых трупов, плевать. Всё лучше, чем бесконечно отсиживаться в лесной глуши.

Появление же американца внесло резкие коррективы в их планы.

– Так что, как только я понял, что за сведения ты хочешь передать Чёрной Армии, я решил, что оставлять тебя в лапах Сулова просто не имею права. Для него эта информация будет лишь ещё одним поводом потешить своё идеологически-верное самомнение. Он никогда не рискнёт, да что там не рискнёт, не сможет в принципе связаться тем агентом. Для Жукова же, то, что ты сказал вчера вечером на заседании – шанс, которого он, возможно, ждал все эти годы. Мы с ребятами, – бойцы Саблина согласно кивнули. – Сделаем всё возможное, чтобы ты пересёк границу.

– А это вообще возможно в нынешней ситуации? – недо-

верчиво спросил Джеймс, ставя опустевшую кружку на капот трёхтонки.

– Намного более реально, чем ты думаешь, – ответил Саблин потягиваясь. За время разговора у него затекла спина. – Есть один вариант, хотя лично мне очень не хочется прибегать к нему. По причинам, правда, сугубо личным, к делу не относящимся. Хотя, впрочем, горела хата – гори сарай. В Новосибирске я теперь персона нон грата, а поэтому мне одна дорога.

Валерий повернулся к своим бойцам и скомандовал:

– Грузимся, парни.

Когда все остальные бойцы, в числе которых был и Джеймс, запрыгивали в кузов, Алексей, тот самый украинец, что всю эту безумную ночь крутил баранку, уводя небольшой отряд Саблина от погони, спросил:

– Куди йдемо-то, командир?

– Двигай к Олесе. Знаешь, где это?

– Звичайно знаю, як Олеську-то не знати, – Алексей мечтательно улыбнулся. – Гарна баба-то.

Саблин, забираясь на соседнее сиденье в кабину грузовика, скривился, как от зубной боли.

– Ты зубы-то не скаль. Трогай давай.

Через две минуты о недавнем жарком разговоре у бандитского притона напоминали только две заснеженные колеи, оставленные колёсами грузовика и восемь пар следов.

– Валя, ты псих, ты в курсе?

Они вдвоём сидели в большой, по старинной русской традиции, и слабоосвещённой избе. Печка, притулившаяся к слегка почерневшей от времени деревянной стене, была огорожена хиленькой шторкой, явно украденной из ванной комнаты одной из немногочисленных гостиниц Новосиба. В углу единственной просторной комнаты был красный уголок, в котором грустно стояла запылившаяся от времени икона. Помимо этих предметов интерьера, а также немногочисленных полок, забитых всяким хламом, изба, по сути, была совершенно пустой.

Коротко стриженная брюнетка затаилась привозной японской сигаретой и закинула ноги, обутые в массивные армейские (не по сезону) сапоги на хлипкий деревянный стол, стоящий посреди избы. Тот, в свою очередь, от такой наглости возмущённо и жалобно всхлипнул.

– Давай без этого, – Саблин недовольно поморщился. – Так сможешь или нет?

– Валер, вот честно, не знаю, просто не могу сказать, – девушка пожала плечами. – Узкоглазые уже как месяц на ушах стоят, граница на замке. Япошки бегают, суетятся, паникуют и очень громко отдают приказы. Ну, ты знаешь, они всегда орут, когда волнуются.

– Что, даже вас прижали? – Валерий попытался грубо подольститься. – Да я в жизнь этому не поверю.

Контрабандистка лишь медленно покачала головой.

– Не в этот раз, Валер, не в этот раз. Говорю же, японцы сильно оживились, я такого уже года три не видела. Ну, помнишь, когда погранца хлопнули?

Саблин тот инцидент прекрасно помнил. Дело произошло на общей с Московской границе, на той самой узкой полоске земли от севера Уральских гор и до побережья Карского моря, где территории рейхскомиссариата и марионеточной республики соприкасаются. Тогда отряд японских пограничников просто залез не на свою территорию. А может, это немцы хватили лишку, точно установить так и не удалось. Империя настаивала на своей версии, рейх – на своей. Вылилось это всё в труп японского пограничника, а затем и в недельную перестрелку на короткой дистанции. Скандал с трудом удалось замять, правда, перед этим Гитлер и Хирохито дважды пригрозили ударить друг по другу ядерным оружием, если провокации (исключительно с другой стороны, мы – невинные жертвы) не прекратятся. Вмешаться пришлось даже США, потому что всё это пустяшное, по сути, дело грозило перерасти в полномасштабную войну между двумя сверхдержавами.

К слову сказать, в последние годы отношения между титанами-победителями заметно охладели. Конечно, блок стран Оси по природе своей был союзом недолговечным, слишком

уж разные у его участников были пути, но всё равно, после окончания Второй Мировой войны они держали себя в рамках приличия. Пять лет подряд проводились ежегодные съезды трёх формально равных глав союза: Муссолини, Гитлера и Хирохито. Каждое из этих собраний сопровождалось шумным банкетом и проходило, по обыкновению, в тёплой и дружеской обстановке. Дипломаты витиевато играли мускулами своих стран, промышленники заключали всё новые и новые торговые сделки, стараясь, одновременно с этим, как можно крупнее обмануть друг друга, а военные, как обычно, чопорно стояли в сторонке, тихонько презирая и тех, и других. Мирное сосуществование окончилось со смертью дуче. Похороны «нового цезаря», как называли его на родине, были самым масштабным мероприятием, которое видела Европа со времён подписания Вашингтонского мира в сорок шестом году. Прощаться с телом пришёл даже Папа Римский, видимо, в память об услугах, которые Муссолини оказал Святому Престолу.

Вот только на место покойного дуче пришёл граф Чиано, муж его дочери и по совместительству министр иностранных дел Италии. Этот человек был ярким противником Гитлера, ещё в тридцатые годы, когда Ось ещё только зарождалась. Он всеми силами отговаривал итальянского диктатора от соглашения, которое, как тогда казалось молодому министру, приведёт Италию к краху. Но, несмотря на все гибельные пророчества, дружба с Гитлером привела Муссолини не

к падению, а к славе, сделав его страну, истинную наследницу Древнего Рима, хозяйкой половины Средиземноморья.

И всё же, неприязнь Галеаццо Чиано к немецкому фюреру ни капли не угасла, несмотря на все те громкие победы, которые одержало немецкое и итальянское оружие. Как только он получил власть и стал первым лицом в государстве (не беря в расчёт дряхлеющего опереточного монарха), итальянская внешняя политика сделал резкий поворот на сто восемьдесят градусов. Отношения между странами всё сильнее и сильнее охлаждались, пока, после Гибралтарского инцидента осенью пятьдесят шестого, Чиано не разорвал все дипломатические отношения с рейхом и, громко хлопнув дверью, не покинул ось. С тех пор Италия стала всё сильнее и сильнее тянуться к западу, а конкретно – к США, единственной силе на политической мировой арене, которая ещё могла хоть как-то сопротивляться могуществу немецкой империи.

А тем временем, Хирохито, почувствовав слабость своего старого союзника, начал постепенно наращивать давление по дипломатическим и торговым каналам, что имело гораздо более серьёзные последствия для рейха, чем разрыв с Чиано. Италия всё-таки, хоть и являлась самым ближайшим и давним союзником Германии, воспринималась больше как актёр второго плана. А вот Япония... Япония была вполне самодостаточным игроком. К тому же, обладавшим солидным ядерным арсеналом и многомиллионной армией. И рейх, не в силах успокоить противника силой, как он это обычно при-

вык делать, вместе со всей своей вялой экономикой, завязанной на рабовладельческом строе и угнетении покорённых народов, стал постепенно проигрывать азиатскому, специфичному, но всё же капитализму. Спасло немцев от полного политического и экономического краха только обрушение Токийской биржи, заставившее японцев затянуть пояса и на время умерить свои дипломатические амбиции.

– Помню Олеся, помню, – кивнул головой Валерий. – Но сейчас ведь никого не убили?

– Не убили, – согласилась Олеся. – Но сдаётся мне, лучше бы хлопнули. Мороки было бы меньше. В этот раз туда даже бронетехнику нагнали и установили режим повышенной боеготовности. От полицейских ищек на границе теперь не продохнуть. Кого-то они очень упорно ищут. Не знаешь, случайно, кого, Валер?

– Не знаю, – не моргнув глазом солгал Саблин.

– А вот врать нам не нужно, Валерий, – раздался со стороны занавешенной печи ещё один, на этот раз мужской, голос.

Саблин устало закатил глаза. Владелец этого голоса ему, к сожалению, был хорошо знаком.

– Привет, Олег. Я думал, тебя нет дома.

Тот, кого называли Олегом, лишь саркастически хмыкнул, спрыгивая с печи. Называть это место для конспиративных встреч домом можно было только в шутку.

Подойдя к столу, он протянул руку для приветствия. Этот молодой, чуть старше Валерия, человек с круглым, испещ-

рѣнным шрамами лицом. Одет он был в потрёпанный грязный свитер, на шее у него блестела массивная цепочка, на которой, в свою очередь, болтался старенький деревянный крестик, а широкие военные штаны, заправленные в зимние японские ботинки, были на два размера больше и поэтому ужасно шаркали при ходьбе.

Валерий пожал протянутую руку.

– Тебе не холодно? – он кивнул на ботинки.

– Ты знаешь, нет, – ответил Олег, кладя руку на плечо Олесе. – Японцы, как ни странно, кажется, научились делать хорошую обувь. Я в них по сугробам хожу и пока жаловаться не на что. Впрочем, мы же не ради обсуждения моей обновки здесь собрались, так ведь, Саблин?

– Возможно, – не стал отрицать Валерий.

– Если ты думаешь, что если я живу на окраине Новосибирска, то новости до меня не доходят, то ты очень сильно ошибаешься. Весь город на ушах, Валера. И всё из-за тебя и из-за твоих выходов. Сперва тебя видели на вокзале с каким-то неизвестным. Потом ты устраиваешь перестрелку с кэмпэйтэй прямо в центре города, чудом уходя от погони. Не подскажешь, кстати, не было ли связано это чудесное спасение с городской канализацией, которую мы, контрабандисты, так часто используем для перевозки грузов, и которая уже как второй день кишит японцами? А теперь к этому ко всему добавилось известие о том, что ты дезертировал из Сопротивления, перестреляв при этом половину подполь-

щиков и выкрав заодно какие-то жутко секретные сведения. И после этого, когда все «официальные» каналы для тебя заказаны, ты приходишь к нам и надеяшь, видимо, на старую дружбу, просишь перевести тебя через границу с Чёрной Армией? Что происходит, Валерий?

– Про половину точно враньё, там один убитый всего был. А что до всего остального, то я просто выполняю свою клятву, Олег. Только и всего, – ответил Саблин. Выдавать свои тайны он не собирался.

Ответом ему был оглушительный удар кулаком по столу, от которого подпрыгнула не только бедная Олеся, но и сам Саблин.

– Хватит, Валерий! – в бешенстве заорал Олег. – Шутки кончились. Если ты думаешь, что я буду помогать тебе только потому, что твой отец когда-то вытащил нас всех из очень глубокой задницы, а ты сможешь и дальше говорить загадками, строя из себя спасителя мира, то ты очень сильно ошибаешься! Хватит! Мне надоело! Мы с Олесей уже выплатили свой долг сполна. Теперь, если хочешь добиться от нас помощи, будь добр сообщить всё, что знаешь.

А вот это было уже серьёзно. Если Олег, всегда весёлый и ироничный человек, сорвался на крик, начал стучать кулаком по столу и, совершенно не стесняясь жены, готовился пренебречь давним обещанием, данным ещё отцу Саблина, то стоило действительно идти на попятный.

– Ребята, мне сказать-то не сложно, – начал Валерий, гля-

дя на семейную пару. – Это вам потом проблема будет забыть всё услышанное. А особенно остро эта проблема встанет в лагере подпольщиков или подвалах кэмпэйтэй. Я, кстати, ставлю на последних. Наши давно засиделись без дела, так что живьём вас вряд ли взять смогут, а вот японцы, это да, дело другое. Слышали, что они во Владивостоке творили? Все эти живьём замороженные женщины, дети, которым ставили инъекцию синильной кислоты? Оно вам нужно, родные мои?

По лицам Олега и Олеси пробежала тень. Конечно, они были наслышаны о том, что творили японцы в годы Последней войны. Мало кому удалось живым выбраться из оккупированного Приморья и Сахалина, где узкоглазые устроили настоящую бойню. Те же «счастливчики», кто избежал ненасытных рук японских палачей, сидели в двадцать, постоянно просыпались от ночных кошмаров и заикались, когда рассказывали леденящие душу истории. Впрочем, и в послевоенные годы «благородные» потомки самураев творили такое, что очень хочется, но никак нельзя забыть. Валерий готов был держать пари, что от такой типично азиатской жестокости даже у самого отпетого эсэсовца глаза бы на лоб полезли.

И, тем не менее, глава семейства утвердительно кивнул слегка трясущейся от волнения головой.

– Выкладывай.

Саблин лишь развёл руками.

– Смотри, Олег, я тебя предупреждал. Вы позволите? – он

встал со стула и кивнул на входную деревянную дверь.

– Валяй, – подала голос, молчавшая всё это время Олеся.

Широко распахнув дверь, Саблин позвал:

– Джеймс, иди сюда, тебя тут просят.

Супруги удивлённо переглянулись. Имя, которое назвал Валерий, было очень нетипичным для здешних широт.

Американский разведчик ввалился в избу.

– Ну? – спросил он, выкидывая бычок сигареты за порог.

Саблин молча указал ему на стол.

– Чем могу быть полезен, господа? – спросил он, присаживаясь.

– А ничего, что тут девушка сидит? – ехидно спросила его Олеся.

– Ничего, у меня в стране равноправие, – лучезарно улыбнулся ей Джеймс. – И, насколько я помню, в Союзе оно также присутствовало.

– Союза нет уже как двадцать лет, – хмуро напомнил ему Олег.

Улыбка никак не сходила с лица американца.

– И именно поэтому я здесь...

[1] Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP).

[2] Руководящий орган политической (не военной) разведки Третьего рейха.

[3] Служба безопасности рейхсфюрера СС. Организация, обеспечивающая безопасность нацистской руководящей верхушки. Внешнее подразделение СД отвечало за шпионаж и диверсионные операции.

Часть II

Глава первая Сквозь горизонт

*«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит».*

Рейхскомиссариат Московия, Приуралье. 26 января, 1962 год.

Этой ночью мне выспаться не удалось. Несмотря на то, что мой организм был основательно вымотан десятикилометровым маршем по огромным сибирским сугробам, большую часть из которого я проделал по-пластунски ползком, сон приходил очень неохотно. Сказывалось то, что в первую ночь на вражеской территории я всегда плохо сплю, особенно, если ночевать приходится в приграничном (а лучше сказать – прифронтовом) лесу. Так, наверное, сказывался мой

давным-давно заморенный невроз, в годы юности постоянно приходящий ко мне после боя. Конечно, недуг этот давным-давно был мной преодолён, однако что-то в организме всё-таки оставалось. К тому же, ночную тишину, то и дело разрезали вертолёты со свастикой на борту, громко гудя своими лопастями. Так что спал я, можно сказать, с одним открытым глазом, выныривая из сладкого забытья примерно каждые полчаса и затравленно озираясь по сторонам. Лишь ближе к утру мне удалось на пару часов наконец-то нормально задремать.

Лишь для того, чтобы вновь увидеть знакомые лица.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. 12 января, 1962 год.

Оружейный завод, находившийся около моего дома и обычно надрывающийся чёрным вязким дымом, сейчас непонятно почему приостановил свою работу. Но Громов всё равно оглушительно чихнул.

– Будь здоров, – машинально ответил я, открывая дверь подъезда.

– Спасибо, – утирая нос рукавом, поблагодарил Вася. Он был явно непривыкший к городскому смогу.

– У вас в части воздух разве чище? – спросил я, пока мы поднимались к моей квартире.

– Да нет, тоже говна хватает, – ответил Вася, ещё раз гром-

ко чихая. – Но здесь, у вас прямо чересчур. Ты к тому же ещё живёшь прямо под боком у этой коптильни...

– Ну, тут уж, как говорится, дарёному коню... – я, не закончив пословицы, громко постучал в дверь.

И всё же, почему завод не работает? Случилось, может, чего?..

Дверь тут же распахнулась. Аня встретила меня растерянным взглядом, грязным передником и полосой застывшего теста на лбу.

– Гриш, ты чего так рано? Я ещё ничего... – начала было она, но потом заметила Громова, выглядывающего из-за моего плеча. – Ой, Васька, привет! Ты чего стоишь, заходи скорее!

Она приветственно обняла Васю. Я же удостоился дежурного поцелуя в щёчку и, наконец, открывшегося прохода в прихожую.

Как странно. Я как будто бы попал в совершенно другую квартиру, не в ту, в которой прожил уже не один год. Нет, чудесного преобразования не случилось, обои были всё такие же жёлтые и ободранные. Кран в ванной всё также капал (никак не дойдут руки его затянуть), а кафель был всё такой же треснутый. В абажуре на люстре зияли дырки, проделанные молью и временем, а сама лампочка продолжала периодически моргать. Всё также, как и вчера, также, как и неделю назад, да что там, также, как и сегодня утром, но...

Но от всего от этого веяло такой казённостью, такой фаль-

шивостью и такой мерзостью, что меня на мгновение даже повело. Я готов был вытошнить весь свой сегодняшний скудный обед прямо на заляпанный тараканьими лапками пол. Тут же вспомнились свои собственные слова про коня, полученного мной в дар от госбезопасности. У этого жеребца половина челюсти отсутствовала напрочь, а вторая вся была съедена кариесом. Притом, самое страшное заключалось не в плачевном состоянии моего жилища (жаловаться было бы грех, особенно учитывая то, что большинство из нас до сих пор живёт в бараках), а в том, что я этого самого состояния до сего момента не замечал. Я просто вставал, надевал форму и уходил на службу. И мне было как-то даже плевать на эти обои. Да и на кран, протекающий, по сути, тоже.

И так было всегда. Вроде бы...

– Гриш, ты чего? – спросил меня Вася, выводя из оцепенения.

Видимо, весь спектр испытываемых эмоций как-то отразился на моём лице. Впрочем, нахлынувшие чувства испарились также быстро, как и накатили. Я взял себя в руки.

– Не, Вась, всё хорошо.

Но Громов не был бы Громовым, если бы мои слова его так сразу успокоили. Он, окончательно сняв ботинки, подошёл ко мне, абсолютно не брезгуя наступать чистыми портянками на пол, что едва не довёл меня до рвотных спазмов, и заглянул прямо в глаза.

– Гриш, если это связано с тем, куда тебя посылают... –

начал было он.

– Это ни с чем не связано, – я не дал ему закончить. – Меня просто на секунду повело. Всё хорошо. Мало кушаю.

– Как и все мы. Ну, раз ты считаешь, что всё хорошо... – он всё равно не поверил. Продолжил считать, что это всё из-за задания. Уже проходя на кухню, он в пол-оборота глянул на меня, как будто выискивая следы той проказы, что так неожиданно проросла во мне.

А я... я не мог понять, что это было.

Где-то там, за пределами пыльной, засаленной квартирки, в которой мы втроём с Аней откупоривали пузырьрёк «Рижского», грохотали заводы, корчились в голодных судорогах беспризорные дети и, с руганью взрывая грубые мозоли на ладонях, перетаскивали снаряды уставшие солдаты. А мы же только-только начинали наш пир во время чумы, ожидая к нему ещё, как минимум, одного гостя.

Имели, в конце концов, право.

* * *

Встал я рано. По плану мне предстояло пройти двадцать километров по зимней тайге, то и дело замирая на месте и притворяясь сугробом. А вертолётный рёв в вышине неба служил бы для меня как раз таким условным сигналом, что необходимо лечь и не отвечивать. По крайней мере, если я хочу успешно выполнить задание и вернуться домой живым.

Немцы – не их власовские шавки, я не могу понадеяться на их расхлябанность, анархичность и недисциплинированность. «Кресты», наследники тех самых ублюдков, что когда-то разорили мою Родину, к нашему величайшему сожалению, всё также хорошо выполняют свою работу. По крайней мере, такими были солдаты Гальдера. Если прибавить к этому достаточное количество снаряжения, которое мне приходилось тащить на собственном горбу, и бессонницу, мучавшую меня большую часть ночи, картина нового дня вырисовывается совсем не радужная.

И, тем не менее, я упрямо продолжал идти вперёд, со скрипом проминая снег своими лыжами.

Местность, где я сейчас находился, всё ещё считалась прифронтовой, а поэтому постоянно патрулировалась. Немецкие лесорубы, уже, по слухам, вырубившие почти все леса Центральной России, пока ещё не протянули свои загибающиеся пальцы к природе Урала, и поэтому приграничные гарнизоны ограничивались, в основном, воздушным патрулированием. Я их прекрасно понимал: если заставить прочесывать густые приуральские леса живых солдат, то не хватит и целого Вермахта, чтобы все их обойти. Обычно тех мер, что предпринимали немцы, хватало, и по-настоящему серьёзно они брались за дело только во время наших рейдов или в том случае, если переход через границу был достоверно зафиксирован. Учитывая тот факт, что я всё ещё не слышу захлёбывающегося лая собак за своей спиной, прошёл я незаме-

ченным.

Солнце на горизонте поднималось очень лениво и протяжно, нехотя отклеиваясь своим оранжевым диском от линии горизонта. Именно в тот момент я увидел белку. Нет, я конечно и раньше видел этих милых пушистых зверьков, особенно в детстве, когда рос в деревне, но я настолько отвык от их вида, что теперь это существо казалось мне пришедшим из какой-то другой, не моей жизни.

В Чёрной Армии животных не было. Даже крыс и бродячих собак. Конечно, где-то на юге, в степях, которые мы используем как пашню, были и кони, и коровы, и даже свиньи, а в боевых частях можно было встретить мрачного вида немецких и кавказских овчарок. Но это всё была сельскохозяйственная и служебная животины. Та, без которой прокорм такого большого количества людей просто невозможен, а пограничная служба усложняется в разы. Всяких же кошечек, птичек и рыбок у нас не было.

Мы их всех съели.

В сороковых и пятидесятых было очень страшно. Мы были зажаты в кольцо врагов, которых только чудом удалось остановить. Голод душил нас с каждым днём все сильнее, тысячи гражданских, вынужденные отдавать часть своего и так скудного пайка военным, зачастую падали без сил прямо на улицах городов. Их не хоронили. Не потому что было некому, а потому что копать могилу – это трата ценных калорий. Стайки босоногих, с рёбрами, обтянутыми кожей,

мальчишек, носились с самодельными пращами тут и там, прицельными выстрелами, уничтожая целые птичьи стаи, а затем с хищнической жадностью из последних сил боролись за добычу. Впрочем, взрослые вели себя зачастую не лучше, если не хуже. Некоторые личности настолько сходили с ума от голода и ужаса, царившего вокруг, что впадали в самое натуральное безумие, похожее больше на одержимость. Вырезать такие опухоли приходилось армии, которой в тот момент жилось чуть получше. Я сам лично участвовал в ликвидации парочки особо крупных сообществ каннибалов. То, что я видел там тогда, наверняка бы лишило спокойного сна любого другого человека. Но не меня. Я вообще отнёсся ко всем этим мрачным ужасам относительно спокойно, а к людоедам – как к очередному противнику. Нет, первое время блевал, конечно, но потом притерпелся. Никакие расчленённые тела не могут быть страшнее ядерного гриба, а что до людей, пожирающих себе подобных, с ними ещё легче. Враги – они и в Африке враги. Немец, японец, власовец, каннибал, какая к чертям разница? На всех по шесть грамм свинца.

А теперь я стоял и смотрел на этого бельчонка. Он тоже внимательно изучал меня, такого редкого и неведомого гостя, умильно склонив свою маленькую рыжую головку набок. Мы простояли так минут пять, рассматривая друг друга: он – с интересом, я с изумлением, которое больше присуще тому возрасту, который обычно не омрачается грохотом бомбёжек и бесконечных драк за кусок хлеба. Тому возрасту, в

котором твои родные и близкие по определению не могут умереть, страна – проиграть, а сам ты ещё веришь в чудо и собственное бессмертие.

В конце концов, белке наскучила моя скромная персона. Она на прощание потёрла нос и одним махом взбежала по стволу дерева, затерявшись где-то в густой игольчатой шапке. Я же остался стоять, ловя приоткрытым ртом свежий утренний воздух, один на один с собственным катарсисом.

Я думал, что пережил конец. Судный День, Апокалипсис, Последнюю войну, назвать можно по-разному. Но суть от этого не изменится, я твёрдо был убеждён, что моя страна погибла окончательно. Сузилась до точки военного завода, растеклась по Уралу чёрным дымом, а её предсмертные стоны стали грохотом солдатских сапог, чеканящих шаг по улицам Свердловска. А оказывается, нет, здесь, под днищем немецких вертолётот, в приуральской безлюдной тайге, она ещё живёт. Живёт не жадной мести Чёрной Армии, не бесплодными спорами бывших партократов и даже не лизоблюдским подбострастием власовцев. Нет, она живёт ровной той самой жизнью, которой жила и сто, и тысячу лет назад, когда самих русских в этих местах и в помине не было. Как, впрочем, и людей вообще.

Пепел, к сожалению, удобряет. И когда-нибудь, одной яростной и победной весной, эта земля, омытая кровью, бережливо хранящая в себе милые сердцу кости, ордена и каски, расцветёт вновь. А пока же мы, её сыны, во имя вечно-

го огня нашей ненависти, уничтожившие всё живое в нашем огромном военном лагере, будем искренне радоваться белке, которой по барабану все наши человеческие разборки. Но сам факт того, что этот зверёк продолжает равнодушно грызть свои орехи, несмотря на все генеральные сражения и контрнаступления, гремевшие по всей России, приводит меня в такой неопиcуемый восторг, что я готов прямо сейчас, упав на колени, расцеловать ствол этой несчастной ели, где сидел мой недавний знакомый. Потому что само его появление вдруг открыло мне прописную истину, которую я, почему-то, до сих пор игнорировал. Моя страна – это не только пороховая гарь и вшивые подростки. Это не только мерзкий Новый Порядок оккупантов, не только лицемерная жадность азиатских корпораций. Моя страна – это что-то ещё, помимо всей этой гадости и всех этих мразей. Что-то скрытое под огромным пластом скорби и горечи, что-то едва дышащее и задыхающееся под тяжестью поражения. Задыхающееся, но всё-таки ещё живое.

Не знаю, сделал ли я за день положенные по моему личному регламенту двадцать километров. Судя по гудящим ногам – всё-таки сделал. К тому же, вертолёт гудел над моей головой всё реже и реже, а ближе к ночи хлопки их лопастей я начал слышать уже достаточно далеко, чтобы рискнуть. Ночевать я решил на небольшой, занесённой снегом лесной полянке, пятачке метров пятнадцати в диаметре, расположенном среди, казалось бы, бесконечного ельника. Са-

мое же привлекательное в этом месте было поваленное дерево, образовавшее своими корнями подобие деревянного навеса. Под ним я и устроился, разведя небольшой костерок и вскипятив на нём немного воды. С воздуха меня заметить навряд ли бы смогли, а дым от такого небольшого кострища развеивался ещё до того, как покидал моё небольшое убежище.

Впервые за два дня я попробовал горячего чая. Не сказать, чтобы сильно согрело, но легче стало определённо. В конце концов, когда больше суток тащишься по белому, холодному полотну, начинаешь ценить каждую кроху тепла.

В общем, меня разморило. С таким трудом высушенная хворостина мирно потрескивала, а тепло, дарованное моему организму суррогатным чаем, приятно разливалось по желудку. Поэтому, чувствуя, что засыпаю, я нагрёб под себя как можно больше снега, чтобы не околеть ночью, и медленно опустился в мир грёз, не удосужившись даже затушить костерок.

А во сне я снова видел лица.

* * *

– Хорошо, – медленно протянул Артём, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу.

– Чего «хорошо»? – спросил я, чиркая спичкой и следуя его примеру.

– А в принципе, – пожал плечами мой собеседник. – Вот, например, судак, – он указал рукой на грудку костей, в беспорядке валяющуюся на столе, как раз между куском недоёденного хлеба и лужицей разлитого самогона. – Или, например, водка. Ну, то есть самогон. Или сигареты вот эти, – Артём задумчиво рассмотрел тлеющий цилиндрок, вытащив его изо рта. – Да даже мы с тобой, Гриша, хороши. Какое дело провернули! Теперь эта мразь болтается в петле, как и полагается предателю. А мы празднуем. Да что мы, вся Россия празднует! Ты знаешь, что сегодня смену на предприятиях сократили, а на завтра объявили выходной? Представляешь, выходной! И пацаны меня сегодня в казарме знаешь, как поздравили? А, что распинаться, сам видишь...

Я видел. Пусть расплывчатым пьяным глазом, но видел. Коричневый пол-литровый жестяной баллон, брат-близнец моего дражайшего «Рижского бальзама», бутылку которого я уже несколько лет хранил, как зеницу ока, стоял сейчас на столе, начисто опустошённый. Пару минут назад Артём, уже совсем нетвёрдыми руками, пытался выщедить оттуда хотя бы ещё одну каплю, но безуспешно. «Бальзам» у нас кончился ещё до полуночи. К двум закончился и его гаденький брат – самогон, а вскоре, ссылаясь на комендантский час, покинул наше общество и Громов. Аня же покинула наше его ещё раньше, отправившись в соседнюю комнату спать. Так что, сейчас нам оставалось только грустно сидеть за столом вместе с Артёмом и медленно трезветь.

Он был абсолютно прав. Такой дефицит кому попало не дарят. Это вам не местная сивуха, которую хрен пойми, из чего гонят. Это, понимаешь, настоящее качество, тех самых времён, когда людей заботило что-то кроме собственного выживания.

Впрочем, и дополнительный день отдыха для рабочих тоже был не кислой наградой. Особенно, учитывая то, что едва ли не половина предприятий по всей Чёрной Армии работала без выходных вообще, а остальная часть довольствовалась шестидневной рабочей неделей. Короче говоря, нас с Артёмом носили бы на руках, даже если не знали, что *именно* мы сделали.

– И понимаешь, это всё из-за нас, Гриша, – продолжил мой протеже, выпустив кольцо дыма. – Из-за меня... знаешь, мне Алеутов сегодня, ну, то есть вчера, газету показал. Там на первой странице моя фотография из воинского удостоверения, где я помнишь, лысый такой, – к чести сказать, Артём и сейчас был достаточно коротко подстрижен, но на момент того фото он ходил совсем гладкий, как бильярдный шар. – И подпись ещё, буквами такими большими «Он убил Власова!». Там все написали, и как мы на лыжах целый месяц шли, и как мы на их базу пробирались, и откуда узнали, что именно там Власов будет. И про меня ещё. Что я, дескать, из беспризорников, Чёрная Армия меня вырастила и выкормила, а теперь я честно отдаю ей долг.

Артём прервался на ещё одну глубокую затяжку.

– Мне радостно конечно. Меня сегодня на улице узнали. Три мужика каких-то, видимо со смены шли. Сперва при-
смотрелись, потом подошли, обнимать стали, хохотать. Руку
мне пожали, все трое. И сказали, что гордятся мной, что я
герой на самом деле, что меня к награде нужно представить.
Мне приятно до жути было, Гриш, но я им ответил, что, мол,
просто выполняю свой долг, и что мы не за медальки воюем.
Я таким счастливым себя очень давно не чувствовал. Очень.
Вот только...

– Только что? – спросил я его нетрезвым, заплетающимся
голосом.

– Только это ведь неправда...

Звук голоса Артёма – как удар топором. Такой же чёткий
и глухой. Весь алкоголь из меня моментально улетучивается.

– Поясни.

– Ну, как ты не понимаешь! – Артём повышает голос. –
Они же наврали. Наврали! Никакая Чёрная Армия меня не
воспитывала! Дала работу, это да, научила писать, читать и
оружием пользоваться. Но воспитал и выкормил меня ты!
Ладно, нет, вы с Аней. К кому я каждую увольнительную спе-
шил? К инструктору по ФИЗО? Или к вам на обед? Кто из
меня вшей табунами вычёсывал? Аня или доктор наш штат-
ный? А тогда на улице, кто меня подобрал? Я ведь помню,
как всё было, очень хорошо помню. Я же тогда не жилец был.
Та шпана меня бы на части порвала, а потом съела. Как пить
дать, съела бы, с потрохами сожрала. У них выбора друго-

го не было, они голоднющие были, моя буханка, которую я из гастронома тогда спёр, их всех не насытила бы. А я тогда двоим из их коды руки сломал, я знал как, специально бил, чтобы не встали больше. На улице такие раны не заживают. Меня бы убили тогда, в том переулке, если бы ты не появился! Я тебе сказал вот сейчас, что сегодня я счастливым почувствовал. Да ни черта! Я в тот день счастливее всех на свете был! Самый счастливый день в моей жизни! Какой к черту Власов, я, даже если Гитлер умрёт, не буду так сильно радоваться, как в тот раз!..

К концу монолога из глаз Артёма уже не просто текли, а били ручьём горячие слёзы. Слёзы любви и ненависти. Счастья и горечи. Алкоголь, яд и отравы, депрессант, лучше которого в тоску вгоняет только щелчок автоматного затвора, стал катализатором опасной реакции, заставившей Артёма, целый день носившего это в себе, выплеснуть все свои переживания разом, совершенно передо мной, не таясь и не скрываясь. И в его красных зарёванных глазах, я снова увидел то самое смятение, которое видел в глазах двенадцатилетнего мальчишки, которого я подобрал шесть лет назад. А я... я вдруг тоже оказался в том ночном переулке, рядом с ним. И сам не заметил, как обнимаю моего ревущего мальчика. Мальчика, которого я сделал не своим сыном, но героем своего народа. Мальчика, который вместо искренней любви получил лишь холодный расчёт, прикрытый похоронным саваном отцовских чувств.

Я стоял и крепко прижимал его распухшее от слёз лицо к своему плечу, неотрывно смотря в чёрный квадрат ночного окна. Я обнимал его, убийцу самого главного предателя в нашей истории, и понимал, что никогда и ни за что больше не потребую от него быть героем. По крайней мере, пока не смогу действительно, по-настоящему полюбить его. Ведь каждому герою полагается награда, правда?

И только сейчас, в мутном отражении ночной мглы, я заметил, как медленно, прижав ладонь ко рту и беззвучно рыдая, оседает на пол, оперевшись об угол стены, Аня, которая уже как два часа должна была спать...

* * *

С утра я продолжил путь. С каждым часом я всё отчётливее и отчётливее чувствовал, что отдаляюсь от прифронтовой полосы. Лишь один раз, ближе к полудню, я услышал далёкий рокот вертолётa, продолжающий свой бесконечный патруль. Спустя ещё пару часов мой слух настиг грохот бронетранспортёра, вспарывающего своей железной тушей снег, наваливший за ночь. Очевидно, что такой транспорт по лесам пробираться не может, а поэтому я резко повернул глубже в чащу. Встреча с власовским или, что ещё хуже, немецким патрулём не входила в мои планы.

То, что я едва не вышел на дорогу, навело меня на некоторые размышления. По всему выходило так, что либо я,

погрузившись в, так несвойственные мне, сентиментальные воспоминания, сбился с курса, либо сведения нашей разведки оказались неверны. Сверившись с картой, я понял, что проблема всё-таки во мне, и я немного сбился с намеченного маршрута. Хорошо, что я понял это именно сейчас, пока последствия моей ошибки были не так фатальны. Дороги, по плану, на моём пути быть не должно. До Ижевска я должен был добираться лесами, выходя к населённым пунктам лишь после долгого за ними наблюдения и только в том случае, если у меня кончатся припасы. Около же Ижевская я должен был оставить своё снаряжение и оружие в одном из многочисленных схронов, которые наша армия и разведка специально оборудовала в окрестностях линии Карбышева. Такие тайники помогали нам как раз в таких вот ситуациях: рейдах и спецзаданиях. Та самая нычка, которой я должен был воспользоваться, была самой дальней из всех, называясь, за свою удалённость, «Камчаткой».

Я оставляю там всё лишнее и ненужное мне снаряжение, например, мой любимую «Мосинку» с оптическим прицелом, которую я таскаю за собой аж с Последней войны и не собираюсь менять ни на какие новомодные японские штурмовые «Арисаки» или немецкие «Геверы-54». Сделать это нужно, потому что русским в рейхскомиссариате носить оружие не только не полагается, но и строго-настрого запрещено. Даже сегодня в памяти немецких генералов жив ужас партизанской войны в Белоруссии и Центральной России.

После этого, я, используя фальшивые документы на имя Ивана Борисова, разнорабочего «фольксдойче»[1], отправлюсь в Казань. А точнее, в Гудерианбург. Произнося вслух старое название города можно было привлечь к себе внимание соответствующих органов, а мне это было необходимо так же, как козе баян. И уже оттуда мне необходимо будет двинуться в Москву. Благо, внешность для таких шпионских игр у меня вполне, хоть и с некоторыми оговорками, по типу чёрных, как смоль, волос, подходящая, так что сойду за своего.

Москва. Если спросить, к примеру, того же Алеутова, что он представляет при слове «Москва», он тут же начнёт перечислять красные стены Кремля, новое, пахнущее резиной метро, толпы народа и ларьки с мороженым и пивом. Картина гордой имперской, пусть и слегка покрасневшей, столицы. Я же, в свою очередь, расскажу про отчаянную оборону генерала Ефремова, брошенного в кольцо окружения, про трусливое бегство правительства Кирова, про повальное отступление Красной Армии и Власова, ударившего нам в спину. Картина жуткого, душашего поражения. А что ответит Артём, я не знаю. Для него, как и для всего его поколения, Москва – это символ чего-то несбывшегося. Символ светлого, прекрасного будущего, которое почти не видно за дымом пожарищ. Будущего, которое у них, детей, не видевших ни Союза, ни России, отняли ещё до рождения.

Мы всегда жили надеждой. Надеждой на то, что потом:

завтра, через год, через десять, всё будет чуть лучше. Это вера поддерживала нас, когда татары двести лет топтали нашу землю, разоряли храмы и уводили в рабство близких. Надежда вела вперёд воинов Минина и Пожарского, бросала бесстрашных петровских гвардейцев на штыки шведских солдат. Затем заставляла ценой невероятных усилий восстанавливать страну после смуты революции и пламени Гражданской войны. А потом... потом она отправила генерала Конева и его гвардейцев напрямик в беспощадный ядерный огонь. И теперь, после стольких испытаний, после стольких потерь, она смеет скрываться, смеет прятаться и хорониться за широкими спинами цвета «фельдграу», за батальонами перебежчиков и дивизиями предателей, за оберштурмами надсмотрщиков и группами надзирателей.

Я же иду в древнюю столицу моей Родины, чтобы выволочь за волосы эту проститутку из её убежища.

Свой план я на сегодня точно выполнил. Я уверенно отодвинулся от линии фронта километров на сорок, если не больше, оставив за спиной патрули и хлопки вялых, но частых перестрелок. Теперь можно было чутка расслабиться. Что я и сделал, разведя на вечернем привале костёр. И не такой мелкий, как вчера ночью, а вполне себе сносный кострище, на котором быстренько и сообразил себе гречневой каши, засыпав её оренбургской консервированной тушёнкой. Конечно, сильно наглеть всё равно не стоило, немцы, в отличие от власовцев, всё-таки не полные идиоты, и мой костёр

может навести особо внимательных наблюдателей на определённые мысли. Но горячего хотелось просто адски.

Впрочем, как это ни парадоксально, чем дальше я удалялся от линии Карбышева, разделявшей пусть суровую, но всё-таки свою Чёрную Армию и такой же суровый, но гораздо менее гостеприимный рейхскомиссариат, тем безопаснее становилось для меня дальнейшее продвижение. В лесах не было ни вьедливых полицаев, ни вездесущих гестаповцев, так что я, по большому счёту, был предоставлен сам себе. И моей натуре одиночки это несказанно нравилось.

Сидя у костра и размеренно трапезничая горячей гречневой кашей с кусками тушёной говядины, я разомлел. И сон, падла такая, не заставил себя долго ждать, прыгнув прямо в руку.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. Четыре дня назад.

– Иди уже домой.

– Нет, – тихо пропищала девушка, сильнее кутаясь в шерстяной шарф.

Я закатил глаза.

– Ну вот сляжешь ты с простудой и кому от этого легче станет? Сама прекрасно знаешь, в каком дефиците сейчас лекарства. Кто тебя лечить будет, а? Я ведь очень нескоро вернусь, да и не известно ещё, вернусь ли.

Аню как громом поразило. Она вырвала свою ладонь, закутанную в варежку, из моей руки и резко остановилась посреди улицы, топнув при этом ногой. Но тут же взяла себя в руки и упрямо повторила:

– Всё равно не пойду.

Вся эта ситуация начинала меня потихоньку раздражать. Я резко схватил её за руку и потащил за собой.

– Пошли быстрее, – почти прорычал я.

Это у нас с Аней была такая традиция. Каждый раз, когда я отправлялся на задание, она меня провожала. Конечно, на территорию какой-нибудь линии Карбышева её бы ни за что не пустили, но она всё равно шла за мной до тех пор, пока это было возможно, хоть я её об этом никогда и не просил. Мне, на самом деле, по большому счёту было всё равно. Просто после определённой черты мы сухо прощались, я отправлялся выполнять свой долг, а она, соответственно, домой. И так было до сегодняшнего дня. Сегодня же, меня почему-то с самого начала жутко бесил её эскорт. Бесил настолько сильно, что я буквально чувствовал, как горит от злобы моё лицо.

Ещё и снегопад этот проклятый. Да какой к чёрту снегопад, самый натуральный буран!

Слава Богу, уже почти на месте, вон, я уже вижу, сквозь пелену падающего снега, свет автомобильных фар. Сейчас я погружусь в чрево этого железного зверя, который отвезёт меня аж до линии Карбышева, и всё будет хорошо. Раздражение уйдёт, уступив законное место холодной собранности,

которая всегда приходит перед заданием, и даже зубы перестанут скрипеть от злости.

То, что пора прощаться, поняла и Аня. Она мягко освободилась от моей хватки и встала как вкопанная, будто бы боясь пересечь какую-то невидимую черту. Стояла и смотрела на меня, честными, немигающими глазами, словно в последний раз. А я тоже остановился. И тоже смотрел, не в силах оторвать взгляда, стоя к ней вполоборота и держа руку полусогнутой, как будто в ней до сих пор оставалась её ладонь.

– Пока, – печально попрощалась со мной Аня.

Это тоже было частью ритуала. Дальше я должен был ответить: «Я вернусь», – и резко развернувшись, пошагать к ожидающему меня транспорту. Видит Бог, именно так поступить я и пытался.

Но в этот раз не вышло.

– Я... – начал было, но неожиданно горло моё сдавило железными тисками. Я резко, всем телом рванулся к ней, одним махом пересекая ту невидимую черту, разделявшую нас.

Аня, оказавшись в моих объятиях, сперва вздрогнула от неожиданности. Для неё мои действия были подобны тому, как если бы посреди тщательно отрепетированного и выверенного спектакля, на сцену неожиданно ввалился бы пьяный до поросычьего визга режиссёр, а потом начал хватать участниц пьесы за мягкие части тела. И всё же, её замешательство было скорее радостным, чем наоборот. Ведь, в конце концов, все девушки падки на вот такие неожиданные вы-

ходки. Особенно, если зрители от них в восторге и аплодируют, думая, будто это часть сценария.

А я... а что я? Мне было плевать и на зрителей, и на сценарий, и даже на пресловутую театральную вешалку. Какое мне дело, если в кольце моих рук её талия? Талия женщины, которая, неизбежно наталкиваясь на эту не пересекаемую черту моего равнодушия, всё равно продолжала раз за разом меня провожать. А затем возвращалась в старую, мерзкую квартиру, от одного вида которой меня недавно чуть не стошнило, и ждала. Просто ждала. Иногда – всего пару дней, иногда – целые месяцы. Ждала, прекрасно понимая, что с этой войны, войны которую вот уже двадцать лет ведёт весь наш народ, вся наша нация, часто не возвращаются. И однажды могу не вернуться и я.

Когда же я прошептал, наконец, своё сокровенное «Я вернусь» и отстранился от неё, я заметил в глазах Ани проблеск слёз. Какая ирония. Когда-то давно, когда мир был чище, а на его лице не было атомных ожогов и разводов пороховой гари, герои спускались в самые глубины Ада в поисках своей возлюбленной. Сейчас же, в пасти этого железного века, всё перемешалось. И прекрасная Беатриче смотрит мокрыми глазами, как её рыцарь отважно ступает на первый круг Преисподней. Правда, на этот раз рядом с ним не будет всезнающего покровителя Вергилия. На этот раз свой путь герой должен пройти в одиночку.

Я шёл широким шагом к автомобилю в полной уверенно-

сти в том, что ещё до конца этого года всё решится. Мы либо победим в этой войне, либо проиграем окончательно. И что самое страшное, судьба генерального сражения была в моих руках.

Я шёл, не оглядываясь. Такое уж у меня было правило. Но сегодня, когда привычный мне порядок вещей трещит по швам, грехом было бы не нарушить и этот неписанный закон. Я обернулся. И когда в последний раз встретился глазами с Аней, я понял, что моя личная война только-только начинается...

* * *

Проснулся я поздно, уже почти засветло. Плохо. Я не имею права так разбрасываться временем. Запасы провизии у меня не бесконечные, а до Ижевска путь неблизкий.

Деревянные лыжи скрипели под моими ногами, оставляя неглубокие борозды на свежем, только выпавшем, пушистом снегу. Солнце, едва-едва взошедшее над Предуральем, светило мне в спину, отражалось на белом покрывале, окружавшем меня. А где-то там, на грани слуха и восприятия, шумели лесные обитатели, чей вид и нравы за столько лет в пропахшем смогом аду я уже успел позабыть. И их крики, чирканье и топот были самым замечательным оркестром для меня. Самым натуральным привокзальным ансамблем, провожающим солдата на бой. Последний бой для его народа и

первый для его души.

[1] Буквально, «этнический немец». Лица германской национальности, проживающее вне территории рейха. По понятным причинам пользовались куда большими правами на оккупированной территории, чем местное население.

Глава вторая

Калинов мост

*«Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!»*

**Новосибирская республика, Приуралье. 3 января,
1962 года.**

– Теперь ты убедился? – нетерпеливо, с упрёком прошептал Олег.

– Теперь убедился, – раздражённо пробормотал в ответ Саблин, рассматривая нарисовавшуюся перед ним картину.

На самом деле, было от чего впасть в отчаяние. Вдоль забора из колючей проволоки то и дело сновали японские патрули составом не менее пяти человек и обязательно с собаками. Чуть реже, примерно раз в полчаса вдоль строго охраняемой государственной границы проносилась бронемашина, в сопровождении двух мотоциклистов. Саблин, правда, не очень хорошо понимал, как японцы умудрялись ездить на мотоциклах в такой мороз и по такому снегу, но списывал подобную дурость на неукротимый самурайский дух.

Двое же мужчин залегли в небольшом приграничном леске, с безопасного расстояния рассматривая всё это великолепиие.

– И что, никак? – спросил Саблин своего спутника.

Тот на мгновение потерял дар речи.

– Ты что, совсем сдурел?! – яростно зашептал он Валерию прямо в ухо. – Посмотри вокруг! Это не три с половиной сонных пограничника, которые обход делают раз в полдня. Это, твою мать, самая настоящая армия. У них бэтээры, если ты не заметил. Из нас решето сделают сразу, как только мы высунем свой любопытный клювик. Это и так чудо, что нам с тобой удалось подобраться настолько близко, а ты говоришь – перейти. В нынешних условиях это нереально, поверь. Япошки стоят на ушах, и сильно подозреваю, что виной всему этому появление твоего американского друга. Спорим на что хочешь, они не снимут дополнительный контингент с границы, пока в их руках не окажется Джеймс?

Валерий спорить не собирался.

– Ну, хорошо. Ты прав, – легко согласился он с Олегом.

Тот, облегчённо вздохнув, опёрся спиной на высокий сугроб, из-за которого они оба наблюдали за границей.

– Значит, сворачиваемся? Я думаю, стоит пару месяцев подождать, узкоглазые слегка утомонятся, снимут часть охранения, и тогда можно будет попробовать. Чёрт его знает, где вы всё это время находиться будете, учитывая то, что и к Суслову вам ход заказан, но ничего! Что-нибудь придумаем. В конце концов, можно уйти куда-нибудь на север, в рабочие районы. Сургут там, или ещё куда-нибудь подальше, совсем в тайгу, к морю, где власть оккупационной админи-

страции слаба, а местные подпольщики давным-давно скатились в самую настоящую махновщину и не подчиняются уже никому. Понятное дело, не самые гостеприимные места, но всё лучше, чем в подвалах кэмпейтай, правда? А потом мы, как всё утихнет, мы с вами свяжемся и переведем за границу. Договорились?

Олег в своей наивности продолжал рисовать перед Валерием «радужные» перспективы ухода в подполье и игры в прятки с людьми Сулова и японской тайной полицией. Даже протянул руку, чтобы обозначит рукопожатие, скрепляющее договорённость, не замечая при этом внимательного взгляда Валерия, которым тот рассматривал спящих туда-сюда солдат.

– Не договорились, – оборвал его Саблин.

– Это как, «не договорились»? – недоумённо спросил его Олег.

– Очень просто. Границу перейдём завтра. В ночь, – ответил Саблин, не отрывая небритого подбородка от холодного снега его наблюдательного пункта. – Собирайся, возвращаемся.

И, не дожидаясь реакции от обалдевшего напарника, встал на лыжи, пошуршав в сторону контрабандистской землянке, где их небольшой отряд всем скопом проводил уже четвёртую ночь. Олегу же ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Весь обратный поход на базу мужчины проделали в пол-

ной тишине.

* * *

– Значит, смотрите сюда, хлопцы, – привлёк внимание всех собравшихся Саблин, раскладывая на широком столе истрёпанную, ещё советских времён, карту местности.

Одиннадцать человек, не считая самого Валерия собрались в просторной, пусть и немного грязноватой, землянке. Восемь из них, те самые бойцы, с которыми Саблин совершил побег из лесного лагеря Сопротивления, скучковались вокруг своего лидера, внимательно глядя на карту. Олеся сидела рядом с ними на грубо сколоченной табуретке и курила импортные сигареты, которые одолжила у американца. Сам Джеймс стоял у небольшого оконца, единственного во всём помещении и, не отрываясь, смотрел на пустынный заснеженный лес. А Олег, в свою очередь, глядел из-за плеча, злорадовавшегося по этому поводу Саблина, пытаясь разглядеть, что, собственно, предлагает повернуть бывший подпольщик.

– План прост и надёжен, как немецкие часы, – склонившись над картой, Валерий продолжил. – Вы сами прекрасно знаете, насколько раньше была дырявой граница республики и Чёрной Армии. Так вот, с недавнего времени всё изменилось. Мы с Олегом только что оттуда, и хочу вам сказать, что халява, похоже, закончилась. Теперь там усиленные патрули,

армейские части и бронетехника. Наверняка есть ещё и вертолёты, но мы их не видели. Так что, лёгкой прогулки, которой мы ожидали, связываясь с нашими товарищами-контрабандистами, – он кивнул в сторону Олеси. – Не ожидается. Однако, всё это великолепие не снимает с нас задачи переправить нашего друга через границу. И если раньше мы, с помощью наших контрабандистов, – Саблин вполоборотаглянул на Олега, наконец-то подвинувшись и предоставив ему место у стола. – Могли незаметно, тайными тропами, перевалить через кордон, то теперь нам такой путь заказан. Прорываться будем с боем.

– Что?! С боем?! Валера, ты сдурел?! – Олег был в таком ужасе, что на мгновение прекратил попытки разглядеть старую карту, лежащую на столе. – Ты понимаешь вообще, что говоришь? Вас всего десять человек. Ладно, вместе со мной и Олесей одиннадцать. Допустим, да. Допустим, что даже мы возьмёмся за оружие. Но их там – сотни, если не тысячи. Сотни хорошо вооружённых, замотивированных солдат, у которых есть бронетехника, гранаты и вертолёты. Нас сомнут, понимаешь? Просто на части разорвут!

– Молчать! – рявкнул Саблин на Олега тоном, не терпящим возражений. – Никто тебя не сомнёт, истерик. Вы троем: ты, Олеся и Джеймс перейдёте границу в другом месте. Вот здесь, – он указал пальцем на карте. – В пяти километрах севернее того места, куда ударим мы, – его палец снова скользнул по карте. – Там находится небольшая погра-

ничная застава. Ничего особенного, просто бетонная вышка в два этажа. Я её заметил, когда туда шли и обратно. Там, насколько я понял, солдат не много, это лишь, если так можно выразиться, перевалочная станция для патрулей. Здесь они встречаются, дают пересменку и идут дальше по своим маршрутам. Так что, если захватим её, мало того, что получим хоть какое-то укрепление, так ещё и свяжем все силы японцам в этом районе.

– И какой тогда смысл нам расплываться? – подала голос молчавшая доселе Олеся. – Вы, значит, в сад, а мы – в огород? Не разумнее ли ударить всем скопом, так шансов больше, разве нет?

– Неправильно. Шансов так, наоборот, меньше. И смысл, моя дорогая, во всём этом предприятии очень простой, – Саблин устало вздохнул. – Японцы ожидают, что кто-то попробует именно пересечь границу, но никак не напасть на заставу. При всей их видимой боеготовности, именно к прямому бою они как раз готовы меньше всего. Они готовы ловить вас, контрабандистов, но никак не отражать атаку со стороны подполья. Конечно, дело ясное, что победителями нам из этой схватки не выйти, – Саблин улыбнулся. – Но пару часов, пока они очухаются, мы вам точно подарим. Стянем на себя всех японцев которых сможем, и вы проскользнёте без проблем. А затем вам нужно будет как можно быстрее доставить Джеймса на территорию, подконтрольную Чёрной Армии.

Саблин внимательно посмотрел на Олега.

– И, чтобы у вас не возникло никаких сомнений и иллюзий. Добраться до людей Жукова – ваш единственный шанс остаться в живых. Тем более, после того, как мы с Джеймсом рассказали вам всё, – последнее слово Валерий выделил особо. – Кэмпейтай вас в покое не оставят. Даже если вы вдруг резко повернёте назад и выдадите нашего друга японцам. В лучшем случае, вас просто убьют. В худшем – перед этим будут долго и упорно пытаться, пытаясь понять, знаете ли вы ещё что-то ещё или уже выдали всю имеющуюся у вас информацию.

– Сука, – гневно процедил Олег. – Ты нас подставил.

– Ни разу, – отбросил всякие обвинения Валерий. – Ты, спешу напомнить, пару дней назад сам попросил рассказать тебе все детали. Я лишь исполнил твоё желание. Перед этим, кстати говоря, честно предупредив, чем это может закончиться. Так что, попрошу не вякать.

Саблин ещё раз обвёл взглядом своих людей.

– Собирайтесь, ребята. Выходим через полтора часа, чтобы к вечеру уже быть у границы. Покурите что ли, поспите, кому надо. Главное, ничего важного не забудьте: оружие, патроны, гранатомёты. Всё это нам с вами понадобится. Ночь будет длинной.

Когда бойцы разошлись по своим делам, а Олег с Олесей угрюмо вышли из избы, чтобы вдвоём обсудить сложившееся положение, Валерий подошёл к Джеймсу, всё также молчаливо стоящему у окна.

– Какие-то проблемы? – спросил подпольщик у американца. – Ты что-то молчалив сегодня, на тебя не похоже.

Джеймс усмехнулся.

– Хочешь сказать, так хорошо меня знаешь?

– За последние дни успел изучить достаточно, – пожал плечами Саблин. – Обычно ты брызжешь ядом даже на самых важных совещаниях. Помнишь, как Сулова чуть ли не матом крыл?

– Помню. Блин, – улыбнулся американец. – Это ведь всего-то неделю назад было. А кажется, будто целая вечность прошла.

Он взял паузу, задумавшись о чём-то своём.

– Я вот что думаю, – продолжил Джеймс. – Ты не слишком с Олегом? Мне кажется, такое пренебрежительное отношение к нашему единственному союзнику чревато проблемами.

Саблин усмехнулся.

– Возможно, со стороны именно так и кажется, но на самом деле всё несколько сложнее. Олега я знаю давно, почти с детства. По крайней мере, с юности – так точно. У нас с ним долгая история взаимоотношений. Достаточно долгая, чтобы мы оба успели испытать друг к другу весь спектр эмоций: от братства и товарищества, до зависти и ненависти. Если интересно, я могу рассказать, кто он такой и почему вообще нам помогает. Время у нас есть.

– Расскажи, – Джеймс достал ещё одну сигарету из своих

бесконечных запасов. – Особенно мне интересно, за что ты его так не любишь. Парень-то вроде нормальный.

– Тут всё как раз-таки просто. Всё случилось, как это обычно и бывает, из-за женщины.

– Олесья? – моментально догадался Джеймс.

– Она самая, – подтвердил его догадку Саблин. – Впрочем, дело достаточно давнее, душевные раны хоть и заросли, но всё равно беспокоят, если их потревожить. Поэтому с Олегом я и стараюсь в последнее время пересекаться как можно реже.

– Теперь я точно уверен, что хочу услышать историю полностью, – улыбнулся американец. – Если между вами разногласия такие серьёзные, – это слово он выделил своей обыкновенной, ироничной интонацией. – Как вы вообще умудряетесь работать вместе?

– Тогда, давай лучше присядем, – Валерий тут же запрыгнул на стол, на котором недавно он сам и раскладывал карту. Джеймс же предпочёл нагретый Олесей табурет, стоящий около стены. Он сел и, глядя прямо на собеседника, приготовился слушать.

– Началось всё ещё до моего рождения. А конкретно – с моего отца. Он был морским офицером, служил на Балтийском флоте. Правда, за выслугу лет его ещё в тридцать восьмом перевели на штабную должность. Собственно говоря, именно это нас всех и спасло. Когда немцы подходили к Ленинграду, в пух и прах раздолбав весь наш краснозна-

мённный Балтийский флот, его, как и многих других высокопоставленных офицеров, вместе с семьями, вывезли сперва в Куйбышев, а потом и сюда, в Новосибирск. Когда же японцы начали наступление, деваться уже, по сути, было некуда, а поэтому мой отец решил сложить оружие. Решил спасти свою семью от вечного голода партизанщины, опытов в концентрационных лагерях и безнадёжной борьбы. Начал работать на администрацию республики, занимался, на небольшом судёнышке, грузоперевозками в Японию. И, конечно же, промышлял контрабандой, не без этого. Уже не сосчитать, сколько всего прошло через грязный и тёмный трюм его корабля. Морепродукты, беженцы, полезные ископаемые, даже оружие, в этом плане мой отец был совершенно беспринципным человеком. Его, мне кажется, до конца жизни коробила мысль, что он сдался без боя. Променял смерть в бою, отчаянном и бесполезном, как подобает офицеру, на жизнь своей семьи. Трудно сказать, что он поступил неправильно, я понимаю. Но это всё равно мучило его. Так что, он сопротивлялся, как мог. Пусть даже просто плюя в лицо законам оккупантов. Это была его личная, тихая, совсем незаметная борьба.

Саблин немного поёрзал, принимая более удобное положение, и продолжил.

– Команда, конечно же, была в курсе всех его дел. Странно было бы ожидать от обычных работяг-моряков чего-то иного. Им тоже хотелось заработать на свой кусок хлеба в то го-

лодное время. И в этой команде, как ты мог уже понять, был и Олег. Он был то ли боцманом, то ли ещё кем-то из ближайших помощников отца, я, если честно, не особо разбираюсь во всех этих морских должностях. И, когда отца пять лет назад японцы арестовали, заподозрив в нечистой игре, Олег должен был пойти вслед за ним. Пятнадцать лет новосибирской тюрьмы, понимаешь что это такое, Джеймс? Это ад. Самый натуральный ад на земле. Тебя морят голодом, заставляют работать в шахтах, без какой-либо связи с родственниками и всё это на нечеловеческом морозе северной Сибири. Прибавь ко всему японских докторов-психопатов, чьи кровожадность и извращённая жажда познания ничуть не уменьшились со времён Последней войны.

– Я могу угадать? – спросил Джеймс. – Твой отец взял вину на себя?

– Ты сегодня какой-то чересчур догадливый, – кивнул Олег. – Но ты прав, всё было именно так. Понятное дело, что в доле был весь экипаж корабля. Японцы, не будь дураками, также прекрасно это понимали. И, тем не менее, отец всё отрицал. На допросах из раза в раз, брал всё на себя, заявляя, что подчинённые ему люди были не в курсе происходящего. Это их всех и спасло. Отцу, как единственному виновнику, дали по полной строгости, двадцать лет, повесив ещё какую-то мелочь. Остальные отделались увольнением и лёгким испугом.

На секунду Саблин осёкся, с усилием сглотнул, продав-

ливая вниз, в бездонный пищевод, тугой комок, вставший в горле.

– Отец не прожил и месяца, – продолжил он совсем другим голосом. – У него в последнее время перед тюрьмой начались какие-то проблемы с сердцем. Ничего серьёзного, просто возраст брал своё. Но там, под ледяным сибирским ветром, на голоде и холоде, под дулами винтовок надзирателей... Нам даже не прислали тело. Просто справку, что, мол, заключённый номер такой-то, также известный как Саблин Михаил Петрович скончался во время пребывания в трудовом лагере номер четырнадцать. Мать с горя чуть в петлю не залезла, я буквально едва успел её вытащить. Она очень любила отца. А потом, в один день к нам пришли пятеро из его команды. Все они поклялись, что в память о том, что сделал мой отец, они никогда не оставят нас в беде и исполнят любую просьбу, даже если это будет стоить им жизни. Так они отдавали свой долг. И, как ты уже мог понять, одним из тех пятерых был Олег.

– А остальные четверо? – уточнил Джеймс, гася сигарету прямо об стену. – Что с ними?

Саблин пожал плечами.

– Не знаю. Все как один сгинули в тот же год, когда умер отец. Только Олег остался в живых. Не знаю почему, то ли удача, то ли просто соображал лучше и в пекло не лез. А может, те четверо просто сбежали, наплевав на все свои обещания, хотя это и маловероятно. Я бы узнал, если дело об-

стояло именно так. В любом случае, в моём распоряжении остался только Олег. И знаешь, его скромная персона сильно помогла мне, когда я ушёл в Сопротивление. С помощью меня Суслов получил ещё один, как казалось, подконтрольный лично ему канал контрабанды. Ошибся он лишь в том, что это был не его канал, а мой. Личный. Олегу всегда было с высокой колокольни плевать на Суслова, на Чёрную Армию и на всю эту партизанскую чехарду. Он просто хочет выжить. И именно поэтому мы обратились к нему.

– Хочешь сказать, все остальные нас бы выдали, а этот – нет? – продолжил сомневаться Джеймс.

– На все сто процентов. Они мне ничем не обязаны, а многие вообще работают непосредственно на Суслова. Про мою же связь с Олегом знают все, кто хоть как-то подвязан в криминальной среде республики. Если он меня выдаст – ему не жить. Его просто сгноят в ближайший же месяц.

– Почему?

– Потому что, – Валерий сурово глянул на американца. – Кровные клятвы – единственное, что осталось святого на руинах России. Если ты не считаешься с ними, перестают считаться с тобой. И судьба тебе уготована хуже, чем «петуху» в трудовом лагере.

– Чем кому? – переспросил Джеймс.

– Пассивному гомосексуалисту, – не скрывая злорадную ухмылку, объяснил Саблин.

– Ну хорошо, – Джеймс поднял руку в знак согласия. –

Тогда, почему бы ему просто не сдать нас тем же японцам? Или людям Матковского?

– Насчёт кэмпейтай я думаю, что уже всё объяснил. Живыми от этих мясников не выходят. А насчёт Матковского, то тут ты взял очень круто, – присвистнул подпольщик. – Скажи ещё, сдать самому Жукову лично в руки. Матковский – ни разу не друг японцам, это знает почти каждый. Он лишь создаёт видимость сотрудничества и послушания, при этом чуть ли не в открытую снабжая Сопротивление информацией, оружием и людьми. Его молодчиков из РФП даже с охраны границы сняли пару лет назад, потому что те чуть ли не за руку здоровались с диверсантами Чёрной Армии и контрабандистами, свободно снующими туда-сюда.

– Почему же его тогда не уберут? Насколько я понимаю, у вас в стране считается, что незаменимых людей не бывает, и японцы это убеждение всецело разделяют, – закономерно поинтересовался Джеймс.

– Вот тут ты ошибаешься, – усмехнулся Саблин. – Матковский – это старый и хитрый лис, который за годы руководства оккупационной администрацией завязал все ниточки власти на себе, поставив на все ключевые посты в республике полных ничтожеств, по сути, лично контролируя всё: от отрядов местной полиции и до поставок сырья в империю. При попытке метрополии снять его с должности, всё, так называемое, государство рассыплется, словно карточный домик. А после недавнего обрушения Токийской биржи, для

японцев это станет катастрофой.

– То есть, в Олеге ты полностью уверен. Хорошо. А в Олеге?

Джеймс прекрасно понимал, что нажал на больное место. Однако реакция Саблина его удивила.

– В ней тоже, – голос Валерия ничуть не изменился. – Она, как бы это со стороны не казалось, достаточно порядочный человек, к тому же – опытная контрабандистка. Тем более, её, как и Олега, сдерживает то, что даже если я окажусь в лапах военной полиции, им от кэмпейтай живьем тоже не уйти.

– Что у тебя с ней? – Джеймс беспардонно закинул ногу на ногу и потянулся в карман за ещё одной папиросой. На этот раз, к досаде американца, портсигар оказался пуст. – Не думай, что я лезу не в своё дело, но... Если это дела сердечные, то не помешают ли они нашему предприятию?

– Не помешают. Дело давнее, к тому же, она сама предпочла двадцатилетнему юнцу многоопытного Олега, – Валерий улыбнулся. – Пора собираться, Джеймс. Для нас обоих ночь будет очень долгой.

Мужчины встали и неторопливо, отряхиваясь от сухой старой пыли, покинули конспиративную землянку контрабандистов. Короткий световой день уже давно кончился, и над необъятными тюменскими лесами ярко светил белый диск полной луны.

– Всё готово?

– Вроде, да, – неуверенно ответила Олеся.

– Так вроде, или готово? – не унимался Саблин.

– Да готовы мы, готовы, – раздражённо ответил Олег за свою супругу.

– Точно всё проверили? Лыжи, винтовки, провизия... – начал было перечислять Саблин, но Олег грубо его прервал:

– Валер, ты идиот или прикидываешься? Ты ещё поучи отца ругаться. Я этим занимаюсь уже почти пять лет. Всё мы взяли, я лично проверил.

– Джеймса проинспектировал? – Валерий никак не мог успокоиться.

– И американца твоего тоже проверил. Всё у него хорошо. Да не переживай ты так, что с ним будет? Небось в ЦРУ не печенье сидел перебирал, на лыжах ходить умеет. Умеешь же, Джеймс? – крикнул Олег, повернул голову к разведчику.

Джеймс утвердительно кивнул.

– Так что, вот. По сути дела, готовы отчаливать, ждём только команды, – Олег сморкнулся и утёр нос толстой варежкой, не выпуская из руки лыжную палку.

Всё троица, которая должна была перейти через границу, уже стояла на лыжах. Джеймс, стрельнувший у кого-то завернутую в газетку махорку, несмотря на близость к границе,

бесстрашно дымил. Его беспокойство выдавали лишь неутомные руки, которыми он то и дело исполнял какие-то непонятные пассы. На плече же у него, помимо достаточно объёмного походного мешка, висел старый, ещё ленд-лизковский, английский пистолет-пулемёт «STEN». Несмотря на то, что оружие было достаточно древним, содержали его в прекрасном состоянии, оно даже сейчас, при тусклом лунном свете, блестело маслянистым отливом. Олеся немного нервничала, переминаясь с ноги на ногу и стряхивая с лыж снег. За плечом у неё висел брат-близнец того мешка, что болтался на спине у американца, а в руках лежала новенькая штурмовая винтовка «Арисака» с магазином на двадцать пять патронов.

Лишь один Олег не проявлял видимого беспокойства. Он стоял, внимательно смотря Саблину прямо в глаза, и не обращал внимания на падающие на его лицо снежинки.

Валерий протянул ему руку на прощание:

– Ну, давай.

– Давай, – ответил контрабандист, пожимая протянутую ладонь. – Ты, если что, прости меня.

Саблин лишь махнул рукой в ответ, как бы давая понять, что прошлое осталось в прошлом.

– И ты меня тоже, если было что не так. Удачи тебе. Надеюсь, ещё свидимся.

– Я тоже надеюсь, – сказал Олег таким тоном, что сразу становилось ясно, что в живых он Саблина увидеть не ожи-

дает.

На смену отошедшему в сторону Олегу подошла Олеся. Она, несмотря на порядком мешающие лыжи, обняла Саблина и тихонько всхлипнула.

– Валер... ты это... аккуратнее, – всё, что она смогла из себя выдать.

– Обещаю, – глупо сказал Валерий, прекрасно понимая, что слово своё он в этот раз не сдержит. – Олесь, могу я тебя попросить об одной услуге?

– Да, конечно. Что ты хочешь? – она отстранилась от подпольщика и мокрыми глазами взглянула на него.

– Доведите, пожалуйста, с Олегом это дело до конца. Это наш последний шанс, понимаешь? Мы двадцать лет его ждали и, возможно, не дождёмся уже никогда, если вы не справитесь. Я не могу требовать от вас жертвовать жизнью, но... сделайте так, чтобы Джеймс дошёл, хорошо?

– Хорошо, Валер, – она ещё раз всхлипнула. – Мы постараемся. Очень сильно постараемся.

Чмокнув Валерия в небритую щёку, она отошла к своему супругу. Настала очередь Джеймса.

– Ну, вот и всё, да? – спросил американец.

– Похоже, что так.

– Страшно? – поинтересовался Джеймс.

– Наверное, – пожал плечами Саблин. – У меня такое чувство, будто я вступил на какой-то мост, по которому идти могу только вперёд. И неважно уже, страшно мне или нет.

Потому что выбора у меня, по сути, никакого нет. Остаётся только идти вперёд, что бы ни случилось.

– Странный ты человек, Валера.

– Какой уж есть, – хмыкнул ему в ответ Саблин. – Одного я всё-таки боюсь.

– И чего же?

– Того, что вы не дойдёте. Понятное дело, что рассвета я, скорее всего, не увижу. Это не обидно и не страшно. За правое дело умирать вообще не страшно, знаешь ли. Я боюсь лишь того, что всё это будет напрасно. Что рассвет завтрашнего дня не увижу не только я, но та самая страна, над которой уже как двадцать лет висят непроглядной тьмой сумерки, тень огромных хищных крыльев. Вот чего я боюсь, Джеймс.

– Я, кажется, понимаю, – немного помолчав, произнёс американский разведчик. – Наверное, если бы я был на твоём месте, я чувствовал то же самое. Знаешь, это, наверное, немного наиграно прозвучит, но мне жаль, что так всё вышло. Мы, наверное, могли бы стать чертовски хорошими друзьями.

– А вот мне – ничуть не жаль, – улыбнулся ему в ответ русский подпольщик и крепко обнял. – С Богом, друг.

– С Богом.

Теперь вся троица повернула, и друг за другом пошла на север. Они займут заранее обговорённую позицию и будут ждать сигнала. Саблин был уверен, что они его ни в коем

случае не пропустят.

Полчаса. Он даст им ровно полчаса. А затем он и весь его отряд пойдут на штурм. Последний в их жизни.

Валерию почему-то резко захотелось водки. Он вообще был человеком слабо пьющим, но сейчас, когда между жизнью и смертью для него существовал лишь тридцатиминутный отрезок времени, для успокоения души хотелось именно этой горькой, резкой и отвратительной жидкости.

– Командир, – услышал он из-за спины.

Саблин повернулся. Перед ним полукругом собрались его бойцы. Все семеро.

– Вам чего, ребята? – спросил он.

– Командир, мы вот чего сказать хотим, – начал Андрей, щупленького вида человек, с наголо обритой головой. В руках он баюкал противотанковый гранатомёт. – Ты не беспокойся за нас. Мы своё дело сделаем. Понятное дело, поляжем все, даже не говори ничего, и так ясно, что шансов у нас нет. Но мы не разбежимся. А то один раз так уже было: этот, значит, коммунист, этот – монархист, а тот ещё какая сволочь. И каждый на себя одеяло тянет. И в итоге что? Гавкаем сидим, как собаки, друг на друга, а толку ноль. Немец в Москве сидит, японец всю Сибирь занял, а мы по своим будкам разбежались и лаемся. Так и не поняли, что враг у всех нас общий. Так что, лучше уж так, лучше уж пусть этот американец свои разведданные «чёрным» отнесёт, лучше уж мы здесь все пулям поклонимся за это, чем дальше вот так,

по-скотски. Как Суслов и его ветошь марксистская!

Остальные лишь кивнули в знак согласия с Андреем.

– Понятное дело, – продолжил гранатомётчик. – Что нас даже не вспомнят, если у них всё получится. И что не я буду флаг на Кремлём поднимать. Да мне даже простой медали не дадут, хорошо, если японцы хоть крест деревянный над могилой поставят. Только ведь, это всё равно не зря будет, правда?

– Правда, – сглотнув, ответил Саблин. – Только вот, с чего ты взял, что нас помнить не будут?

Андрей ехидно и слегка печально улыбнулся.

– А что, скажешь, не так? Скажешь, памятники нам поставят во весь рост? В Новосибирске где-нибудь или в Магадане?

– Ну, из бронзы их точно не отольют, памятники эти, – согласился Валерий. – Вот только их всё равно поставят. И помнить будут. Обязательно будут. Каждый раз, когда будут тосты за павших поднимать, или за победу, каждый раз и нас вспоминать будут. Потому что мы, если говорить начистоту, сегодня кирпичиками стали. Маленькими такими, незаметными, вдавленными в самый грунт. Но именно на наших спинах будет стоять нерушимый памятник. Памятник сотням таким же, как мы, неизвестным солдатам, пропавшим без вести и не вернувшимся домой. Он, Андруш, стоять только будет не на площади, и даже не в парке, а в людской памяти. И потому будет выше и крепче любых статуй, кото-

рые человечество когда-либо строили, и которые ещё даже не заложили.

Он обвёл взглядом своих солдат.

– Ну что, ребятки? Дадим Джеймсу ещё минут десять, да, помолясь, пойдём, повоюем?

– Повоюем, – довольно заворчали его ребята.

Саблин повернул голову и посмотрел на пылающую огнями прожекторов границу. Очень скоро здесь станет не только светло, но и горячо. Настолько горячо, что от напряжения будет плавиться январский снег.

* * *

Выстрел. Ещё один. За ними тут же следует очередь. Ей в аккомпанемент бьют ещё как минимум два автомата, сливаясь в смертоносную какофонию звуков и стали. Отвечают же этому невозможному оркестру лишь слабые, одинокие флейты, утонувшие в крови.

Саблин попытался пошевелить правой рукой. Никак. Пуля из крупнокалиберного пулемёта, прошедшая навылет, заодно раздробила ему кость, так что теперь он, по сути, вышел из боя так же, как и почти все его товарищи.

А ведь всё так хорошо начиналось.

Заставу, которую Саблин и его бойцы выбрали для нападения, они взяли чуть ли не с лёту. Удачное стечение обстоятельств, помноженное на чёткий расчёт. Им удалось по гу-

стому январскому снегу подобраться к пограничникам почти вплотную, прежде чем началось светопреставление. Слава Богу, что полночи до этого они тщательно вымеряли время прохода патрулей и, вклинившись как раз в небольшую перемену, обеспечили себе численное преимущество. К тому же, на их стороне был элемент внезапности. Так что, следующую группу японских солдат, сопровождаемую бронемашинной, встретили не их сослуживцы и боевые товарищи, а выстрел из гранатомёта, тут же превративший японский бронетранспортёр в горящий факел.

К чести пограничников стоит сказать, что среагировали они быстро, по-азиатски. Никаких переговоров, никаких предупреждений. Чистая, кристаллизованная жестокость, помноженная на древнее самурайское желание уничтожить врага, нашедшее воплощение в треске ракет, громких криках командиров и грохоте боевых машин. Через минут двадцать, после начала сражения, застава, которую заняли подпольщики, и её окрестности превратились в огненный ад. У Саблина и его бойцов было всё, чтобы выдержать первоначальный натиск: оружие, патроны, даже противотанковые средства и, самое главное, злоба и осознание правильности своего дела. Единственное, чего у них не хватало, так это людей. Рано или поздно, подтянув все силы, японцы бы их просто смяли, раздавили танковыми залпами и вертолётными ракетами. Впрочем, именно этого подпольщики и добились. Гордо и дерзко атаковав превосходящего их врага,

они как бы кричали: «Мы здесь, возьмите нас! Мы – ваши!».

Делайте с нами что угодно, только не обращайтесь внимания на участок границы в пяти километрах к северу.

И японцы не обращали. Им было не до того. Восемь отчаянных русских солдат задавали узкоглазым такую трёпку, что даже при всём желании они не смогли бы распылить силы.

Бойцы Саблина держались с честью. Каждый понимал, что отступить ему некуда, и поэтому выкладывался на все сто процентов. Вот только бойцы всё равно начали падать. Никакая свирепость, никакая ненависть и жажда отмщения не способна защитить от пуль и снарядов.

Саблин с трудом повернул гудящую голову на левый бок. Прямо на него, лёжа на бетонной крошке второго этажа, глядел широко распахнутыми глазами украинец Алексей. Из разорванной в мясо шеи медленно растекалась лужа крови.

Валерию казалось, будто эти мёртвые, лишённые даже капли жизни глаза, которые ещё недавно принадлежали весёлому и неунывающему человеку, затягивают его. Тянут за своим обладателем прямо в бесконечную, вязкую трясины, из которой уже нет выхода. И стоит лишь только дать им волю, чуть-чуть поддаться, как смертельное болото засосёт тебя с головой.

По крайней мере, там будет не так больно.

– Командир, командир!..

Морок, который едва не захватил Саблина, улетучился,

испугавшись человека, трясущего подполщика за плечо.

Саблин никак не отреагировал.

– Командир!.. Да, чёрт, Валера, ты меня слышишь?!

Валерий с трудом повернул голову на другой бок.

Андрей. Тот самый щуплый гранатомётчик, который клялся ему в верности пару часов назад. К его чести стоит сказать, что слово он своё сдержал. Не сбежал, и не отступил. Не только с заставы, но и даже в загробное царство, что сейчас было гораздо важнее. Остался стоять.

– Кто ещё живой? – слабым голосом, еле ворочая сухими губами, спросил Саблин.

– Никого больше нет, только мы. Митьку только что осколком в висок ударило. Не дышит, – он кивнул на дверной проём позади себя, откуда виднелся труп, навзничь раскинувшийся на голом полу.

– Командир, я вот что говорю! – продолжил Андрей, перекрикивая автоматные очереди, раздававшиеся снаружи. – Если мы прямо сейчас...

Закончить он не успел. Неаккуратно высунул голову, прямо под неотвратимую косу пулемётной очереди, прошившей весь второй этаж пограничной заставы. Его тело, обезображенное кровотокащими ямами выстрелов, тут же откинуло к противоположной стене, гранатомёт, который выпустили из крепкой хватки мёртвые руки, с грохотом упал к вытянутым ногам Саблина.

Вот и всё. Конец боя.

Через пару минут японцы, поняв, что сопротивление подавлено, осмелятся войти в здание. Если его не посетят осколками гранат, которые эти мрази буду кидать в каждый угол, подумалось Саблину, то его обязательно замучают в пыточных камерах служб безопасности.

Нет. Не так. Сперва его приведут в порядок, откачают и накормят. Его рана, по сути, совсем пустяковая, просто потерял много крови. Хорошим военным врачам залатать её – раз плюнуть. Вот только потом, после чистоты и стерильности госпиталей, его заберут палачи из кэмпейтай, прямиком во влажность и сырость глубоких подвалов.

И Саблин вдруг явственно осознал, что не хочет. Не хочет, чтобы равнодушные доктора механическими движениями вливали в него один за другим пакетик крови. Не хочет, чтобы невероятно заинтересованный в собственном деле госбезопасник снова и снова задавал одни и те же вопросы, укрепляя силу своего слова электродами, иглами под ногтями и ударами молотка. А ведь он, Валерий Саблин, что самое страшное, рано или поздно заговорит. Это в советских пропагандистских фильмах герои-молодогвардейцы молчат, не выдавая страшному врагу ни капли информации. Только вот жизнь – не красная агитка. Здесь под пытками говорят все, и время, за которое у очередного отважного партизана развяжется язык, определяется лишь мерой его собственного мужества.

Где-то там, внутри самого себя, в самых глубоких уголках

своей души, куда в здравом уме не заглядывает ни один человек, Валерий услышал шаг. Первый шаг на широкий, каменный мост, соединяющий вчера и завтра. Мост, своей гигантской дугой выгнувшийся над бесконечной рекой времени. Монументальное сооружение из далёких, древних сказок, которые когда-то ему читала на ночь мать. Калинов мост.

С силой отлипнув от стены, которая уже почти полностью пропиталась его потом и кровью, он протянул дрожащую руку за гранатомёт. Сжал пластиковую рукоятку, потянул металлическую трубу, увенчанную болотного цвета цилиндром снаряда, на себя. В глазах тут же потемнело. Кажется, на счёт докторов Саблин всё-таки преувеличил.

Подтягиваясь на одной руке, другой судорожно сжимая гранатомёт, он полз, едва не срывая ногти об бетонную крошку, к обугленному провалу окна, раму из которого не так давно выбило взрывом. Шаги, что он скорее чувствовал, чем слышал, набирали темп, становились чаще и громче, гулко гудя темнотой в глазах. Времени у него оставалось всё меньше. Богатырь, как встарь, выходил один, в полный рост, на середину моста, ожидая мерзкое, трёхглавое чудовище.

Саблин, изнемогая, встал на колени и упёр гранатомёт на нижнюю часть провала. А вот и змей, строго по расписанию. Ревёт, гудит, пылкает огнём ракет и пулемётов. И даже о трёх головах. Или же, это у богатыря в глаза троица? Времени размышлять, впрочем, нет. Есть время, стремитель-

но убегающие секунды жизни, только для того, чтобы навестись, нащупать прицелом расплывчатую фигуру вертолѐта. Или же, всё-таки, никакого вертолѐта и в помине нет? Может быть, это Змей Горыныч, персонаж древнерусских былин и преданий, стерегущий царство мѐртвых и мир живых? Может быть, вовсе не смертоносное оружие безжалостного двадцатого века держит в руках герой? А направляет твёрдой, непрощающей рукой стальной наконечник копья? Точно и чѐтко выбирает момент и место удара, так, чтобы чудищу не понадобилось второго. Он должен сделать это, даже если нестерпимый гул реки под ногами сбивает и путает все мысли. А может быть, это не река вовсе? Может быть, это японские автоматчики, неугомонно пытающиеся выкурить русского подпольщика? Неизвестно. Миф и реальность, сказка и быль, последний отчаянный бой и галлюцинация, все слилось воедино, перемешалось, запуталось гордиевым узлом. И некому, просто некому рассказать о том последнем бое, что принял Валерий Саблин на Калиновом мосту, мосту между жизнью и смертью. Хотя, может быть, всё было совсем не так? Может быть, это сам русский богатырь Добрыня погиб на японской границе, под безжалостным огнѐм пулемѐта, сразив перед этим своего самого известного и самого безжалостного врага?

Единственное, что можно сказать точно, так это то, что Джеймс Кюри, агент американской разведки, посланный в Россию с чрезвычайным заданием, стоя на небольшом лес-

ном холме и делая глоток живительной, после многокилометрового марша, воды из жестяной фляжки, видел, как в примерно десяти километрах от него, в небе вспыхнул и тут же погас яркий, огненный всполох.

Глава третья

Девятый круг

*«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несущ!»*

Рейхскомиссариат Московия, окрестности Ижевска. 8 февраля, 1962 год.

Мне снился бой. Притом бой странный, не один из тех, что я прошёл, и которые стабильно являлись мне в кошмарах. Во сне я видел сражение, к которому сам не имел ни малейшего отношения. Девять человек, где-то на японской границе, почти три часа удерживали пограничную заставу, чудом отбиваясь от нападающих орд врага. Самым последним погиб командир этого маленького отряда, успев, правда, перед смертью сбить боевой вертолёт. Из всех этих девятерых не было ни одного знакомого лица. Место, где проходил бой, было мне тоже незнакомо, на японской границе я бывал редко. Так что, о причинах, которыми был вызван этот странный сон, могу лишь гадать. Правда, почему-то он казался мне очень важным. Таким же важным, к примеру, как моё нынешнее задание.

Трофим, видя, что я проснулся, заворчал в усы:

– Ну, чего ты там ворочаешься? Давай сюда, на козлы, – буркнул седой крестьянин в драном сером ватнике.

– Доброе утро, – поздоровался я с ним, в полулежачем положении, перебираясь через скрипучую деревянную телегу.

– Утро, утро, – продолжал ворчать Трофим. – День уже, а он всё дрыхнет. Солдат, блин.

И сплюнул прямо на снег.

Вот тут он был не прав. Спал я не так много, солнце ещё даже не взошло, хотя ночная уральская темень, через которую едва можно было разглядеть гнедую кобылу, безропотно тащившую нас с моим новым попутчиком, постепенно начинала окрашиваться предрассветной синевой.

Впрочем, что взять со старого ворчуна? Наши с ним пути пересеклись два дня назад, и я до сих пор не видел, чтобы угрюмое выражение сходило с его лица.

С Трофимом мы встретились, как бы странно это не звучало, около нашего секретного схрона, «Камчатки», где я должен был оставить своё походное обмундирование. Я застал его в полусогнутом положении, отчаянно кряхтящим и пытающимся сдвинуть тяжёлую деревянную крышку, скрывавшую подземное помещение тайника от посторонних глаз.

До сих пор не понимаю, как он умудрился отыскать «Камчатку». Но мои вопросы по этому поводу он отвечал односложно и в основном отфыркивался, что мол: «Сходил до ветру, а там она лежит. Крышка значит». Врал, скорее всего.

Может быть, кто-то навел, может быть, сам следил за нашими во время последнего рейда. Сейчас это было совершенно неважно, хотя и я сделал себе пометку, что об этом происшествии нужно обязательно сообщить Алеутову. Если я, конечно, доберусь до Чёрной Армии живым.

Когда я его обнаружил, старикан оказался так увлечён своим воровским делом, что даже моё деликатное покашливание не заставило его обернуться. Из транса его вывел только металлический лязг винтовочного затвора, который я, поняв что мирное предупреждение не нашло отклика, резко передёрнул. Впрочем, опасался я зря. Моя первоначальная подозрительность оказалась напрасной, Трофим оказался обычным русским мужиком из тех, кто до сих пор жил так, будто на дворе стоял восковый девятнадцатый век, а Россия не знала ни революции, ни немецкого нашествия. Таких твердолобых консерваторов, живущих по заветам отцов и дедов, советская власть так и не смогла вытащить на свет марксистского социализма. Хотя, вины её в этом было мало, просто потому что во всём мире не нашлось бы той силы, которая смогла бы заставить повидавшего жизнь и абсолютно уверенного в своей правоте башмачника Трофима прекратить мотаться на старой деревянной телеге по уральским деревням и заниматься тем единственным делом, которое он знал в совершенстве.

Стоит сказать, что, несмотря на всю нелюдимость и угрюмость, с башмачником мы быстро нашли общий язык, пусть

даже при этом я услышал от него пару не самых ласковых выражений в свой адрес. Как только старик узнал, что я из Чёрной Армии, он тут же вызвался подвезти меня до Ижевска, куда направлялся и сам. Ехал он туда, по его словам, на очередную ярмарку, хотел немного подзаработать. А заодно и проведать сына, который обитал где-то в городе.

Так что дальше мы шли, а вернее, ехали вместе. За спиной, в яме, служившей нашим диверсантам складом, осталась лежать моя верная трёхлинейка, белый маскхалат, деревянные, хорошо смазанные лыжи и целый походный рюкзак всякого разного добра. Теперь, на скрипучей телеге, запрокинув голову к утреннему зимнему небу, лежал не оперативник «Стальной руки», ещё совсем недавно резавший глотки власовцев в Архангельске, а простой рабочий-слесарь, Иван Борисов, по происхождению считавшийся «фольксдойче», хотя и с примесью славянской крови. Раньше конечно, в сороковые, меня бы поставили к стенке или сослали в концентрационный лагерь, но сейчас, когда грандиозный план «Ост» обернулся большим провалом, правила слегка смягчились. Тем более, если уж в документе написано «фолькс...», то какие ко мне вообще претензии могут быть? При том оценивали меня не заведомо предвзятые не улыбочивые товарищи из ведомства Алеутова, а вполне себе настоящие гестаповцы и эсэсовцы со штангенциркулем в руках. Правда, всё равно пришлось немного схитрить, но об этом господам-арийцам лучше не знать. Так что, я вполне себе

мог сойти за поволжского немца или, например, за потомка какого-нибудь саксонца или ганноверца, которого пригласил ещё в Московское царство Алексей Михайлович Тишайший.

Простой, почти немецкий парень Иван Борисов, а в миру Григорий Отрепьев, ехал на тихоходной скрипучей телеге напрямиком в город Ижевск, некогда бывший одним из индустриальных центров Урала, а ныне ставший простым захолустьем не самого благополучного рейхскомиссариата. И только лишь редкое ворчание соседа сбивало его с мысли о бесконечном цикле истории.

– Чего замолчал-то? – недовольно спросил у меня Трофим. – Рассказывай уж дальше, коли вчера начал.

Не забыл-таки старикан. Ещё вчера вечером я начал рассказывать своему попутчику, зачем я здесь. Конечно, я не был настолько идиотом, чтобы вываливать почти незнакомому мне человеку всё и сразу, включая ценные детали и секретную информацию. Наоборот, существенную часть своего повествования я намеренно скрыл или переврал так, что даже если моего спутника схватит гестапо, сообщить что-то путное он им всё равно не сможет.

Тем не менее, развлечь во время долгой дороги этого грубого, нелюдимого человека входило в мои планы, а потому историю, хоть местами и сильно изменённую, необходимо было дорассказать.

– Напомни, на чём я там остановился?.. – попросил я Трофима, сам погружаясь в нелёгкие размышления.

Чёрная Армия, Свердловск. 12 января, 1962 год.

– Сведения? – недоумённо переспросил я. – И какие же ценные сведения могут попасть к нам из Новосибирска? Матковский вновь нагадил японцам? Люди Сулова опять сотрясают воздух и обвиняют нас во всех смертных грехах? Это мы уже проходили, товарищ верховный маршал. Если разрешите высказать собственное...

– Не разрешаю, – жестко оборвал меня Жуков. От его былого демократизма не осталось и следа.

– Спешу сообщить вам, товарищ Отрепьев, – продолжил верховный маршал, – что в эту минуту, не побоюсь этих слов, решается судьба Отечества. Так что извольте оставить ваши остроты при себе и не перебивать старших по званию.

– Слушаюсь, товарищ верховный маршал, – немедленно гаркнул я, приложив руку к козырьку и одновременно слегка оседая.

– Саша, ты не мог бы?... – попросил Алеутова Георгий Константинович.

– Конечно, товарищ верховный маршал, – тут же ответил мой начальник и, поднявшись с кресла, направился к двери, огибая широкий круглый стол.

– Вася, если можно, позови нашего гостя, – попросил он своего секретаря, высунув наполовину голову из кабинета.

Из-за двери послышалось утвердительное бормотание и быстрые шаги.

Всё время, пока хорошо известный мне секретарь вёл совсем незнакомого, но такого важного человека, я был объектом пристального внимания всех собравшихся. Кто-то разглядывал меня с нескрываемым любопытством, как, например, Жуков или Новиков. Алеутов смотрел на меня насмешливо и иронично, а вот Кузнецов с Рокоссовским явно выражали своими взглядами неудовольствие и в какой-то мере даже презрение. И если с Рокоссовским всё было ещё понятно, в конце концов, армия всегда и во все времена не сильно любила госбезопасность, то вот с чего я заслужил такой суровый приём от адмирала без флота, было ясно не особенно хорошо.

– Как думаешь, справится? – задумчиво спросил Жуков, обращаясь к моему начальнику.

– Справится, – уверенно ответил ему Алеутов всё также, не сводя с меня глаз. – По крайней мере, он лучший из всех, кто у меня есть.

Ого. Вот это номер. Я услышал что-то лестное от Алеутова? Видать, дело, которое мне собираются поручить, не просто важное, а чрезвычайно важное, потому что, даже когда мы с Артёмом отправлялись на ликвидацию Власова, от Алеутова мы не получили ничего, кроме скупого пожелания удачи. Если меня нахваливают, да ещё и перед первыми лицами государства...

– Вы позволите? – раздался из-за спины незнакомый голос, выведший меня из раздумий.

Я тут же обернулся.

Вошедший мне был не знаком. Высок, метр восемьдесят минимум. Стрижётся коротко, это видно, хоть сейчас он чутка и оброс. Глаза голубые, ясные, но бегающие, ни секунды, не задерживающиеся на одном месте. И что-то есть в его взгляде такое... потерянное. Будто он недавно лишился какой-то важной вещи и только после потери осознал, насколько она была незаменимой. Одет в серый, слегка грязноватый помятый пиджак, в руках держит чёрный исцарапанный дипломат.

– Проходите, мистер Кюри, садитесь, – пригласил Алеутов, указывая рукой на свободный стул.

– Благодарю, – отозвался незнакомец, подсаживаясь к столу.

Какое интересное обращение. «Мистер». На моей памяти так обращались только к одному человеку. Притом, совершенно недавно, буквально перед моим отбытием в Архангельск.

– Скажите пожалуйста, товарищ Кюри, – сознательно обратился я к незнакомцу, сознательно игнорируя всяких «мистеров», и не обращая внимания на злостный взгляд Алеутова, негодующего по поводу нарушения субординации. – А откуда вы родом?

Кюри удивлённо посмотрел на меня.

– Родился я, если это вас так интересует, в городе Денвер, штат Колорадо. Это в Америке, если вы вдруг не знали, *товарищ*... – он специально выделил последнюю часть предложения.

– Отрепьев. Григорий Отрепьев. Можно просто Григорий, – ответил ему я, словно не замечая открытой иронии, и протянул через весь стол руку для рукопожатия.

Американец охотно принял её, также приподнявшись из собственного кресла.

– Кюри. Джеймс Кюри. Агент Центрального Разведывательного Управления США.

ЦРУ? Солидно. Очень солидно. Я переглянулся с Алеутовым, давая понять, что американцы что-то слишком зачастили в последнее время в наши края.

– Джеймс, а скажите мне, вы случайно не знакомы с человеком по имени Гэри Пауэрс?

– Нет, Григорий, к сожалению, не знаком.

– Очень жаль. Ваш, между прочим, земляк. Тоже из Америки.

Злое похмыкивание Алеутова заставило меня прекратить перебранку. К тому же, все эти почётные генералы и маршалы вслед за моим начальником начали посматривать на меня недоумённо.

Что же касается Джеймса, то всё он прекрасно понимал. Если этого человека посылают в Россию на какое-то сверхважное задание, то и о недавнем инциденте он должен

был быть уведо́млён. По крайней мере, о той его части, где мы без зазрения совести стреляем в каждого, кто кажется нам подозрительным.

– Мистер Кюри, прошу вас, – примирительно начал Жуков. – Повторите, пожалуйста, для всех собравшихся ту информацию, которую вы передали нам с Александром Сергеевичем, – он указал на Алеутова.

Американец кивнул.

– Что же, господа, прошу внимание сюда, – он с громким щелчком раскрыл дипломат, грохнув крышкой об стол, и положил на стол небольшую стопку листов. – Это отчёты нашего специального агента в Великогерманском рейхе. Имя его сейчас неважно, ровно, как и позывной. Важно то, что на данный момент он занимает один из ключевых постов в организации охранных отрядов СС. Настолько ключевой, что имеет доступ в архивы партии, в том числе за временной промежуток тридцатых-сороковых годов.

– Стесняюсь спросить, – перебил доклад американца Новиков, – а как сумел ваш агент, явно американского происхождения и гражданства, пробиться сперва сквозь железный занавес, окруживший Германию и её сферу влияния, а потом сквозь партийную грызню и подковёрную борьбу на вершины власти Чёрного Ордена?

– Вам действительно интересны детали? – вопросом на вопрос ответил Джеймс.

– Детали интересны мне, – встрял в диалог Алеутов. – И с

сугубо профессиональной точки зрения, но вы, как я понимаю, моё любопытство вряд ли сможете удовлетворить. Сейчас же попрошу ограничиться общими объяснениями.

– Как угодно. Что же касается моего ответа, то внедрение нашего агента проводилось не один и даже не два года. Стоит сказать, что к пятидесят второму он уже был не последним человеком в СС. Проще говоря, операция длилась даже не одно десятилетие, про планирование я вообще молчу. Я удовлетворил ваше любопытство? – спросил американец, глядя на Новикова.

Тот лишь согласно кивнул, призывая продолжать.

– Итак, как я уже говорил, наш агент получил доступ к архивам НСДАП, в том числе к документам, относящимся к тридцатым годам, тому времени, когда рейх только-только вставал на крыло. И именно в тех покрытых пылью папках он обнаружил достаточно интересные бумаги. Ведь все здесь знают немецкий? – американец обвёл взглядом собравшихся. – Прелестно, значит, прошу ознакомиться.

Он ткнул палец в верхний лист из той стопки, что недавно выложил из своего дипломата.

– Чтобы не терять времени, – вмешался Жуков, видя, как Рокоссовский и я едва не столкнулись лбами, пытаюсь первыми заполучить бумажку. – Хочу сказать, что этот отчёт и я, и Александр Сергеевич уже видели.

– И что там есть полезного? – спросил Кузнецов, оставшийся, в отличие от нас двоих, сидеть на месте.

– По крайней мере то, что по данным нашего американского коллеги, в Германии до сих пор действует агент Союза.

В зале воцарилась тишина.

– Прощу прощения, верховный маршал, – первым опомнился я. – Вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, – не дал мне договорить Жуков. – Что где-то в тёмных коридорах Фольксхаллы наш человек до сих пор ведёт борьбу.

Если бы я не сидел, то, вероятно, грохнулся бы.

Очень хотелось курить. Я нервно посмотрел на стеклянный кругляшок пепельницы, стоявший посередине стола, но подвинуть его к себе не решился. Однако я был не одинок в своих чувствах. Воспользовавшись моим замешательством, к пепельнице потянулся Рокоссовский и, лихо цапнув её двумя старческими пальцами, притянул к себе. Остальные, видимо, либо в целом не курили, либо, как и я, решили воздержаться, так как на такую наглость никто не отреагировал.

– Так товарищи, в чём же проблема? – снова подал голос Новиков. – Необходимо, насколько я понимаю, связать с этим человеком. Наладить контакт через наших американских друзей, – кивок в сторону Джеймса, – сообщить ему, если он ещё не в курсе, что здесь, за Уралом до сих пор действует сопротивление! Что Россия всё ещё продолжает борьбу, что мы не сдались и сдаваться не собираемся! Что нам нужна его помощь, потому что сведения, которые он мог бы нам передать, для нас являются бесценными!

Маршал нашей немногочисленной авиации продолжал распинаться и дальше, не понимая, что к чему. До меня же медленно начинало доходить. По крайней мере, вопро- сительно взглянув на Алеутова, я увидел в его глазах лишь одобрение.

– Мы не можем с ним связаться, так? – спросил я амери- канца, прерывая бесконечную тираду.

Джеймс лишь кивнул, неотрывно смотря на меня и не об- ращая внимания на резко замолчавшего Новикова.

– Мало того, Григорий, мы не только не можем с ним свя- заться, мы вообще о нём ничего не знаем. Ни его имени, ни позывного, ни звания, ведомство, в котором он вёл ра- боту, можем лишь только предполагать. Мы даже не знаем, жив ли он до сих пор или же пал в неравной битве в ходе каких-нибудь партийных интриг. Единственное, что нам из- вестно точно, так это то, что во время того, как СС вылав- ливало всех остальных советских агентов, он оставался вне подозрений. Пока все остальные пятнадцать оперативников ОГПУ[1] уже были разбросаны по лагерям смерти или лик- видированы, его персона оставалась неизвестной. Каким-то образом он умудрился снять с себя все подозрения охранных отрядов и пройти сквозь мелкую сетку немецкого аппарата уничтожения. Ваш разведчик насколько хорошо обрубил все концы, что СС до самого начала войны с Советским Союзом не знала о нём ничего и не имела абсолютно никаких нито- чек, ведущих к его таинственной персоне. Потом охранным

отрядам стало уже не до этого. Вот здесь об этом говорится, можете ознакомиться, – Джеймс выудил листок откуда-то из середины стопки.

– И что, вы хотите сказать, что псы Гиммлера так просто оставили существование советского агента у себя в руководящем аппарате? – недоверчиво уточнил Рокоссовский, закончив курить. – Я никогда в это не поверю. Чтобы цепные псы СС кого-то отпустили из своих цепких лап, тем более иностранного шпиона, это, извините меня, больше похоже на сказку.

– Я и не прошу вас верить, – пресёк все возражения Джеймс. – На всё есть объективные факты и отчёты. Вот доклад рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера самому Гитлеру, от апреля сорок девятого. Союз уже как четыре года разгромлен, а с США подписан мирный договор. Здесь упоминается, что советская агентурная сеть окончательно ликвидирована. А вот записка, прикреплённая к этому докладу, сделана, очевидно, рукой Рейнхарда Гейдриха, на ней же стоит его подпись. В записке, адресованной, по всей видимости, самому Гиммлеру и датированной летом того же года, сообщается, что по мнению того же Гейдриха, заявление о полной ликвидации советской агентуры преждевременно, так как некоторые её элементы до сих пор не обнаружены и нет ни малейших сведений об их местонахождении. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о каком именно элементе идёт речь, так ведь?

Все выразили своё согласие, кто сдержанным кивком, кто одобрительным бормотанием.

– Исходя из этих данных, моё агентство сделало вывод, что ваш человек всё ещё жив, и, мало того, находится на высших ступенях иерархии Великогерманского рейха. Вывод этот следует из того, что только человек, находящийся на вершинах власти, может защитить самого себя от пристального внимания людей с двумя серебряными молниями на воротниках.

– И, тем не менее, мы всё равно никак не можем с ним связаться, правильно? – задумчиво спросил я у Джеймса.

– Абсолютно верно, – кивнул мне головой американец. – Именно поэтому я здесь, господа. Моё начальство поручило мне добратся до вас, а конкретно – до товарища Алеутова и, если получится, до верховного маршала Жукова. Мы просим у вас помощи. Нам нужны любые возможные ниточки, любые возможные каналы, по которым можно установить связь с этим человеком.

Так, и в чём проблема, думал я про себя? Жуков, а тем более и Алеутов, за всю свою долгую жизнь и службу показали, что являются достаточно изворотливыми политиками, у которых всегда есть козырь в рукаве. Почему бы не протянуть сейчас руку помощи американцам? Тем более, если нам это тоже сулит выгоду. Вопрос, казалось бы, решённый, но мы всё равно почему-то сидим здесь. Из всех вероятных вариантов мне на ум приходил лишь один.

– Проблема состоит, как я уже говорил вам, мистер Кюри, в том, – начал Жуков. – Что мы, как и вы, совсем ничего не знаем об этом агенте. Очень немногие члены советского ОГПУ пережили Последнюю войну, а ещё меньшее их число дожило до наших дней. Высшее же руководство было полностью уничтожено вследствие, к-хм, причин достаточно деликатных, – так верховный маршал аккуратно намекнул на переворот против правительства Кирова, который сам же и организовал. – У нас нет никаких документов, которые могли бы пролить свет на хотя бы приблизительное положение этого человека в управленческом аппарате рейха. У нас нет ни позывных, ни явок, ни паролей, ни-че-го. Мы знаем о нём ещё меньше, чем ваше управление. Собственно говоря, именно поэтому я сегодня вас всех здесь и собрал.

Георгий Константинович перевёл дыхание и, глотнув воды из казённого ребристого стакана, обвёл всех нас взглядом.

– Единственное место, где мы сможем получить хоть какую-то информацию о нашем агенте, затерянном среди орлов и свастик, это подземный архив на Лубянке в Москве, где когда-то располагалось государственное политическое управление...

Вот теперь в помещении можно было расслышать, как где-то в соседней комнате жужжит жирная чёрная муха.

Генералы и высшие чины государства сидели молча, как громом поражённые, пребывая в полном шоке. Лишь аме-

риканец, Алеутов и Жуков подавали хоть какие-то признаки жизни, переглядываясь между собой. А до меня начало постепенно доходить. Ещё, кстати говоря, до того, как стальной взгляд Алеутова, сидящего на противоположной стороне стола, пригвоздил меня к спинке моего кресла.

Мне же оставалось лишь, потянувшись, придвинуть к себе пепельницу и, наконец, закурить, в ожидании своего, почти что смертного, приговора.

– Как вы все прекрасно знаете, – продолжал после непродолжительной паузы верховный маршал, – Москва сейчас находится в глубоком тылу оккупантов. И, чтобы получить доступ к архивным документам наших спецслужб, нам, соответственно, необходим человек, который проникнет на территорию рейхспротектората и отыщет нужные нам сведения. Посоветовавшись с товарищем Алеутовым, мы решили направить на это задание лучшего, по мнению шефа нашей госбезопасности, оперативника, которым располагает «Стальная рука».

Жуков повернулся ко мне.

– Полковник Отрепьев, эта честь предоставляется вам.

О, Господи! Спаси мою грешную душу, о теле не молю...

Они понимают вообще, на что меня подписывают? Без разведки, без точных данных, в самое сердце Московии! Я не спорю, я ни в коем случае не возражаю и не оспариваю приказы, но это верное самоубийство. Крупнейшую в истории «Стальной руки» операцию, как раз ту, с которой я недав-

но вернулся, нам удалось проверить почти что случайно и то, только потому, что из инспекции Власова по северным военно-морским базам никто в рейхскомиссариате не делал большого секрета. И успехом она увенчалась исключительно благодаря невероятному напряжению нашей, будем говорить откровенно, почти что рудиментарной шпионской сети на территории Московии. А как иначе, если уральскую границу стерегут в основном солдаты Гальдера, а не власовские формирования? Кордон на замке, все контакты сведены к жесточайшему минимуму и осуществляются, только когда наши агенты оказываются на территории рейхскомиссариата.

Вдруг, мне на ум пришли слова моей собственной клятвы, которую я когда-то дал перед строем.

«... я без страха встречу с врагом и поставлю свой народ превыше собственной жизни».

– Подождите секунду, верховный маршал, – подал голос долго молчавший Кузнецов. – Вы хотите сказать, что мы хотим отравить нашего лучшего, – это слово он особенно подчеркнул, – оперативника на верную смерть ради фантомов и иллюзий? Мы, во-первых, не знаем точно, жив ли вообще этот гипотетический агент в Германии и, что ещё более важно, существовал ли он в принципе. Возможно, немцы, за столько лет так и не нашедшие его, просто-напросто ошиблись, обсчитались. Дальше, во-вторых, даже если он жив и до сих пор действует, с чего вы взяли, что документы, сообщав-

шие о нём, до сих пор сохранились? Чёрт возьми, да у нас даже нет ни одного агента в Москве! Она для нас terra incognita, неизведанная земля. Мы совершенно не знаем, что с ней стало после того, как последние очаги сопротивления в городе были подавлены. Генерал Ефремов, скажем прямо, был человек храбрый и отчаянный, ему ничего не мешало попытаться забрать вместе с собой на тот свет как можно больше немцев, устроив, например, пожар. Или превратить каждую площадь, каждую улицу в миниатюрное минное поле. В конце концов, никто не отменял немецкие бомбардировки с зажигательными бомбами и артиллерийские обстрелы, которые вполне себе могли не оставить от того знаменитого здания на Лубянке камня на камне, прихватив за собой ещё и подземный архив. Ко всему этому прибавьте эсэсовских мародеров и айнзацгруппы, которые, готов биться об заклад, растащили из бывших правительственных учреждений всё мало-мальски ценное, в том числе и документы. При всём уважении, я считаю это предприятие нецелесообразным.

Слава Богу, я не одинок в своём скептицизме. Хоть один здравомыслящий человек в этой комнате.

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, Александр Александрович, – печально ответил Жуков. – И, тем не менее, мы не имеем права отступить. Сейчас – не имеем. Вы, здесь собравшиеся, прекрасно знаете меня: и как командующего, и как политика, на чьи старческие плечи взвалилась непо-

сильная ноша управления тем, что осталось от нашего народа. Вы прекрасно знаете, что все эти годы я руководствовался лишь жёстким, холодным расчётом, не позволяя Чёрной Армии ввязываться в какие-либо авантюры. Мы не поддержали восстание в Магадане в пятьдесят седьмом, и правильно сделали, потому что японские части, которые уже через месяц были там, раскатали бы нас в тонкий блин вместе с повстанцами-патриотами. Мы не ввязались в недавний пограничный конфликт Японии и Германии, хотя многие, в том числе и присутствующий здесь Николай Герасимович, – верховный маршал выразительно глянул на Кузнецова, – убеждали меня, что это, дескать, наш шанс вернуть себе выход к морю. Но тем не менее, наши армии остались на своих местах. И, слава Богу, так вам хочу сказать. Просто потому что всё вышеперечисленное – это местечковая борьба, партизанщина, если угодно. Примерно то же самое, чем занимается уже упомянутый Суслов и его компания. Нам же, товарищи, так узко мыслить никак нельзя, нет. Мы просто-напросто не имеем на это права. Но то... те сведения, что принёс нам мистер Кюри, бесценны. Ими невозможно пренебрегать. И сейчас даже я, закорелый скептик, перестраховщик и планировщик заявляю вам: самое время поддаться этой аванюре. Я прекрасно осознаю, что шансы на успех призрачны, но если вдруг... если вдруг это окажется правдой, если Григорий найдёт необходимые нам документы, если вернётся назад, то мы получим тот самый шанс, которого ждали так много лет.

Мы получим кинжал, нацеленный в самое сердце фашизма. Получим надежду на возвращение нашей Родины, надежду, которую у русского народа давным-давно отобрали.

Весь свой монолог Жуков, не отрываясь, смотрел на меня. Понятно, что он хотел спросить, ему не нужно было озвучивать вопрос. Это было бы также бессмысленно, как ожидать от меня какого-либо иного ответа. Почему мне так сильно кажется, что именно таким взглядом, не требующим вопроса и ответа, он когда-то два десятилетия назад смотрел на генерала Конева, прежде чем отправить его в последний бой?

– Полковник Отрепьев, – верховный маршал наконец-то закончил ходит вокруг да около, и решил действовать напрямик. – Приказ вам ясен?

Поздно отступать. Мы слишком далеко зашли и слишком многое потеряли, чтобы сейчас сдаваться. Слишком много жертв, слишком много крови для того, чтобы сегодня, в день, когда сама судьба подарила нам надежду, один-единственный человек сдался. В конце концов, когда счёт идёт на миллионы, что такое ещё одна маленькая жертва?

– Так точно. Служу России и Чёрной Армии! – гаркнул я, прикладывая руку к козырьку.

А что ещё я, в конце концов, мог ответить?

Верховный маршал удовлетворённо кивнул.

– Теперь же, товарищи, – предложил Жуков, вслушиваясь в отдалённый вой сирен, – предлагаю вам спуститься глубже, в бомбоубежище. Приближается очередной налёт.

– А что, уже три часа? – недоверчиво спросил Алеутов, глядя на наручные часы.

– Точно по расписанию, – печально и как-то по-старчески вздохнул Жуков.

Пока наша организованная компания торопливо спускалась по лестнице вниз, на глубину, недоступную немецким бомбам, я подумал, что немцы в последние годы что-то сильно сдали позиции. Ни напалма, ни ковровых бомбардировок, даже налёты происходят теперь по расписанию, в одно и то же время, давая населению шансы укрыться в ближайших подвалах и бункерах. От той дикой, пожирающей симфонии разрушения, что раньше яростно ревела своим похоронным воем, не осталось и следа. Лишь ленивое, жирное и обрюзгшее попинывание раненого зверя, в надежде на то, что у него не хватит сил укусить в ответ.

В ноздри мне, неожиданно для пыльного, затхлого и грязного подземного бункера вдруг ударил запах весны.

* * *

Рейхскомиссариат Московия, Ижевск. 8 февраля, 1962 год.

– Дела... – задумчиво протянул Трофим, правя вожжи. – Значит, говоришь, немцы новую винтовку привезли?

– Угу, – не моргнув глазом, подтвердил я.

– Ну что же, дело доброе, – мой попутчик усмехнулся в

свою густую седую бороду. – А то это совсем не то получается. Что же, нехай сволочь эта автоматы новые привозит, хрен пойми какие? Воровать оно, конечно, грех смертный, но у таких уродов – дело богоугодное, вот тебе крест.

В этом весь Трофим. Обычный крепкий русский крестьянин, чей портрет не поменяли ни века, ни политические режимы. Простой и бесхитростный человек, полностью удовлетворившейся моей выдуманной басней про новый экземпляр штурмовой винтовки, готовящийся поступить в войска, чей чертёж, собственно, меня послали выкрасть. В конце концов, как бы я хорошо не относился к этому мрачному типу, а выбалтывать военную тайну первому встречному я не могу. Пусть даже будучи на все сто процентов уверенным в том, что он не предаст.

«Я буду мечом и щитом моей Родины...». В данный конкретный момент всё-таки щитом.

Сейчас я не имею права на слабость. Не имею права ошибиться, устать, недоглядеть, случайно довериться не тому. И не потому, что от моего успеха зависит возможная победа, а потому что от моего поражения зависит само наше выживание. Если удалыцы из гестапо вдруг узнают, что где-то в рейхе до сих пор действует советский агент, они не успокоятся, пока не перероют всю гитлеровскую рейхсканцелярию вверх дном. Они заглянут в каждую щель, в каждый угол и всё-таки найдут его. Обязательно найдут, в профессионализме ищеек Гимmlера я не сомневался. Особенно, когда дело

доходит до угрозы их тысячелетней империи. Свой давний грешок, порождённый минутным карьеризмом их шефа, они искупят сполна и в кратчайшие сроки. А затем... затем от наших городов не останется даже пепла. Сгинут, канут в лету ленивые налёты по расписанию, уступив место беспощадному воздушному террору. Асы Геринга применят всё, что есть в их смертоносном арсенале: от скучного, уже всем приевшегося напалма и до ядерного оружия, которое рейх пусть и поздновато, но всё-таки получил. Нацисты очень сильно, со всей своей страстью к порядку и дисциплине, пекутся о безопасности своей проклятой империи. Поэтому о нас не оставят даже памяти, завершив-таки, наконец, провалившийся ещё в сороковых план «Ост».

– Ты смотри, это, скоро уже на месте будем, – произнёс Трофим, которому, очевидно, надоело держать паузу.

– Н-на? – растеряно спросил я, выныривая из раздумий.

– Подъезжаем, говорю. Как из леса выедем, уже Ижевск будет, – Трофим взглянул вперёд по направлению езды. – Светает, тишкин свет. Плохо. При свете полицаи докапываются. Дай Бог, на Колю попадём.

– А чего, контрабандой балуешься? – спросил я, уголком левого глаза ловя пучок его седой бороды.

Трофим только с досады рукой махнул.

– Контрабанда, тьфу, етит твою! Везу, да! Тебя везу, курву. С этим и прикопаются.

– Не понял? – слегка обиженно ответил я. – С чего бы

это? Документы у меня все в полном порядке, даже не фальшивые. Вполне себе нотариально заверенные. Я, между прочим, у немцев ценнее считаюсь, чем вот эти вот коллаборационисты доморощенные. Я, можно сказать, по крови немчура, а эти так, недочеловеки. Они мне должны ноги мыть и воду пить.

– Ты, Гриша, либо тупой от рождения, либо тебя в войну контузило, – Трофим снова начал ругаться и ворчать. – Ты головой-то думай. В Ижевске людей от силы тысяч сорок, местные друг друга в лицо знают. Это ладно в Гуд... Гуте... – Трофим запнулся, пытаясь выговорить длинное иностранное слово. – Ай, чёрт, в Казани, хрен с ней, там можно затеряться. Там народу-то поболя будет. Немцы как наших оттуда выбили, татар через колено перекинули вместе с их Идель-Уралом, по лагерям вчерашних боевых товарищей рассовали или по деревням разогнали, чтобы, значит, господам глаза не мозолили. Счас там какую-то академию отгрохали. Танковую. Из самой Германии учиться приезжают, чтобы, это значаца, закалку получить, твёрдость духа. Помнят ещё, курвища, как в сорок первом под Москвой мёрзли. Так что да, там покоен будь, затеряешься, как пить дать. Там и «фольксдойче» как грязи и этих, как их, арийцев самых натуральных. А вот здесь что делать, ума не приложу. Докопаются, верно тебе говорю. Это же бандиты самые натуральные, прости Господи, а денег у меня, чтобы отцепились, нет.

Трофим погрузился в свои глубокие размышления, под-

перев подбородок кулаком и сморщив своё старое, усыпанное шрамами и морщинами лицо. Несмотря на всю задумчивость, старик не забывал править и понукать лошадь, которая все также неспешно подвозила нас к месту назначения.

И всё же, я решил прервать раздумья башмачника.

– Ты мне вот что скажи лучше, Трофим. Откуда ты у нас такой умный вылез? Откуда всё и про всех знаешь? И схрон наш нашёл, и за немецкими танкистами-офицерами подглядел. Прямо и жнец, и жрец и на дуде игрец.

– А ты не зубоскаль, – огрызнулся на меня старик. – Лучше сиди и думай, чего полициям говорить будешь. А то, ясен пень, при винтовке своей крутой был, а как ткнут тебе, голожопому, стволом меж рёбер, так сразу язвить перестанешь.

Неожиданно лес кончился. Из-за хвойного забора неожиданно появилась бескрайняя равнина, занесённая снегом чуть ли не по колено. Ленивое зимнее солнце едва-едва всходило, облизывая своим малиновым светом искрящиеся верхушки сугробов. И лишь где-то вдали, на расстоянии чуть меньше пяти километров чёрной прогалиной темнел город, подавая признаки жизни только лишь несколькими тусклыми огоньками света.

Мать божья...

Я не могу никак описать то, что увидел. Наверное, будь я поэтом или писателем, у меня нашлись бы подходящие слова. Но я всего лишь солдат, а поэтому у меня, никогда до этого не бывавшего в городах рейхскомиссариата, отвисла

челюсть.

Больше всего открывшаяся мне картина походила, наверное, на средневековый город. Огромная куча мусора, полуразвалившихся, сгнивших и покосившихся чёрных изб перемешивалась с невпопад построенными низкорослыми кирпичными домами, которые хорошо, если были моложе семнадцатого года. Вокруг этого кургана, будто жалкая пародия на древние средневековые стены, стоял, кое-где криво, а где вообще свалившись на белоснежное покрывало, бетонный мокро-серого цвета забор. Ни единого светлого пятнышка, ни единой заводской трубы, из которой даже таким ранним утром уже должен был валить дым. Ни-че-го. Как будто на месте некогда крупного промышленного центра Урала теперь была дыра во времени и пространстве, отправлявшая меня куда-то в далёкие и тёмные годы, когда свет цивилизации ещё не коснулся этой земли.

Я зябко поёжился, глубже зарываясь в глубокий воротник моего ватника. Полицейский пост, стоявший посреди дороги и опиравшийся деревянными плечами какой-то халупы на едва стоявший забор, приближался. Уже можно было различить много важных мелочей, как, например, костёр, едко чадящий в проржавевшей насквозь бочке. Или висящую на одной только верхней петлице дверь деревянного, замызганного сортира.

Я вдруг осознал, что мне сейчас очень хочется услышать очень громкую и очень родную сирену авианалёта, лишь бы

не видеть всего этого мусора.

– Что, пробрало? – не замедлил поехидничать Трофим. – То-то и оно. Сейчас-то вот тебя и сцапают.

Ох, родной мой, не это меня пробрало, совсем не это...

У полицаая, подошедшего к нам, были отвратительные мелкие и бегающие глаза. Он кутался в непонятного вида куртку и недоверчиво, исподлобья косился на Трофима. Господи, Боже мой, да у него же девяносто пятый «Манлихер» на плече висит! Такого даже у нас, в Чёрной Армии днём с огнём не сыщешь, а уж там всякой древности полно. Это же какой артефакт, таким даже в Последнюю войну старались не воевать! Он же не стреляет, кретин, проржавел небось уже насквозь весь. На кой, спрашивается, чёрт ты его с собой таскаешь? Как дубину использовать?

Вид этой старой, безнадёжно устаревшей винтовки придал мне сил. Я остановил ровный, изучающий взгляд на полицае, подошедшем к нам почти вплотную. Его кривое, изъеденное волдырями, оспинами и запойным румянцем лицо не вызывало у меня ничего кроме отвращения. Очень сильно захотелось сунуть ему по роже. Притом, сразу за всё: и за пьяное шмыганье носом, и за серую повязку на руке, с затейливо вышитыми на ней жёлтыми буквами «Hilfswilliger»[2]. Чувство собственного превосходства придало уверенности. На секунду я действительно почувствовал себя господином, настоящим сверхчеловеком по сравнению с этим ничтожеством, продавшим самого себя и свою Родину за мелкую

марку и бутылку водки.

– Чё везёте? – нагло поинтересовался полицейай, стреляя свинным глазками сперва по нам, и только потом по солидной поклаже с башмаками и инструментами, которую вез Трофим.

– Башмаки, – угрюмо, в бороду ответил старик.

– А этот? – полицейай кивнул на меня.

Я лишь презрительно на него глянул, не снизойдя до ответа.

– Чё молчишь, курва? Я тя спрашиваю, чё везёшь?! – дерзко, едва не крича от упоения собственной, малозначимой властью, спросил «хиви», облокотившись на борт телеги.

Я лениво повернул голову в его сторону.

– Не твоё собачье дело, – спокойно ответил на его претензии.

На секунду полицейай задохнулся от возмущения. На миг, не больше, в его глазах промелькнула искорка понимания. Понимания того, что всё происходит не по плану. Было прекрасно видно, что к такому ходу разговора предатель не привык. Обычно путники, оказавшиеся в его загребущих лапах, лишь затравленно молчали или угрюмо огрызались себе под нос, как, например, это делал Трофим, покорно позволяя себя обыскать и стясти непомерную мзду.

Неожиданное сопротивление жертвы никак не входило в планы шакала, уже облизывающегося на очередную падаль. Ему бы отступить, засунуть язык в задницу, осознав, что

овчинка выделки не стоит, но нет, у ему подобного дерьма обычно жадности и мелкой мстительности больше, чем мозгов. Особенно, если его оскорбить.

Собственно, именно желание наказать неожиданного хама, стало для полица я роковым.

На секунду резко отпрянув от борта, «хиви» взял себя в руки и вновь ухватился за него, явно намереваясь залезть в телегу.

– Это кто там вякает? Кто вякает, мля?! Я тебя ща на куски порежу ты, козлина! Ты как базаришь, говно!..

Полицай продолжал изрыгать из себя поток трёхэтажных матерных конструкций, заставляя Трофима всё сильнее и сильнее вжимать голову в плечи, а своих товарищей, облокотившихся на промёрзлые деревянные стены заставы, смеяться в полный голос. Я же отчётливо начинал понимать, что мне это надоело. Ещё секунду и полицай сорвётся на блатную «феню», не претерпевшую почти никаких изменений за почти век своего существования. Не люблю, когда так ругаются. Нет, понятное дело, я и сам могу спокойно ввернуть крепкое словцо. Особенно, в горячке боя, на разборе полётов или, например, при разговоре с такими кадрами. Но одно дело, когда мат подкрепляет твои слова, а совсем другое – когда заменяет. Так лучше не разговаривать, кем бы твой собеседник ни был. Просто потому что у этого самого собеседника может возникнуть непреодолимое желание прервать этот поток нечистот.

Именно это я и сделал. Конкретно – заставил эту сволочь заткнуться.

Я уже давно принял положение, позволяющее мне быстро нанести удар. Подогнул под себя одну ногу и упёрся рукой в противоположный от полиция борт. Первые несколько секунд, после того, как я резко оказался на ногах, хотя до этого, казалось бы, внимательно слушал все угрозы и оскорбления «хиви», полицай просто непонимающе смотрел куда-то мне в колени, выше голову не задирал. Собственно, это было последнее, что он увидел в своей жизни.

Я ударил быстро и чётко, метя подонку тяжёлым ботинком в левый тройной нерв. Самая, наверное, уязвимая часть человеческого лица. Стоит лишь правильно поставить удар – и вывихнутая челюсть обидчику обеспечена. Однако в этот раз всё прошло ещё лучше. Едва я почувствовал, как носок моей ноги касается лица полиция, окрестность тут же огласил отчётливый хруст позвонков. Подонок, недавно поливавший всю мою семью до седьмого колена грязью, упал замертво, не издав не звука, и распластался на снегу, неестественно вывернув сломанную шею. Двое его товарищей, ещё недавно ухахатывающиеся над остротами своего дружка, тут же собрались, прекратили ржать и взяли винтовки наизготовку. Впрочем, их «готовность» оставляла желать лучшего. От неожиданности оба стояли как вкопанные, не решаясь даже в очередной раз полить меня помоями, заводя, таким образом, самих себя. У одного из них, насколько я смог разгля-

деть, до сих пор не был снят предохранитель.

Я спокойно спрыгнул с телеги, переступив через труп полица. Уверенно, широко расставив ноги, поманил жестом руки двоих, мнущихся на одном месте, бандитов. Те, нерешительно переглянувшись между собой, всё же подошли, несмотря на то, что у каждого в руках было по хоть и старенькой, но всё же винтовке и расправиться со мной им не представляло никакого труда. То спокойствие и быстрота, с которым я разделался с их товарищем, дали им, видимо, понять, что я тот, кто вправе так делать. Вправе бить, калечить, стрелять и убивать. И право это мне дано своей собственной силой и уверенностью в том, что враг мой, мой хулигатель и обидчик – не человек даже, а так, говорящая обезьяна.

Как и у любого представителя расы господ.

– Оружие разрядить, патроны сдать, – тоном, не терпящим возражений, произнёс я, обращаясь к этим скотам. Не хватало ещё, чтобы опомнившиеся горе-охранники пальнули нам в спину, едва придут в себя.

– Но, господин... – попытался было оправдаться один из них, но наткнувшись на мой холодный взгляд, тут же заткнулся и снял с плеча винтовку.

Второй полицай последовал примеру своего товарища.

– Этого тоже, – я пальцем указал на труп, – винтовку разрядить, револьвер мне, вместе с патронами. Живо.

Они тут же, едва не сталкиваясь лбами, кинулись выполнять мой приказ. После секундной заминки, они разделили

обязанности: один начал судорожно вытаскивать патроны из затворной коробки винтовки, другой рыться в болтающейся на поясе у покойника кобуре, выуживая оттуда старенький «Наган». Господи Боже, да откуда они такое старьё только вытаскивают? Я принял оружие из рук полицейя. Обитая почерневшим от времени деревом, гладкая рукоять удобно легла мне в руку. Какой древний экземпляр. Мушка чутка подпилена, скорее в результате случайного внешнего воздействия, чем в целях какой-то модификации. Ствол грязный, совсем нечищенный, это я проверил, откинув рычаг барабана. Курок стёрт, весь блестит. Хорошо, если машинка вообще рабочая. Жизнь свою я ей, конечно, ни за что не доверю, но другого варианта у меня не нет и не предвидится. Не с «Манлихером» же по улицам расхаживать?

Я сунул револьвер за широкий пояс своего бледно-серого тулупа. Чуть позже перепрячу за пазуху, подальше от любопытных глаз таких же полицейяев или кого ещё похуже, но сейчас, на глазах этих стервятников, выпускать оружие, пусть даже такое ненадёжное и старое, из рук я не собирался.

– Патроны сюда давайте.

– Но как же... – полицейяи снова сделали попытку оставить боезапас при себе. И она тоже была безуспешной.

– Быстро. Второй раз повторять не буду, – сказал я и потянулся за «Наганом», который недавно так удачно пристроил за поясом.

Они, увидев мой жест, подчинились без промедления.

И лишь когда мы отъехали на приличное расстояние от заставы, и вокруг начали постепенно вырисовываться трущобы пригорода, Трофим позволил себе громко выдохнуть.

– Гриша, твою мать... – произнёс он, слегка оседая на козлах, – ты шило в жопе, я думал нам хана уже, всё! Ты как это сделал? Ты кудесник хренов? Я, когда ты огрызаться начал, уже думал всё, кранты. Положат нас там с тобой и вся недолга.

– Всё очень просто, – пожал плечами я, выкидывая кучу винтовочных патронов в ближайший сугроб и вольготно развалившись на телеге, – одна лишь ловкость рук и никакого мошенничества. Вот скажи мне, я на кого похож был?

– На немца, – недовольно буркнул Трофим, – ну, который не тамошний, а тутошний. «Фольксдойче», короче. А что?

– Так вот и скажи мне, русский крестьянин Трофим, – обратился я к нему, – вот как бы поступил с тобой немец, если бы ты к нему в телегу полез, да ещё и быковать начал? Я думаю, явно не мялся бы и документы, подтверждающие личность, не искал. Это с такими же высокородными арийцами, да, можно и вежливость проявить, и доброжелательность, и документики показать. А вот с нами, славянами, у них разговор обычно короткий: ударил палкой по голове, и он присел. Сам что ли не знаешь?

– Знаю, – всё также мрачно огрызнулся старикан, – получше некоторых умных сопляков знаю.

– Так вот, если знаешь, то чего тогда спрашивал, как я

выкрутился? С этими подонками лучшая защита – это нападение. А то, что их дружка убил – так это ещё лучше. Во-первых, не жалко, а во-вторых, так убедительнее. Будет ещё барин немецкий со всякими недочеловеками цацкаться. Сапогом по роже – и вся недолга. А убил, не убил, волнует его это что ли? Как бы ни так, с сапога кровь вытер и дальше пошёл. Зато видал, как эти двое сразу послушными стали? Знают, гады, что если у кого есть власти больше, чем у них, так это у немцев. И что эти самые немцы на повязку твою даже не посмотрят в случае чего, ты для них точно такой же славянин-унтерменьш, только ещё хуже, чем все остальные. Потому что ты, к тому же, ещё и предатель, а предателей немцы ох как не любят.

– Как ладно у него всё выходит, ты посмотри. Тебя послушать, так это выходит, что полицаев можно направо и налево убивать, – ворчливо отозвался Трофим.

Я суровым немигающим взглядом посмотрел на него.

– Не можно. Нужно.

И окончательно завершил диалог, запрокинув голову и уставившись в рассветное розовое небо.

* * *

Иногда вещи, кажущиеся на первый взгляд ужасными, оказываются вполне себе ничего при ближайшем рассмотрении. Нелюдимый и угрюмый человек, вот вроде как Трофим,

оказывается настоящим, бескорыстным патриотом. Старое, уже как лет пятьдесят висящее в шкафу пальто – пиком моды середины прошлого столетия, настоящим шедевром ткацкого искусства, не тронутым ни молью, ни временем. Собака, хромя на переднюю лапу и со свалывшимся ожогом на вываренном боку, оказывается очень ласковым животным, лучшим другом и преданным сторожем хозяйского добра.

Ижевск плевать хотел на это правило.

Чем сильнее мы углублялись в город, тем явственнее становились видны следы гниения и распада, охватившего, к сожалению, почти всю Россию. От мостовых не осталось даже воспоминания, теперь под копытами лошадей и ногами простых обывателей гремела, перемешивалась и мерзко чавкала промёрзшая, застылая грязь пополам со снегом. То тут, то там кучки нищих, согнувшихся в три погибели, пытались согреть свои поражённые чирьями и язвами ладони, протягивая их к чадящим кострам, сложенным из всякого тряпья. Немногочисленные в столь ранний час прохожие испуганно жались к стенам хлипких хибар и невысоких домишек, многие из которых, судя по чёрным провалам окон, из которых доносился вой ветра, пустовали.

Люди, встречавшиеся нам, были больше всего похожи на непонятных и нелюдимых существ, сошедших со страниц страшных русских сказок. Напоминали они, обмотанные несколькими слоями каких-то тряпок, смутно помнивших, что когда-то они были ватниками и тулупами, больше

горы грязного, шевелящегося тряпья, чем людей. Это были самые натуральные кучи мусора, непонятно как передвигающиеся по заснеженным, нечищеным улицам Ижевска и таскающие у себя на спинах грязные холщовые мешки. Это был не потомки того великого народа, что когда-то покорял эти неприветливые края. Это были не потомки тех великанов, что строили Транссибирь, гнали Наполеона через всю Европу и поражали уровнем своей культуры весь мир. Больше всего эти существа напоминали грязных, немытых крестьян Средневековья. Безграмотных, бесправных, низведённых своими хозяевами до положения рабочего скота.

– Господи Боже... – тихо, чтобы мой попутчик не услышал, с ужасом в голосе сказал я.

Трофим всё-таки услышал. Посмотрел на меня, подозрительно кося взглядом, но ничего не сказал.

Тем временем, пробираясь сквозь дерьмо и нищету, мы приближались к городской площади, лобному месту, где обычно в дни немногочисленных ярмарок и праздников собиралось всё население этой дыры. Сейчас, как мне пояснил старик, там проходили очередные торги, на которые съезжались почти все местные бродячие торговцы, и на которые следовал он сам, надеясь заработать лишнюю копейку. Как по мне, пустая трата времени, я был бы сильно удивлён, если бы узнал, что у местного населения были башмаки, а не только портянки. Ещё сильнее я бы удивился, если эти голодранцы найдут, чем расплатиться с Трофимом.

Впрочем, не мне учить отца ругаться. Едва мы прибыли на такую же захламленную, как и весь город, главную площадь, Трофим тут же направил свою телегу к длинной проржавевшей радиовышке, обелиску, торчащему посреди квадратного, местами устланного досками, майдана. Кажется, он всё-таки планировал содрать с местных жителей хоть что-то. Я же, сообщив старику, что собираюсь чуть-чуть прогуляться, отправился осматривать лотки, в большом количестве разбросанных тут и там. Трофим лишь рукой махнул на это. Ему было уже не до того, к нему, несмотря на весь мой скептицизм, уже подошёл первый клиент.

Петля между лотков и палаток, я окончательно убедился в мысли, что попал в Средневековье. Торговали тут продуктами натурального хозяйства: яйцами, сыром и молоком. Был даже уголок мясника, но на этом «празднике жизни» он был, к сожалению, одинок и популярностью особенной не пользовался. Видимо, не всем по карману питаться мясом. Что, впрочем, неудивительно. Ещё каких-то пять сотен лет назад мясо животных ценилось высоко и попадало на стол как минимум небедным слоям населения. Здесь же, в рейхскомиссариате, небедного слоя не было, лишь отдельные его представители, те самые, что успели в сороковых годах удачно торганыть оккупантам яйками или млеком. Также здесь в большом объёме продавались старые, ещё советские предметы быта, пережившие страну, их породившую, и пользовавшиеся в Московии большим уважением и спросом. По

крайней мере, на моих глазах две девушки, на лице одной из которых виднелся сифозный шанкр, насмерть сцепились за маленькое ручное зеркало, производства годов этак тридцатых. Видать, товары, произведённые на местных мануфактурах, либо совсем не в цене, либо идут сразу в Германию, обходя руки местного населения. Ставлю свой револьвер, что второе. Иначе в драке за старое замызганное зеркальце не летели бы во всех стороны клоки волос.

Мимо лотков надсмотрщиками слонялись два полица, закинув винтовки (на этот раз это были вполне приличные «Арисаки», пусть даже довоенные) на плечи. Изредка они останавливались то у одной, то у другой палатки, толковали о чём-то с продавцами, порой принимая очень угрожающие позы и грозя грязными кулаками, а затем шли дальше. Не иначе, как собирали мзду за защиту. Пусть даже эта защита и заключалась в том, что сами эти холёные охранники к несчастному спекулянту не полезут морду бить. На меня они благоразумно не обращали внимания. То ли слухи разнеслись достаточно быстро, то ли я выглядел достаточно серьёзно, чтобы отбить у мелких шавок любое желание попытаться заставить уплатить меня какой-нибудь очередной «налог». Хотя, изредка они на меня всё же косились. Как-никак человек новый, а в таких маленьких городках все друг друга хоть чуть-чуть, но знают. Тем более, мой красивый, почти что белоснежный, тёплый и вытащенный из складов стратегического резерва СССР тулуп выделялся из бескрайнего

океана бесцветных грязных обносок. Что же, такова судьба. Помимо него в схроне я обнаружил только чёрную, промасленную кожаную куртку, явно неподходящую по сезону, и зимнюю форму лейтенанта Чёрной Армии. Второй вариант был, пожалуй, ещё хуже, чем первый. Так что, пришлось довольствоваться тем, что есть. Тем более, что мой достаточно нескромный по здешним меркам наряд лишь работал мне на руку, дополняя образ «фольксдойча», смотрящего на славянское быдло свысока.

– Добрый господин... – услышал я дребезжащий старушечий голос из-за спины.

Я обернулся. Обладательницей голоса оказалась старая, сгорбленная женщина, стоявшая за лотком, у которого я в задумчивости остановился. Своей старой, трясущейся и худой рукой она протягивала мне крепкие, пусть старые и потёртые ножны, из которых торчала обитая багровыми пластиковыми кусками металлическая рукоять ножа.

Боевого ножа.

– Добрый господин, – продолжила старушенция, убедившись, что я заинтересовался предложенным товаром. – Обратите внимание...

Кажется, она всё-таки признала во мне кого-то, имеющего власть. По крайней мере, оружие, настоящее оружие, пусть даже и холодное, она осмелилась попытаться мне продать. В пользу этого говорил тот факт, что русское население в рейхскомиссариате не имело права оружие носить вообще.

Никакое. Что же, могу отметить, что в таком случае, всё идёт по плану и роль моя, мне удаётся хорошо.

– Откуда это у тебя? – сурово нахмутив брови, как и положено представителю высшей расы, спросил я.

– От мужа осталось, – от страха понижая голос чуть ли не до шёпота, ответила старуха.

Я рывком выхватил ножны, отстегнул ремешок, закрепляющий рукоять, и извлёк оружие на свет Божий. Неплохо. Очень неплохо. ОГПУ-шный, сразу видно, вон, даже маркировка на основании рукоятки имеется. Хорошо лежит в руке и до сих пор не потерял остроты, хотя с чего бы ему? Из ножен его, как понимаю, не извлекали уже лет двадцать минимум. Прекрасное боевое оружие, за которое не жалко заплатить, пусть даже цена окажется непомерно завышенной.

– Сколько?

– Две тысячи рублей, господин.

Деньги у меня, конечно же, были. Ещё в Чёрной Армии меня снабдили достаточным количеством московских рублей, подвергшихся страшной инфляции, и не стоивших теперь почти ни гроша. Поэтому я сильно удивился, когда услышал цену. Всего две тысячи за отличный боевой нож. Это дёшево даже по меркам такой глуши, как Ижевск. Впрочем, мне была абсолютно неинтересна причина такой дешевизны. Нож был отменного качества, это видно сразу, на этом меня подловить не удастся, а если старуха продешевила, то это только её проблемы. Впрочем, кому-то другому она

всё равно вряд ли смогла бы его продать, а с дрянной овцы хоть шерсти клок, как говорится. Не говоря больше ни слова, я достал из-за пазухи две купюры по тысяче рублей каждая и протянул её продавщице. Та быстро схватила деньги, спрятав их куда-то в глубины своих бесчисленных одежек, и протянула мне нож. Обмен был совершён.

Деньги у меня были, да. А вот ножа – нет. Безусловно, моя оплошность, ставящая под сомнение всю мою безупречную репутацию оперативника. С холодным оружием я не расстаюсь. Никогда. Принципиально. Даже когда в «Камчатке» я в спешке менял снаряжение, стараясь одним глазом держать Трофима в поле зрения, я планировал закрепить перевязь с ножом у себя на новом поясе, но... забыл. Просто-напросто банально забыл, отвлёкшись, видимо, в тот момент на незваного гостя, доставившего очередной повод для беспокойства и дрожи в руке, тянущейся к недалеко лежащему пистолету. Спихнулся я только на первом ночном привале, когда осознал, что мне просто-напросто нечем открыть консервы. Хотел было вернуться, но Трофим отказался наотрез, пришлось ему уступить. Сейчас же я был рад, что приобрёл этот нож. Без доступа к холодной стали я чувствовал себя почти что голым.

– Уважаемый... – услышал я откуда-то сбоку.

Ну началось...

По обе руки неожиданно оказалась настоящая причина такой дешевизны. Бабка-то оказалась не промах. Ко мне с

двух боков, чтобы и не думал бежать, направлялись приснопамятные полицаи, которых я заметил, гуляя по рынку. В них было всё: от наглого и хамоватого обращения «уважаемый» и до жадных, беззубых, с чёрными провалами сгнивших дёсен, улыбок, предвкушающих добычу.

Меня развели как лоха. Как последнего фраера! Нет, подумать только, оперативника «Стальной руки» подловили на банальный трюк с подставным продавцом. Ну на кой чёрт я туда полез, спрашивается? Очевидно же, что не будет бабка-торговка продавать оружие кому попало. Тут нужно примелькаться, обозначить себя, а не вот так, с бухты барахты. Очевидная же подстава была, Гриша, о чём ты думал вообще?! В роль окончательно прижился? Почувствовал себя немцем, арийцем, высшей расой?..

Стоп.

Решение пришло мгновенно, как у актёра на театральной сцене, забывшего роль. Раз не получается играть от сценария, надо играть от сердца, импровизировать.

Я резко остановился, немигающим взглядом смотря на приближающегося ко мне полицаю.

– Что? – грубо и отрывисто спросил я «добровольца».

Полицай на секунду сбавил шаг, видимо, никак не ожидал от меня такой дерзости. По его разумению, я сейчас должен был трястись от страха, понимая, что мне грозит за грубое нарушение законов рейхскомиссариата, или же вообще бежать изо всех сил, на потеху скучающим «хиви», давно жду-

щим удобного случая пустить свои «Арисаки» в ход.

И всё же, либо догадливость и чувство самосохранения у представителей местных органов правопорядка отсутствовало напрочь, либо полностью подавлялось невероятной жадностью и сребролюбием. Несмотря на секундную заминку, рэкетир продолжал приближаться ко мне, с явным намерением получить своё. Его дружок не отставал.

– Уважаемый, – приблизившись ко мне совсем уже на неприличную дистанцию, повторил «хиви», – вы грубо нарушаете закон, установленный нашей почитаемой администрацией.

Надо же, даже пытаются сохранить видимость правопорядка.

– И какой же это закон? – всё также грубо, добавляя чуть металла в голос, спросил я.

– Населению запрещено иметь какое-либо оружие, в том числе и холодное, – с жадной улыбкой пояснил его напарник. – А вы только что изволили купить армейский боевой нож, прямо на наших глазах. Так что пройдёмте с нами.

Так всё. Сейчас меня либо уведут под белы ручки, поставив крест на всей операции, либо я начну действовать.

Отведя правую руку за бедро, я с размаха залепил первому подошедшему полицая точный апперкот. Конечно, повторять утреннюю акцию не стоило, в конце концов, два трупа за один день – это перебор. Но, тем не менее, есть куда более простые и куда более действенные методы вывести че-

ловека из строя, чем убийство. Удар в челюсть – один из них.

Напарник распластавшегося на снегу «хиви» попытался было остановить меня, и уже сдёрнул с плеча винтовку, но и его остановил ещё один удар, пришедший, на этот раз, в область солнечного сплетения. Незадачливый блюститель правопорядка согнулся пополам, глотая ртом воздух.

На нашу маленькую компашку тут же уставились десятки пар любопытных глаз, мгновенно сделав нас центром внимания. Прелестно, мне только на руку.

– Закон?! – гневно воскликнул я, обращаясь к полицейю, сраженному апперкотом. – Ты, русское быдло, ещё будешь говорить мне о законах?! Мне – арийцу по духу и крови?! Что ты о себе возомнил, сволочь? Что тебе можно таскать эту дряхлую винтовку, потому что ты когда-то предал собственный народ, а мне это благородное, вкусившее крови оружие – нет?! Что ты о себе возомнил, ублюдок? Ты ничем не лучше всей остальной славянской грязи, что до сих пор заражает своей мерзкой кровью светлый лик земли. Забирай своего дружка – и прочь с глаз долой, чтобы я вас больше не видел!

Сработало. Надо же, получилось. Тот, которого я только что поносил на чём свет стоит, поднялся, придерживая ладонью помятую челюсть и, подхватив своего товарища, поплёлся прочь, напоследок кинув на меня ненавистный взгляд. Ничего он мне, впрочем, не сделает. Шавки подзаборные, не больше. Подкараулить в тёмной подворотне – это всегда пожалуйста, но сойтись лицом к лицу у него попросту не хва-

тит смелости. А ударить в спину или доложить в высшие инстанции я этим двоим всё равно возможности не дам. Сегодня-завтра я покину этот городишко, только меня и видели.

Впрочем, пусть докладывают. Документы у меня в порядке, немецким владею отменно. Как только местная администрация поймёт, что парочка полицаев захотела взять на гоп-стоп натурального немца, мне ту же выдадут с десятков таких ножей, а двоих моих незадачливых грабителей быстренько повесят на ближайшем фонарном столбе.

Толпа, которую собрала наша потасовка, поняв, что больше ей развлечения здесь не светит, начала разбредаться кто куда, скрипя снегом. В ней же растворилась и подставившая меня торговка, потому как, обернувшись, я за прилавком её не обнаружил. Ну и пусть. Не хватало мне за всякой нищенствующей шушерой гоняться. Хотя в целом, я был доволен. Народ, собравшийся сегодня на ярмарке, я, кажется, смог убедить в мысли, что в эту приуральскую глушь приехал немецкий барчук и творит, что захочет. Полицаев избивает направо и налево, ножи боевые скупает за бесценок, в общем, ведёт себя как самый настоящий «фольксдойче». Результат, который меня всецело устраивал.

Остаток дня прошёл спокойно. От скуки, да и в целом для общего развития, я ещё пошатался туда-сюда, но ничего интересного не нашёл. Торговцы, едва завидев меня, тут же расстилались в комплиментах и чуть ли не силой затаскивали платежеспособного покупателя к себе в лавку. От неко-

торых даже приходилось отбиваться силой. К вечеру, часам к восьми, когда ярмарочная площадь порядком опустела, я вернулся к Трофиму, сумевшему за день сколотить приличную, по его же собственным словам, выручку.

Отведя коня в общественные конюшни, которые на время ярмарки открыла городская администрация, мы потопали на съёмную комнату в местной гостинице, о которой Трофим заблаговременно подсуетился.

* * *

– Ну, и где твой отпрыск? – спросил я, с чавканьем прихлебывая из большой деревянной ложки.

Помещение, в котором мне «посчастливилось» обедать, оставляло желать лучшего. Деревянные, с облупившейся коричневой краской стены, дыры в которых были заделаны смятыми газетами, замешанными на клейстере. Дуло изо всех щелей, покосившаяся оконная форточка никак не хотела вставать на своё место, поэтому пришлось просить у управляющего молоток и гвоздь, чтобы намертво её проколотить. От сквозняка, правда, это не спасло.

Света в комнате, которую мы сняли, не было и в помине. Лишь огромный металлический подсвечник ещё, наверное, царских времён, в котором торчали неказистого вида жёлтые огарки, пережившие, видимо, не одного постояльца. На двух скрипучих, безматрасных кроватях лежали огромные кучи

одеял, предназначенные для того, чтобы ночью мы не околе-ли от холода, потому что малюсенькая печка-буржуйка, сто-ящая посреди комнаты, не справлялась со своей задачей и почти не давала тепла. Тем более, что и дров нам дали самую малость, а новая партия стоила по-настоящему бешеных де-нег, которых ни у меня, ни у Трофима не было.

Поэтому за едва тёплым супом, больше напоминающим тюремную баланду, мы решили сходить в ближайшую столо-вую, а не тратить на его готовку драгоценную древесину.

– Да должен уже быть-то, – задумчиво проговорил Тро-фим, приканчивая свою порцию и откидываясь на спинке стула. – Комнату я ему, конечно, не сообщал, но договари-вались на это место. Найдёт ежели что, большой уже хлопец.

Я лишь пожал плечами и равнодушно вернулся к трапезе, старательно вылавливая в сером бульоне редкие куски жира.

Из коридора раздались шаги тяжёлых, солдатских сапог. Достаточно редкое явление среди местных. Даже те два до-морощенных полицейских патруля, которые имели несча-стье повстречаться со мной, обходились всего лишь вален-ками. Здесь же отчётливо слышался военный шаг, сдобрен-ный военной же обувью.

Нехорошо. Очень нехорошо. В этих окрестностях такой роскошью могли обладать очень немногие. А конкретно – два типа людей, один другого хуже.

В дверь нетерпеливо и очень громко постучали. И, не до-жидаясь от нас с Трофимом какого-либо ответа, резко рас-

пахнули её.

– Папа!.. – радостно начал незнакомец, но закончить не успел.

Я обернулся, чтобы получше разглядеть незваного гостя. Пол-оборота головы, один беглый взгляд – и я оказался на ногах, увидев на рукаве военной форме достаточно высоко-го, широкоплечего русоголового парня с карими глазами то, что так боялся увидеть в нынешней ситуации.

Две крест-накрест перечёркнутые голубые линии на белом фоне.

Андреевский крест.

Не раздумывая больше ни секунды, я вырвал из кожаных ножен, болтавшихся на моём поясе, недавно купленный нож, одним прыжком перемахнул через стол, сметая при этом деревянные тарелки и прочую утварь, в беспорядке разбросанную тут и там, рывком поднял на ноги Трофима и приставил холодную сталь к его старческому обвисшему горлу.

Сука.

Иуда.

Крестьянин русский, сволочь, продал меня. Не отпущу, зло подумал я. Продал меня, продал всех нас, ублюдок, ни за что живым не уйдёт, гад!

– Назад! – бешено заорал я, ненавидящим взглядом уставившись на власовца. – Один шаг и старик умрёт!

Власовец осёкся. Прервал шаг, как будто на невидимую стену натолкнулся. Быстро потянулся к левому боку, где

обычно висела кобура, но не тут-то было. Да, гадёныш, это тебе не в дозоре водку пить, да в карты играть. Никто тебе, славянину, предателю, не позволит по городу с оружием разгуливать. Хозяева-немцы ни за что не ослабят твой поводок, и поэтому оружие твоё сейчас лежит в казарме, в надёжном месте. И поэтому, иудин сын, отец твой родимый, сейчас кровью своей поганой захлебнётся. А затем я за тебя примусь, сучёныш.

– Отец, что происходит?! – едва не взвизгивая, спросил власовец. – Кто этот человек?

– Молчать, гнида! – снова взревел я.

В помещении установился шаткий паритет. Чтобы добраться до власовца, мне необходимо было сперва прикончить Трофима, которого я уже и так держал за глотку, готовясь в любой момент сделать плавное скольльзящее движение ножом, кроваво оборвав жизнь башмачника. Его же сыну, чтобы вцепиться в меня, необходимо было миновать живой щит в виде собственного же отца, на что он пойти, понятное дело, не мог. С этим необходимо было что-то делать, потому что наши крики, как пить дать, не остались незамеченными. Конечно, управляющий этой дырой привык и не к такому, держу пари, что здесь каждую неделю кого-нибудь режут, притом достаточно громко. Но учитывая тот факт, что вопли начали разноситься по гостинице почти сразу после прихода сюда человека в форме РОА, управляющий, будучи, наверняка, человеком достаточно осторожным, кликнет по-

лицаев. И вот тогда-то мне точно несдобровать. Один, с ножом и стареньким «Наганом» против вооружённого патруля, расклад сил был, очевидно, не в мою пользу. Если я быстро не закончу с этими двумя, мне точно несдобровать.

Решение пришло быстро. Резануть Трофима по горлу, откинуть агонизирующего старика в сторону и одним прыжком добраться до власовцам, а там уж... там точно не ошибусь.

Уже приводя нож в движение, я услышал сдавленный хрип над ухом.

– Пог... погоди...

Хрипел Трофим. Хрипел из последних сил, чувствуя, как холодный металл начинает потихоньку щекотать кожу.

– Гриша, Бога ради... обожди. Дай сказать... – продолжал старик.

Ещё и оправдаться пытается, хрыч старый.

– Это сын... сын мой.

Да я понял, что не дочь!

– Он... он наш, свой.

Ага. Так я и поверил.

Я тихонько опустил нож, на такое расстояние, чтобы старик мог просипеть последние в его жизни слова. При малейшем подозрительном движении власовца, я готов был вскрыть старику горло, и ни возраст, ни забавный деревенский говорок, ни отчаянные мольбы не помешали бы мне исполнить справедливое возмездие над тем, кто добровольно поставил на себе клеймо предателя. На самом деле, по-

хорошему, мне и следовало так поступить, но...

Но почему-то я не мог. Просто-напросто не мог. Месяц назад я без колебаний бы выполнил задуманное, но... Но теперь мне почему-то хотелось верить. Не знаю, возможно, так повлиял на меня тот самый последний порыв нежности и любви, который я испытал к Ане во время нашего скорого прощания. А может быть, это были горькие слёзы Артёма, молодого, правильного парня, не желавшего быть героем войны, и которого всю жизнь именно к воинскому подвигу и готовили. Или же, так отозвалось во мне мимолётное головокружение и отвращение, которое я испытал, заходя в собственный же дом. Я не знаю почему, но именно сейчас, среди страшной, истребительной войны, ведущейся уже два десятилетия, находясь на самом важном, наверное, решающем участке фронта, мне хотелось поверить этим двум незнакомым людям. Поверить, услышать слова о том, что всё не так, что есть двойное дно, дать возможность Трофиму рассказать всё, оправдаться и самому, и за своего сына. Потому что иначе вся наша борьба просто не имела смысла...

– Две минуты, – буркнул я, несмотря на свою мимолётную сентиментальность, не ослабляя хватки.

– Он наш, – просипел Трофим, с силой глотая, – он против был. Я сам сказал ему пять лет назад, идти... к власовцам. Нужно, – старик прокашлялся, – нужно, чтобы свои люди были. Всегда. Так лучше будет.

Его сын кивнул, в подтверждении слов своего отца.

– Не знаю кто ты, но я не предатель.

– Докажи, – упорствуя в своём неверии и не спуская немигающих глаз с власовца, сказал я.

– Как? – он виновато улыбнулся. – Что я могу сделать, если «чёрный» угрожает моему отцу, а у самого у меня на рукаве шеврон предателей.

«Чёрный». Надо же, быстро соображает, гадёныш.

– Клятва. Дай мне Клятву, – неожиданно для себя предложил я.

– Какую?

– Ты прекрасно знаешь какую! – теряя терпение и слегка поднимая нож, рявкнул я.

Власовец кивнул. Клясться в нашем безумном мире можно многим, но вот настоящая Клятва, она была одна в своём роде. По крайней мере, в России.

Я не знаю, почему я предложил именно этот метод. Наверное, во мне действительно говорил человек, большую часть своей сознательной жизни проживший в Чёрной Армии. В том месте, где на каждого двадцатилетнего молодого парня в военной форме смотрят как на надежду, как на пробуждающегося титана, готового вымести стальной метлой всю грязь с нашей земли. И, что самое важное, просто неспособного на предательство. Я смотрел в глаза власовца и видел Артёма, мальчишку-героя, который, едва-едва начав брить бороду, уже уничтожил одного из главных врагов нашего народа.

Я смотрел на него и верил, отчаянно верил в то, что у

нового, не обезображенного горестью поражения поколения, всё же осталось ещё что-то святое.

– Я не знаю слов, – виновато ответил сын Трофима.

– Повторяй за мной. *«Я верю, прежде всего, в Россию: единую, неделимую, непобедимую...»*, – начал проговаривать я слова Клятвы.

– *«Я верю, прежде всего, в Россию: единую, неделимую, непобедимую...»*, – как заведённый, повторял он за мной.

На втором предложении, я понял, что не ошибся. Я видел, как парень вёл себя, произнося слова самой главной и самой священной присяги в его жизни. Плечи распрямились, спина сама по себе приняла устойчивое вертикальное положение, а глаза... Боже, ради тех перемен, что происходили с его глазами, стоило, наверно, жить.

Его зрачки, карие, коричневые, бездонные зрачки, впервые за всю его недолгую жизнь, наполнялись смыслом.

Как только наш импровизированный дуэт, клявшийся друг другу в самом сокровенном, закончил произносить эти священные слова, я с улыбкой вложил нож обратно в ножны.

* * *

– Значит, в Казань? – спросил Даниил, приканчивая свою порцию и рукавом вытирая грязные губы.

Я, сытно развалившись на кровати, лишь кивнул. Отпираться смысла не было. Здесь, в Приуралье и Поволжье это

был единственный крупный город и транспортный узел. Есть ещё конечно Волгоград или Волгаштаат, как он сейчас называется, но идти до него мне точно резону не было. Так что древняя столица татарского ханства была единственным адекватным выбором.

– Как собираешься добираться? – продолжил юноша во власянской форме, бегая глазами по столу, в надежде найти чем ещё перекусить. Кажется, их в казармах тоже не очень хорошо кормят. Или же голод в солдате просто-напросто неистребимое явление, не зависящее от страны, эпохи и рода войск.

Я пожал плечами.

– Как и обычно, пешим ходом.

– А не одуреешь? – спросил Даниил. – У нас метеорологи говорят, что похолодает сейчас. Да и идти прилично, тоже по лесам да оврагам.

– Делать-то нечего, – я был абсолютно равнодушен к сочувствию Даниила. В том плане, что, несмотря на то, что этот парниша за последние несколько часов для меня превратился из предателя в симпатичного молодого человека, его жалость ничего не могла изменить. Я изначально был готов к долгим многодневным переходам. Притом обязательно по каким-то болотам да буеракам, соблюдая необходимые меры предосторожности, особенно на начальном этапе своего пути, когда местные приграничные гарнизоны ещё достаточно чутки. – Или у тебя какие-то другие варианты есть?

Последнюю фразу я сказал скорее из вежливости, чем действительно надеясь на какой-либо результат. Тем не менее, Даниил кивнул.

Как-то всё слишком быстро переменялось. Ещё до захода солнца мы с Даниилом готовы были разорвать друг друга на клочки: я за Андреевский крест на его рукаве, он за нож у горла его отца. Теперь же, когда время неумолимо приближается к полуночи, а недавняя жертва моей праведной ярости отчаянно храпит на кровати в углу комнаты, мы болтаем, как ни в чём не бывало, а от взаимной злости не осталось и следа.

Как оказалось, Даниил действительно не был предателем. Идея пойти в РОА принадлежала его отцу, старику Трофиму, которому, как и любому честному человеку, коллаборационисты были ещё более ненавистны, чем их хозяева. Тем не менее, он своей крестьянской мудростью понимал, что всегда лучше иметь своего, можно сказать, родного человека в рядах неприятеля. И поэтому сознательно, после долгих споров, убеждений и диспутов, послал своего сына записываться в РОА. Правда, за отсутствием какой-либо связи с Чёрной Армией или местным народными мстителями, деятельность его в армии предателей была пока безрезультатной. Если, конечно, не считать за результаты увеличенный паёк для него и для его престарелых родителей, что само по себе неплохо, но на картину в целом влияет мало.

И всё-таки, кое-что полезное я от него узнал. Даниил и его

отец были не единственными такими умными. Очень много местных семей отдавали своих детей на службу рейхскомиссариату. Кто-то сознательно, как Трофим, формируя ненадёжную прослойку в рядах армии Московии. Кто-то из более низменных побуждений, надеясь урвать кусок пожирнее. Объединяло их то, что в случае крупномасштабных операций они немцам не союзники. Скорее уж, срезав синие полосы с рукавов, перейдут на нашу сторону. Конечно, это не было похоже на какое-либо организованное подполье, но всё-таки, наводило на интересные размышления.

Обо всём об этом рассказал мне сам Даниил, пока мы с ним были заняты поздним ужином. Увольнительная у юноши кончалась завтра в десять, так что он принял решение остаться с нами в гостинице до утра.

– Варианты есть, – ответил он на мой вопрос.

– И какие же?

Даниил ненадолго задумался, подняв взгляд к потолку и подперев кулаком подбородок.

– Через неделю из Ижевска отходит караван, как раз в Казань. Торговцы, офицеры РОА, «фольксдойче». Дело обычно, раз в месяц такая процессия обязательно курсирует между городами, связь всё-таки надо поддерживать. Я могу попытаться тебя туда пристроить.

Я недобро усмехнулся.

– Предлагаешь мне, липовому «фольксу...» сунуть голову прямо в осиное гнездо? Как думаешь, за сколько часов они

меня разоблачат?

– У тебя разве никогда не было такого, что необходимая тебе вещь лежит на самом видном месте, а найти ты её всё равно никак не можешь? – улыбнулся Даниил. – Вот то-то и оно. Кто будет искать агента Чёрной Армии в транспортном караване, куда битком набились офицеры-власовцы и лица немецкой национальности? Да никому это и в голову не придёт.

Я кивнул, соглашаясь. Логика в его словах и правда была.

– Допустим. А дальше что? Хочешь сказать, что по прибытию славян-недочеловеков, будь они хоть трижды власовцами, не возьмёт под своё «заботливое» крылышко гестапо? Хочешь сказать, что в городе, битком набитым немецкими офицерами и их семьями, не будет даже банальных мер безопасности? Ни за что не поверю.

Настало время улыбаться уже Даниилу.

– Славян может быть и возьмут. Только ты-то – «фольксдойче», с тебя взятки гладки. Тем более, немецкий ты наверняка знаешь, а удостоверение твоё ни разу не липовое, руку на отсечение даю.

Я снова согласно кивнул. Удостоверение действительно было настоящее, заверенное отделением гестапо по Москве. Даже печать стояла. Всё в порядке, всё по орднунгу, как немцы любят. Единственное, что настоящего обладателя этого важного документа давным-давно в живых не было, а на месте его бородатой морды стояла моя, вполне опрятная фото-

графия, не так давно вклеенная.

– Тогда, чего ты опасаясь? – довольно спросил Даниил, откидываясь на спинку деревянного стула и закидывая руки за голову, сжимая их в замок. – Тем более, будь уверен, что комендант гарнизона уже в курсе про твои выходы на заставе и рынке. Ты повёл себя как настоящий немец, и претензий к тебе никаких не будет, и никто твоему появлению в караване сильно не удивится.

– Я всегда опасуюсь, – ворчливо буркнул я, понимая, что, по сути, Даниил прав. С караваном идти было бы сподручнее, да и подозрений это вызовет намного меньше, чем если бы я заявился в Гудерианбург своим ходом.

– Подумать нужно, – продолжил я.

Даниил лишь слегка развёл руками, как будто другого ответа он от меня и не ожидал.

– Думай, кто же тебе не даёт. Только вот ответ мне, пожалуйста, дай до завтрашнего утра. Потому что больше у меня увольнительных не предвидится, а если ты припрёшься ко мне в казарму, то начнут возникать ненужные вопросы.

Он, широко раскрыв рот и обнажив два ряда слегка пожелтевших зубов, сладко зевнул.

– Насчёт, кстати, утра. Я бы прямо сейчас лёг. Хочу, знаешь ли, отоспаться.

Я лишь согласно кивнул, начав постепенно готовиться ко сну. Через минут двадцать Даниил уже громко вторил своему отцу, солидно похрапывая. Я же проворочался чуть дол-

ше, обдумывая предложение моего нового знакомого. Впрочем, это было излишне. Свой ответ я и так уже знал.

[1] Объединённое государственное политическое управление. Госбезопасность СССР в двадцатые-тридцатые годы. В нашем мире позже реформировано в НКВД.

[2] Т. н. «хиви». С немецкого – добровольные помощники. Добровольцы из местного населения, завербовавшиеся в службу к оккупантам. В нашем мире такая «вербовка» происходила чаще всего принудительным методом.

Глава четвёртая

Чёрная смола

*«Брызнут на веки кровавой росой,
Вздригнешь, прозришь и увидишь, скорбя:
Вот он, последний решительный бой.
Каждый из множества – сам за себя.
А из промозглых полесских болот
Веет дыханьем библейских пустынь:
В души, в сердца и в источники вод
Медленно падают звезды Польшь».*

Рейхскомиссариат Московия, Гудерианбург. 23 февраля, 1962 год.

– Zeigen Sie mir die Dokumente, bitte, – равнодушно попросила небольшая щёлочка в замызганном окошке таможни.

Я безропотно протянул своё удостоверение личности и посмотрел прямо в голубые глаза немцу-блондину. Непонятно правда, зачем Германия послала такой отборный генетический экземпляр, настоящего арийца, служить в далёкие поволжские степи. Впрочем, он наверняка был гестаповцем, других органов правопорядка в рейхскомиссариатах просто не было, не считая местных формирований. А таможню такого важного города, как Гудерианбург, они ни за что не доверят полицаям-коллаборантам. Так что, принадлежность таможенника к стрежневой нации была вполне обоснована.

Немец грубыми толстыми пальцами, на одном из которых блестело обручальное кольцо, повертел в руках красную корочку моего удостоверения личности. Открыл, бегло пробежался глазами по информации. Год рождения, пол, место рождения, всё стандартно. Поднял глаза и взгляделся в мою, слегка небритую рожу, сверяясь с фотографией. Подвигал челюстью, видимо, мысленно задаваясь вопросом, похож ли, спросил:

– Nennen Sie Ihren Geburtsort?

Понятно. Интересует год рождения, говоришь? Прimitивная уловка, рассчитанная на полных дилетантов, не удосужившихся даже проверить свои собственные бумаги. Таких горе подпольщиков, зуб даю, в первые годы оккупации немцы ловили просто пачками. Слава Богу, что я к их числу не отношусь.

– Neunzehnhundert neun und zwanzig. Wolgastaat.

Для верности я назвал ещё и место рождения. Иронично, что первоначальный обладатель этого документа, зарезанный нашей службой безопасности в каком-то медвежьем углу, был моим одногодкой. Двадцать девятый год...

– Wolgastaat? – переспросил таможенник. – Aber hier ist «Wolgograd» angeführt.

Очередная проверка. И опять наивнее некуда. Настолько пошло и скучно, что напоминает обыкновенный чиновничий формализм. Видать, совсем всё в Московии тихо, раз уж даже вездесущая и неусыпная государственная полиция слегка

расслабилась.

Да, немец, именно Волгоград. Это сейчас, в вашем благо-словенном рейхскомиссариате, где русское население влечёт жалкую жизнь рабочего скота, древний город на Волге называется Волгаштаат. Но когда-то, когда славянские «недо-человеки» ещё были хозяевами собственной земли, он был Волгоградом.

И поверь, таможенник, день, когда город вернёт себе ис-торическое название, близок.

– Ja, – я вздохнул с печалью человека, вынужденного сно-ва и снова пояснять прописные истины. – Aber in Russland hieß es Wolgograd.

Мой проверяющий удовлетворённо хмыкнуло.

– Haben sie Sprengstoff oder Waffen bei sich?? – продолжал допытываться немец.

– Nein, – покачал я головой в ответ.

Взрывчатки у меня, конечно же, не было. А вот оружие имелось, да, хотя назвать это старьё оружием у меня язык не поворачивался. Впрочем, чиновнику о наличие у меня даже такого «Нагана» знать совсем необязательно.

Таможенник ещё раз очень цепко посмотрел на меня. Да, вот теперь я вижу гестаповскую школу. Сколько неопытных мальчишек заговорили под этим железным взглядом, волча-ра? Сколько раскололись, выкладывая всё, как на духу, про-давая и собственных товарищей, и свою Родину, и самих се-бя? Держу пари, ты давно уже потерял счёт.

Только вот на свою беду ты, волчище, сегодня нарвался на волкодава.

Я спокойно, глядя прямо в глаза, выдержал взгляд таможенника. Эта немая дуэль длилась всего пару секунду, но оставила меня безусловным победителем. Немец молча достал какую-то бумажку, шлёпнул на ней здоровенную печать, что-то почирикал на ней ручкой и вручил через окошко мне, возвращая заодно и моё удостоверение.

– Es ist Ihre temporäre Zullassung. Willkommen in Guderianburg.

– Dankeschön, – раскланялся я, пряча выданную мне временную регистрацию за пазуху.

Зная любовь немцев ко всяким бумажкам и документам, её следовало беречь, как зеницу ока.

* * *

Едва я вышел из невысокого жёлтого здания таможни, как тут же зацепился взглядом за кучку власовских офицеров, моих недавних попутчиков. Их четвёрка стояла около одного из автомобилей нашего каравана, старого, ещё сороковых годов, немецкого грузовика, чей кузов был обтянут дырявым грязным брезентом. Около них, стоящих с хмуро опущенными головами, суетился гестаповец, с планшетом в руках инспектирующий машину. Делал он это с дотошным рвением, как по мне, заслуживающим более достойного приме-

нения, и залезал чуть ли не под капот, в надежде отыскать несуществующую контрабанду. Власовцы, видимо, не в первый раз сталкивающиеся с такими обысками, лишь молчаливо ожидали окончания муторной процедуры, засунув замёрзшие руки в карманы шинелей. Лишь один из них поднял голову, отвлекаясь от сосредоточенного созерцания снега, и кинул на меня полной мольбы взгляд. Я сделал вид, будто не заметил этого.

Ведь именно так из чувства расовой солидарности перед немецким офицером при исполнении и должен поступать «фольксдойче», верно?

Моё недельное путешествие, начавшееся в середине февраля в Ижевске, подошло к своему концу только сегодня. Когда Даниил сказал мне про караван, я, если честно, ожидал увидеть хотя бы колонну автомашин, но реальность преподнесла мне неприятный сюрприз. Когда я, после нашего с ним разговора, прибыл на место, откуда должен был отбывать в Казань, перед моим взором предстало жалкое зрелище десятка обыкновенных крестьянских телег и всего лишь тройки автомобилей, каждый из которых был военным грузовиком. И, соблюдая главное правило флота, по которому скорость всей флотилии равняется скорости самого тихоходного судна, мы плелись до Казани целую неделю. За эти семь дней я заработал у своих попутчиков репутацию молчаливого, грубого и кичащегося своим превосходством немца, так что со мной старались лишний раз не контактировать. Впро-

чем, именно это и было мне на руку. Помимо того, что я просто банально соблюдал конспирацию, стараясь не попасться на незнании или ошибочных представлениях об укладе жизни в Московии, так ещё и невольно создал себе достаточно правдоподобный образ немецкого господина, непривыкшего якшаться с низшими существами.

Теперь же, пока мои попутчики мариновались на таможене, вынужденные раз за разом отвечать на одни и те же нудные вопросы не улыбочливых гестаповцев, я, прошедший упрощённый для лиц немецкой национальности контроль, был предоставлен сам себе и отпущен на все четыре стороны. Хотя, конечно, вся моя мнимая свобода закончится тут же, едва я недостаточно быстро вскину руку в нацистском приветствии, увидев один из многочисленных портретов фюрера, или недостаточно громко крикну «Хайль!», когда мимо прогрохает солдатский патруль, но, по крайней мере, я был освобождён от бюрократических проволочек, что уже радовало.

Сказать, что Казань разительно отличалась от Ижевска и других микроскопических городков Московии, мимо которых мы проезжали по пути сюда, – не сказать ничего. Это был натуральный европейский военный городок, затерянный где-то посреди заснеженной поволжской степи, чистый и аккуратный. То тут, то там, гордо реяли красные флаги со свастикой, украшая собой стены каждого крупного здания. Мостовые, хоть и слегка припорошенные снегом, всё равно

были относительно чисто выметены, и вымощены каменной кладкой. Судя по всему, население с советских времён сильно сократилось (что не удивительно) и большая часть города оказалась заброшенной. Плотно заселён был только центр и казармы на другой стороне Волги, с трущобами же, образовавшимися на окраинах города, новые хозяева Казани старались бороться, но быстро снести большую часть города оказалось невозможно, так что работы сильно затянулись.

Я шёл по вычищенной до блеска мостовой, остервенело крутя головой. Мамаша, шедшая передо мной с выводком детей (все как на подбор маленькие арийчата – голубоглазые и светловолосые), неожиданно застыла напротив книжной лавки, в окнах которой виднелась реклама очередного бестселлера. Это были военные мемуары «Воспоминания солдата», за авторством того самого человека, чья фамилия и дала новое название этому древнему городу. Насколько же, наверное, всё плохо с культурной жизнью в рейхе, если самое популярное чтиво у них – это генеральские воспоминания. Впрочем, какую ещё рекламу ожидать в городе, заполненном армейскими офицерами и их семьями?

Пока я, точно так же, как и многочисленное немецкое семейство, зачарованно разглядывал красочный рекламный плакат, мимо меня, гулко чеканя шаг по очищенным от снега улицам, прошёл военный патруль. Я едва успел вяло им салютнуть, следуя примеру добропорядочной женщины, к чьим жизненными принципам: «Kinder, Küche, Kirche» при-

мешивалась ещё и безусловная гордость за вооружённые силы родной страны. Очень сложно не гордиться организацией, в которой служит твой муж и которая относительно недавно завоевала практически весь мир.

Патруль равнодушно прошагал мимо нас, даже не ответив на приветствие. Один, самый маленький детёныш настойчиво дернул свою мать за подол тёплого зимнего пальто и что-то невнятно пролепетал. Мать, однако, его прекрасно поняла, и, кинув на меня непонятный осуждающий взгляд, повела своё потомство прочь.

Собственно, не очень-то и хотелось знакомиться.

Вот так, мимо ярких витрин, свастика, солдатских патрулей и редких мамаш с детьми, по аккуратно вымощенным мостовым я гулял по городу, пристально всматриваясь в названия улиц, пока, наконец, не вышел к гигантскому ледяному массиву замёрзшей Волги. Подойдя к заснеженной гранитной набережной, я опёрся на шершавый каменный бордюр, отделявший тротуар от резкого бетонного спуска и оглянулся. Широкая. Говорят, где-то ближе к Каспию она разливается так, что берегов не видно. Здесь же, в Казани, я преспокойно наблюдал за маленькими фигурками роты солдат, строевым шагом вышагивающих на противоположном берегу. Как я успел понять, именно там, в западной части города и располагались казармы вермахта. По моему личному наблюдению, без допроса «языка» и тщательной разведки, немцы расположились здесь силами численностью до полка.

Военный лагерь, окружённый бетонным забором и пятью наблюдательными вышками, был не особо большим по площади. Вместить бригаду он в принципе не смог бы, а вот полк, особенно неполной численности – вполне. Тем более, что, насколько мне было известно, численность вермахта в России не превышает десяти или двенадцати дивизий, четыре из которых постоянно задействованы на границе с Чёрной Армией и казахскими кочевниками, которые до сих пор продолжают набеги на Поволжье.

Здесь же, в качестве тренировочной базы и неприкосновенного военного резерва, располагался тренировочный полк, где юные немецкие лейтенантики, ещё толком даже не начавшие бриться, отрабатывали смертоносные приёмы, когда-то передового, а ныне совершенно устаревшего блицкрига. Настоящее, можно сказать, примерное детище торжества немецкого Лебенсраума[1]. Примерный арийский военный город в бескрайней татарской степи. Тысячелетия человеческой истории вымараны с этих улиц танками, заменены свастиками и чёрными крестами. Немецкие идеологи могут биться в экстазе, прекрасный лик земли в этом месте очищен от мрачной тени недочеловеков и заселён лучшими представителями высшей расы. Её сливками, можно сказать, элитой, воинами, солдатами, теми, кто будет всеми силами защищать новый мир. Мир окончательной немецкой победы.

И лишь один-единственный славянский недочеловек останется стоять и молча смотреть на древнюю русскую ре-

ку, бросая свой немой вызов этому новому миропорядку.

Легко оттолкнувшись от бордюра, я выпрямился и закурил сигарету. Эсэсовец, проходивший мимо, сморщил неодобрительную гримасу и уткнул нос в широкий воротник своей чёрной шинели. Я понимаю, в вашем Чёрном Орде не плохо относятся к порокам, недостойным сверхчеловека. По крайней мере, рядовые его члены, о грехах тех, кто вами управляет, мы промолчим. Но я-то ни разу не ариец. Я не наследник великой нордической расы, чья судьба править и покорять. Я – презренный славянин, один из тех, что делает оружие на уральских заводах и прячется в подземных бункерах, едва раздастся вой воздушных сирен. Я тот, кто дерётся за последнюю хлебную корку, пока вы, мерзкие бюргеры, жиреете на спинах миллионов рабов, наших соотечественников, наших отцов, матерей и братьев. Я тот, кто попластунски пересекает границу, вжимаясь лицом в холодный острый снег, когда в небе раздаётся гул вертолётных лопастей, в то время как ваш хваленый вермахт давным-давно гниёт изнутри, упиваясь собственным лоском, своими прошлыми победами и золотом рейхсмаршала Геринга. Я тот, кто вонзит вам нож в спину. Один из миллионов побеждённых, растоптанных, поверженных, но не сдавшихся.

Но, вместо того, чтобы резко вырвать не так давно приобретённый клинок и быстро резануть по горлу зазевавшемуся эсэсовцу, я всего лишь бросил бычок в снег и долго смотрел палачу вслед. Как бы мне не хотелось сейчас одним ударом

оборвать его жизнь, права на мелкие эмоциональные порывы я не имел. Возможно, когда-нибудь судьба ещё сведёт меня с этим человеком, сегодня, к сожалению, ушедшим безнаказанным. Но это будет когда-нибудь потом. А сейчас у меня ещё остались дела в этом городе. Мне ещё нужно кое с кем встретиться.

Последний раз окинув взглядом безмятежную ледяную гладь Волги, я развернулся и пошагал на север.

* * *

Боже, какие же всё-таки эти немцы неоригинальные. Называть улицы в военном городе в честь именитых генералов Последней войны, что может быть банальнее?

Я стоял на углу проспекта Паулюса и улицы Моделя и не мог понять, где находится необходимый мне дом. Он, судя по всему, должен был быть под номером восемьдесят шесть, но именно что восемьдесят шестого я как раз не видел. Чёткая, закономерная нумерация обрывалась на цифре восемьдесят пять, а затем шёл сразу же восемьдесят девятый дом. Спросить у прохожих я не решился, прекрасно осознавая тот факт, что по указанному мной адресу вполне себе мог оказаться неказистый барак, доверху забитый русской прислугой, и в который порядочному фольксдойче не пристало заходить. Поэтому, мне приходилось действовать чуть ли не на ощупь.

С четверть часа поплутав по кварталу и заработав неодобрительный взгляд военного патруля, принявшего меня, наконец, за празднующегося, я наконец сумел отыскать нужный мне дом. Это было вытянутое, всё в трещинах, неказистое кирпичное здание, спрятанное во дворах плотной, немецкой застройки. Оно здорово выделялось на фоне аккуратных домов офицерских семей, различных магазинчиков и зданий военной администрации. Поэтому было совсем не удивительно, что немцы со своей любовью к порядку и красоте убрали это убожество подальше от глаз прохожих. Это трёхэтажное здание всем своим видом говорило, что здесь людей нет. Только недочеловеки.

Туда, собственно, и лежал мой путь.

Внутри дом оказался ещё хуже, чем снаружи. Маленький, тесный, провонявший сыростью и заросший мхом подъезд производил гнетущее впечатление даже на меня, привыкшего к грязи, разрухе и выбитым стёклам. Целых окон, кстати, не было ни одного. Под лестницей, по-моему, кто-то сдох, по крайней мере воняло так, что я бы ни на йоту не удивился, если моё предположение оказалось правдой. Вглядевшись сквозь полутьму в исцарапанную деревянную дверь, сиротливо опирающуюся о стены первого этажа, я понял, что подниматься мне придётся аж на самый верх.

Моей целью была квартира номер девять. Деревянный прямоугольник, в который я вперился взглядом, показывал мне лишь цифру семь. Странная нумерация, почему-то счёт

начинался не с первой.

Стараясь как можно реже дышать смрадным затхлым воздухом, я стал подниматься выше, переступая через одну ступеньку, стараясь как можно быстрее оказаться выше. На втором этаже здания единственная квартира оказалась вообще раскрыта нараспашку, завлекая меня в тёмный провал слабо покачивающейся на ветру грязной тряпкой. Равнодушно скользнув по ней взглядом, я продолжил своё восхождение.

Наконец, я увидел-таки грязно-жёлтую цифру девять. Дверь, на которой она висела, хоть чуть-чуть походила на принадлежащую жилому помещению. Перед ней не было огромных куч мусора и битого стекла, как перед двумя другими, и из-за неё слышались какие-то шорохи и скрипы, давая понять, что хоть кто-то живой за ней всё-таки есть.

Я подошёл ближе и, не скрывая брезгливости, три раза коротко постучал, затем выждал паузу, и стукнул ещё два раза.

Звуки за дверь резко прекратились. Спустя пару секунд я услышал шаркающие шаги, приближающиеся ко мне.

– Юстас? – спросил меня прокуренный хриплый голос.

– Это я, Алекс. Открывай, – не моргнув глазом, ответил я. Послышался лязг проржавевшей щеколды.

«Пароль-ответ». Старая, рабочая, применяющаяся в каждой спецслужбе мира схема. Обычно – для связи агентов и информаторов. Мой случай исключением не стал.

Конечно, наша агентурная сеть в Московии оставляла же-

лать лучшего. У нас было небольшое число законспирированных агентов в приграничных областях. Небольшие общины количеством двух-трёх человек, разбросанные в ближайших деревнях. Мы называли их оперативниками. Использовались они, в большинстве случаев, в качестве диверсантов, заранее заброшенных в тыл противника. Задачи, которые они выполняли, соответствовали аналогичным задачам обыкновенной армейской разведроты: донесение о численности и количестве вражеских патрулей, установление дислокации противника, помощь нашим оперативным соединениям, отправленным в рейд. Безусловно, такие люди оказывались нашим войскам очень полезны в качестве, к примеру, диверсантов или проводников, однако их подготовка оставляла желать лучшего. В оперативники шли по большей части молодые парни, кровь с молоком, которым до нестерпимого зуда в одном месте, необходимо было доказать всем и каждому, чего они стоят. К власовцам, понятное дело, идти было западло, и поэтому молодёжь либо совершала дерзкий и глупый побег через границу, либо начинала работать на нас тайно. И тот и другой варианты были одинаково опасны, потому что в первом случае молодняк чаще всего, вместо формы Чёрной Армии, надевал на себя другое одеяние, деревянное, которое обычно выдавал немецкий пулемётный расчёт, а во втором пацаны частенько гибли во время рейдов, не зная толком, за какую сторону автомата братья.

Были, однако, и не только такие шибутные бригады. Чёр-

ная Армия имела свою ячейку в Волгаштаате, в Архангельске и Гудерианбурге. В Архангельске, кстати, находились наиболее организованные и результативные агенты, именно они донесли о прибытии на секретную военную базу генерала-предателя Власова и, по большей части, организовали операцию по его устранению. В бывшем Волгограде, по слухам, тоже сидели люди не лыком шитые, очень часто срывающие поставки в рейх кавказских руд и азербайджанской нефти.

Картина, которая предстала передо мной в Казани, слегка разочаровывала.

Дверь мне открыл немолодой, с толстым и обвислым лицом со следами оспин, мужчина. Одет он был, как и почти всё остальное многочисленное русское население рейхскомиссариата, в какие-то лохмотья и грязные, нестиранные тряпки, сильно резонирующие с его выпирающим животом. Мой взгляд скользнул ниже, по рваным коричневым штанам, из дырок которых выпирали куски ваты, и упёрся в чёрные носки добротных военных сапог.

А вот это уже совсем интересно.

Откормленная, толстая рожа, подобную которой я видел в рейхскомиссариате только у покойного Власова. Даже рядовые солдаты РОА и те на хозяйских харчах не особо отъедались, того же Даниила возьми. Где это, мне интересно, в городе, полностью контролируемом даже не власовцами, а немцами, он сумел так отожраться?

Все эти мысли пронеслись у меня в голове со скоростью реактивного истребителя, но я ничем не выдал своего удивления. Вслух же сказал следующее:

– Как и договаривались? Три советских кастрюли?

Это была вторая фаза обмена паролем. Конечно, она была не особо обязательна, потому что в случае, если ячейка разгромлена, то ээсовцы раскалёнными клещами давным-давно вытянули из подпольщиков все явки. Если же нет, то одного раза было вполне достаточно. Тем не менее, её всё равно пихали в стандартные протоколы связи с агентурой. Для приличия, что-ли...

– Кастрюлей нет, – тоскливым голосом ответил жирдяй, – есть два ковра. Заходите, посмотрите.

Он сделал приглашающий жест рукой, слегка подвинув свои телеса и освободив крохотную щелочку, через которую едва можно было протиснуться в помещение. Я слегка кашлянул, намекая на то, что даже моё, не сильно упитанное туловище не пролезет в эту мышиную нору. Толстяк грустно вздохнул, будто его заставили что-то сделать из-под палки и, наконец, пропустил меня внутрь.

Изнутри квартира оказалась невпример опрятнее, чем снаружи. Пол, сложенный из плотных, выкрашенных в бордовый досок, хоть и был заляпан капельками жира, все же оставался относительно чистым. Стены тоже были не голыми, как в гостинице, в которой я не так давно расстался с крестьянином Трофимом. На них были наклеены пусть и слегка

аляповато, пусть с дурными заплатками и кое-где отходящие кусками, но всё же обои. На потолке тускло светила лампочка, окружённая красным, поеденным молью абажуром, а над диваном (в котором была парочка дыр, из которых виднелся грязно-жёлтые поролон) висела даже какая-то небольшая картина в хилой рамочке. Нарисована на ней была сиротливо стоящая посреди летнего закатного луга яблоня.

Что за дела вообще?

Пока хозяин квартиры гремел на кухне кастрюлями я, усевшийся под этой самой яблоней, тихонько размышлял. И как бы я не думал, как бы не перебирал факты у себя в голове, картина происходящего всё равно не складывалась. Стоит ли сказать, что каким-то невообразимым образом этот толстяк мало того, что жил, в отличие от основной массы населения, не в продуваемом всеми ветрами деревянном бараке, а в своей собственной квартире, что, допустим, можно было списать на условный спекулятивный характер его профессии, так ещё и умудрился расползеть, чего, как я успел убедиться, в Московии не удавалось даже самым успешным торгашам. Немцы держали всех в чёрном теле, сознательно иногда пуская по всему рейхскомиссариату волны голода, чтобы славянское население не слишком сильно плодилось. А этот вон как жирует, ещё и готовит что-то явно вкусное, с каким-то особенным, полузабытым запахом. Что же...

И тут меня как обухом по голове ударило.

Запах!

Это же, чёрт побери, свинина!

Мясо даже у нас, в Чёрной Армии достать было достаточно проблематично. Да что там, почти невозможно. Выдавали его только кормящим и беременным матерями, солдатам в чине не ниже старшего сержанта и перевыполнившим план рабочим, да и то не всегда. Что в таком случае говорить о Московии, где немцам было абсолютно плевать на дистрофию, желудочные болезни и малокровие местного населения. А тут, у подневольного славянина, у русского недочеловека на кухне нестерпимо пахнет жареным мясом, да так аппетитно, что я едва могу сглотнуть скопившуюся во рту слюну.

Толстяк прервал мои размышления очередным грохотом сковородки и гнусавым вопросом.

– Вам чего тут?..

Это он, наверное, так интересуется о цели моего визита. Да ещё и в лоб так.

Запах жареного мяса, жир на боках связного, прямые вопросы, не боящиеся стен немецкого города, на которых уже давным-давно выросли уши. Всё это нравилось мне всё меньше и меньше.

– Для начала, неплохо было бы представиться. Меня зовут Иван Борисов, можете именно так ко мне и обращаться, – гнетущая паранойя вцепилась в моё горло стальными тисками, не давая выдать имя, вписанное в моё удостоверение личности, но выбора у меня не было. Его наверняка уже

давным-давно сказали связному, а если теперь законспирироваться и назвать какое-нибудь другое, тот может спокойно выставить меня за дверь, а то и пальнуть в ответ, так что в моём случае один риск уравнивал другой.

– Да, да, именно это имя мне и называли, – не отрываясь от готовки, важно покивал сальным лысым затылком агент. – Меня зовут Анатолий. Можете ко мне так и обращаться.

– О цели моего визита вам тоже сообщили? – спросил я, прерывая своего собеседника и одновременно стараясь не дышать носом, чтобы не вызвать очередную волну слюны.

Анатолий повернулся ко мне и слегка улыбнулся.

– Нет. Об этом мне ничего не говорили.

Слава Богу. Алеутов, старый перестраховщик, понимая важность операции, постарался скрыть как можно больше её деталей, сыграв мне на руку. Значит, теперь я могу спокойно использовать неосведомлённость моего собеседника.

– Мне нужно как можно быстрее переправиться в Волгаштаат. Вскоре по Волге пойдёт крупный груз контрабандного оружия из Италии. Пойдёт он через Иран, по Каспию, и мне поручено его перехватить и доставить в Чёрную Армию. Вы сможете мне посодействовать?

Полная чушь. Какая контрабанда? Куда идёт? В Финляндию что ли? Но этому подозрительному типу я не стал бы выкладывать истинную цель моего путешествия даже под пытками. Уж очень мало доверия он вызывал. Лучше уж доберусь до Волги, а там свяжусь с нашей ячейкой и только за-

тем переберусь в Москву. Конечно, прямо подозревать его в связях с гестапо я не мог, но всё же лучше перестраховаться.

Моя шитая белыми нитками легенда неожиданно сработала. Улыбка Анатолия в ответ стала ещё шире.

– Конечно-конечно, каналы для этого есть. Вы не голодны?

Голоден и даже очень. Но задерживаться здесь я не имею права. Слишком уж подозрительной казалась конспиративная квартира и её единственный обитатель. Кстати, почему единственный? Где остальные члены ячейки?

Нет, бегом отсюда!

– Спасибо, я, пожалуй, откажусь, – отклонил я предложение жирдяя.

В его улыбке, как мне показалось, появилась тень разочарования.

– Что же, очень жаль.

– Когда вы будете готовы переправить меня в Волгаштаат? – продолжил я задавать вопросы.

Анатолий на секунду задумался и поскрёб лысый затылок грязными грубыми ногтями.

– Завтра... да, точно, заходите завтра. Мы свяжемся с нашими людьми и будем готовы переправить вас на Волгу.

Так. Это уже просто смешно.

– Тогда, я, наверное, пойду, – я, тихонько оперевшись на пальцы ладоней, тяжело поднялся с дивана.

– Уже? – растерянно спросил Анатолий, не понимая, по-

чему я начал медленно приближаться к нему. – У вас разве есть место для ночлега?

Это были последние слова в его жизни.

Не снисходя до ответа, я резко выхватил из-за пазухи нож, который, ещё выходя из таможни, я пристроил так, чтобы в случае чего мне было удобно мгновенно его достать. Через секунду благородный металл уже с чавканьем прорезал складки жира на шее предателя и, перебив тому сонную артерию, заставил кровь брызнуть небольшим фонтанчиком.

– Товарищ Алеутов передаёт привет, – глядя в его угасающие глаза, сурово попрощался я.

Он, кажется, так и не понял, где прокололся. По крайней мере, в его задернутом предсмертной пеленой взгляде я сумел разглядеть нечто, похожее на изумление. Тихонько придерживав тяжёлое оседающее тело левой рукой, чтобы не надделало шума, я вытащил нож из шеи бывшего агента и, брезгливо морщась, вытер его об грязное кухонное полотенце. На разогретой плите до сих пор шкворчала чёрная сковородка, на которой потрескивали три куска уже почти прожаренной свинины. На секунду остановив на них взгляд, я понял, что терпеть больше не в моих силах и, обжигая пальцы, схватил самый сочный из них.

Дверь я даже не закрыл. На кой чёрт? Наверняка у дома этого уroda круглосуточно дежурят несколько спецов из гестапо, так что замечать следы сейчас лишь пустая трата времени. Я просто быстро, перемахивая через несколько ступе-

нек и не обращая внимания на битое стекло и мусор, сбежал на первый этаж, остановившись лишь у входной двери, чтобы чуть отдышаться, отряхнуться и выровнять дыхание.

«Завтра. Приходите завтра», – Боже, как же это всё глупо. Ячейка разгромлена, притом, как мне кажется, уже давно. Немцы не нашли ничего лучше, чем поставить для ловли «на живца» этого ссученного борова. Бьюсь об заклад, что это именно он и сдал всех своих товарищей, польстившись на расширенный пищевой паёк. Мало того, эта свинья оказалась ещё и непроходимо тупой для предателя. «Завтра», – ну надо же. Он собрался послать меня, меня! агента «Стальной руки» завтра в Волгаштаат. Да такие операции в наводнённой СС и гестапо Казани должны планироваться хорошо, если за месяц. Должны обговариваться сроки, наводиться контакты с нужными людьми, устанавливаться связь с ячейкой в Волгаштаате. Бред, бред сивой кобылы. А теперь я наверняка под колпаком немецких спецслужб и хорошо ещё, если удастся из-под этого колпака вырваться. О скором походе в Москву речи уже не шло.

Проведя языком по боковым зубам и выковыряв оттуда остатки мяса, я, собравшись с духом, вышел на улицу. В лицо мне сразу ударил холодный воздух, от которого я отвык в тёплом и прогретом логове предателя. Из рта тут же пошёл тёплый пар, а из глаз брызнули мелкие и едкие слёзы. Теперь главное вести себя спокойно. Если в договорённость предателя с гестапо входило не немедленно задержание, то

шанс у меня есть. Пересажу где-нибудь в городе, мало ли в Казани трущоб и заброшенных чердаков, а потом тихо выскользну из города. Чёрт, нет! Имя! Моё имя! Точнее то самое, конспиративное, указанное в ложных документах, имя предатель знал заранее и наверняка назвал его своим немецким покровителем. И в город меня пропустили только потому, что хотели задержать уже после того, как я расслаблюсь и выболтаю предателю всё, что знал. Как всё паскудно получается-то, Боже...

– Bürger, warten Sie, – услышал я грубый мужской голос, когда уже почти миновал арочный закуток, соединяющий двор с проспектом, на котором я недавно плутал.

Ну, вот и всё, подумал я.

На деле же, мгновенно обернулся, нос к носу столкнувшись с эсэсовским патрулём, выходящим из двора, который я едва успешно не покинул.

– Zeigen Sie mir die Dokumente und temporäre Zulassung, – тоном, не терпящим возражений, сказал главный из тройки, судя по петлицам унтерштурмфюрера на воротнике.

Молча, не показывая волнения и сумев даже выдать из себя кривую улыбку, я протянул эсэсовцу удостоверение личности и временную регистрацию. Пока он недобрым взглядом пробегал по скромным обрывкам моей выдуманной биографии, двое его подчинённых цепными псами глядели на меня из-за его спины, готовые в любую секунду вцепиться в меня и разорвать на части. Впрочем, на такой бла-

гополучный исход я рассчитывать не мог. Скорее всего, части тела начнут от меня отваливаться уже на допросе, на который меня обязательно приведут под белые ручки вот эти вот два мордоворота, в надежде вытянуть из меня информацию по поводу цели моей миссии.

Эсэсовец, держащий в руках моё удостоверение, поднял глаза. Коротко скомандовал:

– Nimm es!

На временную регистрацию эсэсовский лейтенант даже не взглянул.

Жаль, что мой спектакль не удался.

Двое рядовых, получив по-настоящему собачью команду, тут же бросились вперёд, намереваясь для начала меня немного помять, а уже затем скрутить и потащить в какой-нибудь укромный подвал, где мои предсмертные вопли не помещают быту добропорядочных бургеров. Правда, всё это шло в разрез с моими планами, так что я их немного подкорректировал. За те несколько драгоценных секунд, что эсэсовец изучал мои документы, я успел принять боевую стойку и теперь мощным пинком своего тяжелого ботинка отправил унтерштурмфюрера в полёт. Продлился он, правда, недолго, так как тело лейтенанта, из которого с громким хрипом вышел весь воздух, натолкнулось на двух его подчинённых. Физика сделала своё дело и в переулке мгновенно образовалась свалка.

Я же всего этого уже не видел, мчась прочь, поднимая сво-

им топотом миниатюрные бураны снега.

– Halt! – раздалось мне в спину, за секунду до того, как по заснеженной мостовой у меня под ногами забарабанили пистолетные пули.

Я прекрасно понимал, что небольшая задержка ни за что не остановит вооружённую погоню. Ещё меньше шансов у неё было на то, чтобы остановить пистолетную пулю. Поэтому, едва я слышал выстрелы, как тут же свернул влево, петляя по узеньким улочкам жилого квартала. Несмотря на то, что день был в самом разгаре, прохожих было мало, а те немногочисленные счастливые немецкие обыватели, что попадались мне на пути, спешно отпрыгивали с траектории моего движения, испуганно вжимаясь в стенки близлежащих домов. Тем сильнее вытягивались от ужаса их лица, когда вслед сумасшедшему бегуну, несущемуся во весь опор, начинали свистеть пули, и гроыхали трое озлобленных эсэсовцев.

Поворот. Ещё поворот. Длинная прямая улица, с обеих сторон застроенная невысокими, четырёхэтажными домами. Теперь – только прямо, если только не нырнуть в ближайший подъезд. Впрочем, с тем же успехом я могу сразу сдаться преследователям, законопослушные бюргеры выдадут меня с потрохами. Остаётся лишь надеяться, что я добегу до конца улицы раньше, чем эсэсовцы сумеют в меня точно прицелиться.

Вот чёрт, накаркал! Из ближайшего дома, раскрыв вход-

ную дверь так, что она едва не сорвалась с петель, пулей выскочила крепкая, но не полная женщина, и большими рысиными скачками бросилась мне наперерез. Несмотря на то, что бегаю я достаточно быстро, а адреналин в крови ещё больше добавлял прыти, немка очень быстро поравнялась со мной и, крепко схватив за рукав, упёрлась ногами в мостовую, отчаянно вереща.

Я не бью женщин. Из принципа, из офицерской чести, из крепкого деревенского воспитания, раз и навсегда вбившего мне в голову, что «девочек бить нельзя». Но эта фурия просто не оставляла мне выбора. Она вцепилась в моё предплечье мертвой хваткой, едва ли не кусаясь, и не давала мне продолжить мой побег. А тем временем, до левого уха всё отчётливее доносился топот моих преследователей. Шансы оторваться от погони таяли не просто с каждой секундой, их с каждым мигом становилось всё меньше и меньше. Так что медлить было больше нельзя. Коротко замахнувшись, я засадил кулаком ей точно в челюсть, от чего эта равнодушная оккупантка села задницей прямо в снег, растеряно похлопывая на меня ресницами и наливаясь лиловым цветом на месте удара. Впрочем, у меня не было времени её рассматривать. Она была лишь мимолётным русоволосым фантомом на моём пути, лет пятидесяти на вид. Из тех особых примет, за которые сразу цепляется глаз опытного разведчика – лишь желтоватый блеск медали в форме железного креста со свастикой внутри. «За выслугу лет в партии».

Тем временем, бешеная гонка продолжалась. Эсэсовцы наступали мне на пятки, а на одной из улиц к ним присоединился ещё и отряд военной полиции, численностью в четыре человека и вооружённый уже куда лучше, чем небольшая эсэсовская тройка, которая изначально готовилась брать невооружённого и расслабившегося агента. Если до этого оставалась надежда уйти от погони или разделаться с преследователями где-то в узком переулке, то теперь и этот призрачный шанс растворился. С автоматчиками мне просто-напросто не справиться, к тому же, теперь они меня точно задавят числом.

Необходимо было срочно что-то предпринять.

Прижавшись спиной к краю одного из домов, я почувствовал, как что-то твёрдое упирается мне в подмышку. Недоумённо сунув руку за пазуху, я с удивлением нащупал под толстым слоем пуховика рукоять конфискованного у полицаяев револьвера. В пылу погони я совсем забыл про него. Конечно, я зарёкся из него стрелять, но другого выхода у меня не было, меня натурально припёрли к стенке. Аккуратно высунувшись из-за угла, я мгновенно увидел семёрку, гнавшуюся за мной через половину города. Впереди всех, словно Цезарь местного разлива, бежал достопамятный лейтенантик, не так давно опознавший меня и желавший, видимо, первым скрутить опасного агента Чёрной Армии. Ему и предстояло получить первому.

Быстро прицелившись, как можно дальше вытянув руку,

я спустил крючок. Эсэсовец тут же запнулся и упал прямо под ноги автоматчику из военного патруля. Что же, видать судьба у него такая – вечно путаться под ногами.

Впрочем, моё ликование продлилось недолго. Несмотря на бардак, вызванный бесчувственным телом их командира, а также сбитым с ног солдатом, немцы ничуть не растерялись. Почти мгновенно по моему укрытию начали барабанить автоматные очереди, выбивая из стен облачка бетонной крошки. Я тут же отодвинулся от края здания, чтобы не быть задетым шальной пулей. Как только огонь на подавление слегка утих, я снова высунул руку и выстрелил, на этот раз вслепую. Не знаю, принесло ли это какие-то осязаемые плоды, но преследователи на некоторое время затихли, давая мне пару секунд, чтобы оглядеться.

По всему получалось, что я сам себя загнал в западню. Место, куда я, не видя перед собой дороги, забежал, оказалось небольшим тупичком, зажатым с трёх сторон домами. Конечно, был ещё один выход, как раз тот, из которого я пришёл, но соваться туда сейчас – означало получить парочку не смертельных выстрелов по ногам. Просто, чтобы не брыкался.

Из-за угла послышался шорох. Я снова выстрелил не глядя. Шорох прекратился. Прекрасно, теперь у меня осталось всего три патрона. Преследователей у меня, как минимум, шестеро. К тому же, к ним наверняка бежит ещё подмога, слышавшая грохот выстрелов.

Быстро и сосредоточенно бегая глазами по окружавшему меня тупику, надеясь найти выход из сложившейся ситуации, я вдруг зацепился взглядом за чугунный кругляшок, едва видневшийся из-под стоптанного сугроба. Одним скачком я оказался около него и принялся яростно, по-собачьи, разгребать снег руками. Моя догадка подтвердилась – передо мной оказался банальный канализационный люк. Воровато оглядевшись, чтобы убедиться в том, что бетонные стены до сих пор прикрывают меня от подлого выстрела в спину, я изо всех слез напрягся, пытаясь поддеть тяжеленую крышку пальцами. Получилось не сразу и ценой содранных вместе с мясом ногтей, но в конечном итоге чугун с диким скрежетом поддался, открыв передо мной зловонное чёрное чрево городской канализации. В первую секунду меня едва не стошнило от резкого запаха помоев, но я всё-таки пересилил себя и, последний раз хватив ртом свежий воздух, нырнул прямо в люк.

Приземлился я по колено в нечистоты. Ком тошноты снова подкатил к горлу, но я сдержался и на этот раз. Выбираясь на небольшой металлический подмосток, вмонтированный по краю круглого канала, я услышал, как мои преследователи активно ищут меня в моем покинутом укрытии. Кажется, до них дошло, что добыча ускользает, а посему они решились взять меня нахрапом. Через секунду у меня над головой раздался зубодробительный металлический скрежет. Молодой немецкий автоматчик повторил мой полёт, приземлив-

шись, правда, не так удачно как я. В дерьмо он ушёл с головой, упав прямиком на задницу, а как только его макушка показалась над слоем нечистот – он тут же получил в неё пулю (я и подумать не мог, что это старьё прослужит так долго), окончательно потонув в зловонной жидкости. К сожалению, вместе с ним ушёл на дно и его автомат, похоронив мои надежды разжиться нормальным оружием.

Цепным псам, что никак не хотели от меня отцепиться видимо, надоело терять людей, а потому вслед за трупом полетела граната. Разорвавшись с гулким грохотом, она не причинила мне ни малейшего вреда, так как я давным-давно скрылся в ответвлении ближайшего технического коридора. Лишь только эхо взрыва, многократно отразившееся от стен тоннелей, церковным колоколом дало по ушам.

* * *

Я уже с час блуждал по помещениям канализации. Запах, сперва отвратный до желудочных судорог, стал постепенно терпимым, а затем и вовсе притерпелся. Единственное, что меня действительно смущало, так это громкое похлопывание в промокших насквозь ботинках. В канализации всё-таки было достаточно прохладно, сказывалась зимняя, промёрзшая земля. Мне бы не очень хотелось осложнять своё положение ещё и простудой или, не дай Бог, воспалением лёгких. Поэтому, мне в кратчайшие сроки необходимо было

найти гору какого-нибудь сухого тряпья, чтобы развести костёр.

Погони я не боялся. Я так сильно петлял, что даже сам вряд ли смог бы найти дорогу назад. Тем более, что я залез уже в самые далёкие части очистительной системы Казани, далёкие настолько, что они, держу пари, не эксплуатировались с самого захвата города.

Я тщетно искал выход. Ни плана, ни карты, ничего из этого я, понятное дело, не имел, а поэтому мне оставалось только бессмысленно плутать, иногда по колено в нечистотах, надеясь уловить хотя бы слабое дуновение ветерка, указывающее на то, что выход близко.

Мои шаги гулким эхом разносились, казалось бы, по всему массиву очистительных сооружений. И, тем не менее, мне от чего-то было не по себе. Казалось, будто каждому моему движению что-то вторит, будто кто-то пристально наблюдает за каждым моим шагом, бледной тенью темного водостока следуя за мной.

Я пару раз оборачивался, надеясь заметить в тусклой темноте канализации моего невидимого наблюдателя. Тщетно. Кем бы он ни был, показываться мне на глаза он не хотел. Через пару минут моя паранойя усилилась ещё больше, а чьё-то незримое присутствие стало почти физически ощутимо. Резким движением я выдернул свой почти что разряженный «Наган» из-за пояса и взвёл курок.

Правда, выстрелить я не успел. Прежде, чем я смог хотя

бы нацелиться на невидимого врага, затылок отозвался резкой, взрывной болью, а ноги подкосились, аккуратно подталкивая меня в жёсткие объятия грязной и вонючей бетонной крошки. Сознание я потерял ещё до того, как моя голова коснулась пола.

* * *

Запах. Мерзкий, щекочущий ноздри и выворачивающий всё нутро запах, вот первое, что я почувствовал, ещё даже не до конца придя в себя. Притом, зловоние шло явно не от нечистот, к которым я давным-давно притерпелся. Это был не тот запах, точно такой же тягостный, отвратительный, мерзкий, но не тот.

Самое страшное, что запах этот был мне очень хорошо знаком.

Мне снова как будто двадцать лет. Я снова опираюсь на деревянный косяк входной скрипучей двери, выблёвывая содержимое своего желудка прямо в снег. На небольшом зимнем крыльце стоит такой отвратительный смрад, что держать в себе не до конца переваренную казарменную собачатину нет больше сил. А где-то там, в глубине двухэтажного зелёного домика, бывшего когда-то загородной дачей важных партработников, разносятся редкие пистолетные выстрелы. Мой отряд уже почти завершил зачистку и старшина, матёрый старый вояка, отправил меня, блюющего дальше, чем

видит ветерана Последней войны, прошедшего и Поволжскую операцию, и бои под Пермью, на улицу, чтобы я хоть чуть-чуть продышался.

Воспоминание это почти забылось. На зрелища, подобные той зимней зачистке я чуть позже насмотрелся вдоволь, загрубел до невозможности, стал относиться к ним совершенно равнодушно, просто с одинаковым безразличием убивая всех врагов моего Отечества. Но этот запах... запах вьелся в кору моего мозга раз и навсегда.

Так пахнет только жареное человеческое мясо.

В первые годы после Последней войны было туго. Особенно с едой. Уральская каменистая земля – не та почва, что смогла бы прокормить миллионы голодных ртов. Немцы же нещадно нас бомбили своими опустошительными воздушными налётами, истребляя и те малые запасы, что были в нашем распоряжении. Тогда многие, слишком многие, чтобы это скрыть, то ли от безумия, то ли от безысходности начинали есть человеческое мясо. Дошло до того, что даже на улицах Свердловска стало ходить небезопасно, людоеды вполне могли накинуться прямо посреди бела дня. Конечно, их жертве незамедлительно бы помогли прохожие, только вот, какая пострадавшему, в сущности, разница, если он лежит на мостовой с проломленным мясницким топориком черепом, а его мозги отчаянно и торопливо пожирает очередной безумец? И это Свердловск, центр и сердце Чёрной Армии. Стоит ли говорить, что глухие деревни вымерли почти под

чистую, натурально переварив сами себя?

Конечно, как только проблема вышла из-под контроля, Жуков незамедлительно дал команду армии разобраться. Стоит сказать, что сработали мы достойно, вычистив все или почти все ячейки людоедов. Но осадочек остался. Обвинение в каннибализме теперь одно из самых страшных в Чёрной Армии. Даже хуже, чем обвинение в педофилии или шпионаже. Чаще всего обвиняемый не доживает даже до прибытия полицейского патруля, становясь жертвой самосуда. Толпа, хорошо помнящая уроки прошлого, рассуждает, что лучше убить невиновного, чем хоть раз дать шанс людоеду скрыться.

Потому что никто не хочет, чтобы улицы вновь заполонил запах жареного человеческого мяса.

Я с трудом разлепил тяжеленные, слипшиеся от натекшей крови, веки. Перед взглядом всё плыло, двоилось, но я всё-таки смог примерно оценить ситуацию. Меня притащили в подвальное квадратное помещение, освещаемое несколькими вонючими кострами, разведёнными прямо в жестяных бочках. Посреди комнаты стоял какой-то огромный прямоугольный булыжник, от чего-то чёрного цвета. Сперва, из-за гудящей боли в голове, я не мог понять, каким образом тут, в вонючей казанской канализации, оказалась плита из чёрного мрамора, но потом до меня дошло, что камень потемнел со временем, из-за толстого слоя высохшей крови на нём.

Рядом с пышущими жаром бочками сидели четверо обо-

рванцев. Настоящие развалины, даже по меркам Московии, все в каких-то чирьях, с грязными жёлтыми ногтями, отеками большими глазами и плотоядной слюной, стекающей с подбородка. На меня они, что удивительно, при этом не смотрели. Всё их внимание было приковано к человеческой икре, которую они, насадив на какую-то ржавую арматуру, медленно прожаривали на костре.

Я же вынужден был глядеть на это отвратительное зрелище, полулёжа на холодном бетонном полу, упираясь затылком в стену. Когда я попытался аккуратно, чтобы не привлечь внимание каннибалов, приподняться, в голову тут же впиалась раскалённая толстая спица. Застонав, я снова упал на холодный пол. Четвёрка людоедов, тупо уставившись на меня, собиралась было разом подняться, чтобы окончить мои мучения, как вдруг из темного края комнаты, оттуда, куда не доставал неяркий свет костра, вышла ещё одна, пятая фигура.

– Оставьте, братья. Его время ещё не пришло, – напыщенно произнёс он, обращаясь к безумцам.

Те с явным неудовольствием сели назад, правда, тут же вновь с обожанием уставившись на готовящееся блюдо.

Боль, разрывающая мою черепную коробку на части, отчаянно запульсировала в висках. Перед глазами поплыли жёлтые круги, а сам я почувствовал, как делаю боковое сальто, хотя отчётливо понимал, что преспокойно лежу на полу.

– Пить... – сипло взмолился я, находясь на грани бреда и

реальности, у подошедшего ко мне главаря людоедов.

Ответом же мне было легкий шлепок по щеке, который, как ни странно, слегка привёл меня в чувство. Муть ушла из взгляда, хотя мигрень, напрочь выжигающая всякие способности к рациональному мышлению, никуда не делась. Как, впрочем, и сжигающая горло жажда.

Теперь, мой взгляд был прикован к сторбившемуся, но, тем не менее, достаточно мускулистому уродцу, который оценивающе меня рассматривал. На его плечах, едва на них налезая, висела форма немецкого лейтенанта, а к левой, безволосой груди был пришит суровыми чёрными нитками германский орёл со свастикой, споротый, по всей видимости, всё с той же шинели.

– Не проси, – вдруг ответил мне людоед. Голос его был глухой, тяжелый, а из пасти отвратительно пахло тухлятиной. – Настоящие арийцы не просят и не умоляют. Они достойны. Ты тоже. Я вижу это в тебе, чувствую в биении твоего сердца, в течении твоей крови. Ты один из них. Раса господ, повелитель. Это есть в тебе.

Продолжая нести бред, он пододвинулся ещё ближе ко мне, прислонив к моему левому виску два грязных пальца. Я попытался было дёрнуться, чтобы отстраниться, но голова тут же отозвалась такой дикой болью, что я решил перебороть брезгливость и слегка потерпеть.

– Я рад. Мы очень много молились, ты знаешь? Я и мои братья... Нас немного осталось, – он обернулся к бочке, ря-

дом с которой сидели ещё четверо голодранцев, указывая, каких именно братьев он имеет в виду. – Он услышал нас! Чернобог услышал наши молитвы. Он не забыл про нас, он помнит... он послал нам арийца... – последнее слово псих выделил особой, фанатичной интонацией. – Мы выпьем его кровь, мы пожрём его внутренности, сравнявшись в силе и чистоте с самим Хозяином.

На секунду он закатил глаза и поднял руки кверху, будто церковник, завершающий своим религиозным рвением очередную мессу, а затем снова уставился на меня.

– Ты ведь тоже чувствуешь это, да? – в его голосе сквозила доверительная интонация, будто он сообщал мне сплетни про наших общих ближайших друзей. – Скоро он придёт, во второй раз придёт, он вернётся. Однажды он уже приходили, и слабые познали страх и сапог хозяев на спине, сильные – возвысились. В крови ответ, в крови сила, в крови чистота. Чернобог дал нам это понять, он обещал, он сделает достойных хозяевами, он сделает достойных повелителями. Кровь, кровь, кровь... это последняя истина. Только чистых кровью возвышает Чернобог. Бурею чёрной...

В своей полубезумной молитве он вдруг упал на колени и припал к грязному бетонному полу головой, развернувшись ко мне левым боком. Кинув взгляд к тому месту, куда он обернулся, я увидел достаточно большой портрет, в основательной деревянной рамке, но стоящий на полу и прислонённый к стенке. Несмотря на всю тусклость света, даваемого

несколькими кострами, я всё равно сумел рассмотреть того, чей именно это был портрет. Изображённый в дни своего величия и молодости, Адольф Гитлер смотрел на меня тяжёлым пренебрежительным взглядом. А безумец, припавший перед ним на колени, продолжал шептать что-то про Чернобога и Сатану.

Кажется, я нарвался не на простых каннибалов, а на идейных. Их лидер, судя по всему, почитал Гитлера как некое божество, достойное поклонения, а общение со своим идиолом у него происходило посредством пожирания людей. Понятное дело, что человек здесь уже кончился, осталось лишь животное, но не попытаться договориться, я не мог. Тем более, что связанные руки и ноги не оставляли мне особого выбора.

– Брат, – с усилием задавив брезгливость в голосе, начал я, – там, наверху, огромная куча арийцев. Их очень много, целый город. Я могу тебя отвести туда, если хочешь...

Молящийся резко прекратил своё занятие и посмотрел на меня.

– Мы были там. Мы ели их. Младших, чтобы вкусить свежую кровь, взрослых, чтобы вкусить сильную кровь и старых, чтобы вкусить мудрую кровь. Они слабые. Все. Они ещё хозяева, но уже не арийцы. Чернобог отвернулся от них, хоть они и пришли с ним. Теперь Чернобог смотрит на нас. На тебя. Он рад, он видит, что мы нашли арийца. Скоро, совсем скоро мы сольёмся вместе, брат. Мы станем равными Чернобогу, встанем с ним в один ряд. И ты, ты, – он рванулся

ко мне, схватив за связанные руки, отчаянно их тряся. – Ты станешь вместе с нами, брат. Твоя кровь растворится в нас, твоё тело накормит нас, оно придаст сил. Мы впитаем твою волю, твою честь, твой разум, ни на секунду не забывая, кому обязаны своим величием.

Безумцы. Самые натуральные безумцы. Таких нужно кончать исключительно из жалости, из христианского всепрощения. Даже, если бы эти животные не угрожали мне лично, я бы всё равно не смог пройти мимо. Несмотря на всю мою ненависть к немцам, к их нации, к их идеям, языку и образу жизни, я всё равно не имею права оставить эту мразь, это змеиное логово, похищающее детей и жрущее стариков, под их ногами. Даже у мести есть стандарты.

Глава этих шизофреников отошёл к своим подопечным, что-то радостно им втолковывая, я же тем временем отчаянно елозил туда-сюда, пытаюсь освободиться от пут. В конце концов, мои телодвижения не остались незамеченными, потому что один из безумцев вдруг указал на меня пальцем, привлекая внимание вожака. Тот немедленно обернулся, пристально окинул меня взглядом, улыбнулся и подошёл ближе.

– Непокорность. Черта настоящего хозяина, – произнёс он, поднимая меня за шкуру и глядя прямо мне в глаза. В этот момент я, достаточно крупный мужчина, чувствовал себя нашкодившим котёнком. Очень хорошо эта тварь отъелась на человеческих останках. – Чернобог ждёт, брат. По-

ра.

Всё также, держа рукой за воротник, он поволок меня прямо к алтарю, который я приметил, едва разлепил глаза. Грубо закинул на булыжник таким образом, что связанными руками я упирался себе же в копчик, а глаза мои смотрели прямо в тёмный потолок. Склонился над моим лицом, почти ласково прикоснулся к моему лбу. И поднял длинный и кривой ржавый нож, целясь мне в сердце.

– Чернобог!!! Славим тя!.. – громко заревел он, сотрясая воздух небольшого подвальчика, и тут же захлебнулся своим криком, глотая ртом воздух.

Очень опрометчиво со стороны каннибалов было класть пусть связанного, но не убитого агента Чёрной Армии рядом со ржавым листом металла, который при должном желании вполне может сойти за ножовку, перерезавшую хлипкую и слегка подгнившую верёвку. Ещё более неосмотрительным было встать рядом с этим же агентом так, чтобы он смог дотянуться до твоего паха и одним точным ударом раздавить твои же яйца...

* * *

Мне пришлось убить их всех. Это, не смотря на моё не самое лучшее самочувствие, не составило особой сложности. Когда их предводитель упал, а я слез с алтаря, смешно прыгая на связанных ногах и стараясь завладеть ножом,

выпавшим из руки людоеда, остальные просто молча стояли на своих местах, окружив алтарь, и тупо смотрели на меня, не осознавая своими животными мозгами, что, собственно, происходит. А я тем временем сумел спокойно подобрать недалеко отлетевший ритуальный нож и перерезать последние веревки, сковывающие мои движения. Правда, когда я кинулся на первого каннибала и перерезал тому горло, остальные людоеды всё же зашевелились. Они налетели на меня, оттолкнули куда-то в сторону и принялись рвать на части ещё даже не остывшее тело своего товарища. Я же звороженно смотрел на эту кровавую трапезу, не в силах оторвать глаз. Лишь через некоторое время, когда каннибалы слегка успокоились, начали есть медленно и аккуратно, явно растягивая удовольствие, наваждение спало, я нашёл в себе силы закончить начатое. Не забыл и об их вожаке, который без сознания лежал на полу. Ему я тоже провёл кровавую полосу на шее, от уха до уха.

Я минут пятнадцать пошатался по помещению, в котором находился, но не нашёл ни своего револьвера, ни ножа, который с таким скандалом приобрёл. Слава Богу, хоть сапоги эти ироды не сняли. Едва я понял, что мои вещички, похоже, утеряны безвозвратно, вдруг накатила такая усталость, что мне пришлось сесть там же, где и стоял, не обращая внимания ни на кровь, ни на крайне неприятные объедки. Сил у меня хватило лишь на то, чтобы поближе подтянуться к бочке с костром и снять с себя валенки, поставив поближе к

раскалённому металлу, чтобы просохли.

Перед тем, как мои глаза закрылись, последняя мысль была о том, что я очень сильно хочу пить.

[1] нем. Жизненное пространство на востоке

Глава пятая

Расправляя плечи

*«Пройдёт товарищ, все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны».*

Граница Чёрной Армии и Новосибирской республики, Урал. 11 марта, 1962 год.

Олег Гордиевский раздражённо поморщился. Острый, холодный ветер задувал белую пыль бурана прямо за воротник тёплого тулупа, выбивая снежинками мурашки на его спине. Контрабандист зябко поежился и поднял жёсткий шерстяной ворот, закрывая шею.

Откуда-то сбоку послышался сдавленный кашель. Олег обернулся, столкнувшись взглядом с одним из солдат, что его сопровождали. В отличие от криминальной братии, с которой он привык общаться, это были молчаливые, суровые и дисциплинированные люди. Не отходили помочиться каждые пятнадцать минут, не рассуждали о бабах, баянах на весь лес и не дымили самокрутками, с потрохами выдавая своё местоположение. Не походили они также и на бестолковых подпольщиков, отряд которых так глупо полёг где-то в этих местах. Это были настоящие солдаты, псы войны. Подтянутые, собранные и готовые ко всему: хоть вступить в настоя-

щий смертельный бой, хоть лишь разыграть таковой.

При воспоминании о подпольщиках Олег вздрогнул. На секунду ему показалось, что это всё было в другой, бесконечно далёкой жизни, вдобавок случившейся не с ним. Перед глазами вдруг встало лицо Валерия, бесконечно усталое, обречённое, но оттого невероятно счастливое. Такое бывает у партизан, которые умерли под пытками раньше, чем выдали палачам хоть каплю информации. На миг чёрствый и циничный контрабандист вновь оказался в приграничном лесу по ту сторону кордона, в последний раз прощаясь с Саблиным. Впрочем, всё это были лишь иллюзорные игры уставшего сознания Олега. На самом деле он всё также продолжал смотреть на узкую, засыпанную снегом автомобильную колею.

Что-то изменилось в Олеге с той самой ночи, когда Валерий и его подпольщики приняли смертный бой на японской границе. Что-то очень важное повернулось в его душе, изменило вектор, заставило его прямо сейчас глядеть на заснеженную грунтовку на нейтральной земле, вместо того, чтобы прятаться, петлять, замечать следы и уводить из-под удара себя самого и свою жену. Вместо этого тридцатилетний циник вдруг неожиданно для самого себя нацепил мундир с белой звездой на рукаве, раз и навсегда отрезав для себя путь к отступлению.

Это был второй раз в жизни Олега, когда он поступил в разрез с логикой и инстинктом самосохранения. Первый –

когда пришёл к жене Михаила Петровича и поклялся, что сделает для неё и для её сына всё, что будет в его силах. И обещание своё он сдержал. Несмотря на то, что сын её подался в идиоты-подпольщики, а вся остальная команда, ходившая под руководством Саблина-старшего, сгинула без вести, бросив вдову на произвол судьбы. С тех пор жизнь Олега стала не то чтобы сложнее, но скорее более неудобна. Сынок его бывшего капитана, который, взяв вину на себя, спас весь остальной экипаж корабля, очень шустро сел Олегу на шею, сделав из него чуть ли не свой единоличный канал контрабанды. И это помимо тех заказов, что Олег регулярно выполнял для Сопrotивления, Валерий постоянно гонял контрабандиста туда-сюда через границу, заставляя привозить вместе с собой оружие, оборудование и информацию. Именно этот канал, который создала для юного подпольщика доблесть его отца, и помог Саблину-младшему в короткие сроки подняться по ступеньками иерархии Сопrotивления. И разорвать эту сделку не с дьяволом, но с маленьким и очень инициативным бесёнком, Олег не мог. Клялись в нынешней России не часто, но если уж приходилось, то клятвы выполняли даже ценой своей жизни.

Гордиевскому даже повезло. Он выполнил своё обещание, не лишился при этом жизни, остался при своих глазах, руках и ногах. Мог ходить, связно думать и разговаривать. А вот Саблин, тот самый нескладный, романтичный и витающий в облаках подросток, незаметно для самого себя став-

ший мужчиной – нет. Мёртвые не болтают. Не болтают те, кого покосил свинец станкового пулемёта, молчат, не говорят ни слова те несчастные, кого закололи штыками, забросали гранатами и задавили гусеницами бронемашин. Они не видят этой новой, едва-едва наступившей весны. Не видят последних холодов, отчаянно цепляющихся за свой последний час буранами и метелью. Закрыты их глаза, задёрнуты пеленой вечных снов. И пока они, те самые герои, не видят, бездушные, холодные и эгоистичные циники вдруг надевают на себя чёрные мундиры идеалистов, безумцев и еретиков, выходящих с пращей против Голиафа.

Олег знал, почему начал служить в Чёрной Армии. Ответ был очень прост, можно сказать, банален. Такие люди, как Валерий Саблин, могут быть разными. Кто-то из них может быть задёрганным интеллигентом, представителем класса, почти вымершего в современной России. Кто-то работягой, недалёким селюком из Московии или Новосиба. Кто-то суровым ветераном Последней войны, отмеченным медалями и шрамами почти поровну. Объединяет их одно: они все бы легли на той пограничной заставе. Не важно какая была у них жизнь до той роковой ночи, того рокового боя, важно то, что они были все как один, совершили поступок. Настоящий, один на всю жизнь. Все они без колебаний поставили бы интересы своей Родины и жизни тех, кто будет потом, выше своей собственной. И на секунду они все стали бы светом, яркой вспышкой пламени в тени чёрных кры-

льев германского орла или под копотью азиатского солнца. Таких людей очень мало осталось на этой земле. Настолько мало, что циникам и приспособленцам вроде него, матёрого контрабандиста, приходится самим вставать в строй, чтобы хоть как-то заменить эту немногочисленную, но непобедимую армию.

Просто потому что иначе, в самый ответственный момент, светить будет больше некому.

– Командир! – отвлек Олега от размышлений оклик солдата, – едут.

Олег внимательно прислушался. Несмотря на завывание метели, вдали, где-то слева, можно было разобрать натужное гудение. Такой звук издаёт старая, ещё советская трёхтонка, когда на пределе своих шестицилиндровых сил идёт по бездорожью. Кажется, их операция потихоньку подходила к концу.

– Хорошо, – Олег кивнул, соглашаясь с наблюдением солдата, – тогда работаем, всё стандартно, знаешь же? – спросил он.

Ефрейтор, первым услышавший приближение колонны грузовиков, кивнул. Сунув два пальца в рот, он пронзительно свистнул, чем привёл их немногочисленный отряд в движение. Солдаты в количестве шести штук, ещё недавно спокойные и тихие, тут же собрались и подтянулись ближе к Олегу, их формальному начальнику. Хоть, конечно, никакого столкновения не ожидалось, им всё равно было необходи-

мо соблюдать волчью армейскую осторожность.

– Скалов, выйди на дорогу, – приказал Олег рядовому, по случайности оказавшемуся ближе всех.

Тот лишь пожал плечами, дёрнул предохранитель штурмовой винтовки, переведя её в режим стрельбы очередями, и неспешно пошагал в сторону грунтовки, проваливаясь в снег почти на всю длину валенок.

Олегу ещё подумалось, что зима в этот раз слишком подтянулась, ведь уже прошла треть марта, а следы весенней оттепели только-только начали появляться.

Вскоре рядовой остановился посреди дороги и, спокойно опустив автомат, принялся ждать. Буквально через несколько минут из-за небольшого пригорка, рассекая жёлтым светом фар стену из быстро падающего снега, появилась колонна автомобилей.

Грузовиков было много, наверное, даже больше десятка, что для контрабандистского рейда было практически предельное число. Кажется, партнёры Чёрной Армии свою задачу выполнили на оценку пять.

Конечно, всё то представление, что сейчас собирались разыграть бойцы под командованием Олега, было излишним. Торговля между Чёрной Армией и Новосибирской республикой хоть официально и была запрещена японскими оккупационными властями, но запрет этот игнорировался всеми хоть сколько-нибудь влиятельными дзайбацу в регионе. На Урал шли грузовики с оружием, электроникой или про-

довольствием, оттуда – с рудами и драгметаллами. Конечно, принимая во внимание азиатский формализм, в открытую торговать было нельзя. Тем, кто принимал товар, обязательно нужно было разыграть нападение. Это было сделано для того, чтобы японские шишки спокойно могли врать императорским проверяющим прямо в глаза, приводя в пример слова своих же подчинённых. А о том, что о «нападении» было заранее сообщено, и что весь «крупный диверсионный отряд русских партизан» состоял, по сути, из шести случайно выбранных солдатиков, об этом было принято помалкивать. Способ оказался достаточно удобным, и поэтому даже обычные, никак не связанные с японскими торговыми домами контрабандисты пользовались именно этим им.

Когда до спокойно стоявшего Скалова оставалась какая-то сотня метров, головной грузовик колонны стал потихоньку притормаживать. Ход автомобиля начал замедляться, заставляя всю кавалькаду постепенно снижать и так невысокий темп. Тем не менее, ведущая машина остановилась едва ли в трёх шагах от солдата. То ли водитель не рассчитал тормозной путь, то ли наоборот, знал свой грузовик как пять пальцев и решил просто покрасоваться.

Скалов, правда, даже не шелохнулся. Он дважды ударил по капоту затянутой в рукавицу ладонью и махнул рукой отряду Олега, призывая выходить из леса и имитировать тех самых диверсантов. В последний раз переглянувшись с ефрейтором, бывший контрабандист с кряхтением начал про-

бираться сквозь сугробы. Остальные солдаты повторили его манёвр, но только молча.

– Что у нас тут? – бодро спросил Гордиевский, подойдя к первому автомобилю.

– Сдаются, товарищ лейтенант, – также весело отрапортовал Скалов, щеря при этом желтоватые зубы.

– Всё готовы выложить, лишь бы вы нас не тронули, – хохотнул шофёр, уже успевший вылезти из грузовика и тщетно пытающийся закурить папиросу на ледящем ветру.

Худошавая и высокая фигура, свесившая из открытой кабины головного автомобиля ноги, согласно закивала.

– Это хорошо, что готовы, – пробормотал Олег, глядя на незнакомца, подтвердившего слова Скалова. Что-то в этом человеке было неуловимо знакомо, но Гордиевский никак не мог понять что. Неизвестный плотно обмотал лицо шарфом и натянул меховую шапку-ушанку чуть ли не на глаза, спасаясь от холода.

– Пусть тогда возьмут нас на борт, – продолжил контрабандист. – Дойдут с нами до третьей заставы, там их разгрузят, заправят, и обратно отправят.

– Уважаемый, – вдруг обратился к Олегу тот самый незнакомец, – прежде чем мы отправимся в путь, я бы хотел прояснить один вопрос, чрезвычайно важный для меня.

И всё-таки, Гордиевский явно где-то слышал этого голос. Пусть даже глухой и искаженный плотной тканью шарфа, он всё равно был до боли знакомым.

– Ну? – мрачно спросил Олег, незаметно, как ему показалось, расстёгивая поясную кобуру.

– Не нужно так сильно волноваться, – спонтанное движение контрабандиста от неизвестного не укрылось, – я не кушаюсь, Олег. Тем более, я всего лишь хотел спросить, как обстоят дела у Олеси?

– У Олеси? У Олеси всё хорошо, а откуда ты... – тут Олега как обухом по голове ударило. Вся подозрительность мигом слетела с него, а сам он, вытянувшись струной, слегка подскочил на месте.

– Джеймс! – воскликнул он, мгновенно узнавая незнакомца. Через секунду двое мужчин уже заключили друг друга в медвежьи объятия, выбивая воздух из лёгких ощутимыми хлопками по спине.

– Господи, Джеймс, ты какими тут судьбами? – спросил Олег, вытягивая американского шпиона на расстояние вытянутых рук и внимательно его осматривая, будто убеждаясь, что это действительно он. – Ты же вроде подался обратно?

– Уже вернулся, – с улыбкой ответил Кюри. – Разве я могу вас, идиотов, здесь бросить? Помрёте ведь, все как один, то грудью на амбразуру ляжете, то на таран пойдёте. Лучше расскажи, как всё-таки у Олеси дела?

– Да что с ней будет, хорошо у неё всё, – широко улыбаясь и глядя в лицо боевого товарища, ответил Олег, – сидит в Свердловске на довольствии. Пристроили её куда-то в штаб, перекладывает бумажки.

– В Свердловско-овске... – насмешливо протянул Джеймс. – То-то я смотрю, и ты умудрился в мундир влезть? Ты же птица вольная, бандитская, чего погоны-то нацепил?

– Может и бандитская, но не синяя, – хмыкнул в ответ Олег, – звёзды на плечах не рисовал. Так что мне не зазорно. А что до вольной... знаешь, я тоже думал до недавнего времени, что свобода – это самое ценное, что может быть у человека. Вот ходишь ты такой красивый, в кожаной импортной куртке, купленной на контрабандные деньги, и кажется, что лучше уже быть не может, что никто тебе не указ, ни Гитлер, ни Хирохито, ни Жуков. А потом один шебутной мальчишка, который когда-то к твоей жене клинья подбивал, очень глупо, как ты говоришь, кидается грудью на амбразуру, и становится сразу понятно, что дерьмо это всё. И кожанка твоя, и тропы контрабандистские, и деньги эти сраные. Всё это брызги просто, ничего это добро не стоит.

Олег ненадолго замолк, собираясь с мыслями.

– И единственное, что в этом мире значение имеет, – продолжил он чуть погодя, – это звезда белая на рукаве твоего чёрного мундира. Потому что ты сам теперь как мундир этот, скорбный и мстительный.

Оба мужчины, к недоумению замерших полукругом солдат, неожиданно долго смотрели друг другу в глаза. Просто смотрели, не говоря ни слова. Те мысли, те чувства и эмоции, которые они сейчас переживали, оказались бы только испорчены словами.

– Он был настоящим солдатом, – американец первым нарушил молчание.

– Он был больше, чем солдат, – возразил Олег, – он был человеком. Наверное, одним из последних в России.

* * *

Рейхскомиссариат Украина, Киев. 18 марта, 1962 год.

Город помнил всё.

Камень его мостовых видел за свою долгую тысячелетнюю жизнь, казалось бы, всё. Он прекрасно помнил горячую кровь храбрецов, некогда окропившую его прекрасные, покрытые густой изумрудной травой холмы. Никогда не забывал древний город и густые слёзы братоубийства, пахнущие речной водой, лебединым пухом и углём, сторающим в топке поезда. До сих пор на улицах города звенели давным-давно позабытые и неслышимые для обычных людей пламенные речи, что когда-то, долгую тысячу лет назад, сокрушили тиски безжалостной и суровой судьбы, уготованной этим краям. Тогда злой фатум отступил, утёрся, нацепил на голову толстую монгольскую шапку, поправил половецкое стремя и громыхнул на прощание тяжёлым копьём польского гусара. Кому, право слово, было знать, что ушёл он лишь для того, чтобы вновь вернуться через сотни лет, вернуться, одевшись в непробиваемую серую сталь немецких заводов. И в

тот день, когда злой рок вошёл в вековой город на Днестре, не хватило никакой горячей и молодой крови, чтобы остановить его.

Город помнил всё это. Ни на секунду не забывал. На гранитных страницах его истории навсегда отпечатались и яростные предсмертные крики окружённых солдат, и глухие стоны, заглушающие громкий плач ведомых в рабство, и спокойный, монотонный голос завоевателей, размеренно подсчитывающий вагоны с кубометрами родной чернозёмной земли.

Николай Уваров знал, что город запомнит и его.

Двадцатилетний молодой человек шёл по широким проспектам столицы рейхскомиссариата, что вот уже почти как двадцать лет снабжал всю огромную немецкую империю зерном и мясом. Молодой человек, чьи предки из поколения в поколение обрабатывали эту землю, проливали за неё кровь и пот, шёл по улицам матери городов русских и уныло втягивал голову в плечи. Он не поднимал взгляда, не замечал немногочисленных прохожих вокруг него, а перед редкими в столь раннее время немцами он почтительно раскланивался, отступая на шаг назад и уступая господам дорогу. Всё это он, хозяин этой земли, этого города, делал, не отрывая взгляда от мостовой.

Вот только, делал он это не из страха или раболепия. Если бы кто-то из тех равнодушных, склизких и давным-давно сдавшихся прохожих, что имели несчастье не принадле-

жать к стержневой нации, заглянул в глаза Николаю, он бы не увидел в них ни покорности, ни заискивания перед самозваными хозяевами. Он бы увидел там то, чего так не хватало ему самому, этому безликому прохожему, когда на улицах его города погибали, отчаянно сражаясь, красноармейцы. То, чего не хватило ему, когда дивизии СС «Мёртвая голова» и «Галичина» маршем прошли по широким киевским проспектам, когда в Германию пошли первые составы с рабами, чернозёмом и пшеницей.

В глазах у Николая сияла решимость. Решимость суровая и непоколебимая, такая, какая бывает только у потенциальных покойников.

Если бы у Николая кто-то, равный ему по силе воли, спросил сейчас, когда эта решимость появилась у него во взгляде, Николай бы не ответил. Не из-за гордыни, отнюдь нет. Просто он не помнил, когда именно его ненависть, дикая, жгучая, переполняющая до краёв, превратилась в одно-единственное желание. Желание убивать немцев.

Наверное, этот невероятно важный, но такой предсказуемый синтез произошёл, когда умерла его мать. Уваров до сих пор помнил, как на обессиленном, с разрывающими кожу рёбрами теле развевалось могильным саваном замызганное грязное платье. Она лежала на высокой, заполненной клопами кровати, с ломкими волосами, впавшими щеками и чёрными глазами, желтыми от недоедания. Её тонкая, как у скелета, ладонь свисала со смертного ложа, будто пригла-

шая мальчика, стоящего в дверях и ёжащегося от октябрьских холодов, пробивающихся сквозь открытую форточку, за собой. Вот только этот мальчик не поддался зову. Не заплакал, не огласил последнее пристанище умершей от голода матери, что всегда отдавала ему последний кусок, траурным воем. Он всего лишь подошёл к остывающему телу самого любимого и родного человека в мире, убедился, что её веки закрыты, а затем ушёл. Куда – он и сам тогда не знал.

А может быть, это было много позже. Когда его, тринадцатилетнего, впервые выпороли кнутом. Он, стоя за конвейером и отчаянно температура мерзким февральским гриппом, не выполнил норму. Чутка не дотянул до плана, не пересёк черту, не перебрал столько крупы, сколько было необходимо в этот день. За что грузный бородатый человек с красно-чёрной повязкой на рукаве, работавший в цеху надзирателем, от души ввалил ему, больному, десять ударов кнутом. С молчаливого одобрения хозяина – превесёлого немецкого бургера, приехавшего осваивать новое жизненное пространство вместе со своей женой и двумя детьми.

Нет, скорее всего этот союз ярости и действия в его глазах окончательно оформился лишь несколько месяцев назад, когда Лидия, его белокурый ангел, что ласковыми прикосновениями спускался к нему в горячем бреду рубцов на спине, сгорела от банального воспаления лёгких, не получив медицинской помощи. Лишь благодаря ей он выжил, благодаря ей он сейчас разглядывает гранитные вычищенные

со всей немецкой старательностью и дисциплиной мостовые. Лидия... хрупкая и нежная брюнетка, выросшая в семье врачей, чудом не угнанных в Германию и не побрезговавшая подобрать умирающего под забором подростка. Всего на пару лет его, Николая, старше, всегда, даже в самые чёрные и смертные годы, улыбающаяся, неунывающая и верящая в светлое будущее, несмотря на блеск немецких штыков и эссовских прыг. И так неожиданно, так быстро и скоро сгоревшая от, казалось бы, банального холода и сырости. Когда Николай, волоча на плече едва дышащую, тоненькую и в тот момент так сильно похожую на его умершую мать Лидию, постучался в двери одной из многочисленных киевских больниц, ему отказали. Пожилой, явно заслуженный немец-врач, одетый в чистенький и белый халат, выгнал его оттуда пинками, заявив, чтобы он вместе со своей проституткой убирался подышать в какую-нибудь сточную канаву, как им, собакам, и положено. Аналогичная ситуация повторилась ещё в нескольких заведениях. Немногочисленные посетители тех клиник равнодушно взирали на происходящее, не обращая внимание на умирающую, а зачастую и помогали персоналу выгонять славянских недочеловеков прочь.

Всё закончилось на пороге их квартиры. Невесомо лёжа у него на руках, она, прилагая невероятные усилия, подняла тонкую, бледную ладонь, погладила его по шее, привлекая внимание, печально улыбнулась...

И умерла.

Только тогда, потеряв всё и всех, Николай понял, что больше он не выдержит. Остальные вокруг него могут делать что хотят: жрать скудный паёк, каждодневно слушать немецкие радиопередачи и постепенно превращаться в бездумных, тупых животных, которыми и хочет их видеть нацистская верхушка. А он не имеет на это всё право. Не имеет, потому что до сих пор помнит вкус того мерзкого, черствого хлеба, которым делилась с ним его угасающая мать. Он не может радостно раствориться в мерзком, недочеловеческом существовании, покуда на его шее огненным рубцом горит прикосновение женщины, ставшей для него всем.

В конце концов, это ведь так просто.

Сражаться вообще намного проще, чем жить.

Николай останавливается у перекрёстка, ведущего на центральную площадь города. Описанный в апокалиптическом романе Булгакова, последнего русского писателя, о существовании которого Николай даже не подозревал, величественный майдан как будто бы осунулся, сгорбился под тяжестью гипсового орла со свастикой в когтях, монументом возвышающегося в центре широкого брусчаточного овала. Он знает, что делегация, навстречу которой он так спешил через полгорода, обязательно появится здесь. Они всегда проезжают именно по этой улице. Никогда не меняют маршрут, никогда не выставляют охрану, совершенно не беспокоясь о возможном нападении. В конце концов, откуда у затравленных псов найдётся хотя бы щепотка мужества, чтобы

кинуться на собственных мучителей?

Вот только, иногда даже у самого безобидного пса появляется бешенство.

Наконец, длинный роскошный автомобиль с открытым верхом появляется из-за угла. И тут же Николай срывается с места, одним прыжком выпрыгивает на проезжую часть, параллельно отталкивая какого-то безропотного прохожего. Ещё один олений прыжок, и Уваров уже стоит на капоте движущейся машины. Не обращая внимания на ошалевшего водителя, он цепко глядит на троицу высокопоставленных немцев, важно развалившихся в кожаных креслах автомобиля. Всего через мгновение он вытаскивает из-за пазухи бережно хранимый все эти годы в бесщётном количестве тайников отцовский «Наган» и наводит его на первую цель.

Щелчок взводимого курка, и перед глазами Николая встаёт обессиленное, но радостное лицо его матери, счастливой от осознания того, что её ребёнок всё-таки будет жить. А через секунду жирная морда Эрика Коха, рейхскомиссара Украины, разлетается толстыми шматами мяса и костей. Ещё один щелчок, ещё один патрон в стволе, лицо Лидии, улыбающейся ему, очнувшемуся наконец-то от горячки после порки, и мерзкая рожа Альфреда Розенберга, архитектора плана «Ост», философа и людоеда, предавшего и возненавидевшего страну, которая его вырастила и выучила, превращается в кровавое месиво.

Барабан прокручивается ещё один раз, и Николай пони-

мает, что, к сожалению, не успевает. Не успевает вспомнить лицо своего отца, крепко его обнявшего, перед тем как навсегда уйти на фронт Последней войны. Зато он точно успевает отплатить человеку, который и повинен в его невосполнимом провале в памяти. Нажимая на курок, он видел, как генерал танковых войск Хейнц Гудериан, который не так давно опубликовал сверхуспешную книгу своих фронтовых воспоминаний, поднимает руку с зажатым в ней наградным «Вальтером».

Тем не менее, выстрел Николай услышал.

А значит, какая, по сути, разница, что было дальше?..

* * *

**Великогерманский рейх, Столица Мира Германия
[1]. 3 апреля, 1962 год.**

Рейнхард Гейдрих не любил Фольксхаллу. Ему не нравился даже старый, ещё довоенный рейхстаг, не нравился своей помпезностью, своей напыщенностью и показным пруссачеством. Каждый раз, когда шеф гестапо бывал там, ему казалось, будто из каждой тени на него глядят мерзкие раскормленные рожи круппоподобных промышленников, усатые лица старых юнкеров, растерявших всё своё аристократическое достоинство, и омерзительные, вырожденческие шнобели визгливых социал-демократов. Проще говоря, всех тех, кто свели старую, почти что средневековую империю в мо-

гилу, сперва растерзав её траншеями Пашенделя и Вердена, а затем, испугавшись поражения, вонзили ей в спину кинжал мерзкого Ноябрьского восстания.

Он ненавидел их всех. Старые элиты за слабость и некомпетентность, что ввергла его страну и его народ в пропасть нищеты и хаоса, за национальное унижение и боль Версальского договора. Новых крикунов разномастных расцветок за бессмысленные, идиотские визги на площадях межвоенной Германии под самыми разными флагами: красными, синими, белыми и оранжевыми. Недочеловеков, что заплонили его страну во время того, как она называлась Веймарской республикой, жидов, славян и цыган – просто по факту их существования. Его блевать тянуло от застройки старого Берлина, он едва скрывал тошноту, когда читал заголовки газет, печатавшихся в тридцатые годы, а сам он из последних сил сдерживался, чтобы не превратить в кровавое месиво лицо поляка-дворника, живущего на одной с ним улице.

Господи, как же он радовался, когда Шпеер принялся ровнять с землёй ненавистный ему город. Он едва не прыгал до потолка от счастья, ходил по своей загородной резиденции и тихонько приплясывал. Его жена, Линда, впервые в жизни видела обычно сурового и спокойного мужа в таком состоянии. А после этого они всей семьёй, вместе с четырьмя детьми, поехали в Готенланд, который в то время едва-едва начали колонизировать. Конечно, изредка им попадались айнцацгруппы, вылавливающие по херсонским лесам остав-

шиеся группки русских партизан, но в целом, тогда, по мнению Гейдриха, там было намного лучше, нежели сейчас, когда прекрасный полуостров загадили толпы переселенцев из Южного Тироля.

Их великолепный отпуск длился целых полтора месяца, немыслимый срок для такого важного человека, как шеф тайной государственной полиции. А потом, когда они вернулись в Берлин, ставший к тому времени Столицей Мира, Рейнхард не узнал город. Альбер Шпеер, главный архитектор рейха, сделал за столь короткий промежуток времени невозможное, почти полностью перестроив столицу. Теперь, место мерзкой, готической архитектуры, раз за разом приводившей Гейдриха в бешенство, заняли ряды ровных, суровых домов, отражающих немецкую дисциплину и неприхотливость. Теперь вместо ничтожного купола рейхстага над городом возвышался поистине исполинский полукруг Фольксхаллы, административный и политический центр германской империи, символизирующий новое тысячелетие её истории.

Правда, Рейнхард не учёл, что хоть старый город и погиб под траками самосвалов и бульдозеров, старые люди, словно стая чумных крыс, сумели избежать уничтожения, всего лишь сбросив старую шкуру. И теперь прекрасные и просторные коридоры Фольксхаллы заполнялись оружейными магнатами, едва дышащими под тяжестью своего капитала, надутыми, словно индюки, генералами вермахта, едва не ло-

павшимися от чувства собственной важности, и технократами с пытливыми и бегающими глазками недочеловека, пытающиеся в очередной раз «оптимизировать» процесс управления государством.

Рейнхард Гейдрих стоял на обзорной площадке Фольксхаллы, куда обычно водили экскурсии гитлерюгенда, и задумчиво наблюдал за Народной площадью, раскинувшейся перед ним на расстоянии четырёх этажей вниз. Рак, против которого он боролся почти всю свою сознательную жизнь, с тех пор, как получил партийный билет НСДАП, снова угрожал его народу. Старый лев не вечен, и уже дышит на ладан. Конечно, все до сих пор преклоняются перед его могуществом и авторитетом, но каждый, у кого есть хоть капелька мозгов, понимает, что его день близок. Балабол Геббельс уже начинает нажимать на нужные рычаги в партии, обеспечивая себе место преемника. Герман Геринг, позолоченный и рафинированный рейхсмаршал, чьи хвалёные Люфтваффе до сих пор не могут стереть остатки русских за Уралом, тоже не отстаёт. Правда, в отличие от Геббельса, старый жирдяй делает ставку не на партийные элиты, а на вермахт, где имеет достаточно большое влияние. Впрочем, точно сказать нельзя, за кем пойдут военные. Они разделены примерно пополам, возможно, большинство склонится всё-таки к Герингу, однако разрыв будет невелик.

Будь Рейнхард сторонним наблюдателем, скажем, из Америки, он бы поставил на Геббельса. Аппаратчики всегда по-

беждают, как бы ни была сильна армия. Деньги и власть оружие, много более эффективное, чем танки «Леопард» и броневики «Один». К тому же, его собственный шеф, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, поддерживает главного пропагандиста рейха.

Если бы кто-то в этот закатный час стоял рядом с Рейнхардом Гейдрихом, он бы увидел, как гримаса отвращения и пренебрежения пробежала по лицу шефа гестапо. К счастью, к этому времени Фольксхалла уже была пуста, и Рейнхард ничуть не удивился, если бы узнал, что он её последний посетитель. Впрочем, о таких глупостях он не думал. Все его мысли занимал его начальник, бестолковый агроном и бесхребетный слюнтяй, однажды грохнувшийся в обморок во время показательного расстрела. Генрих Гиммлер – глава СС. Человек, который, находясь в иллюзиях своих сектантских идеалов, не видит той заразы, что пожирает рейх изнутри. Ничтожество и слизняк, раболепием и чиновничеством пробивавший себе путь наверх едва ли не со времён Пивного путча.

Это был явно не тот человек, что должен возглавлять СС.

Взгляд Гейдриха скользнул по отражению серебряных нашивок на воротнике его идеально выглаженной формы, едва видимых на закатном стекле. Армия, партия, народ... Все эти идиоты забывают ещё об одной силе. Чёрном Ордене, теневом государстве, что уже давным-давно опутало своей липкой сетью всю Германию. Опутало лишь для того, чтобы

стать её спасением в трудный час, чтобы окончательно выжечь всю скверну, всю слабость и все пороки из нового поколения немцев.

Шеф гестапо поправил локон своей белокурой чёлки (в помещении фуражку он не носил) и, отвернувшись от панорамного окна, чётким шагом зашагал прочь. Время размышлений для него закончилось. Пришло время действовать.

Уже выходя из здания Фольксхаллы, Рейнхард подумал о том, когда всё начало катиться под откос. Перебрав в уме множество вариантов, он, за неимением лучшего, остановился на самом очевидном и банальном.

«Наверное тогда, когда мы назначили управлять рейхскомиссариатом чёртового русского...»

* * *

Рейхскомиссариат Московия, окрестности Гренца. 25 апреля, 1962 год.

Проснулся я до рассвета. Через тоненькую тюль едва-едва просвечивала полоска слабенького света, слегка освещающая пыльные половицы крестьянской избы. Взглянув на небольшой стеклянный прямоугольник, я убедился, что заря только занялась, а значит, что времени часов пять утра, вряд ли больше. Самый сонный, предрассветный час, идеальный для того, чтобы незаметно куда-то проникнуть или, наоборот, откуда-то выйти. Аккуратно, чтобы не разбудить хозяина, я

поставил левую ногу на пол и тихонько, не издав ни звука, натянул ботинок. Повторил операцию с другой ногой. Одними пальцами опираясь на широкую лавку, последние месяцы служившую мне кроватью, я медленно поднялся, приняв, наконец-то, вертикальное положение. В целом, я был готов к тому, чтобы тихонько щёлкнуть хлипким засовчиком, запирающим входную дверь избы, и раствориться в ночи, но для этого мне ещё было необходимо прихватить с собой свой скудный скарб. Мне хватило предусмотрительности, чтобы заранее разложить свои пожитки в шаговой доступности от лавочки, дабы не мотаться в ночи по всей избе. Так что я быстро взвалил на плечо серый холщовый мешок, натянул колючий, но тёплый мужской балахон из чёрной шерсти, едва достающий мне до пояса, и, погладив жёсткую густую бороду, отросшую у меня за два последних месяца, двинулся к выходу из избы.

Ночь, безраздельно властвовавшая над Среднерусской равниной, встретила меня утренней прохладой и свежим западным ветром. Где-то в лесу, начинавшемся сразу за широким полем пеньков, следом пребывания здесь беспощадных немецких лесорубов, щебетали едва-едва проснувшиеся птицы. Ко всему этому великолепию прибавлялся невероятный запах только освободившейся от тяжелых снежных оков пашни. Прекрасное чувство чего-то далёкого, которое я в последний раз испытывал в безвозвратно ушедшем детстве, захлестнуло меня настолько, что я не услышал звук прибли-

жавшихся ко мне старческих шагов.

– Уже уходишь? – раздалось у меня за спиной.

Я резко обернулся. На пороге избы стоял, оперевшись на толстый дверной косяк, старик, лет семидесяти на вид. На самом же деле, ему едва исполнилось шестьдесят. Леонид, местный столяр, приютил меня в начале марта, когда я, заросший, голодный и едва не воющий от дикой боли в разбитой голове, буквально ввалился к нему в жилище и упал прямо на пороге без чувств. Теперь же он стоял на том самом пороге, где я когда-то чуть не испустил дух, и, покашливая, задумчиво разглядывал меня.

– Не хотел тебя будить, – честно глядя ему в глаза, ответил я.

Это и впрямь было одной из причин.

– И поэтому решил сбежать ночью, как тать? – Леонид сурово нахмурил брови. – Знаешь, я, конечно, подозревал, что воспитание в Чёрной Армии оставляет желать лучшего, но не до блатных замашек же.

Старик явно хотел сказать что-то ещё и развить мысль, однако его прервал дикий приступ кашля, эхом разнёсшийся по спящей деревне и согнувший старика пополам. Я даже испугался, не наступил ли для моего благодетеля последний час, и дёрнулся к нему на помощь, прекрасно при том понимая, что все мои усилия окажутся бесполезными.

– Не злись, – мягко попросил его я, аккуратно помогая разогнуться, когда кашель стих. – Помимо того, что я про-

сто-напросто не хотел с тобой прощаться, мне действительно жалко было тебя будить. Тебе ведь завтра заканчивать бортик, помнишь? К тому же, если вдруг нагрянет гестапо и начнёт спрашивать про меня, тебе будет намного легче отбрехаться. Мол, да, побирался тут похожий, когда и куда ушёл – не знаю. Даже полиграф тебя не прошибёт.

– Про лодку ты верно сказал, – задумчиво прожевал Леонид, – а вот про всё остальное брешешь, как сивый мерин. Просто не хотел, чтобы лишний раз у тебя глаза блеснули. А они бы у тебя блеснули, не возражай. Я же вижу, как ты прикипел к этому месту. Уж не знаю, какие струны твоей души задела у тебя наша деревня, но ты бы определённо здесь остался, если бы не твоё задание. Я никогда за все эти два месяца не интересовался твоим прошлым, хотя, я признаю, меня и распирало от любопытства. И на этот раз я тоже ничего не спрошу. Правда, прощаться мы тоже не будем.

Настала моя очередь изумлённо глядеть на собеседника.

– Это ещё почему?

– Потому, что я всё-таки очень хочу увидеть тебя в чёрном мундире с белой звездой на рукаве.

– А дотянешь? – спросил я, указывая пальцем на его грудь. – Последнюю неделю ты совсем плох.

– Ради такого дела – дотяну, – улыбаясь, ответил Леонид. – Я, знаешь ли, семнадцать лет этого жду. Ещё годик или два для меня не время. А с лёгкими я как-нибудь договорюсь.

– А если не выгорит?..

– Выгорит, – уверенно ответил мне Леонид, – у тебя точно выгорит. Ты от самой Казани до сюда сумел как-то доковылять полумёртвый, так что и до Москвы дойдёшь.

– Ну, раз ты так считаешь, – повел плечами я.

Мы ещё пару минут постояли в тишине, глотая свежий утренний воздух, после чего я наконец решился.

– Пора. Пойду я, пожалуй.

– За винтовкой? – ехидно спросил у меня столяр.

– За винтовкой, – широко улыбнулся я ему в ответ.

– Давай, – на прощание махнул мне рукой Леонид.

Действительно, как будто не в логово зверя пошёл, а в лес за грибами.

Широко шагая по просёлочной дороге и глядя на утренние, угасающие деревенские звёзды, я не оборачивался. И не видел, как Леонид, в прошлом член ВКП(б), коммунист и верный кировец украдкой крестит меня в спину. Даже ветер-предатель не донёс слова далёкой, едва слышимой, но от того не менее искренней молитвы:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...»

«... тако да погибнут беси от лица любящих Бога...»

«...во ад сошедшего...»

Солнце вставало всё выше и выше. Я спокойно шёл по пустой дороге, поднимая клубы пыли и пиная редкие небольшие камешки, изредка попадавшие мне под ноги. Смотри себе под ноги, я не замечал ни вывалившегося из кустов бобра, который тут же пугливо пересёк просеку и скрылся в листве, ни глухого стука топоров где-то чуть южнее меня. Утреннее солнце всё сильнее освещало дорогу и нагревало воздух, давая мне понять, что балахон, скорее всего, ближе к полудню придётся скинуть. Правда, сейчас на это мне было плевать. Мои мысли снова и снова возвращались к покинутой мной деревне.

И чем дольше я думал о ней, тем яснее понимал, что Леонид был прав.

Я не помню, как выбрался из Казани. Точнее помню, но очень смутно. Когда я думал об этом, в голове возникали запутанные и зачастую невозможные образы. Я, например, отчётливо помнил, как вышел из подземных катакомб. При том, вышел с первого раза, избитый, помятый и едва дышащий из-за жажды. Помнил, как, стоя на четвереньках, горстями жрал твёрдый, слежавшийся снег около сточной трубы, которая соизволила выпустить меня из духоты канализации, чувствуя при этом, как постепенно утихает сухой пожар в моей глотке.

Дальше сложнее. Помню лицо эсэсовца, презрительно глядящего прямо мне в глаза и дышащего на меня тяжёлым табачным духом. Кажется, тогда я, лишившись сил, в очередной раз потерял сознание, вырубившись прямо на снегу, а тот меня посчитал за мертвеца. Почему-то в памяти всплывает запах конского пота, парафина и мокрого железа. Помню, как брёл по щиколотку в талой распутице, опираясь на какую-то выломанную палку. И, наконец, старое и сморщенное лицо ветерана Последней войны, столяра, плотника и, по совместительству, человека, который спас мою жизнь.

Когда я пришёл в деревню, затерянную под городом Гренцем, который раньше назывался Нижним Новгородом, было только начало весны. Я провёл здесь два месяца, два самых прекрасных месяца в моей жизни со времён начала Последней войны. Я отрастил бороду, которую никогда до того не носил. Не потому, что во мне резко проснулась неумолимая тяга к корням, ко всему старорусскому и патриархальному, нет. Просто потому что я расслабился. Расслабился настолько, что за все эти шестьдесят дней даже не попросил ни у кого бритвы, чтобы привести свою физиономию в уставной гладковыбритый порядок. Я снова вышел на пашню. Впервые за... чёрт, я даже не могу вспомнить, когда в последний раз участвовал в весеннем посеве, куда босоногого подростка Гришку Отрепьева едва ли не из-под палки загоняли каждый год. Тогда меня привлекали куда более интересные вещи, например рыбалка на ближайшем озере или драка с

такими же как я пацанами из соседней деревни, на ничейной лесной поляне. Теперь же я с удовольствием взял в руки лукошко с зерном, чтобы размеренно разбрасывать мелкие желтоватые зёрнышки по пашне, чувствуя, как под ногами разваливается рыхлая и свежая земля. Конечно, даже в канувшем в небытие Союзе уже существовали автоматические сеялки, закупленные из-за рубежа, однако они исчезли, как, впрочем, и всё ценное, где-то на просторах бескрайней немецкой империи. Поэтому работать приходилось, как и встарь, руками. И я был этому только рад.

А ещё мне нравились люди. Они нисколько не напоминали мне те обрывки тряпья, что влачили своё жалкое существование на улицах Ижевска. Это были живые, славные существа из плоти и крови, волком, а не затравленно, глядевшие на изредка забродившие в деревню власовские и немецкие отряды. У них даже хватало смелости укрывать меня до тех пор, пока отросшая борода и обритая налысо голова не сделали меня неузнаваемым для полицаев. Всё это, по большей части, была заслуга именно Леонида.

Ветеран Последней войны, чьи лёгкие до сих пор страдали от последствий безумных химических атак маршала Тухачевского, был среди этих людей кем-то вроде негласного вождя. Он был лейтенантом взвода солдат, который безнадежно отстал от Красной Армии, прорываясь из окружения под Нижним Новгородом. Когда до них дошли известия о том, что оставшиеся силы РККА отброшены к Уралу и уничто-

жены, они решили, не мудрствуя лукаво, забраться поглубже в лес и существовать вдали от цивилизации. И у них получилось! Из небольшой общей землянки, где пионеры поневоле ютились почти полтора года, они постепенно выросли в небольшое поселение, к которому потянулись переселенцы из Нижнего. Славянское население оттуда постепенно вытесняли немцы, надеясь превратить город в важный узел волжской торговли. Поэтому вскоре с рабочими руками у Леонида и его товарищей, которых одного за другим начала потихоньку забирать лёгочная недостаточность, не было проблем. Правда, вслед за работниками потянулась и немецкая администрация. К удивлению, это были не эсэсовцы, до сих пор являвшиеся в ночных кошмарах тем, кто сумел пережить Последнюю войну. И даже не вермахт с его танками и вертолётами, готовый разнести в щепки их незащищенное селение, а чиновники, управленцы и технократы – подлинные исполнители геноцида. Эсэсовец может расстрелять, удушить, загубить сотню, даже несколько сотен душ, прежде чем его настигнет пуля народного мстителя. А эти крысы легко могут избежать справедливого возмездия, скрывшись за бумагами приказов и растворившись в безликой толпе бюргеров. И правда, что плохого в том, чтобы немецкие лесорубы занялись лесозаготовкой прямо здесь, на опушке вот этого леса? При том, заплатив за аренду. Пусть немного, пусть сущие гроши, но ведь могли бы и просто силой взять. Что плохого в том, чтобы поставить в деревне радиовыш-

ку, приобщить жителей даже такого дикого уголка к цивилизации, прогрессу и всемирной коммуникации? Местные администраторы даже проложили здесь дорогу напрямик до Гренца и Чебоксар. За свой, между прочим, счёт. Плохо что ли?

Только вот Леонид знал, что подарки от врага нужно принимать очень осторожно. Действительно, в самой дороге ничего плохого нет. Плохое есть в немецких мотоциклах, везущих предателей и оккупантов на восток, сторожить границу с Чёрной Армией или вылавливать немногочисленные отряды партизан, всё ещё отчаянно дерущиеся на территории Московии. Отвратительна не сама радиовышка, а те пропагандистские передачи, что она транслирует. Те самые, переписывающие русскую историю, забивающие голову мерзенькой немецкой поп-музыкой и рекламирующие рабство в Германии, выдавая его за высокооплачиваемую работу на благо быстрорастущего рейха. А лесорубов, лениво курящих на обочине дороги, хочется задушить во сне, глядя на бесконечные ряды грузовиков, увозящих драгоценный лес куда-то на запад.

Понимал ли всё это Леонид? Безусловно. И именно поэтому радиовышка работала только два дня в году. В декабре, на Рождество, и в апреле, аккуратно под день рождения фюрера. Эти два дня у немцев считались главными праздниками в году, поэтому продемонстрировать славянское недочеловеческое презрение к орднунгу было никак нельзя. Правда

вот, весь остальной год с ней случалась одна поломка за другой. То провода оборвутся, то предохранители сгорят, то вообще ветром повалит. У местных лесорубов, например, настолько часто ломались циркулярные колёса на их лесопилке, что те плюнули и, не выдержав, убрались вести свой промысел на другой берег Волги. С заезжими войсками дело обстояло сложнее, но иногда и их удавалось отправить куда-нибудь к чёрту на кулички, к сожалению, не так часто, как хотелось бы. И, что самое интересное, ничего сделать с деревней местная администрация не могла. Точнее, это было попросту невыгодно. Люди Леонида исправно платили налоги зерном и промыслом, так что карательная акция, после которой чиновничье рисковало получить вместо платежеспособной единицы ещё один партизанский отряд, гадящий из густого и глубоко леса, была просто нецелесообразной. Между оккупантами и селянами установилось шаткое равновесие, которое, к счастью, мой приход поколебать не смог.

Я, впрочем, не сильно этого и желал.

Ежу понятно, что меня не оставят в покое. Даже если СС по какой-то причине считает меня мёртвым (я надеялся-таки, что моё полузабытое видение, в котором немецкий офицер пинал меня, словно издохший труп, окажется правдой, а не страшной галлюцинацией), то Чёрный Орден всё равно будет настороже, ведь где проник один агент, вполне может проскользнуть и второй. Готов поспорить, что граница с Чёрной Армией сейчас на замке, возможно, даже пару лиш-

них дивизий отрядили с итальянской границы для этого. Хотя вряд ли, наверняка обошлись каким-нибудь эсэсовским сбродом, типа полка «Руссланд»[2] или бригады Дирлевангера. Впрочем, мне от этого не легче. Серебряные молнии[3] были на взводе, а поэтому действовать нужно было аккуратно. Финальный этап моего задания пришлось отложить на пару месяцев, затерявшись в поволжской глубинке. И я считаю, что поступил правильно. Время, оно конечно деньги, но информация в наше время ценится всё-таки больше. А поэтому я не имел права выступать в поход на Москву до тех пор, пока обстановка хоть чуть-чуть не устаканится. Особенно, учитывая тот факт, что моя липовая история про новую винтовку, поступившую в немецкие войска, которая была без проблем проглочена дремучим крестьянином Трофимом, вызвала лишь саркастическую ухмылку у проницательного Леонида, чем и не прошла проверку на прочность.

Леонид вообще был достаточно умён. Мало того, что он сумел пережить ад Последней войны, так ещё и в лютые послевоенные годы не пропал, не сгинул, не сгорел заживо в немецких концлагерях, а собрался, заматерел и выжил, при этом вытащив на своих плечах деревню в сотню человек. Этот старый, потрёпанный жизнью вояка показал мне, чего именно я хочу в жизни. Он заставил меня вспомнить, пробудил в моей памяти образы обыкновенного, честного труда, не омрачённого ни разрывами снарядов, ни рейдами карателей. Он вытащил откуда-то из глубин моей души что-то

забытое, детское, радостное, спокойное, то, чего я лишился в тот день, когда Сергей Миронович Киров запинаясь и забывая слова, едва-едва не плача, произносил свою речь по радио, уведомляя граждан Союза о том, что началась война с Германией. И я вдруг понял, что резать глотки немцам – вовсе не мечта всей моей жизни, воплощённая в жизнь, как я думал ещё пару месяцев назад. Моя мечта – однажды проснуться в своей собственной избе где-нибудь в подобной глуши и понять, что я напрочь забыл звук воздушной тревоги. Затем, поднявшись с кровати и умывшись, взять свои инструменты для работы по дереву и отправиться делать своё дело. Вот что я понял, находясь два месяца в обществе старого плотника, двенадцать армейских товарищей которого уже давным-давно забрала смерть.

Как жаль, что у моей мечты так много врагов. И прежде, чем старый плотник, перенявший профессию у кого-нибудь другого, сойдёт к тихой и спокойной русской воде, оперативнику «Стальной руки» необходимо спустить под её льды ещё не один десяток тевтонских завоевателей.

[1] Стоит уточнить. В послевоенные планы Гитлера входила полная перестройка Берлина и смена названия города на Столицу Мира Германия (нем. Welthauptstadt Germania). В то время как сама Германия на немецком языке называется Deutschland (Дойчланд). Фольксхалла же – исполинское куполовидное здание, должна была стать центром всего немец-

кого мира.

[2] Сознательная фактическая ошибка. Дивизия «Русланд» никогда не находилась в подчинении войск Ваффен-СС. Сделаем вид, что в этом мрачном мире предателей выперли из своих рядов чистоплюйские офицеры Вермахта.

[3] Эмблема СС.

Глава шестая

Петля

*«Отнеси платок кровавый
К милой любушке моей
Ей скажи – она свободна
Я женился на другой».*

Рейхскомиссариат Московия, Москва. 10 мая, 1962

год.

Я дошёл. Я сам в это не верил, никогда до конца не верил, но дошёл.

Я не верил, каюсь. Самый натуральный Фома Неверующий, мерзкий, склизкий, сомневающийся трус, что не видел даже призрачной надежды на успех ещё там, в подземном кабинете Алеутова. Я знал, я понимал, я осознавал каждой клеточкой своего тела, что меня посылают на убой, на охоту за призраками. Не просто лечь грудью на амбразуру, а лечь на неё в густом утреннем тумане, в котором твои товарищи не увидят и не смогут воспользоваться плодами твоего подвига. И всё-таки, я лёг. Лёг, и оказалось, что туман рассеялся.

К Москве, ныне носящей отвратительное название Москвау, я подходил с востока. Была где-то середина дня, часа два, наверное. Май уже полностью вошёл в свои силы, и поэтому дневное солнце припекало изрядно. Балахон, который

мне одолжил Леонид, я давным-давно продал, купив на вырученные деньги плотную льняную рубашку с длинным рукавом. За время пути я окончательно зарос, почти полностью скрыв нижнюю часть лица за пышной, но неухоженной бородой, а учитывая тот факт, что за последние две недели я порядочно извалялся в дорожной пыли, то теперь моя физиономия очень слабо напоминала ту, которую ищут ээсовцы. Больше всего я походил на обыкновенную русскую крестьянскую голытьбу, которая табунами ходила по рейхскомиссариату, выпрашивая кусок хлеба, и на которую суровые немецкие проверяющие уже не обращали никакого внимания. Собственно, этим их пренебрежением я и воспользовался.

Пропускной пункт я встретил в районе Сокольников. До этого дня я никогда не бывал в Москве, но планируя операцию, мы с Алеутовым старательно изучили подробную административную карту, выдвигая бесчисленное количество предложений, с какой именно стороны мне лучше всего заходить в Москву. Сошлись в итоге на западной стороне, той, с которой в город обычно въезжают высокопоставленные нацистские шишки, но в последний момент планы я менял. Чутьё вело меня по кратчайшему пути, через восточный въезд, и я решил ему подчиниться. Может быть, именно в этот день через трассу «Москва-Киев» проезжал кортеж с каким-нибудь Розенбергом или Гудерианом, которым приспичило осмотреть восточные территории рейха? Мо-

жет быть, именно из-за этого там устроили драконовский досмотр, установили дополнительные патрули и всяких славянских недочеловеков в мгновение ока разворачивают на сто восемьдесят градусов? Не знаю, что именно там происходило, но все мои инстинкты отчаянно вопили, чтобы шёл я именно через восток города и даже не думал о том, чтобы обогнуть Москву с севера или юга. И я собственному чутью подчинился.

На этот раз я стоял на пункте общего досмотра. С завистью проводил семейную пару, которая быстрым шагом прошла через окошко для упрощённой процедуры въезда, но из своей длинной очереди, состоящей в основном из таких же маргиналов, как я, не вышел. Со свиным рылом в калашный ряд не лезут, и теперь, когда моя фиктивная биография «фольксдойче» летела ко всем чертям, мне следовало держаться от немцев и им подобных как можно дальше. Своё липовое удостоверение личности я давным-давно сжёг, так что перед скучавшим проверяющим предстал не поволжский немец Иван Борисов, а вполне себе русский босяк Григорий Иванович.

Имя я решил не менять, к чему ненужная конспирация? Смелость города берёт, как говорится.

– Цель прибытия? – презрительно, с отвратительным акцентом спросил меня проверяющий, едва удосужив мою скромную персону взглядом.

– Так это, герр начальник, – старательно копируя глупо-

ватый сельский выговор, отвечал я, – в Москау подался, значит. Денег подзаработать. Господам немецким двор подмести, с собачкой погулять, машинку наладить...

– Папирен, – сурово сказал немец, протягивая руку.

– Нету документов, герр начальник, – я картинно развёл руками, – крест только есть православный, – в доказательство своих слов я полез за ворот рубахи пытаюсь поймать небольшой нательный крестик, свой собственный, кстати, – крещёные мы в церкви Иоанна Предтечи, село Козлово, тридцать три года от роду...

– Молчат! – резко прервал мой поток сознания немец. Тут же протянул мне красную ленту, с какой-то белой надписью на ней. – Взять это, надеть на руку, носить не снимая. В районы, где написано «Только для немцев» входить запрещается. Жить только в пансионатах «Север», «Юг», «Восток», «Запад». После одиннадцати быть там, или будете отвечать перед военно-полевым судом. Частный случаи обговариваются вашим нанимателем и администрацией города Москау. Всё. Дальше!

Русским он владел безбожно плохо.

Приняв у него из рук повязку, я лишь удовлетворённо хмыкнул. Надпись на ней гласила «Untermensch». Я бы сильно удивился, если бы увидел на ней нечто другое.

Миновав пропускной пункт, я размышлял о том, как же всё-таки мне повезло, что нацистский генплан «Ост» с треском провалился. Наверное, это было первое поражение все-

пожирающей гитлеровской махины на чисто административном поле. Изначально планируя полностью освободить от славян всю европейскую часть Союза, немцы надорвались, выполняя эту непосильную задачу. Уничтожить и выселить почти сотню миллионов живых людей – это вам не фунт изюму. Волей-неволей захватчикам пришлось сотрудничать с местным населением, пусть даже на положении «хозяин-раб». И поэтому в Москву, которую Гитлер изначально вообще планировал стереть с лица земли, теперь даже пускают русских, используя их как домашнюю прислугу или чернорабочих.

Так что теперь я шагал по древней русской столице, внимательно оглядываясь по сторонам. Как бы ни жаждал безумец Адольф стереть Третий Рим с лица земли, но обойтись немецкой бюрократии без этого города, транспортного узла и административного центра, было просто невозможно. Именно отсюда осуществлялось управление рейхскомиссариатом, самым огромным из всех тех, которыми владела Германия. Те черты, те знаки и символы, напоминавшие о павшей империи и сгинувшем Союзе, все они были безжалостно заменены на brutальные, угловатые и уродливые однотипные бетонные здания, изредка увенчанные свастиками или немецкими орлами. Москва в нынешнем её проявлении не походила даже на Казань, которую из поволжского татарского мегаполиса превратили в небольшой немецкий город, с его прянично-готической архитектурой. Это был

уродливый, бюрократичный и донельзя рационализированный монстр. Всё здесь отвечало лишь одной цели: управлять и подавлять. Сокольники, воспетые бесчисленными классиками, сровнены с землёй. Теперь там граница между внешними дикими землями Московии и упорядоченным, бесчеловечным немецким орднунгом. По живописному Арбату, запавшему в самое сердце русской культуры, теперь пролегают широкие автомобильные проспекты, несущие немецких партийных чиновников на Адлерплатц – незаконнорождённого наследника Красной площади. А белые стены московского Кремля, сотни лет служившие русским царям надёжным убежищем, взорваны тротильовыми снарядами, распылены артиллерийским огнём, раздавлены танковыми гусеницами. Нет больше ни собора Василия Блаженного, ни Исторического музея, ни тёмного зиккурата Мавзолея. Теперь на том месте – огромный памятник Гитлеру. Мрачная бронзовая скульптура вскидывает руку в своём излюбленном салюте и строго глядит на толстую бетонную коробку, на главное управление рейхскомиссариатом, в котором, подобно муравьям, скрипят шестерёнки гигантского государственного механизма: чиновники, агрономы, промышленники, эсэсовцы.

Я шёл по восточным окраинам Москвы, не видя перед собой ничего, кроме строгих рядов зданий, которые медленно перерастали в трущобы, где и обитало русское население. Обрывки ткани, куски штукатурки, лужи блевотины и невнятные копошащиеся существа, в другой далёкой жизни

бывшие людьми, вот что встречало меня, едва я отходил от строгих стен немецких блокпостов и вычищенных господских улиц. Картина, которую я уже не раз и не два видел в других городах рейхскомиссариата.

Если я планировал следовать прямому указанию таможенника, что сделать стоило, учитывая невероятную любовь немцев к дисциплине, мне необходимо было заселиться в один из четырёх пансионатов. Конечно, будь у меня местная регистрация, я мог бы откосить от мерзкого, тесного и вшивого барака, который немцы называли «пансионатом», заселившись в такой же грязный, но всё же более просторный барак или вообще коротать время в здешних трущобах под открытым небом. Но так как необходимых документов у меня не было, меня сослали прямиком в официальную городскую резервацию для недочеловеков.

Едва я вошёл в «пансионат», как мне тут же стало ясно, что немцы даже не стараются скрыть от местных обитателей, что за ними наблюдают. Перед входом меня встретил рослый гестаповец, сидевший на широком раскладном стуле и пившийся в чёрно-белый телевизор. Перед ним на толстой деревянной доске стояла алюминиевая кружка с дымящимся кофе и наполовину съеденная вафля со сгущённым молоком. По моей глотке тут же прокатилась волна слюны. Возле гестаповца стоял прислонённый к стене пятьдесят четвёртый «гевер», весь смазанный и готовый к бою.

– Стоять, – как-то карикатурно, лениво бросил немец, ко-

гда заметил меня. – Кто?

– Отрепьев Григорий Иванович, – подобострастно закивал я. – Крестьянин, не здешние мы, на заработки...

Немец едва сдерживал зёв.

– Вот номер, шестьсот третья койка, – он протянул мне обтянутую скотчем бумажонку, на которой карандашом были выведены цифры «603». – Здесь быть после одиннадцати. Тебя не будет – сообщу в полицию, ясно?

Русский у него, ровно также, как и у таможенника, был ломанным и кривым.

– Всё ясно, герр начальник, – сделал я тупой, соглашающийся жест головой.

Буквально через мгновение немец уже потерял ко мне всякий интерес. Я его даже отчасти понимал. Наверняка это место служило чем-то вроде альтернативы армейской «губы», куда ссылали провинившихся солдат. Конечно, сильно истинного арийца не мучали. Вот тебе и чай, и сладенькое, и даже телевизор, показывающий потных и уставших футболистов. Но ведь в бараке же! Да и в каком, доверху забитом недочеловеками. Для представителя стержневой нации, я гарантирую, это было отвратительным и муторным испытанием, равным по неприятности только мытью солдатских нужников.

Видя, что охранник, он же вахтёр, он же надзиратель, всецело поглощён футбольным матчем, я хотел было тут же развернуться и отправиться по своим делам, но ради при-

личия заглянул-таки на своё казённое шестьсот третье место. Честно сказать, обстановка не впечатляла. Потные, кишасшие вшами оборванцы, одетые в тряпье и дырявые валенки. Смрад немытых тел, гноя и испражнений не просто витал в воздухе, он в нём буквально стоял, так как, ясное дело, о вентиляции никто и не подумал озаботиться. Несмотря на всю антисанитарию, я всё-таки нашёл в себе силы дойти до нужной мне койки, кинуть печальный взгляд на нестиранный, в жёлтых разводах и клоповых яйцах матрас и решить, что я лучше попаду в лапы СС, чем проведу здесь ещё хотя бы полчаса. Умереть от пули в затылок, мне представлялось более приятным, чем от холеры.

Бросив на прощание не обратившему на меня внимание немцу что-то типа: «Работу искать, герр начальник», – я оказался на улице. Новая Москва пахла бетоном, палёной резиной и железом, но этот суровый урбанистический запах показался мне во сто крат милее, чем смрад разложения и увядания, царивший в бараке. Привалившись спиной к его деревянной стене, я достал из глубокого кармана штанов самокрутку из махорки и, лихо подпалив от ногтя, с удовольствием затянулся. В последнее время, а точнее, после того, как я пересёк границу рейхскомиссариата, с табаком у меня были большие проблемы, но Леонид и его кооператив снабдили меня достаточным количеством курева, так до весь свой путь до Москвы я дымил, словно паровоз, пребывая на седьмом небе от счастья.

Спрятав лицо за облачками махорчатого дыма, я старательно размышлял. Передо мной стояла достаточно нетривиальная задача: добраться до центра Москвы, миновав при этом армейские и полицейские патрули, а также избежав бдительного взора сознательных немецких граждан. Мы с Алеутовым при планировании операции не учли то, что Москва разделена на славянские и немецкие районы. Это, безусловно, создавало дополнительные проблемы, но мой начальник, бывший советский комиссар, привыкший готовиться к худшему, в первую очередь разрабатывал тот сценарий, при котором в город меня вообще не пустят. В таком случае, в Москву мне бы пришлось пробираться тайно. А для таких целей человечество не придумало ничего удобнее подземных переходов.

Я до сих пор не понимаю, каким образом в руки Алеутову попала та схема. Собственно говоря, он и сам не знал. Просто как-то раз, по его словам, перебирая очередную стопку государственной документации, мегатонны которой достались Чёрной Армии в наследство от Советского Союза, он заметил старую, пожелтевшую, но всё ещё читаемую схематичную карту. А он со всей свойственной ему прижимистостью спрятал её до лучших дней. Авось пригодится. И она пригодилась.

Именно её я зазубривал до ряби в глазах. Именно над ней сидел бессонными ночами, готовясь к своему полугодовому походу. И именно она поможет мне избежать очень многих

неприятностей.

Карта старых подземных правительственных коммуникаций, раскинувших свою паутину под всей Москвой и носящих название «Метро-2». Карта, чьи тонкие линии снова и снова огненными нитями возникали в моём мозгу весь тот долгий путь, что я проделал.

Оттолкнувшись спиной от хлипкой стены, сколоченной из грязных досок, я бросил окурок под ноги. Нужно было начинать действовать. После одиннадцати, я был в этом уверен, улицы начнут кишмя кишеть патрулями, а потому мне нужно закончить все свои дела до наступления темноты. Времени у меня, конечно, было ещё предостаточно, но всё равно, действовать нужно было как можно быстрее.

* * *

Шаг. Ещё шаг. Гулкому удару подошвы о старые, наполовину сгнившие шпалы вторят бесконечные капли воды, падающие с влажного потолка тоннеля. Я неторопливо иду по старым железнодорожным путям, иногда оступаясь и проваливаясь по щиколотку в холодную и грязную воду. Мои руки обжигает горяченный свечной огарок, который я вынужден то и дело перекладывать из одной ладони в другую. Он, как и его братья-близнецы, небольшой кучкой болтающиеся в холщовой котомке, которую я подвязал на поясе, были куплены в захолустной лавке минут за пять до спуска под землю. Там

же была приобретена троица спичечных коробков и небольшой перочинный ножик, настолько маленький, чтобы даже дотошные и осторожные немцы не посчитали его за оружие.

По моим внутренним ощущениям, я находился сейчас где-то под старым, уже двадцать лет как заброшенным Курским вокзалом. Принимая во внимание ещё пару развилок, идти мне оставалось ещё около часа. Притом, готов поспорить, это будет не самый приятный час в моей жизни. На моих ногах уже давно не ночевали добротные армейские сапоги, сделанные для нужд Чёрной Армии, а потому ступни неприятно и мокро шлёпали, стараясь избавиться от литров воды, затекших в мою дрянную обувь. Ко всему этому добавлялась ещё почти полная слепота, едва ли разбавляемая тусклым светом свечи.

А ещё... ещё мерзкое ощущение, будто чьи-то внимательные глаза сверлят мой позвоночный хребет.

Это чувство – самое страшное. Самое душное, рвущее горло стальными когтями. Я специально проверял, есть ли за мной хвост, петлял переулками, обходил нужные мне районы по широкой дуге, даже сам один раз едва не потерялся среди узких, заброшенных московских улочек. Тех самых, до которых не дотянулись руки немецких строителей, и чьё лицо ещё не обезображено ни бруталистской немецкой архитектурой, ни трущобами, которые развели мои оскотинившиеся соотечественники. Тем не менее, ощущение взгляда в спину не исчезало. В конце концов, я решил, что это ни к ме-

сту разыгралась присущая любому разведчику паранойя, а посему, в последний раз оглянувшись и не заметив скрытых наблюдателей, сделал ещё одну попытку прорваться под землю. Пятую по счёту. Которая, к счастью, оказалась успешной.

Дело всё в том, что система «Метро-2» была тесно связана с обыкновенным московским метрополитеном, заброшенным сразу после оккупации города. Немцы им и подавно не пользовались, предпочитая передвигаться по усохшей Москве с помощью наземных видов транспорта. Тем более, к этому располагала и демографическая ситуация, в виде населения, уменьшившегося до менее чем миллиона немцев. Славян же никто не считал. Московское метро закрыли за ненадобностью, так что попасть в него было той ещё задачей. Некоторые входы были завалены обрушившимися кусками бетона, некоторые – специально заварены, однако же я справился.

Я резко остановился и крутанулся на сто восемьдесят градусов, надеясь всё-таки уловить хотя бы тень движения моего неведомого преследователя. Ничего. Всего лишь тёмная пустота заброшенного подземного тоннеля. На всякий случай я достаю ещё одну свечу из своих запасов и запаливаю её об обжигающий огарок. Вокруг меня становится чуть светлее, но не настолько, чтобы я смог обнаружить невидимого врага. Конечно, если этот враг не плод моего воображения.

Постояв пару минут, пристально вглядываясь в темноту,

я продолжил свой путь. Кусок почти расплавившегося воска адски жёг левую руку. Мгновение поколебавшись, я с руганью бросил его себе под ноги. Громко зашипев, огарок немного поболтался на поверхности воды, а затем моментально пошёл ко дну, растворившись в талом ручейке и бетонной пыли, поднятой со дна. В подземке сразу стало чуть темнее.

Через минут двадцать ходьбы я нашёл то, что так долго искал. Станцию, наверняка находящуюся где-то под старым советским госучреждением, которое было необходимо эвакуировать одним из первых. Хотя уровень воды и поднялся, из-за чего я вымок до колен, но до перрона она не доходила, так что я спокойно подтянулся на руках и с блаженством растянулся на холодном и пыльном мраморе. Конечно, вкупе с мокрыми ногами я рисковал получить что-то совсем неприятное, типа отмороженных почек или воспаления лёгких, но в данный момент мне было как-то всё равно. Я порядком устал, аккуратно бредя по полузатопленному тоннелю, старательно при этом высматривая в мутной воде хлипкие гнилые шпалы, чтобы, не дай Бог, не провалиться между ними и не сломать к чертям собачьим ногу. Этот идиотский поход так сильно меня вымотал, что кровавый кашель или боль при мочеиспускании – последнее, о чём я волновался.

Откуда-то справа послышался тонкий крысиный писк. Приподняв свечу, я посмотрел в ту сторону, откуда он доносился. Крупный, но худой серый пасюк, встав на задние

лапки, внимательно и удивлённо разглядывал меня своими чёрными бусинками глаз. В конце концов, решился подойти. Подполз к раскрытой ладони, лежащей в толстом слое пыли, принюхался. Мне пришлось чуть-чуть дернуть разжатыми пальцами, прежде чем любознательный зверёк отпрыгнул и, припав мордашкой к земле, отчаянно зашипел. Я не стал его больше пугать. Немного успокоившись, крысёк кинул на меня прощальный, полный опаски взгляд и скрылся в темноте. Я же, стянув сапоги, принялся разматывать промокшие портянки. Ноги стоило хоть чуть-чуть просушить, а тряпки – выжать. Не Бог весть что, конечно, но всё же...

Уперевшись пятками в холодный, гранитный пол перрона и разложив бесформенную серую массу тряпья, я вдруг понял, что неприятное ощущение чужого взгляда исчезло. На его место пришло чувство чего-то нового и заветного, до остроты щекочущего нос. Такое обычно бывает перед осознанием собственной победы. Господи, Боже, я ведь действительно не верил, что дойду. Мне и сейчас не до конца верится, я не испытываю того восторга, которого должен, которого мог бы... Наверное, это потому что дело ещё далеко от завершения. Моя личная война и не думает заканчиваться. Рыцарь успешно преодолел все преграды на пути к дракону: разогнал разбойников, переправился через горную реку, справился с несварением желудка. Лишь для того, чтобы понять, что настоящая схватка только-только начинается. Чешуйчатая тварь будет бить хвостом и жечь огнём, а у

него, у храброго воина, есть в распоряжении лишь щит и меч. Всего лишь пару десятков сантиметров стали, разделяющие его и ласковое касание смерти. Но ведь не всегда получается так, как задумывалось? Ведь успела же Василиса Премудрая поменять бочонки с живой и мёртвой водой местами? Ведь трещал же когда-то лёд под тяжёлыми, вооружёнными до зубов и закованными в латы рыцарями? Почему бы тому же льду не треснуть сейчас, прямо под ногами потомков тех самых крестоносцев: эсэсовских майоров и оберфюреров?

Безусловно, сейчас кажется, будто дракона не победить. И он действительно окажется непобеждённым и безнаказанным, если не сделать первого, самого важного замаха мечом.

Я протянул руку, ещё помнящую прикосновение влажного крысиного носа, и ухватил портянки, лежащие чуть в стороне. Всё такие же мокрые. Впрочем, чего я ожидал?

Продлавшего долгий путь, от первой полоски крови, что обагрит сухое ристалище, бородатого рыцаря отделяли всего лишь какие-то полчаса ходьбы. Ну, и насквозь мокрые сапоги, конечно.

И через те самые полчаса я начинал уже тихо, но всё равно в голос материться. То, что раньше мне казалось «всего лишь», медленно перетекло в «целых». Ближе к Лубянке вода поднялась аж до пояса, из-за чего мне пришлось закинуть котомку на плечо, чтобы не промочить её содержимое, и тихо звереть от боли, которой отдавала мне в левую ладонь горячая свеча. Переложить её я не мог, так как правая рука

была занята тем, что не давала соскользнуть непослушному мешку. Конечно, моё продвижение сильно замедлилось. Пару раз нога соскальзывала с мокрых и склизких шпал, отчего я оказывался по бороду в воде, вытаскивал застрявшую предательницу из импровизированного капкана и с руганью продолжал движение. Тем не менее, мои скромные монетки остались всё в той же сухости, а драгоценные свечи я ни разу не уронил в воду.

К Лубянке я подошёл мокрый и злой.

На месте бывшего управления ОГПУ меня встретила мёртвая и мрачная станция, брат-близнец той, где я отдыхал час назад. Правда, грызунов на ней было больше. Аж две штуки тёмными мохнатыми тенями копошились где-то в углу, старательно роясь носами под крошкой керамической плитки, что кусками отваливалась от стены. На меня они не обратили никакого внимания. Я же, утопив в подземной стоячей речке небольшой огрызок свечи, сунул в прохладную воду обожжённую руку, стараясь слегка унять боль. Зажигать ещё одну я не спешил, их запас не бесконечен и его стоило экономить, а мне, помимо обратной дороги предстояло долгое блуждание по пыльным архивам советской разведки.

Ещё минут десять я провёл в полусидячем положении, оперевшись на стену и вытянув уставшие и разутые ноги. Ботинки промокли до такой степени, что больше их было носить нельзя. Они с достоинством выполнили поставленную задачу, довели меня почти от самого Нижнего Новгорода аж

до Москвы. До Киева, правда, их не хватило, но всё равно, ими я оказался доволен. Жаль, что срок жизни их истекает прямо здесь. Оставляю так, крысам на гнёзда.

Грызуны, кстати, так и не обратили на меня внимания.

Закончив отдыхать, я порвал свою запасную рубашку, которую также тащил в котомке, на портянки, обтёр ноги, а затем обмотал их снова, чтобы хоть как-то согреть. Ботинки я бросил, и поэтому теперь вынужден был внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не наступить на битое стекло или ещё какую-нибудь неприятную гадость. Достав из котомки ещё одну свечу, я мимолётом заглянул вглубь мешка (на его дне болталось ещё штук семь), а затем с одной спички запалил восковой цилиндрик. Мне предстоял долгий день. А может даже и несколько.

Дверь я открыл легко. Это была старая задвижка тёмно-зелёного цвета с огромным открывающим колесом, напоминающим штурвал старинного корабля. Несмотря на время, проведённое с того момента, как это монументальное сооружение приходило в движение (а я сомневаюсь, был ли вообще такой момент), поддалась дверь легко. Чуть-чуть поскрипела, когда я, провернув тот самый штурвал, навалился на неё всем телом, но поддалась. Я оказался на самых нижних уровнях Лубянки.

Перед моим взглядом открылся длинный и узкий коридор грязно-бежевого цвета. Стены его были через равные промежутки усеянными массивными полуовальными лампа-

ми в решётчатых ободах. Связывались они суровыми в палец толщины чёрными проводами, по которым давным-давно не тёк ток. Слева от входа в стене на уровне пояса виднелась маленькая серенькая дверь, ведущая, очевидно, куда-то в техническое помещение. Именно так выглядел план «Б» для старых советских бонз. Длинный слепой коридор и маленькая дверь. Ставлю свою любимую винтовку против рейхсмарки, что дальше мне встретятся и пулемётные точки, и подземные арсеналы, и многоуровневые системы защиты, способные выдержать даже ядерный удар, о возможности которого в то время даже не подозревали. И всё это вкуче с целой железной дорогой и скоростными составами, готовыми увезти своих высокопоставленных пассажиров как можно дальше от огненного фронта войны. Абсолютный путь к спасению, которым так никто и не сумел воспользоваться. Более чем наглядный памятник всей советской эпохе.

Первый контрольно-пропускной пункт я встретил сразу после того, как прошёл коридор насквозь. Он действительно оказался очень длинным и пустым. По нему наверняка предполагалось или бежать, или идти очень торопливым шагом, не обращая внимания на такие мелочи, как повороты и проверка документов. А вот место, куда я вышел, было одним из тех самых дотошных и кровососущих помещений, так ненавидимых всеми разведчиками мира. Широкая будка с арсеналом, проводным телефоном и оборудованная собственным пулемётным гнездом. Солидное помещение. Готов спо-

ритель, что оно вполне могло, если бы довелась такая возможность, выдержать прямой штурм. Последняя линия обороны, отчаянный арьергард, призванный задержать погоню настолько, насколько это было возможно. Правда, этому КПП так и не удалось послужить по прямому назначению. Пулемёт, который, очевидно, должен был устанавливаться на станок, отсутствовал, наверняка прихваченный одним из бойцов генерала Ефремова, который до последней капли крови дрался в окружённой Москве. Половина арсенала, который в лучшие времена комплектовался десятком винтовок Мосина, теперь располагал лишь тремя экземплярами, чудом не попавшими в руки солдат. Никаких скелетов, трупов и не до конца разложившихся мумий. Всё чисто и стерильно. Если бы не толстый слой пыли, легко можно было бы спутать с больничной палатой.

Зато в помещении были сапоги. Были они, правда, достаточно специфические, от комплекта ОЗК[1], две штуки которого обнаружили в крепком металлическом шкафу, стоящем сразу напротив пулемётной точки но, тем не менее, они были. Одна пара даже оказалась мне почти впору. Что может быть лучше добротных армейских сапог после изнуряющей пытки мокрыми ботинками? Только секретные документы, обнаруженные на месте журнала посещений, обязательного атрибута таких помещений.

Правда, в этот раз моя удача дала сбой. На месте журнала оказался именно журнал, ни больше, ни меньше. Из него я,

например, узнал, что двадцать второго марта одна тысяча девятьсот тридцать девятого года старший механик Иван Фёдорович Новосёлов с номером допуска двадцать два проводил плановые технические работы по обслуживанию оборудования станции подземного комплекса «Метро-2». Полезного ничего там не было. Впрочем, я не собирался устанавливать жизненный путь верхушки ОГПУ. Особенно, если он и так известен. Генрих Ягода, последний народный комиссар внутренних дел СССР нашёл свою бесславную кончину в каком-то овраге под Чебоксарами, расстрелянный, как и почти всё тогдашнее советское правительство, по приказу Жукова. Эвакуировался из Москвы он, кстати, вполне стандартным способом. Зато, в той же тумбочке, где лежал журнал, я нашёл небольшой фонарик с динамо-машиной, чему несказанно обрадовался. Немного потрещав, сжигая давнюю налипшую пыль, фонарик выдал хоть и тусклый, но достаточно широкий луч света. С ним моя задача сильно облегчалась.

Продолжая без остановки жать на рычаг, вырабатывая электричество, я резко открыл дверь КПП, которая, в отличие от своего более массивного собрата, издала жуткий и мерзкий скрип. Окинув последним взглядом помещение, подарившее мне драгоценные сапоги и фонарь, я отправился дальше, прямо к металлической винтовой лестнице, ведущей на верхние уровни. Винтовку, несмотря на всё страстное желание, брать не стал. Патронов к ней я так и не смог обнаружить.

Зря. Всё зря. Весь мой путь, все грязные канализационные воды Казани, все побеги от эсэсовцев, леденящее душу тупое равнодушие Ижевска, перестроенная, разделённая на районы Москва, отросшая в целях конспирации борода – всё это оказалось бесполезным. Здесь ничего нет, ничего, кроме пыльных бумаг и старой памяти.

Я обошёл весь подземный архив. Я побывал на самых верхних уровнях, тех самых, над которыми лежали сровнённые с землёй руины здания ОГПУ с запечатанными немцами входами. Я видел сожженные пожаром, что устроили здесь солдаты Ефремова, старавшиеся скрыть хоть какую-то часть гостайны, административные помещения. Видел заваленные трупами лестницы, ведущие к поверхности. Красноармейцы сражались до последнего, зажимаемые с двух сторон тисками: снаружи – шквальным огнём немецких пулемётов, изнутри – ревушим пламенем пожара.

Я перерыл всё. Длинные ряды одинаково тяжёлых тёмно-зелёных ящичков, выдвигаемых с полок с жутким грохотом. Финансовые отчёты, секретные донесения от всех компартий мира, доклады по внутреннему состоянию ВКП(б)[2], выполненные приказы, закрытые дела, горы, горы, горы старой, ветхой, жёлтой бумаги. И ничего. Пусто. Тех самых документов, за которыми я проделал столь долгий путь

от Урала до Москвы, их нет. Может быть, они были в тех немногих ящиках, до которых добрался огонь. Может быть – были в руках неизвестного мне чекиста, убитого где-то под Архангельском при попытке морем удрать в Америку. А может быть, их держал в своём личном планшете генерал Конов, которого раз и навсегда забрал у нас всепожирающий ядерный взрыв. Я не знаю. Я просто не могу знать.

Я не узнал фамилию того самого неуловимого шпиона. Не узнал его должность, его задачи, занимаемое им положение на момент разрыва связи, не узнал его позывного. Я даже не установил, жив ли он вообще. Полный крах, полный провал. Полугодовое напряжение сил, долгий путь, почти неделя под землёй, и ради чего? Ради пустого пшика и фонарика с динамо-машиной?

Тем не менее, я не сдавался. Я продолжал вновь и вновь обыскивать помещение за помещением, рылся даже по карманам мёртвых красноармейцев. Вскрыл запасы местной столовой, найдя кучу банок с ещё съедобной тушёнкой. Аккуратно растопил старую буржуйку, заткнув трубу, чтобы дым не дай Бог не поднялся над давно заброшенным зданием, из-за чего вся комната, в которой проводился этот незамысловатый кулинарный эксперимент, превратилась в настоящую душегубку. Тем не менее, воду я всё-таки вскипятил. Спал на импровизированной лежанке, которую собрал себе из старых документов и чекистской формы.

Но даже мои ночёвки не могли ничего изменить. Бумаг

здесь не было. Просто-напросто не было. Поэтому, на седьмой день моего пребывания в здании (а точнее, в подземной его части, не тронутой немцами) ОГПУ, я ещё раз перерыл архив, чтобы уж точно удостовериться в отсутствии необходимых документов и начал спускаться обратно в «Метро». Пора было возвращаться.

* * *

Взяли меня, когда я вышел к станции. Я понуро выбирался из того самого длинного и грязного коридора, уныло светя перед собой фонариком, когда на мой затылок обрушился удар по-настоящему богатырской силы. К счастью, нас в «Стальной руке» готовили и к такому повороту событий, так что я, несмотря на глухую боль, тянущую меня куда-то в провал забытья, резко развернулся и сделал чёткую, по всем правилам подсечку. Услышав громкий топот за спиной, я тут же размашисто ткнул туда фонариком, разбив стекло, защищающее саму лампочку. Жуткий вой порезанного лица дал мне понять, что я всё же попал.

Голова раскалывалась от неопишуемой боли. Я не видел и не понимал, кто мои враги. Доверяться разуму в такой момент было критически опасно, а поэтому в ход пошло тренированное до рефлексов тело. Полностью поддавшись звериным инстинктам, я крутился в жутком танце боя, в полной темноте, окружённый со всех сторон врагами. То с од-

ной стороны, то с другой доносились крики боли и влажный хруст, если мои удары оказывались особенно удачными.

А потом мне неожиданно дали по ногам. С такой силой, что подкосились колени. Следом на лежачего меня посыпался натуральный град ударов: по печени, голове, спине и почкам. Я смог лишь сжаться в комок, изредка отбрыкиваясь всё более тяжёлой и тяжёлой ногой и стараясь защитить голову.

Потом я уже ничего не помнил.

* * *

– Имя, фамилия?..

Ровный голос. Русский. Ни капли акцента.

– Григорий Иванович Отрепьев.

– На кого работаешь?

Молчание.

– Я повторю ещё раз. На кого работаешь?

– Моё имя – Григорий Иванович Отрепьев.

Удар. Быстрый, тяжёлый, под дых. Воздух из моих лёгких ментально выходит, заставляя меня беззвучно хватать ртом воздух.

– Моё имя... – сиплю я, едва ко мне возвращается возможность дышать, – Григорий Иванович Отре...

Докончить мне не дают. На моё бедное тело осыпается град ударов. Всё те же избитые печень, почки, лёгкие, солнечное сплетение. Бьют меня жёстко и достаточно долго. До

тех пор, пока я, наконец, не начинаю кашлять кровью.

– Цели операции?

В ушах нестерпимо звенит. Но я всё равно слышу тот же самый ровный голос. Русский, что самое страшное.

Голос принадлежит коротко стриженному мужчине, в серой форме цвета фельдграу. Той самой, в которой немцы пришли на нашу землю в сорок первом. Он, как и ещё трое ему подобных, держат меня, привязанного к хлипкому казённому стулу, в тёмной и просторной комнате. Рядом со мной стоит крепкий железный стол с набором страшных для любого подпольщика инструментов, чуть поодаль невзрачного вида чинуша, склонившись над печатной машинкой, готовится записывать мои показания. Белым, ярким, режущим глаза светом горит лампочка Ильича, висящая без обода на длинном шнурке.

Дракон, дракон, дракон... чешуя и хвост. Славный рыцарь забыл, что его главный враг – не легендарный и опасный зверь, ждущий в неприступной пещере, а рыцари-предатели, рыцари-раубриттеры, засевшие в лесном овраге на пути к логову крылатого ящера. Копии его самого, «славные» воины, кривым отражением глядящие на него из зеркала. Кто знает, будь отец его чуть менее строгим, а мать менее любящей – он, сегодняшней рыцарь без страха и упрёка, сейчас бы сидел в том же самом овраге и точно также пытал пламенного идеалиста, случайно попавшего прямо в раскрытый капкан.

– Я повторю в последний раз, – безразлично сказал тот

самый коротко стриженный, что вёл допрос с самого его начала, – и в этот раз тебе стоит подумать над своим ответом получше. Я спрашиваю: на кого ты, дрянь, работаешь, и с какой целью проник в архив ОГПУ?

– Меня зовут...

Быстрый удар по челюсти прервал мою короткую мантру.

– Значит поступим по-плохому.

А потом на землю сошёл ад.

Я потерял счёт времени. Я потерял счёт вопросам. Я потерял зрение, обоняние, слух. Весь мир для меня сузился в одну узкую горячую полосу, то и дело разливающуюся по всему телу волнами боли. Боль, боль и ещё раз боль, только она имела значение, только она для меня была реальна. Она и ещё моя мантра, в которой я как заведённый повторял своё имя, фамилию и отчество. Три самых главных слова, в которых скрывался весь смысл моей нынешней жизни. Три главных слова, тянувшие за собой ещё одну троицу.

Петля. Я молился, безмолвно взывал к небесам, духам, Богу и любой высшей силе, которая могла бы меня услышать. Пусть они не смогут, пусть они не успеют отобрать у меня мою петлю, моё вечное забытие, куда я уйду раньше, чем из моего рта вырвется что-либо кроме имени собственного. Просто потому что есть ещё одно слово.

Лица. Самые разные. Живые и мёртвые, близкие и далёкие, знакомые до мельчайших морщинок, родинок и ямочек и совсем мне неизвестные, оставшиеся в памяти лишь су-

мрачными мазками художника-самоучки. Лица Ани, Артёма, Алеутова, Жукова. Мать и отец, замученные в бесчисленных концлагерях. Пришло ко мне и лицо Конева, старым, грубым и угловатым армейским наброском воспоминаний. Я совсем забыл, как он выглядит. А может быть, это радиоактивное излучение стёрло из памяти его образ? Как жаль, что оно не сможет стереть ещё больше.

Слова. Много слов. Связанных воедино логическими цепочками, чувством долга, необходимостью и диким гулом реактивных двигателей, за которым обычно следует свистящий град бомб. Ни одно слово не сорвётся с моих губ. Ни одно, до тех пор, пока я помню все эти лица. И, поэтому, я рвусь, тянусь изо всех сил к своей любимой петле. В ней моё спасение. В ней спасение тех, кого я люблю, тех, кто мне дорог и тех, кого я не могу предать. Я знаю, Бог не жалуется на самоубийц, но ведь Бог и есть любовь? Что, если ради любви сотен и тысяч нужно сунуть голову в петлю лишь одному? Разве не для этого ты послал на землю своего единственного сына, Господи? Один ради миллионов и миллионов других?

Я чувствую её. Мысленно тянусь к ней, медленно надеваю на шею. Я чувствую, как жёсткая и грубая верёвка стягивается у меня на горле болью от сломанных молотком пальцев. Чувствую, как затягивается петля горячим огоньком сигареты, затушенным об мой левый глаз.

И наконец, когда небытие последней, невыносимой и желанной волной растекается по моему измученному телу, я

нахожу в себе силы в последний раз открыть единственный оставшийся глаз. Ещё одно лицо. Старческое, древнее, равнодушное. Тоже до боли знакомое, но я не могу вспомнить его обладателя, хоть убей не могу.

И наконец, три последних слова срываются с моих триумфальных губ:

– Труссы, вруны и шлюхи, – напоследок улыбаясь недосчитавшимся зубов ртом, произношу я, глядя в смазанное лицо своих мучителей.

Вот и всё.

Камо грядеши.

* * *

Я никогда не был на море. Помню, однажды, во время учений, уже после того, как меня взяли в «Стальную руку», мы с моим отрядом поднялись на одну не очень высокую гору, на севере территорий, подконтрольных Чёрной Армии. Там, через тонкую границу между рейхскомиссариатом и Новосибирской республикой, было видно бесконечное и ледяное северное море. Я тогда остановился на небольшом пологом склоне и внимательно его разглядывал несколько минут к ряду, упрямо стряхивая снег, налипавший на толстые, защитные очки.

Но это было не то море.

Это был огромная, бесконечная водная гладь, чьё безмя-

тежное спокойствие не нарушалось ни ветром, ни беспокойными волнами. Наверное, таким оно бывает на юге, возле крымских берегов, окроплённых кровью бесчисленных поколений и потерянных для моего народа. От края до края, от заката и до рассвета, до всего необъятного горизонта именно это море было хозяином всей земной тверди. Но только лишь земной, дальше его владения заканчивались.

Потому что в небе господствовали птицы.

Огромная громкая чёрная стая, гулко хлопающая крыльями, застилала почти всё необъятное пространство небосвода, закрывая своей массой солнечный свет. Изредка отдельные её представители с гулким карканьем пикировали вниз, к бесконечному морю, будто бы выискивая добычу. Раз за разом возвращаясь ни с чем, вороны всё внимательнее и внимательнее посматривали на меня, распластавшегося на бесконечной плоскости воды, постепенно скапливаясь вокруг моего распростёртого на воде тела, и сбиваясь в засасывающий чёрный водоворот.

Я знал, что будет дальше. Рано или поздно та птица, что окажется смелее или голоднее остальных, попробует на вкус и меня. И более того, ей понравится. В тот момент мной займётся вся стая. Хлопая своими огромными, чёрными крыльями, они будут раз за разом, день за днём терзать мою плоть, пока не растащат всё, даже бледные, обглоданные кости.

И что самое страшное, я знал, как от них спастись.

Выход был близко, совсем рядом. Стоило лишь приложить немного усилий, взмахнуть руками и уйти под воду. Навсегда скрывшись в толщах безмолвного и спокойного океана. Я знал, что птицам туда хода нет. Они до одури, до безумия, до дрожи в их тонких, невесомых костях боятся вод времён. Они не сунутся за мной.

Правда и я больше никогда не смогу всплыть. Никогда больше не увижу солнца, пусть даже и заслонённого бесконечной стаей. Не почувствую человеческого тепла, а с моих синих губ утопленника не сорвётся ни одного звука. Зато там не будет боли. Там вообще ничего не будет. И я знал, что рано или поздно мне придётся пойти ко дну.

Больше я не выдержу. Это выше человеческих сил.

– Ты боишься, так ведь?

Я с трудом поворачиваю голову. Чуть поодаль от меня стоит небольшой деревянный бортик из тёмно-коричневого дерева. Секунду назад его здесь не было.

Голос принадлежал бестелесному силуэту лёгкого голубого цвета, стоявшему на носу лодки. Само судёнышко было доверху набито лежащими вповалку людьми в военной форме. На сам силуэт, как, впрочем, и на меня они не обращали никакого внимания, продолжая либо подставлять недвижные лица чёрному от птиц небу, либо зарываясь ими в жёсткие и грязные доски.

Я не сразу понял, что все они мёртвые.

– Нет, – ответил я силуэту, больше всего напоминавшего

мальчика лет десяти, – я не боюсь. Я просто устал.

– А разве, есть разница? – удивлённо спросил мальчик. – Ты опускаешь руки: от страха ли, от бессилия – неважно. Это всё равно слабость. Та, самая страшная слабость, из-за которой когда-то погибли миллионы.

– Я не хочу видеть этих птиц, – устало ответил я, глядя в небо.

– Это страх. Всё равно, что страх.

– Значит, я боюсь.

На несколько минут между нами повисла немая тишина. Птицы спускались всё ниже.

– Они приближаются, – задумчиво произнёс мальчик, – время решаться.

– Решаться на что?

– Что ты будешь делать дальше, конечно же. Можно, как ты и планировал, спуститься под воду, сбежать от боли и страха и окончательно раствориться в вечности, бросив всех и вся. А можно остаться на плаву.

– Кто ты? – спросил я, обращаясь к призраку.

– Я – тот, кто не родился, – печально ответил мне силуэт ребёнка.

– У тебя есть имя?

– Как имя может быть у того, кто никогда не рождался? – с лёгкой иронией в голосе дал он ответ. – У меня нет ни имени, ни внешности, ни души. Я не знаю, как выглядели мои родители, потому что они тоже не родились. Мой прадед ни-

когда не встретился с моей прабабушкой. Очень сложно любить и делать детей, когда ты выхаркиваешь свои собственные отравленные лёгкие где-то под Чебоксарами. Ещё сложнее, когда ты загибаешься от голода в безнадёжном концлагере, как моя прабабушка.

Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил:

– Мой дед никогда не рождался. Как и мой отец, как и мать. У меня, возможно, была какая-то жизнь, но не в этом месте, не в это время. А всё это из-за слабости тех, кто должен был вести людей к свету и борьбе, а в итоге лишь голосил с трибуны.

Печально повернув ко мне свою полупрозрачную головку, он вынес безжалостный вердикт:

– Ты точно такой же, как они.

А вот теперь мне стало по-настоящему больно.

– Неправда, – слегка по-детски, с обидой в голосе возразил я.

– Правда, – безжалостно оборвал меня ребёнок. – Иначе, как ты можешь, глядя на нерождённых детей говорить о том, как тебе больно, или как ты устал? Как можешь ты, глядя на затерянную среди реки времён лодку, полную мертвецов, говорить о том, что тебе страшно. Особенно, когда день откровений уже близко.

– Тогда, что мне делать?! – срываясь на отчаянный крик, вопрошал я.

На моих глазах лодка потихоньку приходила в движение.

Ни ветер, ни волны не тревожили покой её пассажиров, однако она постепенно начала удаляться от меня. Пока что медленно, но я всё равно заметил.

– Оставаться на плаву, – с улыбкой и теплотой в голосе ответил малец. – Если, конечно, ты – не они.

Мы оба знали, о ком он. Лодка уплывала всё дальше.

– Место, где ты родился, – почти крича, спрашивал я, – оно существует?!

– Возможно, – спокойно ответил мне мальчик, пожав бес-телесными плечами. – Наверное, раз я есть в потоке времени, я где-то был. Может быть – ещё даже и буду. Жди. Скоро ты получишь ответы на все свои вопросы.

Лодка всё продолжала ускоряться и ускоряться, унося вдаль и моего призрачного собеседника, и мёртвые тела моих соотечественников, погибших на полях Последней войны. А может, для них она и не была последней. Возможно, для тех мертвецов, затерянных во времени, она была Великой...

Тем временем, птицы перешли в наступление. Первая из них опустилась на мой плоский живот, который едва-едва торчал над водой, и пребольно клюнула меня в область паха. Через несколько минут почти вся стая разместилась на мне. Клювами и цепкими лапами они разрывали кожу, рвали сухожилия, клевали внутренности. Правда, мне было уже всё равно. Я терпел боль.

Пусть река несёт меня.

[1] Общевоинской Защитный Комплект

[2] Всесоюзная Коммунистическая Партия (большеви-
ков)

Часть III

Глава первая Закат

*«Вновь примирит все тьма, даже алмазы и пепел,
Друг равен врагу в итоге, а итог один.
Два солнца у меня на этом и прошлом свете,
Их вместе с собой укроет горько-сладкий дым».*

**Великогерманский рейх, пригород Столицы Мира
Германии. 20 июня, 1962 год.**

Гейдрих услышал, как скрипнули тормозные колодки автомобиля, паркующегося возле его загородной резиденции. Окно его рабочего кабинета было по обыкновению настежь открыто, так что звуки улицы свободно проникали в просторное, заставленное книжными полками помещение. Рейнхард Гейдрих слышал всё: от мерного стука молотка где-то вдали и до тихого насвистывания рабочего в его саду. Шеф гестапо слышал и контролировал всё. Так, как он и любил.

Тем не менее, белокурый, уже начинающий седеть ээсо-вец не шелохнулся, когда всё в том же саду звонко щёлкнул засов на воротах, открывающий машине путь в сад, в его святая святых. Он не оторвал взгляда от рабочих запи-

сок, заполняемых каллиграфическим почерком с абсолютной аккуратностью. Не отложил ни один из многочисленных докладов, которые он, несмотря на непомерное их число, всё равно прочитывал от первой буквы и до последней. Лишь на миг рука, старательно выводившая на листе бумаге его собственную подпись, позволила себе задержаться как бы в нерешительности, не понимая, что ей делать: то ли продолжать писать, то ли тянуться к наградному «Вальтеру», лежащему в верхнем ящике письменного стола. Всего лишь на миг его жестокая и безжалостная рука, подписавшая тысячи и тысячи смертных приговоров, дрогнула. Дрогнула только для того, чтобы немедленно вернуться к столь необходимой бумажной работе.

Через несколько минут дверь приоткрылась.

– Герр Гейдрих, к вам Георг Вильгельм... – начал было докладывать вкрадчивый и почтительный голос его, Рейнхарда, дворецкого, однако второе лицо в СС резко прервал его.

– Пусть войдёт, – холодным тоном приказал он, прежде чем оторвать, наконец-то, взгляд от аккуратно разложенных по столу бумаг.

Благообразное лицо прислуги тут же исчезло в слегка приоткрытом дверном проёме, лишь для того, чтобы через секунду дверь широко распахнулась, и перед шефом гестапо предстал молодой юноша, лет двадцати от роду. Одет он был в выглаженную и идеально сидящую форму СС. На его молодом лице не было ни той дегенеративной небритости, ко-

торая так бесила Гейдриха в нынешних студентах, увлекающихся травкой и уклоняющихся от службы в армии, ни инфантильной рассеянности во взгляде, которой так страдало молодое поколение немцев, выросшее в овечьем мире и блаженной безопасности. Свежий, собранный, молодой хищник, вытянувшийся по струнке перед старым, но ещё не растерявшим железной хватки жожаком. Выкинувший руку в вековом салюте, идеальный представитель стержневой нации.

Таким был Георг Вильгельм Вальдек-Пирмонт.

Гейдрих ответил на салют слегка пижонски, не вставая.

– Вольно, Георг, – сказал шеф гестапо, лёгким кивком указывая на массивное кресло на противоположной стороне стола. – Садись.

Молодой эсэсовец с благодарностью принял приглашение и медленно опустился на чёрную, податливую кожу.

– Докладывай, – тут же перешёл к сути дела Гейдрих.

– Боюсь, герр Гейдрих, новости не слишком радужные, – смотря прямо в глаза эсэсовцу, начал Георг Вильгельм, – мои надёжные источники, которые ещё ни разу не подводили нас с вами, сообщают, что Геринг, покинув ежегодные учения Люфтваффе, сегодня прибыл в Столицу Мира Германию, для срочного совещания в Фольксхалле с рейхсминистром Геббельсом. О чём они говорили, доподлинно неизвестно, однако из закрытого кабинета, недоступного, к сожалению, для наших подслушивающих устройств, оба вышли в весё-

лом расположении духа, а перед отбытием рейхсмаршала пожали друг другу руки. После этого восемнадцатый авиационный корпус, личная гвардия Геринга, покинул аэродромы близ Бранденбурга и сейчас находится в процессе передислокации на юг, куда-то рядом с итальянской границей.

– Что думаешь по этому поводу? – задал вопрос Гейдрих. Конечно, для ответа не нужно было быть семи пядей во лбу, и шеф гестапо это прекрасно понимал, однако ему хотелось ещё раз проверить своего доверенного агента.

Георг пожал плечами. Это была единственная форма неуставного ответа, которую он себе иногда позволял.

– Вывод напрашивается сам собой, – развивал мысль молодой эсэсовец. – Геринг с Геббельсом пошли на мировую. Как только стало ясно, что без боя рейхсмаршал не готов уступить место приемника фюрера, восемнадцатый корпус постоянно находился в шаговой доступности от столицы. Сейчас же, сразу после совещания, он вдруг отбывает в Альпы, якобы для предотвращения новых итальянских провокаций, которые с недавних пор приобрели регулярный характер. К тому же, рейхсмаршал ещё со времён Великой войны страстный фанат авиации, которая с тридцатых годов, после прихода Адольфа Гитлера к власти, находится полностью в его руках. Оторвать его от учений могло лишь что-то понастоящему судьбоносное. Например, мировое соглашение с рейхсминистром пропаганды, его главным конкурентом в борьбе за власть.

– А что Гиммлер? – не меняя положения, ровным голосом спросил Гейдрих.

– Пока ничего конкретного сказать не могу. Его секретарь, однако, только что доложил, что рейхсфюрер СС заперся у себя в кабинете, с просьбой не отвлекать его от «письма доктору Геббельсу с поздравлениями в связи с окончательным примирением лучших людей рейха». Очевидно, что о совещании ему тоже известно. Ясно также то, что мировая неизбежна, если уже не произошла.

На лице шефа гестапо не отразилось ни одной эмоции, однако внутри у него бушевал самый настоящий пожар. Его хитроумная комбинация летела ко всем чертям! Он связывал большие планы с грядущей гражданской войной, которая неминуемо бы разгорелась между двумя главными претендентами на место фюрера. Мало того, он сам сделал некоторые шаги, для того, чтобы это война из разряда «возможного» перетекла в разряд «неизбежного». Но старый боров Геринг струсил, пошёл на попятную, удовлетворившись, наверняка, своим нынешним хлебным местом рейхсмаршала, которое косолапый Геббельс пообещал ему оставить. Впрочем, ничего удивительного. Расклад сил был явно не в его сторону: за Геринга выступал лишь вермахт, да и то не полностью, партия и народ же был, в основном, на стороне министра пропаганды, сделавшего себе имя своими пламенными речами. Рейнхард, впрочем, надеялся, что жадность в мозгу старого наркомана пересилит здравый смысл, и он хотя бы

попытается. Однако всё пошло наперекосяк. Скорее всего, свою роль в этом событии сыграли участвовавшие провокации на итальянском фронте, показавшие, что немецкая армия уже не столь сильна, как раньше, в отличие от врагов рейха.

Как хорошо, что за годы беспощадной внутривластной грызни Рейнхард Гейдрих приучил себя всегда иметь план «Б». Особенно в таком важном деле, как спасение Отечества. Перемирие Геринга и Геббельса это, конечно, неприятно, но на каждое перемирие найдётся своя радиостанция в Глайвице[1].

– Что-то ещё? – спросил Гейдрих, когда Вальтек-Пирмонт закончил высказывать свои соображения.

– Много мелочи, но ничего сильно интересного, кроме одного. Сегодня, в одиннадцать часов утра, Адольф Гитлер, прогуливаясь в окружении телохранителей по Берлинской оранжерее, споткнулся и расшиб себе лоб. Кровотечение, по словам личного врача, который сообщил это моему агенту, специально интересовавшемуся здоровьем фюрера, остановить удалось только через час.

Гейдрих кивнул. Вождь сдаёт, это всем понятно. Годы берут своё, принося кучу старческих горестей и болячек.

– Помимо этого – небольшое восстание рабов на силезских фабриках. Унтерменьши заперлись на одном из крупновских предприятий, забаррикадировали входы и выходы, однако срочно прибывшая айнзацгруппа быстро с ними

разобралась. Немцев убито пятнадцать человек, в основном охранники и управляющие, потери среди славян никто не считал. Также Альберт Шпеер готовит очередное выступление в Фольксхалле по поводу нового скачка нашего государственного долга. Собирается в который раз сообщить о том, что германская экономика, держащаяся в основном только лишь на рабском труде, похожа на огромный мыльный пузырь, что вот-вот лопнет. Имели место быть очередные провокации на итальянской границе. Видимо, прошлый успех окрылил Чиано, поэтому теперь его войска без конца пробуют наших солдат на прочность. Однако такого позора, как месяц назад, больше не повторяется. Мы подтянули резервы, и итальянцы теперь получают достойный отпор. Активизировались русские. Неоправданно растёт число наших воздушных потерь в районе Урала. Геринг специальным указом приказал снизить частоту налётов, чтобы не подвергать лишней опасности наших лётчиков. Бригада Дирлевангера, пытавшаяся прорваться на территорию русских с целью грабительского рейда, натолкнулась на неожиданно упорное сопротивление, вследствие чего была наполовину обескровлена. Японцы также не сидят без дела. Вчера был обстрелян наш пограничный блокпост в районе побережья Карского моря. Франц Гальдер уже послал туда пару батальонов местных формирований. По словам генерала, нет смысла разбрасываться ценными людьми из-за пустяковой приграничной перестрелки. Пусть гибнут русские.

Гейдрих кивал головой по каждому пункту доклада. Ничего действительно важного, кроме, пожалуй, травмы Гитлера, он не услышал. Его не удивил тот факт, что шакалы, видя раненого льва, начинают потихоньку кружить вокруг него, надеясь урвать свой кусок добычи. Не волновала его и судьба бандитов Оскара Дирлевангера. Человеческие отбросы, убийцы, насильники и психопаты – они, хоть и ходили под эгидой СС, не вызывали у настоящих рыцарей Чёрного Ордена ничего, кроме презрения. Не беспокоила шефа гестапо также и пустая болтовня жидов-технократов, типа Шпеера, жаждущих превратить Великогерманский рейх в жалкое подобие Соединённых Штатов с их трусливым либерализмом, рыночной экономикой и вырожденческой демократией. Конечно, в чём-то старый архитектор прав: немцы действительно разжирили и обрюзгли на спинах своих рабов, однако это не означает, что сам Альберт не сгинет в концлагере, если у Гейдриха появится хоть малейшая возможность его туда отправить.

– На этом всё? – спросил шеф гестапо.

– Так точно, – ответил его юный протеже.

– Тогда вы свободны, Георг.

Вальтек-Пирмонт согласно кивнул, поднялся с кресла, на прощание чётко и резко, как на параде, салютнул и ровным шагом покинул кабинет.

Рейнхард Гейдрих был доволен. Конечно, он и сам был ещё очень даже ничего, ему не исполнилось даже шестиде-

сяти. Однако пройдёт лет десять, и ему нужно будет крепко задуматься над вопросом наследника. Юный Георг Вильгельм подходил как никто другой. Умный, смелый и беспощадный – тот самый идеальный человеческий материал, из которого будет коваться действительно тысячелетний рейх. К тому же, искренне преданный ему, Гейдриху, за то, что когда-то именно шеф гестапо не дал его отцу, потерявшему благосклонность Гиммлера, окончательно вылететь из СС.

Правда, о том, что интриговал против его отца сам Гейдрих, прикрываясь ширмой из Карла Вольфа, молодому эсэсовцу знать совсем необязательно.

* * *

Соединённые Штаты Америки, Вашингтон, округ Колумбия. 21 июня, 1962 год.

Тридцать восьмой президент Соединённых Штатов Джордж Паттон, не так давно переизбранный на второй срок, сидел за столом Овального кабинета, подперев старческое обвисшее лицо кулаком левой ладони. Его угрюмый взгляд, казалось бы, способен расплавить красный пластиковый корпус телефона, стоявшего на столе, однако законы физики даже для президента одной из ведущих стран мира были непреклонны.

Что-то незаметно изменилось для него. Для него, для американцев, для всего мира. Самое страшное, что произошло

это не постепенно, не в связи с рядом экономических и политических причин, а вдруг. Словно, кто-то резко дёрнул за невидимый рычаг или рубильник. Все люди, которых обычно называют интуитами, и к которым относился тридцать восьмой президент США, прекрасно это прочувствовали. И приняли соответствующие меры. Кто-то закупился оружием и провизией, кто-то начал рыть бункер под своим гаражом, а кто-то всеми силами пытался прорваться в нейтральную Мексику, которая не играла в опасные игры сверхдержав.

И только один-единственный, самый могущественный из этих чувствующих людей не знал, что делать.

Когда он, уже старый и заслуженный ветеран Второй Мировой войны впервые баллотировался на место президента от Национальной Американской партии в пятьдесят седьмом, он делал упор именно на оборонительную внешнюю политику, на упорное продолжение борьбы с «коричневой чумой» фашизма и укрепление позиций Америки, как постоянно готовой к бою страны. Однако, что-то поменялось с тех пор. Что-то, что старый вояка не мог понять, отчего старик-генерал дико нервничал. Несмотря на всю его интуицию, его, как и любого военного человека, выводило из себя всякое непонятное и неизвестное, выбивающееся из узких норм устава.

Ясным для старого президента оставалось одно: нужно действовать и действовать быстро. В эпоху перемен, в эпоху сломов и потрясений самая худшая участь ждёт тех, кто

пытается усидеть на месте, обеими руками хватаясь за слабеющий столп старого миропорядка. И всё равно, несмотря на эту аксиому, Паттон продолжал с упорным недоверием смотреть на происходящее.

Казалось бы, вот итальянцы. Фашиствующие ублюдки, чернорубашечки, доставившие столько хлопот американскому корпусу в Африке. Теперь подписывают торговый договор, позволяя американским частным компаниям добывать нефть во владениях саудитов, входящих в сферу влияния Итальянской империи. Порвавшем все старые связи со своими союзниками-немцами «владыкам» Средиземноморья отчаянно нужны были союзники, и за дружбу Америки они были готовы платить любую цену, даже самую высокую и унижительную

С другой стороны русские. Варвары, дикие азиаты, безбожники-коммунисты, некогда угрожающие серпом и молотом всему свободному миру, а затем загнанные немецкими армиями на вершины Уральских гор. Теперь же перекованные в огне их национальной трагедии, задушенные, осаждённые, едва-едва дышащие и, одновременно с этим, отчаянно бомбардирующие Белый Дом запросами о помощи, договорами и планами совместных операций. Безумные фанатики, ведомые старым маршалом Жуковым, жаждущие мести и отмщения. Таких как они называют обычно одержимыми. Правда, президент Паттон прекрасно помнил слова своего отца, который всегда говорил, что лучше быть на стороне

одержимого, чем выступить против него.

Что же, судьба хитро плетёт веретено из невесомых нитей, иронично глядя на суетящихся людишек. Если его Родине ради победы, пусть хотя бы и мимолётной, необходимо объединиться с красными, так тому и быть. Генерал Паттон этот шаг ни за что бы не одобрил, а вот президент Паттон обеими руками за такое развитие событий. В конце концов, чем чёрт не шутит, по донесениям разведки русские уже давным-давно не «красные». Сейчас их было бы правильнее называть «чёрными», что вполне устраивало старого вояку, оккупировавшего президентское кресло.

А ведь помимо русских и итальянцев, к которым президент не питал ни малейшей симпатии, оставалась ещё куча других. Бельгийцы в Африке, британцы на Альбионе и даже французы в Индокитае, продолжающие свою упорную партизанскую борьбу против Японии. Все они активизировались разом, неожиданно, будто что-то почуяв. И ладно бы просто активизировались, но нет, начали просить у Америки топлива, денег и оружия. Цели у них были, конечно же, благородные, но если раздавать каждому нищему по нитке, сам по миру пойдёшь. Так думал президент.

Тяжелые размышления Джорджа Паттона прервал телефонный звонок.

– Слушаю, – попытался грозно гаркнуть он в трубку, но постаревшие голосовые связки его в который раз подвели.

– Господин президент, это МакКоун, – ответила ему теле-

фонная трубка. – В Лэнгли только что поступили сведения, которые могли бы вас заинтересовать.

– Так излагайте, чего вы тянете? – со всей солдатской прямотой ответил президент.

– Только что пришло донесение от «Ворона», сэр. Он докладывает об очередном пограничном конфликте между Японской империей и Великогерманским рейхом на их общей границе на севере России.

– Нацисты сами режут друг друга, это замечательно, – буркнул Паттон, – но что в этом настолько важного, чтобы сообщать мне?

– Важен, господин президент, не сам факт столкновения, а его неожиданный результат. Русские, сэр. Они воспользовались неразберихой и мгновенно захватили узкую полосу земли, отделяющую Чёрную Армию от выхода к морю. «Ворон» также докладывает, что силы и японцев, и немцев в данном регионе слишком незначительны, чтобы адекватно ответить на эту агрессию. Тем более, что игра не стоит свеч. Ничего ценного, кроме старого и давно заброшенного советского порта на той территории нет.

– И что с того?

– Господин президент, «Ворон» докладывает, что русское руководство буквально забросало его просьбами связаться с нами. Им нужна конкретная помощь, которую, по моему мнению, Соединённые Штаты вполне могут оказать. Обращу ваше внимание, что теперь, с выходом Чёрной Армии к

моря, больше нет нужды пользоваться услугами новосибирских контрабандистов и продажных японских дзайбацу. С захватом русскими этого порта стали возможны по-настоящему масштабные поставки в Россию.

– Хорошо, я понимаю, – тяжело вздохнул Паттон. – И чего же эти русские хотят?

– Самолётов, господин президент, – ответили ему на другом конце провода. – В первую очередь они запрашивают самолёты. Чёрная Армия уже двадцать лет страдает от непрерывных авианалётов Люфтваффе, не в состоянии дать адекватный ответ. При наличии у них достаточного количества авиации в регионе, немцы могут забыть про безопасный русский тыл, получив на свою голову ещё один проблемный регион. Также русские запрашивают бронетехнику, новые образцы зенитных установок и военных специалистов...

– О'Кей, я понял, понял, – прервал главу ЦРУ Паттон. – И что вы предлагаете?

– Я предлагаю помочь им. Мы вполне в состоянии наладить поставки. В плане логистики это не сложно, Ледовитый океан на данный момент почти безлюден, а Северный морской путь в полной мере не контролируется ни японцами, ни немцами. Я считаю, это будет правильным шагом. С итальянцами на юге и русскими на востоке мы сможем создать вполне ощутимую угрозу для Германии и поколебать положение рейха, как гегемона в западной части Евразии.

– А где гарантии того, что в ответ Гитлер просто не забро-

сает нас ядерными бомбами? – с сарказмом спросил президент.

– Гарантии те же самые, что и в данный момент. Соединённые Штаты вполне в состоянии ответить на ядерный шантаж, особенно учитывая наше превосходство по количеству ракет.

Президент ненадолго замолчал, обдумывая услышанное.

– Ладно, хорошо, считайте, что вы меня уговорили. Я сейчас же свяжусь с министром обороны и передам ваши соображения, – принял-таки сторону разведчика Джордж Паттон. – Только пусть эти русские не раскатывают губу. Мы поможем им, но не станем перебрасывать всю американскую армию в Сибирь только для того, чтобы защитить их от немецких бомбардировщиков. И атомное оружие они не получат. По крайней мере, при моей жизни.

– Вас понял, господин президент. До свидания.

– До свидания, – ответил Паттон и угрюмо положил трубку.

Дожили. Американская помощь русским. И от кого, от него, от Джорджа Смита Паттона! Этот странный мир явно летел ко всем чертям и, к неудовольствию президента, он совсем не понимал, какая именно шестерёнка в привычном мироустройстве нуждалась в немедленной замене.

Рейхскомиссариат Московия, Приуралье. 16 августа, 1962 год.

Граница будто изменилась.

Лёжа во влажном лесном компосте, состоящем из мягкого мха и небольших куч ещё зелёных августовских листьев, я внимательно наблюдал за фронтовой полосой. Я бывал там десятки, если не сотни раз и, казалось бы, знал всю Линию Карбышева как свои пять пальцев, однако сейчас я чувствовал, что в стройных рядах укреплений что-то поменялось. Новые бункера, ДЗОТ-ы, траншеи и огневые рубежи – это понятное дело, совершенствование Линии не прекращалось никогда, и генерал Карбышев всегда находил возможность улучшить своё любимое детище. Изменился сам дух, само предназначение этой полосы укреплений. Если раньше граница Чёрной Армии была похожа на загнанного в угол зверя, готового драться насмерть, до последнего вздоха, то теперь животное явно возвышалось над своим противником, открыто готовясь к смертельному, плотоядному прыжку. Сейчас я бы сравнил эти укрепления с силой поверхностного натяжения на краю заполненного доверху сосуда. Она – единственное, что сдерживает жидкость от того, чтобы хлынуть неудержимым потоком наружу.

Вот что я видел своим единственным оставшимся глазом.

Цепляясь бородой, отросшей до совсем уже неприличных размеров, за мелкий хворост, валяющийся на земле, я медленно и аккуратно пополз к границе. Гула немецких вертолётов не было слышно, что было хоть и непривычно, но в данный момент времени играло мне на руку. Мне очень не хотелось после всего того долгого пути быть подстреленным на пороге собственного дома. Особенно учитывая тот факт, что в заплечном рюкзаке, который я с таким трудом выторговал пару недель назад в Ижевске, лежало кое-что очень ценное. Некий конверт, с плотно набитыми туда старыми архивными листами.

Всё-таки, когда я почти уже выполз из леса, где-то рядом послышался нарастающий гул. Справедливо решив, что это очередной патрульный вертолёт, я затаился в кустах и принял решение немного обождать.

А заодно и погрузиться в воспоминания.

* * *

Рейхскомиссариат Московия, Москва. Три месяца назад.

Я с трудом смог открыть глаза. Один, левый, болел адски пульсирующей, раскалывающей болью. Правый же, горячий и воспалённый, с лопнувшими капиллярами никак не хотел выпускать меня из объятий небытия и глядеть на яркий свет.

Мне понадобилась минута, прежде чем я наконец-то спра-

вился со свинцовой тяжестью век и понял, что левого глаза у меня больше нет.

Значит, всё это не бред. Не галлюцинация истощённого болью организма, и раскалённый бычок сигареты, с шипением выжигающий мою сетчатку, мне не причудился. Но как тогда быть с призраком мальчика, плывущим по реке времён? Как быть с чёрными птицами, жадно пожиравшими мою плоть? Как быть с грязной и гнилой ладьёй, несущей по бесконечному морю мертвецов? Это тоже сон? Хотя, какой уж тут сон. Уже двадцать лет, как этот кошмар стал реальностью.

Я с усилием приподнялся на кровати, на которой лежал. Грязный, тухлый, вонючий матрас, скрипящие пружины старой койки и пропитавшаяся моим потом жёлтая простыня. Никаких удобств. Впрочем, чего ещё ожидать от тюремной камеры, куда меня определили? Например, грязной дырки санузла, мерзко пахнувшей где-то в углу комнаты. Или узкого решётчатого окна на задней стене под самым потолком.

Но никак не открытой настежь тяжёлой металлической двери.

Именно из распахнутого прямоугольного проёма и сочился яркий свет. Готов поспорить, что электрическая лампочка, породившая его, была старой и очень тусклой. Однако наблюдение даже за таким суррогатом солнечного света было для моих больных глаз невыносимым испытанием. Я, едва сдерживая слёзы и прикрываясь рукой, отвернулся. Впро-

чем, лишь на секунду. Тёмный и низковатый силуэт в тёмном проёме слишком заинтересовал меня, чтобы так легко от него оставить его без внимания.

Силуэт молчал. Одет он был во что-то военное, возможно китель или мундир, с высоко поднятым воротником. Неистово щурясь, я пытался разглядеть его повнимательнее, но ничего путного у меня не получалось. Я достоверно сумел рассмотреть только его фигуру, полноватую и пузатую, столь нехарактерную для обыкновенного обитателя Московии.

Силуэт стоял и молча разглядывал меня, не делая никаких попыток приблизиться или удалиться. Я же, превозмогая жуткую мигрень, вертелся и так, и сяк, стараясь понять, кто же ко мне пожаловал. Спустя пару секунд молчаливого наблюдения за моими потугами, он потянулся за пазуху, достал оттуда что-то прямоугольное и бросил это на пол моей камеры. Раздался глухой шлепок, такой, какой бывает при падении небольшой стопки бумаг на пол.

– Поешь, – полу-приказал, полу-проинформировал меня сухой старческий голос. После чего силуэт развернулся и пошёл прочь.

Его шаги ещё долго разносились эхом по пустынному тюремному коридору. Дверь камеры он так и оставил открытой.

Я же сделал одну, ровно одну попытку дотянуться до бумажного конверта, протянув к нему руку и едва не свалившись с кровати. После этого мой измученный организм решил, что с него хватит, и просто-напросто отключился.

Когда я проснулся через несколько часов, меня стошнило. Не разбирая дороги, я полз на карачках до туалетного очка, оставляя за собой след из кровавой рвоты. Несколько минут меня хорошенько полоскало, организм избавлялся от всех лишних кусков тканей и органов, что мне повредили во время допроса. Всё это время светлый прямоугольник открытой двери тусклой лампочкой бил мне в спину.

Едва только приступ тошноты закончился, я ощутил невероятное чувство голода. Моё бедное тело, истощённое пытками и желудочными судорогами отчаянно просило восполнения столь необходимой ему энергии. Мне не составило труда отыскать стоящую на полу, прямо рядом с брошенным конвертом, тарелку с холодной сельдью, жесткой краюхой хлеба и алюминиевой кружкой, почти доверху заполненной водой. Я даже не заметил, как всё это проглотил, после чего в бессилии упал на пол, раскинув руки. Неимоверно хотелось курить.

Всё это время я оставался в камере совсем один. Незнакомец, чьё появление заставило меня вынырнуть из холодного мрака небытия, больше не появлялся.

Со всей этой заботой о восстановлении хоть какого-то подобия рабочего состояния, я совсем забыл о конверте, что незнакомец так демонстративно мне передал. Едва поднявшись на колени, я ползком подобрался к тонкой бумажной обложке и трясущимися руками надорвал её край. Мне пришлось с этим немного помучаться, голодный и плохо сооб-

ражавший мозг не мог догадаться, с какой стороны вскрыть конверт, чтобы не повредить содержимое. В конце концов, мне это удалось. Внутри лежали сложенные пополам листы. Жёлтые. Официальные. С огромными, выцветшими от неумолимого хода времени печатями. Те самые, которые я искал в здании ОГПУ.

Вместе с ними из живодёрски разорванного конверта на пол вывалился небольшой деревянный квадратик, гулко застучав об грязный бетон, устилающий камеру. С небольшой иконки, изображённой на нём, на меня смотрело грустное лицо Богородицы, застывшее в бесконечном, длинной в тысячи лет плаче. Плачем по всем нам: живым, мёртвым и тем, кто ещё даже не родился. Аккуратно подняв икону с пола, я нащупал непослушными и изломанными пальцами надпись, выцарапанную с задней её части. Перевернув иконку, я едва смог её прочитать, сильно при этом щурясь и буквально с боем вырывая у полумрака кривые буквы. Надпись гласила: «Сим победиши». Старое, всем известное выражение. Сомневаться в его истинности не приходилось. Именно под этим знаком, именно с этими бумагами мы победим.

Потом был долгий путь по длинному тюремному коридору, прерывающийся постоянным остановками, во время которых я отчаянно прижимал к себе бумаги и икону, тихонько молился и переводил дыхание. Было путешествие через ночную Москву, куда меня вывела длинная винтовая лестница, были вздрагивания от каждой тени, были страшные ночные

шорохи и грохот солдатских патрулей где-то вдали. Был изматывающий марш к Нижнему Новгороду, прямо в деревню к Леониду, где меня долго штопали, лечили, повторяя мартовский ритуал, и собирали в обратную дорогу.

Только вот всё это время меня не покидало ощущение, что это не я выбрался из цепких лап немецкого орла. Это меня просто-напросто отпустили. В самый критический момент острые когти птицы просто-напросто разжались, и крылатый хищник отпустил свою законную добычу на все четыре стороны.

И я очень хотел знать причину такого милосердия.

* * *

Рейхскомиссариат Московия, Приуралье. 16 августа, 1962 год.

Гул всё нарастал. Я сильнее вжался в землю и подсунул под живот винтовку, которую я, как и всё остальное моё родное снаряжение, достал из тайника под Ижевском, чтобы блики солнца на её металлических частях не выдали моего местоположения.

Буквально через минуту, я понял, что ошибался в своих предосторожностях. Шум, который я слышал, был не громким хлопаньем вертолётных лопастей, а тяжёлым гулом реактивных самолётов. Мне «повезло» пересекать и так не шибко безопасную границу между рейхскомиссариатом и

Чёрной Армией как раз во время очередного авианалёта. Которого, кстати, быть сегодня не должно было. Немцы летают исключительно по расписанию, такова натура их разжиревших и обленившихся Люфтваффе. Сегодня же четверг, а по четвергам бомбардировок не бывает. Что за бред? Поменяли расписание? Или я ошибся с расчётами?

А это что...

На моих глазах из-за макушек деревьев, закрывающих мне обзор, над Линией Карбышева со свирепым визгом пронесли шесть юрких истребителей. С огромного расстояния они начали поливать немецкую эскадрилью из крупнокалиберных пулемётов, постепенно сокращая дистанцию и выныривая на неповоротливые бомбардировщики снизу, расстреливая их беззащитное брюхо. Четыре немецких самолёта сопровождения попытались дать бой, однако два из них тут же вспыхнули ярким пламенем и горящими обломками понеслись к земле. Основная же группа, чьи ряды всё также постепенно редели, начала беспорядочно разбрасывать бомбы, совершенно не целясь и в панике не разбирая, куда, собственно, попадают снаряды: по своим же позициям или достигают цели.

Опустошив бомболюки, немцы тут же начали разворачиваться и уходить обратно на свои аэродромы. Наши лётчики недолго преследовали их, доведя счёт до шести сбитых самолётов, они также покинули бой, оставив меня совершенно ошалевши наблюдать за происходящим.

Это что вообще сейчас такое было?!

Раньше все налёты отражались только с помощью зенитных батарей, расположенных на Линии Карбышева и в крупных городах. Эффективность таких средств противовоздушной обороны, правда, оставляла желать лучшего, но иногда у нас всё же получалось нанести Люфтваффе ощутимый урон. Однако немцы почти всегда прорывались, и некоторое время после таких налётов люди обязательно занимались тем, что ликвидировали последствия бомбёжек. Авиация у Чёрной Армии, конечно же, была, но в таком малом количестве, что её берегли для по-настоящему чёрных дней. Реактивных же самолётов у нас насчитывалось всего около десятка. Их никогда не поднимали в воздух, исключая редкие учения. Никогда! А что я теперь вижу?! Не просто отражения налёта, а самый натуральный воздушный бой! С применением реактивной авиации! Либо положение дел изменилось с ног на голову, либо я окончательно перестал понимать этот мир.

В любом случае, ответы мне могут дать лишь на другой стороне.

Последний раз оглядевшись и убедившись, что патрулей рядом нет, я по-пластунски пополз через нейтральную полосу, стараясь не издавать лишнего шума. Свою родную винтовку я держал в руке, при каждом движении выставляя её немного вперёд, а мой вещмешок больно колотил чем-то металлическим мне по хребту. Я не обращал на это внимание. До родной стороны оставались считанные метры, поэтому на

удобства мне было сейчас как-то плевать. Тем более, что границу обязательно просматривали с обеих стороны как власовские, так и наши наблюдатели, поэтому, чем дольше я буду задерживаться на открытой, избавленной от мельчайшей растительности и перепаханной снарядами полосе, тем больше шансов, что я не дойду вовсе.

Своих я, к слову, боялся едва ли не больше, чем власовцев. На месте любого адекватного пограничника я бы не раздумывая стрелял на поражение, если бы заметил тёмный силуэт, пересекающий границу с вражеской стороны. Мой единственный шанс состоял в том, чтобы поднять руки в жесте капитуляции раньше, чем солдат, встретивший меня, нажмёт на курок.

Буквально через несколько мгновений после того, как я достиг-таки наших позиций, мои опасения подтвердились. Из-за небольшого бункера, находящегося в двух сотнях метрах от меня, вынырнул армейский патруль, состоявший из троих молодых, лет по двадцать каждый, солдат. Одеты они были, как и подобает, в чёрные длинные шинели с белой звездой на рукаве левой руки. В руках они держали новенькие, но незнакомые мне винтовки, не походившие ни на старые советские образцы, ни на немецкие трофейные. Одна из таких винтовок как раз смотрела своим чёрным дулом прямо мне в грудь.

– Стоять! Руки вверх! – заорал старший из них, судя по всему, ефрейтор и выстрелил воздух, тем самым окончатель-

но перемешав все мыслимые положения устава.

– Да я собственно, никуда и не бегу, – проворчал я, поднимая руки.

– Оружие на землю! – продолжал надрываться ефрейтор.

– Служивый, – обратился я к нему, не опуская рук, – ты уже определись: мне оружие на землю класть или руки вверх поднять...

Быстрый щелчок затвора и короткая очередь, на сей раз под ноги, стала мне ответом.

– Всё понял, – прекратил паясничать я, – сейчас положу.

– Давай-давай клоун, – кивнул мне ефрейтор. – И не дёргайся, а то следующая уже не в землю пойдёт.

– А чего мне дёргаться? – спросил я, аккуратно кладя на пол неглубокой траншеи, на краю которой стоял, вслед за винтовкой и наградной чёрный ГТ. – Я так-то свой.

Обидный смех троих солдат стал мне более чем красноречивым ответом.

– Ты, проститутка, лучше не языком чеши, – сурово рявкнул на меня мигом посерьезневший ефрейтор. – А говори, на кой чёрт сюда полез? Цели операции, стало быть. Скажешь сразу – подохнешь быстро. Будешь артачиться – будут долго и больно пытать. Давай, пока мы тебя до командира доведём, время тебе наподумать. А сейчас руки за спину и пошёл.

Мне оставалось лишь покорно сложить руки за спиной, дать перевязать запястья суровой верёвкой и небыстрым шагом отправиться за впередиидущим ефрейтором. Два остав-

шихся бойцов шли прямо за мной, не спуская при этом с меня своих внимательных глаз. Всё то время, что меня не спеша конвоировали до ближайшего бункера, меня не покидало смутное ощущение дежавю.

Укрепление встретило нашу процессию тёмными бойницами, свирепо глядящими на нас глазками своих крупнокалиберных пулемётов, и узкой укреплённой бетонной лестницей, ведущей прямо к командному пункту. В нём, тесном и душном помещении с болотно-зелёными стенами и огромной радиостанцией, стоявшей прямо на полу, меня уже ждал высокий, но очень худой особист с острыми и хищными чертами лица. Лично я бы никогда такого не взял в разведку. Уж слишком приметная внешность.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он то ли со мной, то ли с ефрейтором, конвоировавшим меня. Стоял особист к нам спиной, что тоже вносило определённую неясность. Мы с солдатом даже переглянулись, а потом хором поздоровались в ответ.

Контрразведчик медленно обернулся и удивлённо посмотрел на нас двоих. На секунду остановил взгляд на солдате, сморщил сухой лоб и произнёс:

– Вы можете быть свободны, ефрейтор.

Только его и видели. Едва успел козырнуть, так пятки сверкали. Что же, его можно понять. Этот непропорциональный и запоминающийся человек действительно внушал чувство необъяснимого хтонического ужаса.

– Присаживайтесь, – попросил особист, указывая рукой на хлипкий деревянный стул, задвинутый за такой же тоненький стол.

Я с удовольствием опустил своё уставшее сидалище, стараясь всё-таки не сильно ёрзать, опасаясь за крепость этого предмета интерьера. Мои руки всё также были стянуты за спиной, из-за чего мне пришлось застыть в немного неудобной позе, перекинув их через спинку стула.

– Ну, как мы с вами поступим? – всё также, ни на йоту не повышая голоса и нависая надо мной всей своей громадой, спросил особист.

Возможно, с настоящим шпионом это и сработало бы, слишком уж карикатурным и символичным был этот персонаж, но не со мной. Не после того, как мне сигаретой выжгли глаз в застенках Московии. Не после того, как я увидел ту страшную ладью, полную мертвецов.

– Как с агентом «Стальной руки», например, – насколько смог, пожал плечами я.

Вытянувшуюся морду особиста надо было видеть.

– Ну знаете ли... я много шпионов видел на своём веку, но такого наглого – в первый раз. Вас задержали при переходе государственной границы, да какой к чёрту границы, прифронтовой полосы, как раз после очередного авианалёта, и вы ещё смеете утверждать, будто являетесь агентом *нашей* разведки?!

– Я не «смею утверждать», как вы выразились, уважаемый

сотрудник Особого отдела, – нахально глядя контрразведчику прямо в глаза, заявил я, – я прямо это утверждаю. Корочки у меня при себе, форма, как видите, тоже. Если соизволите развязать мне руки, я даже документы вам предоставлю...

– Молчать! – резко прервал меня особист впервые за весь допрос, выйдя из себя. – Руки развязать ему, млять... В каком месте у тебя это удостоверение?

– За пазухой, левая сторона.

Особист полез ко мне за пазуху в нарушение всех протоколов допроса, в целях безопасности строго-настрого воспреещающих прикасаться к допрашиваемому, особенно когда сотрудник остаётся с ним наедине. Одним резким движением он нащупал небольшой твёрдый прямоугольник моих документов (настоящих, не тех, которыми я пользовался в Московии) и вынул их на свет Божий. Пробежал по ним глазами.

– Имя, фамилия?

– Отрепьев Григорий Иванович.

– Год рождения?

– Двадцать девятый.

– Место?..

– Село Козлово, Калининская область.

Стандартная проверка, ничего более. Затем особист внимательно взгляделся в моё небритое, изуродованное лицо и ещё раз сверил его с той гладко выбритой и подтянутой моськой, изображённой на документной фотокарточке.

– Не похож.

– Не похож, – спокойно подтвердил я. – Посмотрел бы я на вас, если бы вы были вынуждены полгода скрываться в рейхскомиссариате, не бриться, почти не мыться и терять левый глаз под пытками.

Контрразведчик уважительно хмыкнул, продолжая, тем не менее, всматриваться в моё лицо.

– Вот как мы поступим, господин шпион, – не скрывая своих подозрений, продолжил он. – У меня на стене, – он указал оттопыренным и грязным большим пальцем себе за спину, – висит телефон. Экстренная, «красная» линия, соединяющая меня с главным разведуправлением и лично товарищем Алеутовым. Что если я прямо сейчас сниму трубку и наведу все необходимые справки?

Я, насколько мог, пожал плечами.

– Валяйте.

Особист поднялся со стула и, одним глазом продолжая наблюдать за мной, подошёл к тёмно-коричневому телефонному аппарату. Дёрнул рычаг и приложил трубку к уху. Из-за звенящей тишины, царившей в помещении, я мог слышать тихие гудки.

– Алло, разведуправление? – ему наконец-то ответили. – Говорит капитан Еврухин, Линия Карбышева, тринадцатый пост. Будьте добры, товарища Алеутова к аппарату.

Неразборчивое бормотание.

– На учениях? – уточнил Еврухин, косясь на меня. – Хо-

рошо, тогда может вы мне поможете, Василий Сергеевич? Мои орлы только что шпиона поймали, говорит, что с задания вернулся из Московии.

Снова бормотание. На этот раз короткое и однозначное.

– Значит, не посылали и операций в Московии в ближайшее время не проводили? – ещё раз уточнил, уже напроць посерьезневшим голосом особист. – Понял вас, Василий Сергеевич. Значит, дело ясное. Что говорите? Повторите, аппарат барахлит. Имя-отчество?.. Как же, по документам Отрепьевым Григориев Ивановичем значится. По фотокарточке не похож ни черта, заросший, одноглазый, на фотографии совсем другой. Имя-то какое говорящее, Гришка Отрепьев, Анафема...

Снова бубнёж. Громкий, резкий, на повышенных тонах. И требовательный, контрразведчик аж опешил.

Еврухин резко повернулся ко мне.

– Тебя спрашивают, как сына зовут?

Жаль, что в этот момент мне никто не поднёс зеркало к лицу. Я бы лично очень хотел засвидетельствовать своё расплывшуюся широкой гримасой триумфальную улыбку. На память.

– Артёмом сына зовут. Артём Константинович Броневой. А жену – Аней.

– Говорит, – произнёс особист, снова прислоняя трубку к уху. – Что Артёмом. А жену – Аней.

На этот раз бормотания я не услышал. Вася, личный сек-

ретарь Алеутова, с которым я всегда был на короткой ноге, и который, по совместительству, был запоздалым крестником моего приёмного сына, повышал голос только в минуты волнения. Сейчас же он, судя по всему, облегчённо выдыхал, успокаивался и готовился вызванивать своего непосредственного начальника не то, чтобы с учений, но и с того света. И, конечно же, понижал тембр голоса до совсем неприличной тихости.

– Хорошо, понял. Жду, – отрывисто закончил диалог особист и положил трубку, повернувшись ко мне.

– Добро пожаловать домой, – уже с улыбкой в голосе сказал он через минуту, освобождая мои затёкшие руки от пут. – Прошу прощения за подобное «гостеприимство», сами понимаете, граница. Я, кстати, так и не представился. Еврухин Леонид Максимович, капитан Особого отдела Чёрной Армии.

– Отрепьев Григорий Иванович, полковник «Стальной руки», – ответил я на приветствие, протягивая для рукопожатия свою вялую, ни разу не стальную ладонь. – Но это вы уже и так знаете.

Если контрразведчик и был удивлён моим званием, то никак этого не показал.

– Машина за вами уже выехала. Скоро вас доставят в Свердловск для полного отчёта. А перед этим, – сказал он, присмотревшись ко мне и брезгливо поморщив нос. – Я рекомендую вам воспользоваться полковыми банями, наряд я

для вас выдам. Запах от вас...

– Посмотрел бы я на тебя, капитан Еврухин, после полутора месяца лесного марша.

– Да не сердись ты, – он примиряюще хлопнул меня по плечу, пусть и слегка одёрнув руку после хлопка. Я его понимал, завшиветь в нынешние времена не хотелось никому. На «ты» же мы перешли легко и не задумываясь, как обычно и бывает после того, когда один из мужчин едва не вышибет другому мозги. – Надеюсь, свою задачу ты выполнил?

– Выполнил, – угрюмо ответил я, шмыгая носом.

Шмыганье произвольно повторилось, а затем что-то мокрое начало нестерпимо жечь мне лицо. Лишь через несколько секунд, уже скрыв чумазую физиономию в не менее чумазых ладонях, я понял, что впервые за очень долгое время плачу.

[1] Нападение на радиостанцию в Глайвице – инсценированная германской разведкой операция, давшая Третьему рейху номинальный повод для вторжения в Польшу.

Глава вторая

Рассвет

*«Солнце в глаза, мы в марше на восход,
Воздух плюётся кровью,
Сушит чёрный рот.»*

Чёрная Армия, Свердловск. 17 августа, 1962 год.

Уральский дождь сильно отличался от дождя московского. Если последний вызывал лишь ощущение уныния и тяжести, придавливающей к земле и заставляющей не высывать нос из своего лесного убежища, в котором ты и так уже провёл полнедели, то влага, неплотной стеной разливающаяся над Уральскими горами, была чем-то иным. От неё, несмотря на бесконечную хмарь, затянувшую небо, веяло, прежде всего, свежестью и обновлением. Уставшая от заводского смога и хлопков выстрелов, земля с радостью впитывала в себя капли влаги, которые неплотным потоком лились с неба. Было в этом что-то древнее, давно позабытое, задвинутое куда-то в загашник человеческих чувств, туда же, где обитали теперь беспечность, блаженное спокойствие и вечерняя радость. Человек, по крайней мере, здесь, в России, уже давным-давно забыл, что такое настоящая свобода, променяв её либо на вырождение и саморазрушение, подпитываемое оккупантами, либо на бесконечный изматывающий труд в казармах и фабриках Чёрной Армии.

Однако природа ещё помнила, что значит дышать свободно. За всем топотом маршей, за громкими воодушевляющими речами, за полками и заводскими комплексами она ещё помнила, что такое свобода. По крайней мере, в памяти её жило то светлое воспоминание о ней. Тусклый свет угасающей свечи, который никогда не перерастёт в пламя, ещё тлел над мрачным Уральским хребтом в пику мрачной хмари Московии или проданной и поделенной корпорациями территории Новосибирска.

Именно поэтому здесь дождь был другой.

Медленно остывая после ядрёной солдатской бани, ради которой Еврухин не пожалел дров, я откинулся на спинку сиденья старого «Виллиса», ловя заросшей макушкой прохладные дождевые капли. Бороду я, пользуясь случаем, сбрил, дабы больше не повторять эксцессов, подобных тому, что произошёл в бункере особиста, однако до волос добраться не успел. Машина, присланная за мной секретарём Алеутова прямым из штаба полка, в чьём расположении я находился, уже нетерпеливо фыркала движком рядом с баней, так что я решил отложить косметические процедуры и, быстро собравшись, отправился в путь. Который, к слову сказать, был очень неблизким. Почти восемь часов мы размеренно катились по крепко сбитой таёжной автодороге, постоянно встречая многочисленные военные грузовики, перевозящие внутри себя солдат, оружие или боеприпасы. Чёрная Армия к чему-то усиленно готовилась. Возбуждение, царя-

щее повсюду, явственно висело в воздухе, отражаясь дальним светом автомобильных фар, суetyщихся солдат и далёким рокотом вертолётных лопастей. И никакой вечерний дождик, несмотря на всю его отдушину, не мог это возбуждение смыть. Для того нужна не мелкая морось, увлажняющая усталую землю, а самый настоящий ураган с грозой и лихими порывами ветра. Правда, даже такая буря не развеет до конца горячее чувство готовности к бою, маревом расстилающееся над всей Чёрной Армией. Оно лишь чутка снесёт его, передвинет, словно циклон воздушную массу, в другое место. А вместе с ним потянутся и люди. Готовые, разозлённые, вооружённые люди.

Вечерний воздух возле Свердловска свежо пах озоном.

Сам город меня тоже удивил. Сперва я немного не понял, куда конкретно меня привёз мой молчаливый попутчик, за всю дорогу сказавший едва ли больше десятка слов, и только через несколько минут я осознал, что попал именно в столицу Чёрной Армии. Весь город пылал. Но пылал не оранжевыми кострами авианалёта, а ярким, электрическим жёлтым светом. Я никогда такого не видел. Даже в самые лучшие годы для всех нас Свердловск оставался тёмным пятном на карте. После наступления темноты свет не зажигался, чтобы не облегчать работу немецким лётчикам, но теперь... теперь на улицы города вернулось электрическое освещение, от которого я успел отвыкнуть за двадцать лет бесконечной боеготовности и паранойи.

Въезжая в освещённый мириадами огней Свердловск, я понял, что дико устал. От нестерпимого света, льющегося буквально отовсюду, у меня заболел оставшийся глаз, а левый, ныне отсутствующий, тут же промок, пробивая мерзкой смесью гноя и слёз плотную ткань чёрной повязки, которую мне одолжил ещё Леонид. Долгая дорога растрясла меня, а баня, помноженная на ощущение безопасности, которое подарил мне мой обновлённый дом, неумолимо клонили меня в сон. Я честно боролся с Морфеем, пару раз выныривая из сладких объятий сновидений, но, в конце концов, меня сморило. Голова упала на грудь, глаза, налившись тяжестью, медленно закрылись. И я уснул.

Проснулся я оттого, что почувствовал, как меня кто-то очень сильно трясёт за плечо. Этим кем-то и оказался мой молчаливый водитель.

– Вставай, – услышал полусонный я. – Мы на месте.

Это было едва ли не самое длинное предложение из всех, что он сказал за восемь часов поездки.

Речка, небо голубое. Это всё моё, родное. Ровно в той же мере, в которой я сроднился с этими серыми и толстыми стенами неприметного, на первый взгляд, здания Главного разведывательного управления. Широкие деревянные двери и две колонны, выступающие из ровной фронтальной стены разведуправления – вот и все украшения. В остальном же здание представляло собой обычный бетонный прямоугольник. Три верхних этажа, расположенных на этой греш-

ной земле, служили лишь декорацией, маркером и потёмкинской деревней. На них никогда не вёлся серьёзный документооборот, никогда не проводились заседания и не звучали слова строгого и устрашающего брифинга. Настоящий «мозг» разведки находился ниже, на подземных этажах, простирающихся на пять ярусов вниз. Там, в переплетении металлических лестниц, в пыльных и душных кабинетах и тайных ходов, ведущих далеко за город, недостижима для немецких бомб, кипит настоящая жизнь и настоящая работа. Работа трудная, выматывающая до предела и, к сожалению, часто безрезультатная. Из этих подземных казарм выходят рыцари с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками. Уходят, шеренга за шеренгой, в бесконечный крестовый поход, длящийся уже два десятилетия. Уходят лишь для того, чтобы убить одного единственного дракона. Рыцарям плевать, что сотни таких же, как они, уже сгорели в беспощадном пламени, пали, растерзанные острыми когтями и нашли свой бесславный конец под тяжёлыми лапами чудовища. Они просто идут. Раз за разом, снова и снова, на безумную и безнадежную войну. Их оружейник куёт им новые доспехи, отливают новые мечи, мудрецы дают всё новые и новые советы, делятся военными хитростями, день за днём корпят над старыми книгами, в надежде отыскать способ уничтожить дракона. И нет счёта ярославнам, чей плач эхом раздаётся вслед уходящим насмерть воинам.

Всё так. Раз за разом, попытка за попыткой. Вот только

сегодня раненый и избитый рыцарь принёс один-единственный отрубленный коготь дракона. Призрачный успех, фантом победы. Если не брать в расчёт тот факт, что именно из этого когтя можно вывести яд, что и погубит чудовище.

– А смысл? – вяло ответил я разбудившему меня водителю. – На дворе ночь. Думаешь, меня кто-то сейчас с докладом примет?

В конце концов, даже мудрецам с кузнецами нужно иногда спать.

– Примут, – уверенно, но равнодушно, будто сплюнув, ответил водитель. – Когда вызывали меня из штаба, специально уточнили время прибытия. Так что отоспаться они, в отличие от тебя, успели. Давай, иди.

Призрачная надежда урвать хоть чуточку сна, прежде чем Алеутов выдернет меня для доклада, улетучилась окончательно. Сонно зевнув, я открыл скрипучую дверь «Виллиса» и поплёлся к дверям. Как и предсказывал мой водитель, они были открыты. Едва я ухватился за ручку, как услышал звук заводимого мотора и шуршание шин. Когда я обернулся, джип уже скрылся за ближайшим поворотом, оставив после себя, как напоминание, шлейф из пыли и выхлопных газов, медленно оседающих на неровный асфальт. Немного посмотрев на этот импровизированный и безопасный смерч, я нырнул внутрь здания.

Пропускная меня встретила всё тем же мордатым часовым, который не менялся уже как лет семь. Находился этот

мордоворот в отдельной боковой комнатухе, отделённой от предбанника управления толстым стеклом и металлической решёткой. В этой защите было только небольшое окошко, куда при желании было сложно закинуть даже гранату – места оставалось только для узкого прямоугольника служебного удостоверения. Сам громила сидел на скрипучем металлическом стуле, который, как мне иногда казалось, уже врос в своего хозяина, настолько они были неотделимы друг от друга. На небольшом столике, на котором обычно располагался журнал посещений и локти часового, лежала также и старая потрёпанная книжка. «Как закалялась сталь» Островского. Ради приличия стоит сказать, что каждый раз заложена она была в разных местах, так что её хозяин действительно её читал. Правда, если спросить у него, по какому именно разу, часовой ни за что бы не смог ответить. За все семь лет, которые он провёл на этом посту, книга не менялась. На плече, при малейшем движении стуча металлом ствола об ножку стула, у него болтался укороченный автомат, схожей модели, что и у тех солдат, задержавших меня на границе.

Конечно, мордоворот прекрасно знал меня в лицо. Как, впрочем, и всех постоянных посетителей управления. Правда, он ни разу не поздоровался со мной по имени-отчеству. Даже фамилию ни разу не назвал. Ничем не показал, что я для него больше, чем ещё один очередной посетитель. Хотя, чего жаловаться, таких скидок он не делал ни для кого.

В этот же раз всё было по-старому. Часовой не привстал,

не помахал мне рукой, ничем не показал, что знает меня или хотя бы узнаёт. Всё то время, что я проходил короткий путь от двери до его мизерного окошка, он абсолютно равнодушно следил за мной своими слегка раскосыми, ничего не выражающими глазами. Всё также, молча принял у меня тонкий, слегка потрёпанный прямоугольник удостоверения, раскрыл его и внимательно взгляделся в фотографию, сверяя мою помятую рожу с вклеенным изображением. Точь в точь, как недавно это делал капитан Еврухин. Правда, на этот раз никаких препонов мне учинено не было. Никто не заковывал меня в наручники, никто не тыкал автоматом в лицо. Даже тревожная сирена не заорала прямо в ухо, вызывая группу быстрого реагирования. Часовой просто махнул мне рукой, мол, проходи, и вернул обратно мои корочки. Буднично и обыденно, ровно также, как махал полгода назад, в тот день, когда я получил звание полковника и самоубийственное задание в придачу.

Правда, кое-что всё-таки изменилось. Уже когда я почти полностью прошёл длинный коридор, ведущий к лестнице, что вывела бы меня на нижние, настоящие этажи, до меня донёлся сиплый, прокуренный голос.

– Александр Сергеевич ждёт вас на первом уровне, – нарушил своё многолетнее молчание часовой, – поздравляю.

– С чем? – спросил я, слишком ошарашенный разговорчивостью вахтёра, чтобы соображать.

– С успешным выполнением задания, – всё также ров-

но и абсолютно равнодушно ответил мордovorот. – Вы ведь успешно его выполнили?

– А... да, успешно. Спасибо.

Больше я от него ничего не услышал. Когда за мной запиралась дверь, ведущая на лестничный проёмы, я успел заметить, как часовой взял в руки книгу, аккуратно раскрыв её на середине.

Это была всё та же «Закалявшаяся сталь».

* * *

Когда я спустился на первый уровень (это был самый нижний, пятый подземный этаж), меня встретил уже знакомый мне агент американской разведки. Тот самый, по чьей наводке я и был послан умирать. Не то, чтобы я сильно обижался на него из-за этого, скорее даже наоборот, был отчасти благодарен. Однако я всё равно предпочёл бы увидеть на его месте Алеутова. Или хотя бы его секретаря. Американец же стоял, оперевшись правым боком на недавно перекрашенную в болотно-зелёный цвет стенку, и внимательно наблюдал за тем, как я спускаюсь по металлическим ступеням. Заметил он меня немного раньше, чем я его, плюс к этому, он стоял против света, испускаемого настенной электрической лампой, так что у меня заняло некоторое время, чтобы понять, кто, собственно, передо мной. Он никак не отреагировал на моё появление. Просто продолжал молча стоять, ожи-

дая пока я закончу свой долгий спуск.

Лишь когда мои глаза поравнялись с его, он позволил себе начать диалог.

– Григорий, – вежливо поздоровался он со мной.

– Если я не ошибаюсь, Джеймс, – ответил я на приветствие. – Честно говоря, не ожидал тебя здесь увидеть.

Американец усмехнулся.

– Если же мы говорим честно, – усмехнулся Джеймс, – я вообще не ожидал вас увидеть. Однако же, судьба оказалась к вам благосклонна. Или же это были какие-то другие высшие силы? Бог, например? Вы верующий, Григорий?

– Не смотря на всю ироничность моего имени – да, верующий, – сдержано ответил ему я.

На секунду разведчик поморщился, будто вытаскивая из чулана памяти что-то старое, забытое и покрытое пылью. В конце концов, его лицо озарилось улыбкой понимания, он усмехнулся и продолжил разговор.

– Григорий Отрепьев. Да, как же, теперь понимаю. Впрочем, Бог тут тоже может быть совершенно ни при делах. Скорее всего, вас спасла выучка, тренировки и самодисциплина. Именно этого и ждут от профессионала. Поздравляю вас.

Он протянул мне для рукопожатия сухую и жесткую ладонь. Несмотря на всю мою к нему неприязнь, вызванную, в первую очередь, постоянными саркастическими подколами, его поздравление мне было приятно. Наверное, это потому что он первый, кто обратил внимание конкретно на мои на-

выки, а не Господа Бога, спасающего и сохраняющего. Это льстило. Поэтому я с удовольствием пожал протянутую руку.

– Благодарю, Джеймс. Где Алеутов?

– Ждёт нас в своём кабинете, – он слегка отклонился в сторону, давая мне возможность осмотреть длинный и извилистый коридор, ведущий в святая святых «Стальной руки». – Там же находится сейчас маршал Жуков.

– И всё? – удивился я. – А где остальные?

– На совещании будем присутствовать только мы вчетвером. Господа Рокоссовский, Новиков и Кузнецов получат свои экземпляры отчётов чуть позже. А сейчас, я полагаю, нужно прекратить чесать языком и проследовать в кабинет, где нас уже почти полчаса ожидают столь высокопоставленные лица, – произнёс американец, делая приглашающий жест рукой.

– Полагаю, что так, – ехидно отозвался я. – Пройдёмте, Джеймс.

– Пройдёмте, Григорий.

Мы неспешно, плечом к плечу двинулись по длинному коридору. Мимо нас то и дело шныряли сотрудники разведуправления. При виде Джеймса они немедленно брали под козырёк, если, конечно, их руки не были заняты кипами бумаг. В таком случае они ограничивались лишь вежливым кивком. Я же был фигурой гораздо менее узнаваемой, однако, свою порцию признания тоже получил. Некоторые клерки, нервные импульсы Чёрной Армии, узнавали моё помятое

лицо, отвечая на него искренними улыбками. В конце концов, любая операция, особенно такая, как внедрение агента на территорию Московии, требовало невероятного напряжения сил. Сил вот таких, маленьких и незаметных людей, вынужденных задерживаться после полуночи на бесконечной, выматывающей и особо важной работе.

– Стал важным человеком? – спросил я у Джеймса после очередного воинского салюта со стороны одного из сотрудников.

– Многое изменилось, – двусмысленно ответил американец.

– Например?

– Тебя события за последние полгода интересуют или за последние двадцать лет?

На этом моменте я резко остановился, уставившись на Джеймса.

– Что ты имеешь в виду?

Американец точно также, зеркально, не заботясь о том, что таким образом он перегораживает почти всё пространство коридора, посмотрел на меня.

– А то самое, Григорий, что вы были слишком сильно отрезаны от мира, – медленно начал он. – Я не виню в этом вас, ни в коем случае, выдержка вашего народа и ваших вождей выше всяких похвал, но времена изменились. Изменились кардинально. Так что в последние полгода я был занят в основном тем, что переучивал твоих начальников мыслить

категориями новых политических реалий. Это было, честно сказать, сложно. Однако, кажется я справился.

– И насколько же сильны эти изменения? – задал я вопрос.

Джеймс снова усмехнулся своей бесящей улыбочкой, развернулся и всё также неспешно направился по направлению к кабинету Алеутова.

– Увидишь. Очень скоро. Скорее всего, прямо по ходу своего доклада. Что же до свежих новостей, ты прав, я добился некоторого успеха на ступенях иерархии Чёрной Армии. В основном, благодаря своим связям с иностранными структурами. Ты сам понимаешь, о чём я. Через несколько дней после того, как ты отправился в Московию, я вернулся в Новоси́б. Навёл справки, поднял контакты... одного парня, которого сейчас с нами нет. Наладил регулярные поставки контрабанды из Америки прямо сюда, в Чёрную Армию. У них там в Японии сейчас жуткая неразбериха: торговые корпорации насмерть грызутся с императорским домом. Всё это на фоне финансового кризиса и экономической изоляции, которая только губит империю. Так что на лапу там дать сейчас проще простого. Несколько чемоданов с хрустящими йенами, и никто даже не посмотрит в сторону колонны грузовиков, пересекающих границу. Потом понял, что такой оборот дел просто-напросто неэффективен и перебрался сюда, поближе к заказчикам, – при этих словах он слегка усмехнулся. – И правильно сделал, хочу тебе сказать. Узнавая больше о состоянии всей Чёрной Армии, мы с адмиралом Кузнецо-

вым быстро нашли общий язык и окончательно упорядочили поставки из Америки. А поэтому всем жить стало лучше и веселее.

– Свет... – я не заметил, как высказал вслух свои мысли.

– В том числе, – согласился со мной Джеймс. – Но для того, чтобы осветить Свердловск, потребовалось сперва создать систему противовоздушной обороны, взамен тому посмешищу, что было у вас. Честно сказать, я отказываюсь понимать, как вы умудрялись всё это время отражать бесконечные бомбардировки. Теперь, впрочем, они больше не наносят никакого существенного вреда. После захвата устья Кары...

– Захвата чего?! – в изумлении воскликнул я.

– Кары, – спокойной ответил на мои восклицания Джеймс. – Река такая. Чуть западнее Уральских гор. По ней раньше германско-японская граница проходила. А теперь это наша территория. Захватили два месяца назад. «Джепы» и «фрицы» в очередной раз сцепились, а Чёрная Армия на фоне этой приграничной грызни и подсуетилась. Теперь у вас есть морской порт, поэтому поставки идут, можно сказать, рекой. В том числе самолёты, военные инструкторы, ЗРК, а также медикаменты, одежда, аграрные культуры и высокотехнологичные компоненты для новых электростанций. Всё для русского фронта, всё для победы.

– Теперь-то всё встало на свои места...

– Что именно? – уточнил Джеймс, неизвестно как расслы-

шавший моё бормотание.

– Налёты. Они сместились. Я переходил границу вчера утром, как раз во время одного из них. Стал свидетелем воздушного боя, но это не суть. Важно то, что бомбёжка произошла, точнее, попыталась произойти, в четверг, а раньше немцы по четвергам не летали.

– Это верно, – согласился со мной американец, – раньше такого не было. Однако, теперь налёты по четвергам происходят. И только четвергам. Раз в неделю. Очень хило и не очень упорно. Лезут исключительно ради боевого рапорта и соблюдения своего немецкого орднунга. Теряют парочку самолётов и уползают обратно. Начальство им платит не за результат, а за пустые бомболюки, так что иногда от ястребов Геринга и своим достаётся. Кажется мне, что такими темпами налёты вообще прекратятся. По началу, когда ещё ваши лётчики не набрались опыта, бои шли с переменным успехом, однако сейчас ваши орлы рвут их почти всухую, выигрывая сражения на чистой злобе. И я их прекрасно понимаю. Конечно, сдаётся мне ещё, что немецкие машины не обновлялись с начала пятидесятых, а поэтому морально устарели, – Джеймс заговорщицки ухмыльнулся. – Только ты этого пилотам не говори, расстроятся.

– Ёшкин кот... – только и смог выдавить я из себя, пораженный обилием хороших новостей, скопом вывалившихся на меня.

– О-о-о, «ёшкин кот», – передразнил меня Джеймс. – Ты

погоды, то ли ещё будет. Будет, кстати, немедленно, мы пришли. Документы у тебя с собой?

Мы действительно пришли. Застыли у двери кабинета Алеутова и тупо смотрели друг на друга. У Джеймса из взгляда, как и всегда, не пропадала его извечная насмешка, ну а мне оставалось только отшучиваться.

– Нет, в бане забыл. Как Колобок.

– Не понял?.. – удивился американец.

– Анекдот такой есть: вылетает Колобок из бани и кричит: «Вот балда, голову забыл помыть!», – сказал я и рывком распахнул тяжёлую дверь.

Американец же остался смотреть мне вслед слегка ошарашенным взглядом. Кажется, на этот раз я сумел его уесть. Правда мешкался он недолго и очень быстро проследовал за мной в кабинет, где Алеутов уже заключил меня в медвежьи объятия и с чувством хлопал по спине, снова и снова вышибая весь воздух.

– Гришка!

Удар.

– Гришаня!

Ещё удар.

– Господи Боже, живой паршивец, живой...

Снова хлопок. Я и не парировал вовсе. Я просто отвечал на приветствие этого, хоть и высокопоставленного, но такого родного человека. Человека, который покровительствовал мне, шестнадцатилетнему сосунку на войне, который беско-

нечно хлопотал о моей карьере сперва в армии, а потом и в разведке, который недрогнувшей рукой отправил меня на смерть, и который сейчас, не стесняясь красного и мокрого лица, искренне плакал, видя меня живым.

Краем глаза я видел сидящего в кресле за большим овальным столом маршала Жукова. Он улыбался. На мгновение мне показалось, будто в его глазах блеснули слёзы, хотя, конечно, это было последствием едкого дыма папиросы, что он крепко держал между пальцами.

– Гриша... – в последний раз тихо проговорил Алеутов, прежде чем отстранился, продолжая, тем не менее, держать меня за плечи вытянутыми руками.

– Господи, что же они с тобой сделали, – пробормотал мой начальник, сочувственно покачивая головой.

– Ничего особенного, – улыбнулся я. – Всего лишь глаз. У меня второй есть. Ну, и ещё немного кости помяли, так что лучше будет ещё разок к врачу сходить, лечился я на коленке, а так всё в норме. Немцы вам гостинец передавали, кстати. Вот он.

Я потянулся к заплечному рюкзаку, который бережно тащил за спиной аж от самой Ижевской и, немного в нём покопавшись, вытащил на свет божий рванный и помятый конверт.

– Это оно? – впервые заговорил Жуков, внимательно глядя на меня. Голос этого стального человека слегка подрагивал от нетерпения. Или от страха, я не берусь судить.

– Оно. Документы из ОГПУ. Здесь всё: имена, пароли, явки, всё что может нас заинтересовать. Я сам читал эти документы. Агентов советской разведки в рейхе действительно было шестнадцать. Пятнадцать из них были ликвидированы или заключены под стражу, это знало даже советское ОГПУ. Остался один-единственный, шестнадцатый. Последний контакт с ним, судя по этим бумагам, состоялся почти сразу после вторжения Германии на территорию СССР. Управление требовало от него саботажа переброски новых дивизий на Восточный фронт. Спустя некоторое время после получения приказа, агент сообщил, что это просто-напросто невозможно. После этого всякая связь с разведчиком прекращается.

– И что за позывной был у этого разведчика? – неожиданно прервал меня Алеутов.

– Ты не поверишь, но в шифровках он значится, как «Юстас».

– «Юстас»... наш самый распространённый позывной, так? – уточнил у меня Алеутов.

– Именно, – согласно кивнул я головой, – но должен вас предупредить, товарищи. Вот это, – я на всякий случай потряс конвертом возле своего лица, а затем шлёпнул его об стол, – может быть дезинформацией.

– Поясни, – слегка приподнявшись в кресле, попросил Георгий Константинович.

– Всё просто. В здании ОГПУ была засада. Меня повязали

и повели на допрос. Ничего не добившись, они продержали меня в камере, а затем сами отдали конверт с бумагами.

Алеутов с Жуковым задумчиво переглянулись, а потом, нахмутив брови, уставились на меня. Джеймс, стоявший за мной спиной и за всё время не произнёсший ни одного слова, сдавленно кашлянул.

– Так, товарищ Отрепьев, – сурово начал верховный маршал. – Давайте-ка по существу, с самого начала...

– Есть с самого начала! – бодро отрапортовал я и начал свой рассказ.

Выбора у меня не оставалось, поэтому рапорт мой начался ровно с того момента, как я пересёк границу. Не останавливаясь долго на своём зимнем походе, я тут же перешёл к встрече с Трофимом и посещению Ижевска. Рассказал о своём диалоге с Даниилом, о прослойке молодых людей, что хоть и служат в войсках РОА, но никакой симпатии к коллаборантам не питают и при подходящем случае готовы перейти на нашу сторону. Это заявления вызвало неподдельный интерес Алеутова, который хоть ничего и не сказал, но зато глубокомысленно кивнул и записал пару строчек в небольшую книжечку, обтянутую потрескавшейся чёрной кожей, которую всегда носил с собой. Затем пришла очередь Казани, где из-за предательства нашего агента я едва не был пойман СС, а затем чуть было не сожран сумасшедшими каннибалами-сектантами, считавшими Гитлера своим божеством. На этом моменте повествования на лицах Жу-

кова и Джеймса возникла плохо скрываемая гримаса отвращения и брезгливости, а Алеутов в моменте стал задумчивым и слегка грустным, записав в книжечку уже целый абзац. Никак иначе, планировал послать группу агентов для проверки остальных важных ячеек: в Архангельске и Волгограде. Дальше я рассказал про деревню Леонида, добавив своё личное мнение, что в случае начала боевых действий опору Чёрной Армии нужно искать не в городских центрах, а наоборот – в рассредоточенной сельской местности, которую немцы, при всей своей обстоятельности, просто не в силах контролировать полностью. Остальные собравшиеся с этим мнением были согласны.

А потом... потом пришёл черёд рассказать о своих приключениях В Москве. Как мог оттягивал момент своего задержания. Вздыхал, юлил, подробно описывал поиски в здании ОГПУ, потом попросил чай и молчаливо дожидался, пока Василий Сергеевич не поставит передо мной гранёный стакан в жестяном подстаканнике. Под конец, когда тёплая, светло-коричневая жидкость почти кончилась, верховный маршал начал деликатно и нетерпеливо покашливать, а Алеутов – тихо сатанеть, я всё-таки решился. Подробно описал обстоятельства своего ареста, допроса, а потом и чудесного спасения.

К концу моего доклада, взгляды всех троих мужчин были прикованы к помятому коричневому прямоугольнику конверта, лежащему на столе. У всех находящихся в помеще-

нии, за исключением меня, в голове медленно щёлкали невидимые шестерёнки, выталкивая своим механическим скрипом на свет Божий одну-единственную мысль: «А насколько Гриша добросовестно выполнил полученное задание?»»

Притом, готов поспорить, больше всех меня подозревал именно Джеймс. Он был разведчиком, притом разведчиком другой, совсем далёкой страны, у которой были свои, пока ещё не ясные мне интересы в успехе проведённой операции. Никаких причин доверять мне у него не было. Не считать же за гарантии моей верности и неподкупности одну мимолётную встречу, после которой я отправился в рейхскомиссариат?

Вторым по подозрительности я считал Жукова. Конечно, как маршал он привык доверять своим людям, иначе не пользовался бы таким уважением, что позволило ему сместить Кирова вместе со всем старым советским правительством прямо в разгар Последней войны. Но, как и любой политик (а за двадцать последних лет Георгий Константинович им стал, это не подвергалось сомнению), он был параноиком. А что может быть более параноидального, чем агент разведки, что вернулся из вражеского стана и принёс секретные документы, которые ему, по его же словам, отдали добровольно?

Менее всех меня подозревал, наверное, Алеутов. Мы прошли с ним всё: от химической атаки под Чебоксарами, когда я был ещё необстрелянным юнцом с небритыми хлипкими

усами, и до устранения генерала Власова, с которого я прибыл основательно заросшим. Если бы я вдруг оказался предателем – весь его мир, вся его система ценностей бы разрушилась моментом. Поэтому он как мог старался отодвинуть даже мысль о самой возможности моего предательства в как можно более тёмный чулан своего рассудка. Потому что такой удар не смог бы выдержать даже такой суровый человек, как Александр Сергеевич Алеутов, когда-то ставший для меня если не отцом, то мудрым наставником.

Гнетущая тишина, создаваемая тремя абсолютно разными людьми, громадьём повисла в воздухе. Ещё чуть-чуть и она была готова упасть прямо на меня всей массой вопросов, что градом посыпались бы на мою голову. И чем больше будет этих вопросов, тем меньше у меня на них будет ответов. Таким образом, своими «не могу знать» и «мне неизвестно», я заставлю сомневаться не только Жукова, который уже сейчас колеблется, но и Алеутова. А это значит лишь одно: от оперативной работы я буду отстранён, не смотря на прошлые заслуги. Просто на всякий случай. Документы же, что я с таким трудом добыл, будут отданы в архив и вскоре позабыты, учитывая то малое количество людей, что вообще знало об их существовании. А этого я допустить никак не мог. Если со своим возвращением под душные своды заводского помещения я ещё был готов смириться, то вот с напрасностью труда, который стоил мне сломанных рёбер и выбитого глаза, я примиряться не хотел. Особенно, если плоды этого труда

могли впервые за двадцать лет испортить утреннее весёлое настроение германского фюрера.

Именно поэтому говорить я начал первым:

– Поэтому, товарищи, ценность этих бумаг может быть поставлена под сомнение, – медленно, специально слегка растягивая слова, начал я. – Не знаю, какие конкретные цели преследовало ведомство товарища Джеймса, прося нас о помощи, но, возможно, станется так, что передавая нашим американским друзьям эту информацию, мы окажем вам медвежьё услугу.

– Читаешь мысли, Гриша, – согласился со мной Алеутов. Тон его хоть и был слегка дёрганным, однако говорил он уверенно, что ещё раз доказывало тот факт, что мне он до сих пор доверяет. – Очень может быть, что эти бумаги не более, чем грамотная ловушка или западня, которую тебе подсунули специально.

– Тогда, почему именно эти документы? Почему не какие-нибудь другие? – продолжил развивать дискуссию я. Сейчас для меня это был единственный шанс сохранить своё доброе имя.

– А что ещё могло заинтересовать агента Чёрной Армии в Москве, да ещё и в здании бывшего разведуправления? – резко спросил Джеймс, глядя мне в глаза. Вот этот точно меня будет считать врагом до победного конца, до того момента, как я железно не докажу ему обратного.

– Это ты зря так, – вступился за меня мой начальник. –

Готов поспорить, там много чего есть интересного. От координат бывших складов стратегического назначения, до документов, подтверждающих, что Альфред Розенберг получал деньги по линии Коминтерна.

– А он получал? – с интересом спросил Джеймс, переставая грызть меня своим волчьим взглядом.

– Нет, конечно, – пожал плечами Алеутов. – Но в этом безумном мире всё возможно, так ведь?..

– Про склады ты загнул, Саша, – подал голос Жуков, до тех пор молчаливо следивший за перепалкой. – Склады в ведении Наркомата обороны были, ОГПУ к ним никакого отношения не имело. Логичнее тогда уж было посмотреть там резервные закладки Гражданской обороны или самого Управления. Но это всё, конечно, бред. Такие важные объекты в большинстве своём давно под контролем немцев. Разграблены, а их содержимое давным-давно вывезено в Германию, где до сих пор пылится, безнадёжно устаревая.

– Гриша, – неожиданно обратился ко мне верховный маршал. – Поддай-ка мне эти документы.

Мне ничего не оставалось, кроме как выполнить просьбу. Я перегнулся через весь стол и подал Жукову конверт. Избавившись, наконец, от разорванной обёртки, верховный маршал внимательно изучал документы, особое внимание уделяя нижней части листа, подолгу останавливаясь на ней глазами. Осмотрев все листы, он отложил их в сторону и, прикрыв ладонью, вынес вердикт:

– Документы настоящие.

– Как вы это поняли? – деловито и цепко уточнил Джеймс.

– Могу я... – попросил Алеутов, телом потянувшись к бумагам. Жуков лениво их ему протянул. Глава разведки пробежался по ним глазами, так же уставившись на нижнюю часть листа.

– Печати вроде настоящие, – вынес он свой вердикт.

– Они и есть настоящие, – согласился с ним Георгий Константинович. – Как и подписи тех лиц, что их ставили. Некоторых я знал лично. Агранова[1], например. Яков Саулович был порядочной сволочью на самом деле, но чекистом был превосходным.

– Агранов... – задумчиво произнёс Алеутов, потирая пальцами подбородок. – Это не тот, случайно, который дело Промпартии[2] вёл?

– Тот, тот, – подтвердил Жуков. – Мастерски показания выбил. Из-за него, по сути, процесс и стал возможным. Без таких палачей, при Кирове ЧК было бы совсем беззубым.

Алеутов лишь рассеянно кивнул, то ли соглашаясь, то ли просто раздумывая над чем-то. Кажется, он ещё сильнее убедился в том, что я принёс именно то, что надо, пусть даже и невероятно фантастическим способом. А вот в глазах Жукова, с которым я лишь на миг пересёкся взглядами, я увидел одобрение. Кажется, регалии старого Союза его хоть немного убедили.

Что же, я рад, что дело сдвинулось с мёртвой точки.

– Если вы считаете, что документы, пусть даже и официальные, нельзя подделать, то мне только остаётся поражаться вашей наивности, – продолжал гнуть свою линию непреклонный Джеймс. – Конечно, немецкие спецслужбы уже не те, что раньше, дни «Энигмы» остались в прошлом, но будьте уверены, что такая простая вещь, как подделка документов, им до сих пор по силам.

Жуков на этот непреклонный монолог лишь отрицательно и спокойно покачал головой.

– Нет, Джеймс. Это что угодно, но точно не подделка. Бумага старая, отпечатанная ещё в тридцатые годы. Сам посмотри, – американец тут же воспользовался предложением и, резко встав со стула, подошёл к Алеутову, который продолжал изучать документы. – Посмотри, посмотри. Печати, надписи. Чернила выцветшие, потёртые и размытые. Нет, такого уровня подделку невозможно создать за несколько дней. Да даже за несколько месяцев это маловероятно. Фальшивка высшего уровня, первый сорт, почти неотличимый от оригинала. Либо же, сам оригинал.

– Я тоже склоняюсь к мнению, что документы настоящие, – согласился с верховным маршалом Алеутов, отложив от себя стопку листов и оперевшись локтём на подлокотник кресла. – Для «свиньи» слишком хорошее качество. Слишком. Другой вопрос, как конкретно они попали в руки Грише.

Я устало вздохнул.

– Я же говорил, мне в камеру...

– Про камеру я уже слышал, – прервал меня мой начальник. – Мне интересно, кем был этот неизвестный благодетель и был ли он благодетелем вообще? Опиши его ещё раз.

– Много я не рассмотрел, – сразу ухватив суть дела, продолжил я. – Среднего роста, упитанный, очень упитанный. Голос старческий, сухой. Вроде лысеет, мне показалось, что волосы у него редкие, но могу соврать.

– Каминский? – неожиданно предположил Жуков.

– Нет, точно нет, – моментально отверг эту теорию Алеутов. – Он сейчас вроде как в Архангельске, принимает командование над осиротевшими РОА.

– Воскобойник? – продолжал верховный маршал.

– Тоже нет, он в Брянске безвылазно сидит, – продолжил отмечать варианты Алеутов.

– Пономарёв[3]?

– В Новгороде. Да бесполезно перебирать варианты. К тому же, они все на немецких харчах уже постарели и обрюзгли. Нет, этот человек пока остаётся для нас таинственной фигурой. Такой же таинственной, как и его мотивы.

Жуков, немного подумав, кивнул в знак согласия.

– Значит, товарищи, предлагаю следующий вариант, – начал верховный маршал, вытаскивая из старого портсигара папироску. – Оставим пока в покое неизвестного «благодетеля» и перейдём к делам насущным. Конкретно – к пожинанию плодов успешного, – при этих словах Джеймс де-

ликатно кашлянул, однако Георгий Константинович неумолимо продолжал. – Успешного похода полковника Отрепьева. Джеймс, кажется, сейчас ваш ход.

– Хм-м, – всё ещё недоверчиво промычал американец. – Как я понимаю, других вариантов у нас нет?

– Абсолютно верно понимаешь, – хищной старческой улыбкой оскалился Жуков.

– Тогда, прошу бумаги, – он протянул руку к Алеутову, получив стопку жёлтых листов. – Мне понадобится немного времени, чтобы ознакомиться с документами.

Алеутов лишь пожал плечами, соглашаясь с просьбой американца и давая понять, что он лично никуда не торопится. В этом плане я был готов с ним поспорить, особенно учитывая, что уровень адреналина в моей крови, поднятый подозрением самого могущественного человека в Чёрной Армии, несколько упал и меня опять начало клонить в сон. Правда, бороться с усталостью помог ещё один стакан чая, на этот раз более крепкой заварки, который вскоре по просьбе Алеутова принёс его секретарь. К горячему и бодрящему напитку, сдобренному двумя ложками суррогатного сахара, добавилась и пачка сигарет, которую я начал немедленно, не отрываясь от чая, раскуривать. На некоторое время в помещении воцарилась тишина, прерываемая лишь шорохом тонких бумажных листов и редкими шумными выдохами, когда кто-то из нас троих затягивался.

Джеймс так и не притронулся к табаку, занятый тем, что

внимательнейшим образом изучал бумаги.

– Что же, господа, – начал он, когда в моём стакане уже показалось дно. – Могу сказать, что у меня для вас есть приятные новости.

– Например? – уточнил Алеутов.

– Александр Сергеевич, вы документы внимательно читали? – с ехидцей в голосе спросил американец.

– Достаточно внимательно. Но я всё равно не понимаю в чём дело, – угрюмо ответил на подкол начальник разведки.

Американец тяжело и слегка устало вздохнул.

– Да, иногда я забываю, как вы здесь в Чёрной Армии всё-таки оторваны от мира. Знакомьтесь, – он громко хлопнул пачкой документов об стол. – Наш друг, товарищ и брат. В миру – Максим Максимович, настоящая фамилия вам ничего не скажет, а вот фамилия «по легенде» достаточно известна по всему рейху. Ещё бы, ведь Ш...

* * *

Первое, что я увидел, когда открыл глаза, были изумлённые взгляды всех трёх собравшихся.

– Тебе бы поспать, Гриша... – сочувственно произнёс Алеутов.

Я пытался было возразить и сказать что-то на подобие: «Ерунда, сейчас схожу умоюсь», – но получилось у меня плохо. В ответ мой начальник получил лишь сдавленное мыча-

ние и слабый взмах левой рукой.

– Что это с ним? – поинтересовался американец.

– Переутомился, – уверенно ответил Жуков. – Понятное дело, удивительно, что его вообще так надолго хватило.

Я вновь попытался возразить и объяснить, что со мной всё в порядке, но вторая попытка завязать диалог была ещё более провальной, чем предыдущая.

– Саш, – спросил Жуков, обращаясь к Алеутову. – Попроси Васю, чтобы он его домой отвёз. Пусть отсыпается. Только чтобы с рук на руки передал...

– Понятное дело, – согласился с ним начальник разведки. – В таком состоянии от него пользы ноль. Сейчас вызову машину, пусть едет дрыхнуть.

А потом всё как в тумане. Помню только тряску и мерцающий свет перед глазами. Помню запинаящиеся ноги и крепкое плечо, на которое едва хватало сил опираться. Помню что-то горячее и влажное, то и дело прислоняющееся к моему лицу. Помню мягкое и нежное, мокро глядящее по отросшим волосам.

Это всё, что я запомнил, прежде чем окончательно отрубиться.

* * *

Соединённые Штаты Америки, Лэнгли. 19 августа, 1962 год.

Джон МакКоун уже собирался было встать со своего массивного кожаного кресла, собрать свои немногочисленные личные вещи, накинуть шерстяной пиджак в клеточку и покинуть своё рабочее помещение, однако телефонный звонок, раздавшийся под вечер в его кабинете, заставил главу ЦРУ рухнуть обратно в объятия коричневой кожи. Джон МакКоун горестно вздохнул, распрощавшись с несбыточными мечтами успеть домой хотя бы к ужину, и понуро взял трубку.

– Да, – голос МакКоуна звучал громко и резко, ровно так, как полагается звучать голосу начальника, которого подчинённые отрывают от важных дел.

– Мистер МакКоун, – раздался голос на другом конце провода. – Это станция «Гриф». У нас сообщение.

– Слушаю, «Гриф», – всё также сурово произнёс МакКоун, массируя переносицу двумя пальцами. Он старательно пытался вспомнить, где конкретно находится эта самая станция «Гриф». Кажется, в Гренландии...

– «Ворон» вышел на связь, мистер МакКоун, – доложила трубка. – Он заявляет, что Фенрир освобожден. Можно начинать песнь. Руны скоро придут.

Сонливость и усталость с директора Центральной разведки как рукой сняло. Он плотнее прижал трубку к уху и радостно, с придыханием прошептал:

– «Гриф», повтори.

– Повторяю. Фенрир освобожден, можно начинать песнь, руны скоро придут, – послушно повторил телефон.

– Понял тебя, «Гриф», конец связи.

Джон МакКоун быстро положил трубку. Отдышался пару секунд, оперевшись ладонями на рабочий стол, а затем резко схватил другую, уже красного цвета.

Гудки длились всего пару секунд, после чего твёрдый старческий голос произнёс прямо в ухо директору ЦРУ:

– Да?..

– Господин президент, это МакКоун, – удовлетворённо начал он. – У меня есть хорошие новости. Кажется, операция «Валькирия» только что началась...

На лице директора Центрального Разведывательного Управления играла довольная улыбка служаки, которому только что выдали премию за переработку.

[1] Заместитель наркома внутренних дел Ягоды. В нашем мире ответственен за смещение своего же шефа. Расстрелян в тридцать восьмом году, реабилитации не подлежит.

[2] Судебный процесс над группой технической интеллигенции по делу о вредительстве в промышленности и сельском хозяйстве.

[3] Известные коллаборационисты

Глава третья

Сумерки богов

*«Словно на прицел, словно в оборот
Словно под обстрел, на парад, в хоровод
Словно наутёк, словно безоглядно
И опять сначала...»*

**Великогерманский рейх, Столица Мира Германия.
3 сентября, 1962 год.**

Рейнхард Гейдрих раздражённо дёрнул головой. Мелкий, некрупный дождик неспешно накапывал со свинцового неба, что бесконечным металлическим листом растянулось над всей столицей Великогерманского рейха. Капли стекали по его белокурым прядям, пусть и слегка поредевшим в последние годы, струйками бежали по его высокому лбу, минуя нахмуренные и сосредоточенные брови, попадали в глаза. А вот это уже неумолимый шеф гестапо стерпеть не мог и поэтому то и дело раздражённо проводил рукой по мокрому лицу. Его глаза ему были ещё нужны. Сегодня больше, чем когда-либо.

Его взгляд бежал по бесконечным рядам трибун, по гранитным ступеням, по лицам, фуражкам и петлицам. Его взгляд подмечал каждую деталь, каждый незначительный штришок, читал по губам даже самые тихие и тайные фразы, произносимые тихим шёпотом и только доверенным лю-

дям, стоящим рядом в плотном строю. Торжественные флаги, фанфары, крики радости и гордости нисколько не отвлекали его. В такой день нужно быть полным идиотом, чтобы отвлекаться на такую мишуру. Ступени Фольксхаллы молчаливо гудят, словно потревоженный улей, и нужно быть слепым, чтобы не видеть этого. Рейнхард слепым не был. Он наблюдал над недвижимой суетой, в которой люди политики и интриг так сильно преуспели, начавшейся ровно в тот момент, когда опирающегося на трость и слегка покачивающегося при ходьбе Адольфа Гитлера возвели на трибуну. Пчелиный улей гудел, обсуждал, звенел сотнями пар крыльев, гадая, что именно ждёт их всех, после того, как фюрер отправиться в небытие? И среди всего этого роя Гейдрих был самым натуральным шершнем.

А внизу маршировали солдаты.

Сегодня был особенный день. День, когда солдаты дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» приносили присягу. Присягу не рейху или немецкому народу, а лично фюреру. Впрочем, в нынешней Германии эти понятия были почти неразделимы.

Личная дивизия Гитлера, служащая одновременно и его телохранителями, и любимой игрушкой, состояла, по сути, из двух неравных частей. Танковый корпус уже проехал, не оставив на бетоне ни кусочка грязи. Теперь пришла очередь стройных рядов пехоты, в которых все солдаты как один принадлежали к стержневой нации. Высокие, голубоглазые, бе-

локурые – генетическая элита рейха. Стальная осанка, хищные глаза, волевой подбородок и рука, с нашивкой белого ключа на тёмном фоне, приложенная к виску. Взгляд обращён к обожаемому фюреру, вождю нации, глупо, по-старчески улыбающемуся на белоснежных мраморных трибунах, омываемых дождём. Знаменосец каждой новой колонны радостно вскидывает руку в древнем салюте, пока его подопечные стройными рядами проходят мимо радующегося, словно дитё, вождя.

Но Рейнхард Гейдрих не обращал внимания на эти праздничные декорации. Эта дисциплина, эта показательная стальная воля – ложь. Она лишь прикрывает, наводит морок, заставляет людей отводить взгляд от той кучи помоев, в которую превратилась Германия. Всем, кто имеет хотя бы капельку мозгов, и так было понятно, что сегодняшняя присяга – лишь фикция и декорация. Пройдёт пара месяцев и человек, которому дана эта клятва, уйдёт из этого мира. И именно от поведения солдат «Лейбштандарта» зависит то, в чьи руки перейдёт столица рейха. А поведение солдат зависит от желания их непосредственного начальника – рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Ну, или, по крайней мере, пусть сам рейхсфюрер так думает. Чем меньше он знает и понимает, тем легче его заместителю, Рейнхарду Гейдриху претворять в жизнь свои собственные планы. Старый восторженный курозаводчик настолько ослеплён собственным величием, настолько увлечён копаниями в собственной ро-

дословной и мелком оккультизме, что не замечает, как в рядах некогда единой СС зреет опасный раскол, прямо угрожающей его непоколебимой власти. Паук, невидимый в тени, аккуратно плетёт свои сети, грозя вскоре перерезать беспечному насекомому все возможные пути к отступлению.

В конце концов, незримый ткач делает это не ради собственной тщеславности. Он делает это ради своей нации, ради своей страны, ради всей арийской расы, чёрт возьми! Deutschland über alles!

А те солдаты, что сейчас стройно маршируют внизу, ещё не знают, что совсем скоро им придётся повторить эту процедуру. И дать присягу новому фюреру, пусть тоже уже не молодому, но всё ещё способному мыслить здраво и видеть то, вот что превратился рейх. В мерзкий, склизкий и дегенеративный кусок дерьма. Как и сам Гитлер. Как и всё вокруг. Как и все здесь!

Как поганый докторишка с бегающими мелкими глазками, чья недочеловеческая сущность видна даже невооружённым глазом! Болезный, косолапый и нескладный Геббельс был всем тем, против чего его, Гейдриха, народ боролся уже тридцать лет. И, к сожалению, так и не смог победить. Иначе это недоразумение никогда бы не то что не возшло, но даже и не смогло бы приблизиться к месту вождя. А тем более не стало плодить своих выродков, одна из которых до сих пор, несмотря на двадцативосьмилетний возраст, не умеет ни читать, ни писать, а на лице у неё явная печать вырождения.

Если таково яблоко, то чего, в таком случае, стоит ожидать от яблони, от её отца?

Впрочем, его оппонент не лучше. Жирный, старый, обрюзгший маршал, который когда-то очень давно, совсем в иной жизни, был прекрасным лётчиком. Сейчас же его толстые щёки свисают едва ли не до шеи, а счёт подбородкам потеряет даже профессор математики. Его округлая физиономия расплывается в улыбке каждый раз, когда мимо проходит новая колонна солдат. От его смеха трясутся неисчислимы жирные складки, по какому-то недоразумению до сих пор называющиеся чертами лица. Некогда отважный и боевитый маршал авиации, Геринг давно уже перестал олицетворять всю ту ярость и варварскую чистоту, с которой вовёл немецкий народ. Опиум, алкоголь и жизнь в роскоши превратили бесстрашного бойца в трусливого шакала, испугавшегося боя за секунду до его начала и протянувшего свою трясущуюся потную ладонь Геббельсу в знак примирения. И теперь он стоит здесь, рядом со своим бывшим конкурентом и довольно скалится, глядя на марширующих солдат.

Остальные не лучше. Вон по правую руку застыли подпевалы Гимmlера из СС. Надутые индюки: Зейсс-Инкварт и Кальтенбруннер. По левую – предатели-реформаторы, что ничем не лучше поганых жидов. Банда из четверых Иуд: Шпеер, Гесс, фон Штауффенберг и фон Нейрат. Какой символизм, олицетворяющий те раковые клетки, что проникли в важнейшие органы государства. Экономика, Партия, ар-

мия, дипломатия. Эта четвёрка любителей жидо-капитализма, мечтающая превратить рейх в ещё один оплот сионизма, должна служить для любого добропорядочного немца напоминанием, что враги сейчас везде. Не в далёкой России, не в заморской Америке и даже не в знойной Италии, лежащей за Альпийскими горами, а здесь, рядом. В собственном доме. В собственной детской, рабочем кабинете или постели.

А поэтому Рейнхард не имеет права расслабляться.

Наконец, казавшееся бесконечным шествие закончилось. Солдаты последний раз щёлкнули каблуками и замерли, вытянувшись по струнке, ожидая приветственной и торжественной речи фюрера. Такой привычной и такой обычной, повторяющейся из года в год. Фюрер любит традиции. Прекрасные, проверенные временем традиции. По сути, это всё, что осталось у рейха от дней былой славы. Вождь всех немцев настолько любил эти милые сердцу ритуалы и полуязыческие пляски, что сам не заметил, как стал одним из подобных пыльных символов.

Оглядев белоснежный мраморный плац, на котором чёрными тенями выстроились солдаты СС, своим старческим глуповатым взглядом, фюрер подошёл к краю своей трибуны, опёрся на неё дрожащими венозными руками и, слегка прокашлявшись, начал свою речь.

– Мои солдаты! – торжественно начал он. Пусть голос его сейчас звучал не так громогласно, как в дни его былой славы, но, тем не менее, стареющий фюрер собрал в кулак всё

то обаяние, что у него ещё оставалось. – Воины Германии! Легионеры арийской расы!..

Начиналось всё хорошо. Фюрер надрывался, солдаты внимали, а партийные бонзы и министры слащаво улыбались, потихоньку перешёптываясь друг с другом и делая очередные политические ходы. Однако после последнего восклицания Гитлера, всю эту ерунду как ветром сдуло. В воздухе как будто что-то хрустнуло, надломилось, хотя на площади перед зданием Фольксхаллы царила гробовая тишина. Аккуратные улыбки визирей медленно сползали с лиц окружающих, стихали тихие шепотки. Замолчал и сам фюрер.

Молчание его, правда, длилось недолго. Спустя несколько секунд фюрер дёрнулся, повертел старческой, поседевшей головой, обернулся на стоящих по бокам от него Геббельса и Еву Браун, а затем удивлённо продолжил:

– Рём? Где Рём? Почему я не вижу здесь Эрнста?..

После этих слов Геринг с Геббельсом испугано переглянулись, а по рядам собравшихся прошла волна тихого и взволнованного шёпота.

А Гитлер тем временем продолжал. Посмотрел на Геббельса, он сурово нахмурил брови, словно что-то вспоминая.

– Вы... вы кажется Йозеф? Да, точно, теперь я вас вспоминаю. Вы ещё работали секретарём у Штрассера. Скажите же мне, наконец, где Эрнст Рём? Почему он пропускает такое важное мероприятие?!

Вдруг резко он обернулся к солдатам и прокричал:

– Штурмовики! Мои славные штурмовики, вестники национал-социалистической революции!..

Но свою речь он вновь не закончив. Болезненно дёрнув головой, он увидел Еву. И тут же расплылся в довольной, слегка блаженной улыбке.

– Гели, девочка моя... Гели, и ты здесь? Что... что ты здесь делаешь? Как мать тебя вообще отпустила?

Ряды собравшихся стояли, словно громом поражённые. Никто не решался пошевелиться или отдать команду. Все стояли и молча наблюдали за тем, как фюрер впадает «в детство», в дни своей громкой славы и первых побед. В те дни, когда именно СА[1], а не СС, были главным пугалом партии. В дни, когда за звание его главной страсти боролись политика и Гели Раубаль, его собственная племянница, найденная позже в своём доме с простреленным навывлет сердцем.

В дни, когда он сам ещё не превратился в проржавевшего идола.

Во всём этом бараньем безмолвии лишь один человек не поддался оцепенению. Александр, личный охранник Гитлера, которого из-за труднопроизносимой фамилии все за глаза называли просто Алекс, мгновенно начал распахивать сонный почётный караул, также удивлённо тарашающийся на своего вождя, стоя наизготовку возле основания трибуны. Он же аккуратно спустил Гитлера по ступенькам, передав его под белы ручки Геббельса и Евы Браун. Даже тот самый знаменитый чемоданчик, с которым фюрер не расставался

уже лет как семь, и тот Алекс не забыл. А рядом с недоумевающим вождём немецкой нации уже вилась стайка врачей, которым из-за плеча, едва ли не подпрыгивая, заглядывал суетливый и отчаянно потеющий Геринг.

Вскочивший на опустевшую трибуну Геббельс заявил всем собравшимся, что фюреру нехорошо, а поэтому оставшая часть церемонии пройдёт чуть позже. Сборище начало постепенно рассасываться. Гитлера увезли в его загородную резиденцию. Сопровождали его только Алекс, Ева и личный врач фюрера. Политиканы уходили, перемигиваясь и тихонько переговариваясь между собой. Из-за толпы партийцев, пытавшихся быстрее всех успеть влезть в свои личные шикарные автомобили, на парковке перед Фольксхаллой возникла жуткая давка, а чуть позже образовалась пробка. И лишь эсэсовцы покинули территорию без суеты и паники. Чётким строем они промаршировали через всю площадь, миновали беснующихся и отчаянно сигнализирующих автомобилистов и таким же ровным маршем отправились прочь из города. Это, пожалуй, было единственное, что хоть слегка подняло Гейдриху настроение. Поймав напоследок растерянный взгляд своего шефа, Генриха Гиммлера, который хоть и оставался на месте, но всем своим видом показывал, что готов разорваться напополам, одолеваемый своей нерешительностью, Гейдрих презрительно хмыкнул и, развернувшись, отправился напрямик к дверям Фольксхаллы. Сорванная церемония сорванной церемонией, однако работу никто не от-

менял. Особенно, после того, что Рейнхард увидел сегодня на площади.

Если традиции – это всё, что осталось у рейха, если они были последней веткой, за которую ухватился немецкий народ перед тем, как сорваться в бездну, нужно было озаботиться тем, что следовало бы делать, когда эта веточка наконец оборвётся. А судя по сегодняшним событиям, дерево в слабеющей руке уже начало трещать.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. 17 августа, 1962 год.

Глаза я открыл мгновенно. Уже очень давно моё утро не начиналось в мягкой постели, на чистом матрасе и выстиранном белье, так что с минуту я тупо таращился в потолок, мучительно вспоминая, где я, собственно, нахожусь. Дневное солнце широкими лучами ползло по моей комнате, а из открытого окна дул прохладный сквознячок, пузыря тёмно-синие шторы.

Я рывком поднялся. Сел на кровати, свесив ноги. Выбитый глаз невероятно щипало, нужно было немедленно встать и подставить его под струю воды. Я уже хотел было так поступить, но что-то горячее и мягкое вдруг коснулось моей спины.

Через секунду мягкие женские руки уже были на моих плечах, аккуратно стараясь повернуть верхнюю часть торса.

Прикосновения были настолько нежными и любящими, что у меня не оставалось никакого другого выхода, кроме как подчиниться. Обернувшись, я увидел искажённое гримасой грусти и еле сдерживаемых рыданий лицо Ани, чьи губы подрагивали, а из глаз готовы были ручьями хлынуть слёзы.

– Что же они с тобой сделали?.. – отчаянно спросила у меня Аня, нежно глядя ладонью по щеке.

А я ничего ей не мог сказать. Она гладила меня по отросшим волосам, по выбитому и отчаянно саднящему глазу, по шраму на левой щеке, который я получил пару лет назад. Гладила и не могла поверить, что действительно это делает. Те несколько десятков секунд нежности растянулись для неё в целую жизнь, в огромную бесконечность тепла и облегчения. И я не могу сказать, что не ощущал того же.

В конце концов, Аня не смогла больше себя сдерживать. Мокрые и солёные ручьи хлынули из её глаз, с диким всхлипом она бросилась, преодолела те несчастные сантиметры, что продолжали разделять нас, и рухнула мне на шею, сотрясая рыданиями всё своё тело. Моя женщина завывала и горько плакала, а мне ничего не оставалось, кроме как крепче прижимать её к себе и аккуратно гладить её длинные русые волосы.

Я что-то шептал ей, какую-то ерунду, бессмысленную и бессвязную, словно дикому животному, что всегда замороженно слушает человеческую речь. Я не пытался её успокоить и не целовал. Я прекрасно понимал, что сейчас это бы-

ло бесполезно. Поэтому я рассказывал про девственные приуральские леса Московии, про декабрьский снег, не отравленный смогом, про белку, что я заметил в лесу во время своего долгого похода. Я не мешал ей плакать. Ей было необходимо выкинуть, выплеснуть все те страдания, что накопились внутри её души за все эти полгода. И если был более действенный способ это сделать, чем слёзы, то я его не знал.

И именно в этот момент я понял, чем для меня стала Аня. В тот момент, когда на моём плече рыдала, никак не успокаиваясь, девушка, с которой я сожительствовал уже порядка десяти лет, я наконец-то понял, зачем нужны были все эти бесконечные походы, схватки и поверженные чудовища. Зачем на самом деле нужен был многокилометровый марш через всю Московию. Я понял, ради чего были все эти построения, бесконечные учения, самоистязания и нескончаемые схватки с, казалось бы, непобедимым врагом.

Я просто хотел, чтобы моя женщина больше никогда так горестно не всхлипывала.

Впрочем, почему только моя? Я не хотел бы, чтобы вообще хоть одна женщина в мире испытывала нечто подобное тому, что испытывала сейчас Аня. Однако в тот момент я не мог думать ни о чём, и, самое главное, ни о ком другом. Ни о чём светлом, разумном, добром и вечном. Я лишь хотел дать этому беззащитному существу, которое никак не могло успокоиться, истерично рыдая на моём плече, всё тепло, всю любовь и уверенность, какую имел сам.

Именно в тот момент, я понял, как сильно я её люблю.

Люблю до злости, до ломоты в рёбрах, до эгоистичной ярости направленной на любого, кто посмеет бросить на неё хотя бы взгляд. Люблю до ненависти, до неистребимого желания сломать и уничтожить. Неважно кого: немцев, Чёрную Армию, Алеутова. В те минуты я ненавидел их всех одинаково. Никто из них не был достоин ходить по одной земле с женщиной, что почти полгода засыпала одна в холодной, продуваемой всеми ветрами квартире где-то в уральской глуши. Никто из них не был достоин смотреть на женщину, которая всю эту мрачную весну и лето слышала перед сном не мирное сопение любимого, а наводящий ужас гул приближавшихся бомбардировщиков. Засыпала в страхе и ужасе не столько за себя, сколько за другого, бесконечно далёкого от неё человека, что в то время брёл по талому снегу Поволжья. Бесконечно далёкий рыцарь, жаждущий отрубить драконью голову, совсем забывший о принцессе, что печально глядит на его схватку с последнего этажа высоченной башни. Да, именно та самая принцесса, которая в конечном итоге и должна поменять бочонки с живой и мёртвой водой.

И именно живая, целительная вода сейчас стекала по моему израненному плечу.

Я не пошёл умыться. Просто не смог. Мы долго сидели, тупо глядя друг на друга, не в силах оторвать взгляд. Мы замечали каждую чёрточку друг у друга, каждый незаметный штришок внешности, каждую мимолётную эмоцию или иг-

ру мышц. Она влюблялась в меня заново, откапывая гроб, в котором меня похоронила, открывая тяжелую крышку и снова узнавая знакомое румяное лицо. Я же делал это впервые. Впервые видел в ней не бывшую проститутку, не сожительницу, с которой делю постель, не обузу и дополнительную норму калорий. Я глядел на женщину, растрёпанную и опухшую от утренних рыданий и не мог поверить самому себе. Не мог поверить, что передо мной сидит та, что стала матерью, настоящей матерью абсолютно незнакомому ей мальчишке, которого я приволок с улицы, голодного и грязного. Не мог поверить, как это хрупкое, по сути, и глубоко несчастное существо, едва выжившее в нашем беспощадном мире, вздрагивало каждый раз, когда на нашем этаже раздавались тяжёлые шаги. И не мог, самое ужасное, поверить в то, что когда-то я не оглядывался на её крошечный силуэт, неизменно провожающий меня в буран очередного задания.

А потом, когда наше общее открытие было совершено, мы занялись тем, что обычно делают молодые влюблённые в любую свободную минуту. Мы не завтракали, не умывались, не говорили о делах. Мы просто не отлипали друг от друга. Склеенные самым мощным клеем, мы не могли оторваться друг от друга ни на секунду. Мы как одержимые исследовали каждый кусочек наших тел, которые снова и снова становились единым целым. И после кратких перерывов страсть снова вспыхивала огненными бутонами, и мы снова прижимались друг к другу, стараясь раствориться, вжаться, влить-

ся, стать единым целым. А все мои мысли в те мгновения занимало лишь её лицо. Самое прекрасное, самое неопишваемое и самое дорогое, что существовало для меня в этом мире.

Я не знаю, о чём она думала в тот момент, но мне кажется, что о том же самом.

Когда через полтора часа (отрезок времени, показавшийся мне бесконечным) Аня вдруг завела разговор, у меня едва хватало сил, чтобы шевелить губами. Фразы я строил на голом автоматизме, закалённом годами армейской службы.

– Ты... как? – облизывая сухие губы спросила меня Аня.

– Хорошо, – шумно выдохнув, ответил я.

– А?.. – она вопросительно коснулась ладонью левой части моего лица. Учитывая тот факт, что лежала она с правого боку, ей пришлось слегка приподняться, а я при этом её движении едва подавил в себе желание вновь на неё накинуться.

– При допросе, – верно истолковал её вопрос я.

– Наши что ли?!

В её глазах сквозил ужас.

– Нет, – поспешил успокоить я Аню. – Немцы. Или предатели, разницы никакой. Схватили меня уже в Москве. Пытали. Я вроде как им ничего не сказал. По крайней мере, пока был в трезвой памяти. Хрен его знает, может чем потом и накачали, но сильно в этом сомневаюсь. Допрашивали меня, судя по всему, всё-таки русские, а у самого рейхскомиссариата нет мощных психотропных средств. За этим делом в рейх надо посылать, но там ради русских недочеловеков ни-

кто и не почешется. Так что, всё по старинке: молоток, гвозди, уголёк сигареты.

Я сделал небольшую паузу, обдумывая, стоит ли говорить некоторые вещи, но всё же решился:

– А потом сами отдали документы. И сами же отпустили. До сих пор не понимаю, что вообще это было. То ли одноразовая акция какого-то сочувствующего нам элемента в «высших» кругах Московии. То ли сознательная провокация. Жуков и Алеутов, готов спорить, до сих пор ломают над этим головы.

– А ты что? – глядя на меня восторженными глазами, спросила Аня.

– А я ничего, – я с удовольствием поймал её восхищение и продолжил. – Я под конец заседания отрубился. Нервы. Да и поездка тоже порядком меня вымотала. Поэтому, на чём в итоге порешили, я не знаю, обещали сегодня вызвать. Хотя, сдаётся мне, сильно кочевряжиться они не будут. Дадут бумагам ход.

– Почему?

– Потому что выхода у них особого нет, – ответил я, вставая и натягивая штаны. – Чёрная Армия, как я успел заметить, усиленно к чему-то готовится. Такого оживления в нашем стоячем болоте я не замечал уже давно.

– Да, да, – горячо начала подтверждать мои слова Аня, тоже потихоньку одеваясь. – На заводах повысили рабочую норму. Чуть ли не в два раза! – в этом моменте она перешла

на тихий, но доверительный и взволнованный шёпот. – Но, говорят, что и пайку теперь тоже крупнее дают. Тем, кто возле границы работает даже с шоколадом. Я недавно с Леной встречалась, она говорит, к ним недавно захаживал солдатик, а у самого плитка шоколада из кармана формы торчит. Дело-то она делает, а сама всё на шоколад косится, облизывается. С детства ничего подобного не видела. Ну, боец-то видать добрый попался, отломил половинку, за так отдал. А Ленка потом весь день его грызла. Одна, втихаря. У себя в комнате закроется и по кусочку пережёвывает, аккуратно так, по чуть-чуть. Она когда вниз спустилась, её остальные девки чуть не убили, как запах учуяли, пришлось даже охране вмешиваться.

Шмыгнув носом и запутавшись в своём вылинявшем свитере, она продолжила.

– Я бы тоже убила, курву такую. Бордель борделем, а совесть иметь надо.

Ленка была давней подругой моей Ани. И хоть последняя и завязала с древнейшим ремеслом в истории человечества, контакт с бывшими коллегами не теряла. Иногда это было даже полезно. Особенно, когда в увеселительные заведения случайно забредал контрабандист из Новосибба или слишком подозрительный тип. Первого всегда можно было «раскрыть», заставив работать на нас, а вот вторых частенько брали в более серьёзный оборот, скармливая дезинформацию и кормя ложными сведениями. Обычно это давало соответ-

ствующий результат. Естественно, и теми, и другими занималась моя контора. Поэтому «девочек» многие из моих сослуживцев очень сильно любили. Причём не только за определённые таланты, но и за вполне конкретный патриотизм, который оплачивался крышей и покровительством как целых заведений, так иногда и отдельной «девочки».

Чувства Ани я также понимал. Шоколад мы с ней не ели тоже достаточно давно. Лет пять, может быть шесть. Но и то, это был контрабандный японский и слегка побелевший. Впрочем, когда мы его неистово жрали, шурша обёртками, для нас он был воистину пищей богов. Но теперь, с захватом порта, я готов был поспорить, что дела с продуктами питания стали обстоять намного лучше, раз уж даже обыкновенному солдату или пролетарию мог достаться такой деликатес, как шоколад.

– А свет? – не унималась Анька. – Ты свет видел? Теперь город по ночам горит. Лампочками горит, Гриш! Я в детстве в Ленинграде жила, там тоже подсветка была. Весь Невский сиял. Очень красиво! А теперь и тут. Люди, представляешь, теперь, когда домой идут, замирают на улице и стоят. Смотрят. Теперь-то не бомбят...

– Не знаешь, кстати, почему? – не то, чтобы я не знал ответа, но стоило уточнить, насколько какая именно доза достоверной информации просочилась к гражданским.

Аня отрицательно покачала головой.

– Не знаю, Гриш, это всё же по твоей части, – она сму-

щённо улыбнулась. – Но девочки говорят, что это новые зенитки какие-то подвезли, – Аня понизила голос до шёпота. – Американцы. Они и шоколад тоже завозят. По крайней мере, Вероника Сергеевна, наша главная, ну ты помнишь, рыжая такая, потом у Ленки обёртку эту от шоколада отобрала и внимательно разглядела. Говорит, написано на английском.

– Жнашит, жействително американчы! – неразборчиво крикнул я из ванной, натирая рот зубным порошком. – Болже непому!

Ответа из-за журчащей воды я не услышал.

– И что теперь? – игриво спросила у меня Аня, когда я закончил водные процедуры.

Она сидела на кровати в своём потёртом линялом свитере и, подогнув ноги под задницу, насмешливо смотрела на меня. За то время, пока я был в ванной, она успела полностью одеться, непрозрачно намекая на то, что утренний марафон окончательно завершён, раздёрнуть шторы, впустив в комнату огромное количество августовского дневного света и заправив постель, окончательно заставив меня поверить в тот факт, что я наконец-то дома.

– Снова поедешь к Алеутову? – закончила она свой вопрос.

Я уставился на настенные часы, маятник которых гулко щёлкал в полупустой квартире, пару секунд постоял, погружённый в размышления, а затем отрицательно покачал головой.

– Нет, – уверенным тоном произнёс я. – Сегодня точно нет. Уже почти два часа дня, а меня до сих пор, что называется, не попросили. Кажется, сегодня Саша решил сделать мне выходной.

– Ты так в этом уверен?

– Абсолютно, – я улыбнулся, а затем плюхнулся на кровать рядом с Аней, заставив её пискнуть и слегка подскочить. Именно так, в положении полулёжа я и продолжал. – Мой начальник считает, что спать до двенадцати есть непозволительная роскошь. А поэтому нас с тобой давным-давно прервали, если бы не решили на сегодня меня оставить в покое.

– И с чего бы это? – всё так же весело и беззаботно спросила, будто бы сама у себя, Аня. – У вас же вроде что-то важное наклёвывалось.

– А, – махнул рукой я, слегка придерживая ладонь в падении и нежно проведя по аккуратно женской спине. – Слишком серьёзные дела, там всё решат уже без скромного полковника. Скорее всего, вызовут завтра-послезавтра. И то, именно из-за того, что я с Сашей на короткой ноге, и он захочет держать меня в курсе событий.

– В таком случае, – Аня повернулась ко мне и облизнула губы. – Какие у нас на сегодня планы?

«У нас». Я ещё раз попробовал эти слова на вкус. «У нас». Раньше не было никаких «нас». Раньше, я имею в виду до сегодняшнего утра. Был я, была она, были наши собственные, у каждого отдельные планы, пересекавшиеся только в быто-

вых и сексуальных вопросах. Ни о каких «наших» планах речи и не шло. Мало того, я именно сейчас отчётливо вспомнил, сколько раз Аня пыталась изменить положение вещей, и сколько раз именно из-за моей отстранённости ледяная стена между нами оставалась стоять.

Потребовались все ужасы рейхскомиссариата, выбитый глаз и логово каннибалов под Казанью, чтобы понять это. Чтобы понять, за что именно я сражаюсь.

Долго обдумывать дальнейшее времяпрепровождение мне не пришлось.

– Прогуляемся? – предложил я.

Её глаза немедленно поползли на лоб.

– Что ты сказал?

– Я говорю, может прогуляемся? – кашлянув для порядка, продолжил я. – Я не помню, когда мы в последний раз гуляли...

По её лицу начала расплзаться довольная и широкая улыбка. Она, чуть наклонившись, звонко чмокнула меня в губы, а затем моментально вскочила с кровати.

– И что ты сидишь в одних штанах тогда?! – тут же затараторила Аня. – Давай поднимайся, пошли быстрее!

И мне пришлось под её причитания, смех и игривое рукоприкладство искать свою гражданскую одежду. В мундире Аня меня из дома выпускать отказывалась наотрез и, шутливо скрестив на груди руки, ждала, пока я переоденусь во что-нибудь цивильное. Несмотря на то, что ей всё-таки уда-

лось уговорить меня оставить форму дома, табельное и удостоверение я всё же с собой взял, пресекая все бурные женские протесты.

Когда мы наконец-то вышли из двери квартиры, Аня обернулась ко мне и, аккуратно погладив по щеке рукой, проговорила:

– Знаешь... мы ведь вообще первый раз идём вместе гулять.

И начала спускаться вниз по лестнице, оставив меня в стыдливом замешательстве, держащего холодный металл ключей в сжатом до боли кулаке.

* * *

– Признаюсь, я раньше думала, что это ты просто не романтик, – весело упрекнула меня Аня, когда мы насилу отвязались, благодаря моим корочкам, от очередного военного патруля, седьмого по счёту. – Теперь я понимаю, что ты просто-напросто рациональный прагматик.

– В смысле? – спросил я, слегка погружённый в свои мысли.

– В прямом, – ответила она, крепче прижимаясь к моему боку и беря меня под руку. – Представь, в какой ад превратилась бы наша прогулка, если бы нас до сих пор бомбили.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

– Хочешь предложить другие варианты?

– Хочу, – она кивнула головой. – Можем отправиться обратно домой...

– И?.

– И устроить праздник! А на него уже пригласить Артёма и Васю, – весело продолжила Аня. – В конце концов, стоит хоть как-то отметить твоё триумфальное возвращение.

Я буквально на несколько секунд задумался, карикатурно приложив два пальца к подбородку.

– Прекрасная идея, – улыбаясь, согласился я.

А что ещё я мог ответить.

– Замечательно, – она привстала на цыпочки и звонко чмокнула меня в щёку. – Тогда я побежала, постараюсь приготовить что-то вкусное. А ты пока сходи, разузнай, где они, и смогут ли вообще прийти.

– Это ты так ненавязчиво отсылаешь меня прочь, чтобы не путался под ногами на кухне?

– Нет, это я тебя отсылаю, чтобы не отвлекаться каждые полчаса.

И, хищно улыбнувшись, жарко впила в мои губы.

– Не могу сказать, что такая перспектива мне не нравится, – высказался я, когда поцелуй закончился.

И получил в ответ ещё одну хищную улыбку.

– Иди давай, – шипя отправила меня Аня, получив в ответ звонкий шлепок по нижней части спины.

Через пару минут я уже быстрым шагом направлялся к казарме, где был прописан Артём.

Едва я миновал душный КПП, где сурового вида вахтёр-лейтенант долго рассматривал моё удостоверение, меня тут же встретил громкий, но печальный раскат аккордеона. Кто-то играл в тишине и одиночестве, не перебиваемый ни чмоканьем сигаретных затяжек, ни тихим перешёптыванием, ни скрипом деревянных половиц. Только мелодия, красивая и печальная.

Оперевшись на косяк казарменной двери, я увлечённо наблюдал, как Артём, сверкая бритой головой и свесив ноги с койки, медленно и спокойно ласкает инструмент. Это получалось у него самозабвенно, виртуозно, так, как получается только у профессиональных музыкантов, да и то, только в тот момент, когда на них никто не смотрит. Или, пока они так думают.

Мелодия была мне незнакома. Я не смог угадать её ни через минуту, ни через две внимательного прослушивания. Иногда мне казалось, что ответ вертится у меня на языке, но едва Артём брал очередной аккорд, это ощущение таяло как дым. Песня лилась без слов, как будто из другого измерения. Мне казалось, будто мой мальчик на секунду приоткрыл дверцу в другой, куда лучший мир. Приоткрыл, просунул руку и вытащил оттуда что-то настолько прекрасное, насколько было прекрасно то самое место, где нас нет. А пес-

ня как будто только этого и ждала. Она хлынула в пустую и пыльную казарму как река, нашедшая вход в новое благодатное русло.

Я стоял, словно замороженный, и слушал, как мой сын играет на аккордеоне.

– Никогда не подумал бы, что ты так умеешь, – с хрипотцой в голосе произнёс я, когда он закончил.

Вздрогнув, услышав неожиданный звук моего голоса, Артём резко обернулся. Инструмент моментально оказался откинутым на заправленную постель, издав немного печальный музыкальный вздох, а через секунду молодой разведчик уже сжимал меня в своих крепких объятиях.

– Ты... ты... – это всё, что он смог из себя выдавить.

Я понимал, что моего парня душат слёзы. Мало того, я испытывал почти те же чувства, поэтому мы оба, чтобы ненароком не пустить скупую мужскую слезу, стояли молча.

– Я уже и не надеялся, – проговорил, наконец, Артём, когда самообладание вернулось к нему.

– Не поверишь, но я тоже, – ответил я, слегка отстраняясь.

– Это кто так тебя? – спросил он, имея в виду мой глаз.

– Ай, – я махнул рукой. – Потом расскажу. Рабочие издержки. Ты на себя-то посмотри, я и не знал, что ты так умеешь, – я кивком указал на аккордеон.

– Я и сам не знал, – он смущённо развёл руками. – У меня товарищ был, недавно на Линии погиб. От него осталось-то, портсигар да инструмент. Я к рукам всё его добро и прибрал.

Сперва не особо получалось, я так, и сяк пробовал, а потом само как-то пошло. Вроде неплохо выходит.

– Неплохо, это мягко сказано, – похвалил я.

– Видишь, я не только людей убивать умею.

В этих его резких и неожиданных словах сквозило что-то большее. Что-то невысказанное и гложащее его изнутри до невозможности, до пубертатного сарказма и злости, которое так несвойственно старшим лейтенантам государственной безопасности.

И что самое печальное, я знал, что его злость направлена именно на меня.

– Да, – я сделал паузу. – Разностороння ты личность.

– Да нет, – он всё также злобно пожал плечами. – Как раз-таки достаточно однообразная. Герой новой России. Стал именно тем, кем ты хотел меня видеть...

И вдруг мне стало всё ясно. Ещё недавно, ещё всего лишь полгода назад я не видел Артёма в Артёме. Я видел преемника, я видел пример для всех русских, для нового поколения солдат и бойцов. Идеального солдата, что я лично вскормил и воспитал. Слепленный ненавистью к давнему врагу, я смотрел на своего приемного сына, смотрел пристально и внимательно, выискивая его изъяны, ликвидируя их и возвращая из него настоящего воина.

Я видел его успехи в стрельбе, в строевой и тактической подготовке. Видел, как быстро он пробегает стометровку, как умело вскарабкивается по канату. И совсем не замечал

того, с каким вожделением, с какой жадностью он смотрит на гитару, которую Гром иногда приносил к нам домой. Я снова и снова вкладывал в его руки священный меч, который он в итоге с такой яростью обрушил на врагов нашей Родины.

Правда, я совсем забыл научить его пользоваться оралом.

И если бы не мой поход, если бы не те несколько месяцев, что я провёл в маленькой деревушке Леонида, если бы не те уроки прошлого, которые преподали мне эти несломленные и не сдавшиеся люди, взявшие в руки серпы, а не винтовки, я бы сейчас скривился в гримасе недоумения и пропустил эти слова, полные яда, мимо ушей. Отправил бы их в дальний ящик моей души, туда же, где уже сложено огромное количество истлевших скелетов, но теперь...

Теперь я просто отступил на шаг. Отступил, чтобы ещё раз взглянуть на своего сына. Отступил, чтобы по-новому взглянуть в глаза новой России. Посмотрел, выдержав полный обвинения взгляд. А потом медленно и тихо произнёс.

– Прости меня...

Артём вздрогнул. Вздрогнул резко и жутко. В его глазах, как мне показалось на миг, забегали дикие искры, сжигающие в пепел всю ту горечь и всё то бремя, что он вынуждены был нести.

– Я... – начал было он, однако я его перебил.

– Я знаю, что ты не выбирал своей судьбы. Её за тебя выбрал я, когда спас в том тёмном переулке от стаи шакалов. Но я тоже не выбирал своей. Мою за меня выбрал Вермахт.

Выбрали те чёрные крылья, что до сих пор кружат над нашей страной. Выбрал рёв бомбардировщиков и гул горящих деревьев. Не выбирал её ни Алеутов, ни Жуков, ни Вася Громов. Никто из нас. Выбора у нас нет и никогда не было. Есть лишь только бесконечный круг ненависти и крови. Круг чада концлагерей и криков умирающих. И мы с тобой тоже части этой цепи, как это ни прискорбно. Я верил, всё то время, что растил тебя, верил, будто можно выбрать свою судьбу наперекор, назло, напоперёк. Назло Адольфу Гитлеру, назло всей его партии, назло всем немцам. И я был прав. Мы действительно должны с тобой писать на их поганой разлинованной бумаге напоперёк. Только вот чернила наши не будут кипеть от ненависти. Это не выход. Это лишь запустит ещё один цикл боли и страдания. Разбить оковы можно только любовью. Любовью назло, в отместку. Любовью к своей стране...

– ...к своей стране, – замороженно повторял за мной Артём.

– К своим друзьям...

– ...к своим друзьям.

– К любимым...

– ... любимым.

– К родным.

– ... к родным.

– Ненависть к врагу-захватчику – священное и самое гуманное чувство на свете, – продолжил я. – Именно оно при-

даст нам сил сражаться, когда придёт время. А оно уже близко, не сомневайся. И мы будем драться как в последний раз, не отступая, вгрызаясь волчьей хваткой в горло врагу. Но не она выведет нас из плена порочного круга. Любовь. Только она, Артём. Вот ради чего ты должен сражаться. Ради любви. Именно ради своей любви, всепоглощающей и необъятной, ты и должен ненавидеть.

Я вздохнул. Вздохнул с облегчением, сбрасывая неподъёмный груз.

– И я прошу тебя, Артём, быть героем. Прошу, не приказываю. Безднадёжным героем, сложным, героем поневоле. Как и все мы, как и вся Чёрная Армия. Пусть мы и не выбрали свою судьбу, но мы в праве выбирать, кого нам любить, а кого ненавидеть. Кому грызть глотки и ради кого бросаться грудью на амбразуры.

Я выдержал тяжёлое, очень тяжёлое для меня секундное молчание.

– Я люблю тебя, сын, – и впервые с момента начала своего монолога поднял глаза на Артёма.

По его щекам бежали слёзы.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. 23 августа, 1962 год.

– ...А теперь перейдём к основной части совещания, товарищи. К тому, ради чего, собственно, мы все здесь и со-

брались, – продолжил свой монолог Алеутов.

Над потолком его кабинета непроглядным маревом висело облако табачного дыма. Семеро, включая меня и американца, мужчин сидели за круглым столом и безостановочно курили, забывая напряжение никотином. Даже Джеймс, никогда на моей памяти не прикасавшийся к сигаретам, жестом попросил у меня пару штук, едва я вынул портсигар из глубокого кармана своего кителя.

Напряжение пополам с дымом топором висело в воздухе.

Алеутов, прекрасно понимая, что как только он сообщит основную новость сегодняшнего собрания, всем резко станет не до мелочей, решил начать как раз с них. Конкретно – поблагодарил меня от лица всей Чёрной Армии за доблестную службу, а затем вручил звезду Героя. Вообще, это полагалось сделать верховному маршалу, однако тот неважно себя чувствовал, у старика дико болели ноги. Поэтому чествовать героя довелось моему непосредственному начальнику. И, несмотря на наши с ним близкие и приятельские отношения, делал он это со всей возможной серьёзностью. Когда его подчинённые, какими бы они не были близкими друзьями, совершали что-то экстраординарное, Алеутов никогда не отказывал им в почестях. Возможно, именно поэтому он и занимал свою должность.

А пока нервное напряжение готово было высекать искры из прокуренного воздуха, я расслабленно откинулся на спинку кресла, несильно зажав между пальцами сигарету. По те-

ду отчего-то начала разливаться тихая волна успокоения. Я ещё раз затянулся и на несколько мгновений погрузился в воспоминания недавнего прошлого.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. 17 августа, 1962 год. Вечер.

– Возвращайся, пожалуйста, поскорее...

Наша кухня, жёлтый свет лампы. Старый скрипучий диван, на котором в пьяной полудрёме лежит Артём, слегка свесив голову набок и скрестив руки на груди. Он хотел всего лишь чутка отдохнуть, послушав наше с Аней воркование. Однако этиловое зелье оказалось даже сильнее, чем тренированное тело молодого разведчика. Ничего странного, особенно учитывая количество выпитого. Вася прийти не смог, а поэтому среди разбросанных по столу бутылок не было его порции. Его недавно, спустя долгие годы мытарств и недооценки, наконец-то возвели в ранг майора, предоставив свой личный тихий кабинет в одном из штабных зданий Свердловска. Правда, кабинет, по словам Васиного секретаря, в основном пустовал, Громов всё также предпочитал находиться среди вверенных ему солдат, лично наблюдая за их подготовкой, но, тем не менее, его восхождение по лестнице штабной карьеры началось, пусть и с сильным опозданием. Застать мне его не удалось, Вася в очередной раз уехал на Ли-

нию Карбышева тренировать своих орлов. Как мне доложил всё тот же секретарь, сначала суровый и неподкупный, а затем, когда я достал свои корочки, моментально растаявший, штабных командиров сейчас достать не получится от слова совсем. Все они либо на учениях, либо переброшены ближе к границе с рейхскомиссариатом.

И я прекрасно знал причину.

Ну, и конечно же мы, аккуратнo прижавшиеся друг к другу возле квадрата ночного окна. Правда, в отличие от тёмной ночи полугодичной давности, эта ночь освещалась десятками, если не сотнями электрических ламп. По всему полуночному Свердловску разливались бесконечные волны света, не оставляющие ни малейшего шанса на существование ни единому тёмному уголку, ни одному мрачному переулку. Спустя двадцать лет задёрнутых плотных штор и непроглядной тьмы, царившей на улицах после захода солнца, глаза уже после нескольких минут наблюдения за таким великолепием начинали болеть и слезиться.

Но мы всё равно смотрели. Не отрывая глаз.

– Я постараюсь, – настолько, насколько вообще мог, честно ответил я на просьбу Ани.

– Врёт, – пьяно, сонно и уверенно обвинил Артём, тыкая в меня пальцем. – Нас ещё долго... ик, не будет.

– А ты не пугай женщину, – шутливо пригрозил я ему. – Ань, действительно, – ответил я, обратившись к Ане. – Заваривается что-то по-настоящему серьёзное, такое, что по-

добного мероприятия в Чёрной Армии никогда ещё не было. Я действительно не могу сказать, когда мы вернёмся. Чёрт, да я даже не могу сказать, когда мы, собственно, отправимся! Ещё ничего не известно толком. Возможно, мы вообще никуда не двинемся...

Я вымученно улыбнулся, а Аня, глядя на мой оскал, лишь печально вздохнула.

– Но ты всё равно постарайся... аккуратнее.

Я ничего ей не ответил. Просто сильнее прижал её к себе. Аккуратное и острое женское плечо ткнулось мне в бицепс. Я аккуратно провёл по её предплечью, чувствуя, как оно покрывается мелкими мурашками и...

И вздрогнул.

Вздрогнул, а затем с хрипотцой в голосе начал медленно, словно вытягивая из самого себя слова, говорить.

– Ань...

На этом моменте она с любопытством подняла голову.

– Ты выйдешь...

Женские глаза моментально стали в два раза шире.

– За меня?

На лбу вылезла одинокая капелька пота, а затем моя женщина, с которой я прожил добрых десять лет, которую покидал едва ли не каждые полгода, не присылая вестей и не давая о себе знать, вдруг с счастливым визгом повисла у меня на шее.

Громко пища от восторга, они осыпала моё лицо градом

поцелуев. Затрясла в воздухе ногами, когда я приподнял её над полом. Повторяла, словно заведённая, одно-единственное слово. Подбежала к Артёму, растрясла его, сонного, прояснила ситуацию и получила в ответ лишь пьяный поздравляющий бубнёж. Её, впрочем, это не смутило.

А я стоял и рассеянно улыбался. Улыбался той искренней и наивной улыбкой человека, который впервые в жизни сделал всё правильно. По-настоящему правильно.

* * *

Чёрная Армия, Свердловск. 23 августа, 1962 год.

– Итак, – громкий и торжественный голос Алеутова вывел меня из моих грёз. Я встрепенулся, стряхнул пепел и приготовился внимательно слушать. Все в зале: Новиков, Рокоссовский, Кузнецов и даже сам Жуков последовали моему примеру.

– Как только что доложил наш американский коллега, – Александр кивнул на Джеймса, сидящего, как впрочем и всегда, по левую руку от меня, – его руководство сумело связаться с нашим агентом в рейхе. Он действительно оказался тем, за кого себя выдаёт. Притом, занимает очень высокую и важную должность, имея, помимо своего собственного положения, чрезвычайно важные кровные, я подчеркну именно этот момент, кровные связи. Между ним и американским агентом установлен прочный канал связи.

В этот момент в кабинете можно было слышать биение сердца чужого человека, сидящего через пару мест от тебя.

– Товарищи... – голос Алеутова неожиданно осип, горло его перемкнуло. Он откашлялся и продолжил. – Товарищи. Друзья. Братья. То, о чём мечтал русский народ уже как двадцать лет, вскоре свершится. День Освобождения, который мы так яростно и так долго ждали, уже близок. Я хочу вам заявить, что первая стадия операции «Валькирия» началась...

[1] Штурмовые отряды (нем. SturmAbteilung) – военизированное крыло НСДАП в тридцатые годы. Ликвидировано, вместе со своим лидером, Эрнстом Рёмом в 1934 году, в т. н. «Ночь длинных ножей». Их место заняли СС.

Глава четвёртая

Семнадцать мгновений зимы

*«И ты, порой, почти полжизни ждешь,
когда оно придет, твое мгновение.*

*Придет оно, большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего.*

*А в общем,
надо просто помнить долг
от первого мгновенья до последнего».*

**Великогерманский рейх, Столица Мира Германия.
3 декабря, 1962 год.**

«Саша, я долго, право слово, не знал, как начать это письмо. Я исписал, ты не поверишь, три черновых листа бумаги, все их пришлось сжечь в камине, чтобы не оставить никаких улик. Сейчас-то это уже бессмысленно, но ты прекрасно знаешь, как я всегда был щепетилен в подобных вещах. Такие привычки нельзя просто отбросить, даже если все мосты, если ещё не сгорели, то как минимум занялись пожаром. К тому же, можешь себе представить, я порядком подзабыл русский язык. Я не писал на нём ещё с войны, и если бы у меня ещё остались волосы на голове, я бы обязательно их выдрал, когда переписывал свои неоконченные опысы. Это очень страшно, Саша, забывать родной язык. Намного страшнее, чем воевать.

Говоря короче, если ты держишь в руках этот листок бумаги, меня уже нет в живых.»

Максим Максимович Исаев со вздохом отложил массивную и дорогую ручку. Ещё раз пробежался по исписанной части бумажного листа. Недурно, очень недурно. По крайней мере, много лучше предыдущих попыток. Для человека, что уже двадцать лет не писал на родном языке, даже единственный хороший абзац текста являлся достаточным достижением.

Максим Максимович дрожащей рукой поправил воротник идеально выглаженного военного кителя. С омерзением дотронулся до дубовых серебряных ветвей и тут же одёрнул руку, будто обжегшись. Сегодня он ненавидел и презирал свою форму сильнее, чем когда-либо. Сегодня две резкие молнии на его одежде жгли огнём больше, чем в любой другой день из тех сорока лет, что он провёл в самом сердце проклятой нацистской империи. Целых два десятка лет, наполненных горечью и поражением.

Со старческим кряхтением он провёл рукой по редким, поседевшим волосам. От его некогда роскошной шевелюры теперь не осталось и следа. Впрочем, как и от молодого штандартенфюрера из шестого отдела РСХА, отмеченного наградами фюрера и рейхсфюрера СС. Тот ээсовец сгинул, сгинул вслед за молодым и горячим советским разведчиком, что сорок лет проработал за границей, не видя ни жену, ни новорождённого сына. Где они теперь? В каком концлагере

задушены, в какой душегубке сожжены? Он не знал о них ничего, не мог прийти на могилку, не мог хотя бы по-человечески попрощаться. И право, какой резон уважаемому бригадфюреру заботиться о посмертии каких-то жалких славянских недочеловеков?

Ничего не осталось. Ничего. Теперь существовал лишь слабый и ветхий старик, в бессильной злобе сжимавший кулаки в своём собственном кабинете. Живущий на пенсию, жрущий подачи с гитлеровского стола, шестидесятидвухлетний старый хрыч, который, как казалось молодым карьеристам из СС, никому уже не способен причинить вреда. Время его блистательных успехов давно прошло, считали они, слава его померкла, а когда-то могущественное влияние, некогда спасшее его от цепких лап самой СД, почти сошло на нет. Впрочем, что взять со щенков, не видящих дальше собственного мокрого носа?

Максим Максимович Исаев вдруг блаженно улыбнулся, как может улыбаться только человек, разыгравший шахматную партию на несколько ходов вперёд. Пусть немецкие молокососы думают о себе и о своей шаткой империи всё, что им угодно. Решающий ход у него ещё впереди. Долгая комбинация, наполненная бесчисленными гамбитами и разменами, подходит, наконец, к своему концу.

Миг его славы, вопреки мнениям подонков-немцев, ещё даже не наступил.

Отбросив невесёлые мысли, Максим Максимович снова

ВЗЯЛСЯ ЗА ПИСЬМО.

«Мы с самого твоего детства были близки. До твоего рождения я даже не мог представить, что кому-то в этой проклятой Германии смогу доверять настолько, насколько доверяю тебе. Ты стал для меня отдушиной, порывом свежего ветра в этой удушающей бане с пауками. С самого начала я видел в тебе не только проклятое немецкое начало, но и свою суть, свою кровь, свои глаза. В конечном итоге, я рассказал тебе всё: от и до. И тогда ты, мальчик, воспитанный в стране победившего национал-социализма, мог бы легко донести на собственного же отца. Сделать это для тебя было несложно, ты всегда отличался блестящим и ясным умом, а в нашем доме постоянно ошивалась куча высоких чинов из СС. Но... в конце концов та благородная, не отравленная немецким суррогатом кровь, текущая в твоих венах, дала о себе знать. Ты не только не предал моего доверия, но и встал на мою сторону. О таком богатстве я не мог даже и мечтать.

Я помню твои первые уроки русского языка. Помню, как доставал тебе тайно отпечатанного Пушкина, а ты взахлёб читал, затирая тонкие листы бумаги до дыр. Помню, как прятал от своей матери «Бесов» Фёдора Михайловича.»

На этом моменте Максим Максимович остановился, размышляя, стоит ли писать именно то, что он хотел, но всё же решился и продолжил.

«Твоя мать. Я прекрасно понимаю, какие нежные чув-

ства ты питал к ней, несмотря на всю ту ненависть к немцам, что я старался в тебе воспитывать. Я бы сильно удивился обратному, в конце концов, она была той самой женщиной, что родила тебя на этот свет. Не буду врать, что любил её, но за те пятнадцать лет, что мы провели вместе, я успел к ней привязаться. Иногда я скучаю по ней. Фрида была очень примерной женой, настоящей кухонной проповедницей национал-социализма, как и полагается любой добропорядочной немке. Мозги при этом, конечно, иметь было не обязательно, поэтому она их и не имела. В конце концов, нужно было быть непронимой клушей, чтобы не замечать наших с тобой подпольных интриг и планов. Но она была... наверное, она была настоящей. В этой своей глупости, в своём догматизме, выводящем иногда меня из себя, даже в кухонном ответвлении национал-социализма, которое я ненавидел до глубины души, она оставалась последовательной. Она была самой собой. И эти её честность и прямолинейность, которые доводили меня до бешенства, до с трудом скрываемой ярости, в конечном итоге и примирили меня с её существованием. Когда она лежала в раковом корпусе, я искренне желал её выздоровления и использовал всё своё влияние, чтобы найти ей лучших докторов. К сожалению, разваленная немецкая медицина не смогла её спасти. Не смогла спасти единственного немца, с чьим существованием я примирился.

Ты знаешь, что я до последнего не хотел жениться? Сде-

лал я это только в самом начале войны, когда быть высокопоставленным разведчиком и не обзавестись женой-арийкой и выводком маленьких арийчат стало уже совсем неприлично. Но это я так, глупости болтаю.

Я просто хочу сказать тебе, что очень горжусь тобой. Теперь, когда в последние месяцы мы с тобой с помощью наших неожиданных союзников завершили все приготовления, лишь шаг отделят тебя от того, чтобы свершить месть за наш народ. Я не могу, у меня просто не хватает слов, чтобы описать прилив той светлой и монументальной радости, какую я испытываю при мысли о том, что именно мой мальчик будет занимать центральное место в грядущей операции.

То, что мы с тобой сегодня сделаем, войдёт в историю. Но это всё равно будет лишь первым шагом. Первым на очень-очень долгом пути. Но ты пройдёшь его, сынок. Я не буду говорить, будто знаю это. Я просто в это верю.

Потому что для нас, русских, превыше знания всегда была вера.

Я люблю тебя, сынок.

Твой отец.»

Едва Максим Максимович отложил ручку, в дверь к нему постучались. Он с интересом повернул голову, прежде чем увидел слегка смущённую и испуганную головку своей служанки.

– Господин, там внизу приехали трое. Они говорят, что у

них с вами встреча. Что это связано с какой-то операцией.

– Хорошо, Магда, – Максим Максимович кивком успокоил домоправительницу. – Передай им, пусть войдут.

Магда слегка вытянула голову и исчезла за дверным проёмом. Недолго думая, Максим Максимович выгнул руки, слегка разминая затёкшие кисти, а затем, аккуратно сложив в четыре раза, убрал письмо в нагрудный карман.

В дверь тут же настойчиво постучали.

– Войдите, – ответил Максим Максимович и, резко развернувшись, встал приветствовать гостей.

Правда, гость был всего один. Это был высокий широкоплечий мужчина. Его русые волосы были уложены по последней моде, вдохновлённой причёской гитлерюгенда тридцатилетней давности. На нем был строгого покроя коричневый пиджак, на котором сиял значок почётного члена партии. Его голубые глаза внимательно изучали Максима Максимовича.

Максим Максимович же занимался тем же самым. В прищельце сквозило что-то несвойственное немцам. Конечно, не до такой степени, чтобы заподозрить в нём иностранца, однако для него, прожившего в рейхе уже почти три десятка лет и изучившего немцев настолько глубоко, насколько это вообще было возможно, эта незаметная чёрточка моментально бросилась в глаза.

– Фон Штирлиц, – обратился к нему, одновременно как бы констатируя факт, незнакомец на чистейшем немецком.

– Он самый. А вы, я полагаю...

– Тот, с кем вы сейчас ведёте дело, правильно полагаете, – в целях конспирации не дал ему закончить гость. – Думаю, нам следует спуститься вниз и представить вас остальным моим друзьям.

Максим Максимович согласно кивнул и после секундной заминки последовал за незнакомцем, словно именно его гость и был подлинным хозяином в доме.

Они шли по богато украшенному второму этажу, мимо подлинников бесценных картин, мимо раритетных часов и книжных полок. Шли по дорогим и мягким коврам, что никогда не знали тяжести армейских ботинок. Шли мимо комнат прислуги, мимо второй спальни, мимо давно покинутой детской. Они шли по месту, которое Максим Максимович привык называть своим домом.

Когда они спустились по широкой деревянной лестнице на первый этаж, их встретила, прижав руки к тощей груди, Магда. Максим Максимович жестом подозвал её к себе. Когда домоправительница подошла, он тихим шёпотом объяснил ей, что уезжает на важную политическую встречу и, возможно, будет отсутствовать несколько дней кряду. Выдал ей жалованье за следующий месяц, потому что срок как раз подходил. Попросил полить цветы и прибраться к его прибытию, а также сходить в мегамаркет, недавно открывшийся на бульваре Унтер-дер-Линден, купить блок сигарет «Camel», которые он неизменно курил ещё с самого своего прибытия

в Германию.

В общем, он сделал всё, чтобы служанка не поняла, что разговаривает с ним в последний раз.

Правда, Магда всё равно поняла. Как только её шеф, в прошлом высокопоставленный офицер разведки, уже как десять лет ведущий тихую и затворническую жизнь, стал вдруг получать странные письма и подолгу засиживаться в кабинете, тонкое и чувственное сердце стареющей женщины ментально поняло, что что-то не так. Когда он, вместе с его загадочным гостем, шёл, не оборачиваясь, через свой собственный сад, Магда неотрывно смотрела им вслед, прижавшись к дверному косяку. И лишь когда эти двое сели в машину и с рёвом помчались куда-то в центр города, она принялась заниматься домашними делами.

И всё равно сердце отчего-то жутко ныло.

* * *

– Слежка?

– Пока хвоста не заметил.

Человек, сидящий на переднем сидении, имел жёсткий и грубый голос. Такой обычно бывает у бескомпромиссных и целеустремлённых личностей, особенно, если они не пренебрегают алкоголем и крепким табаком.

Незнакомец, что не так давно постучался в двери кабинета Максима Максимовича, сидел нынче за рулём. Он во-

дил аккуратно, строго придерживаясь разметки и не нарушая скоростного режима. Перед светофорами он останавливался плавно, всегда выдерживал дистанцию с другими участниками дорожного движения. Проще говоря, водил он словно самый настоящий немец.

Помимо Максима Максимовича и двух человек, сидящих впереди, в автомобиле находился ещё один заговорщик. Это был тонкий, но достаточно высокий молодой человек тридцати лет от роду с плавными и интеллигентными чертами лица. Максим Максимович готов был биться об заклад, что рядом с ним, на заднем сидении, сидит чистокровный, породистый немец из старой, ещё прусской аристократии. Конечно, он был ещё слишком юн, чтобы застать времена Германской империи, однако его отец – вполне.

Неожиданно водитель припарковался возле небольшой, затерянной среди бесконечных и монументальных гранитных берлинских моноблоков-домов, закусочной и, обернувшись на задние места, обратился к Максиму Максимовичу.

– Господин фон Штирлиц, я думаю, настало время полностью обговорить все детали грядущей операции.

– Вы настолько уверены в собственной безопасности? – при этих словах Максим Максимович старательно обвёл глазами потолок машины.

– Настолько. Автомобиль собирали доверенные друзья Клауса, – при этих словах водитель кивнул на своего соседа. – А затем я лично разобрал его едва ли не по винтику,

убеждаясь в том, что следящей аппаратуры в нём нет и с тех пор ни разу не оставлял без присмотра.

Максим Максимович кивнул, соглашаясь.

– В таком случае, я бы настоятельно попросил не называть меня «фон Штирлиц». Эта фамилия мне противна до омерзения. Максим Максимович, если желаете. Просто Максима тоже будет вполне достаточно.

Человек, сидящий на переднем сидении, зычно хохотнул.

– В таком случае и я никакой не Клаус. Позвольте представиться, Поль Герберт, член французского Сопротивления. Родился в двадцатом году, в Марселе. Мой отец был немцем, однако всю жизнь я прожил во Франции и долгое время не знал никакого языка, кроме французского. Немецкий выучил только тогда, когда этого потребовала моя Родина. По заданию Сопротивления вступил в ряды дивизии СС «Шарлемань». Позже дослужился в структуре СС до звания штандартенфюрера, связался с американской разведкой и принял участие в операции «Валькирия», – француз сделал паузу и сверкнул волчьим взглядом в зеркале заднего вида. – Как и все здесь присутствующие.

Закончив, он кивнул водителю, как бы передавая эстафету. Тот принял жребий.

– Кайл Коннор, агент ЦРУ. В начале пятидесятых внедрён в партийный аппарат рейха, затем в СС. Определённое время вместе с центральным штабом разрабатывал планы операций по устранению высокопоставленных немецких лиде-

ров. Это, пожалуй, всё, что вам необходимо знать.

– Нет, не всё. Не всё! – рявкнул вдруг Поль. – Я лично желаю знать, что эта немецкая собака делает в одном со мной автомобиле?!

Он тут же резко развернулся и ладонью указал на молодого немца, сидящего, рядом с Максимом Максимовичем. От такого неожиданного и злобного напора смутился бы любой, но не этот немец. Едва удостоив француза взглядом, он, ни на йоту не повышая голоса, ответил:

– При всём уважении, Поль, ровно то же, что и вы. спасаю невинные души.

– Каким, интересно образом?! – вновь взъелся француз. – Травя их в концлагерях?

– Так, прекратили, вы оба! – не выдержал уже американец. – Вы на операции находитесь, а не за школой дерётесь. Если кто-то считает, что их разногласия могут быть важнее чем то, что нам сегодня предстоит сделать, прошу немедленно покинуть автомобиль.

Спорщики тут же утихли. Поль сердито развернулся, уставившись на тротуар, а немец, как ни в чём не бывало, продолжил.

– Зовут меня, – говорил он, явно обращаясь к Максиму Максимовичу. – Хельмут Клаус фон Мольтке. Мой отец, Хельмут Джеймс фон Мольтке, был организатором одной из подпольных антинацистских ячеек ещё в тридцатые годы. Круг Крейзау[1], вы наверняка и не слышали о нём. Отец,

к сожалению, очень рано ушёл из жизни и не смог застать тот момент, когда на нас вышел господин Кайл. Держу пари, он был бы очень горд, если бы узнал, что именно я участвую в сегодняшнем... – тут Хельмут замялся. – ...мероприятии. Сказать по правде, господа, я прекрасно понимаю, что мы все здесь смертники. И я не жалею, что сижу сегодня в этом автомобиле. Свобода моего народа всегда была для меня первостепенной ценностью. Я буду счастлив умереть, защищая её.

На несколько мгновений в автомобиле воцарилась тишина. Потом Поль проворчал сквозь зубы:

– Неплохие слова... – француз сплюнул в пустую пепельницу на подлокотнике. – Для немца.

Кайл неодобрительно посмотрел на него, однако ничего не сказал.

Слегка прокашлявшись, Максим Максимович хотел было взять слово, однако американец его перебил:

– Максим, не сочтите за оскорбление, но проговаривать вашу биографию излишне. Ваша фигура достаточно известна всему рейху, а о вашем прошлом мы, в общих чертах, догадываемся. Вы не будете против, если мы сразу перейдём к сути дела?

Максим Максимович лишь пожал на это плечами. Увидевший это в зеркале заднего вида Кайл удовлетворённо кивнул.

– Тогда начнём. Итак, джентльмены, вы все прекрасно по-

нимаєте, в какое дело ввязались. Однако, если вы не готовы или струсили – сейчас у вас есть последний шанс отказаться. Просто выйдите из машины и закройте за собой дверь. Я даю вам эту последнюю возможность для отступления лишь для того, чтобы показать серьёзность наших намерений. Даже если кто-то из вас прямо сейчас направится к ближайшей телефонной будке, чтобы предупредить соответствующие инстанции о начинающейся операции, вы всё равно ничего не сможете изменить. Сейчас мы собираемся действовать тихо, однако в случае необходимости готовы проливать кровь и прорываться с боем. Итак?

Никто не вышел.

– Прекрасно, значит все в деле. Теперь я обращаюсь к вам, Максим Максимович. Я ни в коем случае не ставлю под сомнения ваши заслуги, однако, сейчас вы самый старший из нашей команды. Вы уверены в своих силах?

Максим Максимович тяжело и устало вздохнул.

– Я понимаю ваши опасения, Кайл. Я действительно не брал в руки оружия с сорок девятого года. А использовал его в боевой обстановке и того раньше, в сорок шестом. Я прекрасно осознаю, что уже не настолько быстр и резв, как был в молодости. Но я до сих пор не забыл, с какой стороны держать автомат. К тому же, без меня вам не дадут проехать на территорию загородной резиденции. Только если, как вы уже говорили, прорываться с боем. Я же могу обеспечить вам спокойный проезд, а следовательно и гарантию то-

го, что цель не ускользнёт. К тому же, Кайл, я готов к смерти. Я прекрасно понимаю, что уже не так быстро бегаю, не так метко стреляю и не так сильно бью. Поэтому я настоятельно прошу, – при этих словах он запустил руку в нагрудный карман. – В случае моей смерти передать вот это письмо пятому агенту. Моему сыну.

На несколько мгновений в салоне воцарилась неловкая тишина. Двумя цепкими пальцами Кайл схватил протянутое письмо и аккуратно сложил в нагрудный карман.

– Значит, пятый агент, о котором вы упоминали во время нашей переписки – это ваш собственный сын? Вы действительно хотите включить его в состав оперативной группы?

– Да, – подтвердил Максим Максимович. – Он питает к Адольфу Гитлеру ровно те же чувства, что и я сам. Немудрено, ведь ваш покорный слуга лично занимался его воспитанием. Очень, знаете, легко, оградить ребёнка от влияния матери-немки, прикрываясь арийским патернализмом и понятием, что мальчика должен воспитывать отец. И именно поэтому я вам необходим. Он рос в атмосфере, хм... двойной жизни, и поэтому привык не доверять никому, кроме меня. Не слишком, возможно, правильное воспитание, однако иного выхода у меня не было. Я боюсь, что без моего присутствия он может поставить под угрозу всю операцию. Просто из чувства осторожности. И будет в своём праве.

– Я понимаю, Максим, – согласился Кайл. – Вас никто не гонит. Просто я был уверен, что тот «глубоко конспири-

рованный агент в личной охране Адольфа Гитлера» – всего лишь ваше доверенное лицо.

– Так и есть, – твёрдо ответил Максим Максимович. – Самое доверенное из всех возможных лиц.

Кайл на это лишь неоднозначно хмыкнул и положил руки на руль. Зато заговорил Поль.

– Уж извините, господа, за мою несообразительность, но почему именно Гитлер? Да, я понимаю, центральная фигура, фюрер, вождь, но ведь ему недолго-то осталось. Паршивец на ладан дышит, сколько ему? Семьдесят? Восемьдесят? Не легче было бы устранить, например Геббельса? Или Геринга? В конце концов, всегда остаётся эта сука Гиммлер. Давайте лучше его, очкарика, как собаку пристрелим.

– Разница есть, – ответил французу Кайл. – И разница эта большая. Хельмут, не потрудитесь объяснить?

– Я? – неожиданное предложение слегка огорошило немца. Однако он быстро собрался и продолжил. – А, впрочем... Понимаете, Поль, фигура Адольфа Гитлера в современной Германии важна едва ли не более, чем в тридцатых годах, в дни становления его режима. Тогда фюрера ещё можно было заменить кем-либо, пусть даже тем же Геббельсом. Теперь – точно нет. Он есть абсолют, критическая точка, связывающая воедино все узлы противоречий, что накопились в рейхе за долгие годы. Именно его существование сдерживает всё возрастающую фракционность внутри рейха. И я не говорю даже о Геббельсе и Геринге – двух претендентах на

престол фюрера. Я имею в виду ещё и сторонников Гесса и Шпеера, выступающих за достаточно радикальные реформы либерального и капиталистического характера. Не стоит забывать также и об СС и их вождях. Конечно, Генрих Гиммлер поддерживает притязания Геббельса, однако поддерживает он их сам. Лично. Симпатии остальных видных фигур в СС остаются нам неизвестны, а потому их поведение в критический момент предсказать очень трудно, если не невозможно. Добавьте к этому абсолютно нежизнеспособную экономику, построенную на рабском труде, стагнирующую армию и волнения на окраинах, и вы получите того самого монстра Франкенштейна, которого из себя ныне представляет Великогерманский рейх. Единственная скрепа, что не даёт чудовищу рассыпаться – это его создатель, Адольф Гитлер. И именно поэтому наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы ликвидировать и это последнее препятствие.

Хельмут закончил, явно дав это понять, сложив руки на коленях.

– Прекрасно, Хельмут, – похвалил молодого человека Кайл. – Однако это ещё не всё. То, что рейх моментально развалится на тысячу осколков, когда умрёт фюрер, это ясно всем. Однако, ты не учёл, что у разорванной гражданской войной и погруженной в хаос страны останутся ядерные боеголовки, способные долететь почти до любой точки планеты. Свердловск, Кейптаун, Нью-Йорк, Рим и Токио, каждый из этих городов окажется под угрозой удара. И это не те ма-

ломощные бомбочки, что сограждане Максима сбросили на немецкие армии в сорок пятом. Это мощнейшие средства ядерного поражения, натуральное оружие Судного Дня. И уж поверь мне, фанатиков, что осмелятся запустить ракеты в воздух, в рейхе полным-полно.

Кайл неожиданно усмехнулся.

– Только вот паранойя фюрера сыграла нам на руку. Коды от запуска немецких ядерных ракет он всегда носит с собой, в личном чемоданчике. Готов поспорить, что он подкладывает его под подушку, когда засыпает и не расстаётся с ним даже в туалете. Стоит только уничтожить эти жизненно важные для рейха бумаги и весь его атомный арсенал превратиться не более чем в груды металлолома и радиоактивных изотопов, бесполезно пылящуюся в пусковых шахтах. Кодов больше нет ни у кого. Вообще. Они в единственном экземпляре и экземпляр этот хранится у стареющего и впавшего в маразм фюрера. Улавливаете, к чему я клоню? С ракетами рейх, впавший в гражданскую войну – угроза всему живому на планете. Без них – всего лишь раздробленная и слабая страна, экономика которой просто-напросто не выдержит крупномасштабной войны. А мы это войну устроим, не сомневайтесь. Соединённые Штаты ещё с лета ведут тайные переговоры с Чёрной Армией, чтобы ударить по рейху с двух сторон, едва фюрер умрёт. Идут сложные и запутанные дипломатические игры с Италией и Испанией, что давно перестали быть союзниками Германии и готовы предо-

ставить плацдарм для удара по ослабевшей империи в обмен на экономическую помощь. Наши капиталы постепенно выводятся из Японии, едва-едва вылезшей из экономического кризиса. Азиатская Сфера Процветания, конечно, уже давно не союзник немцам, однако в случае, если они решат поддержать своих давних друзей, мы моментально парализуем их, и без того на ладан дышащую экономику. К тому же, изгнание японцев из Сибири было обязательным условием Чёрной Армии. Всё готово для последней, решающей битвы, господа. Единственное, что нас до сих пор сдерживало – это наличие атомного оружия.

– То есть, – уточнил Поль. – Наша миссия состоит даже не в том, чтобы убить фюрера, а в том, чтобы уничтожить этот самый его чемоданчик?

– Именно, Ватсон! – обрадованно воскликнул Кайл. – Нам необходимо будет проникнуть на территорию загородной резиденции фюрера, якобы для передачи сведений о готовящемся покушении его личным телохранителям. В этом нам поможет Максим. Затем, ликвидировать фюрера, сжечь дотла коды запуска и покинуть резиденцию. Нам будет необходимо добраться до Ростока, где мы, с помощью друзей Хельмута, переправимся в рейхспротекторат Дания, а оттуда уйдём в независимую и нейтральную Шотландию для получения дальнейших указаний. Есть вопросы?

– Есть, – спросил Поль. – Почему именно Дания?

– Потому что это один из самых свободных рейхспротек-

торатов, – равнодушно, сложно разжёвывая очевидные вещи, ответил Кайл. – Немцы считают датчан такими же как они, равноправными арийцами, поэтому режим оккупации там не слишком суров. Им позволяют торговать и с Соединённым Штатами, и с Японией и даже с Италией. Таким образом они надеются купить лояльность датчан. Нельзя, правда, сказать, что в этом они не преуспели. Однако именно из-за такой политики торговых послаблений, Дания стала, по сути, дырочкой в непроницаемом железном занавесе, нависшем над Германией.

Едва Кайл закончил говорить, все погрузились в задумчивое молчание. Каждый думал о своём, неведомом другим, каждый, по сути, подводил итог под собственной жизнью. Потому что как бы не храбрился американский разведчик, как бы не распинаясь о нейтральной Шотландии и ждущем их в Ростокe корабле, все прекрасно понимали, что живыми из этой авантюры они вряд ли выйдут.

– В таком случае, – прокряхтел Поль. – Я бы тоже хотел попросить вас об одной услуге.

– Всё, что в наших силах, – серьёзно ответил Кайл. Остальные согласно кивнули.

– Вот в той закускойной, – Поль кивнул на кафетерий, рядом с которым остановился автомобиль. – Продаются лучшие в Берлине баварские колбаски. Я абсолютно серьёзно. Будет очень обидно погибнуть, не насладившись ими в последний раз.

На губах Кайла расцвела расслабленная и довольная улыбка. Он согласно кивнул.

– В таком случае, Поль, если это действительно вкуснейшие колбаски во всём Берлине, я думаю, что и остальные не откажутся их попробовать. Возьмите, пожалуйста, четыре порции. Вам нужны деньги?

– Деньги – бризки, – с хохотом отозвался Поль, выбираясь из автомобиля. – Мы их на небо не унесём. Ждите тут. И не смейте уезжать без меня, я не хочу пропустить всё веселье!

* * *

Мартин Пфельц любил свою работу. Она была непыльной, за неё неплохо платили, а его самого, штурмбанфюрера дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» сильно уважали в высших кругах немецкой элиты. Он мог со спокойной душой щеголять в офицерской форме на дорогих столичных балах и светских раутах, не изнуряя при этом себя ни постоянными тренировками, ни километровыми маршами, ни палочной строевой подготовкой. В его ведомстве находился лишь один, пусть и чрезвычайно важный контрольно-пропускной пункт, на котором он, правда, нес службу почти круглосуточно. Все его рабочие обязанности заключались в том, чтобы лениво смотреть на пыльную автодорогу, что вела к загородной резиденции фюрера, внимательном досмотре личных врачей, что в последнее время зачастили к Гитлеру, а

также осмотр караулов три раза в день. Последнее, кстати, было ему совсем не в тягость, а даже наоборот, позволяло размять кости и поорать на солдат, у которых бляха на ремне было недостаточно чистой. Не служба, а самая настоящая мечта.

Впрочем, сегодня возникли непредвиденные осложнения.

– Я ещё раз повторяю, – стараясь придать своему голосу как можно более угрожающий тон, говорил Мартин. – Я не могу вас пропустить без надлежащего досмотра.

– У нас важная информация, которую необходимо немедленно передать Александру фон Штирлицу, личному телохранителю фюрера! – визгливо спорил с ним водитель новенького «Фольксвагена».

Мартин Пфельц тяжело вздохнул, ёжась от холодного декабрьского ветра. Из своего тёплого и нагретого кабинета он выскочил в одной форменной рубашке, не удосужившись надеть китель, понадеявшись на то, что непрошенные гости быстренько уберутся восвояси. Теперь он жалел о своём поспешном и необдуманном решении.

Мартин намеревался уже дать команду своим солдатам, чтобы взяли автомобиль на прицел, а затем велеть придуркам немедленно убираться отсюда, однако из глубины машины вдруг раздался сухой старческий голос, смутно знакомый Пфельцу.

– Штурмбанфюрер, подойдите сюда.

Донельзя лениво, нарочно замедляя шаг, Мартин подо-

шёл к заднему окну. Однако едва чёрное непроглядное стекло опустилось, вся спесь мигом слетела с надменного начальника пропускного пункта. Он резко выпрямился и отдал честь.

– Вы знаете, кто я такой, штурмбанфюрер? – обратился к нему облысевший старик в форме бригадефюрера.

– Так точно, герр Штирлиц.

– Хорошо. Вы знаете, чем я занимался всю свою жизнь, герр штурмбанфюрер?

– Так точно, герр Штирлиц.

– Прекрасно. Как вы думаете, герр штурмбанфюрер, способен ли такой человек как я, отдавший служению рейху тридцать лет собственной жизни, на предательство?

– Я... нет... – Мартин замялся. Стальные и суровые глаза старика снова и снова цеплялись за него своим не отпускающим взглядом. Чёрт возьми, он действительно не мог их пропустить! У него были совершенно конкретные приказы!

Он не может никого допустить к фюреру без прямого приказа рейхсминистра Геббельса!

– Я слышу в вашем голосе нотки сомнения, герр штурмбанфюрер. Скажите, как вас зовут?

– Мартин Пфельц, герр Штирлиц.

– Так вот, скажи мне, Мартин, – спокойным, но нетерпящим возражений тоном, продолжал старик. – У тебя есть дети?

– Есть, герр Штирлиц. Мальчик. Пять лет.

– Это прекрасно, Мартин. Германии нужны новые солдаты. А скажи мне ещё кое-что. Кем твой сын хочет стать, когда вырастет?

Мартин на секунду замялся, но потом всё же ответил.

– Он хочет стать первым немецким космонавтом, герр Штирлиц. Мальчика очень интересует всё, что связано с космосом.

Старик удовлетворённо кивнул.

– Прекрасное стремление. Я уверен, что ты хорошо воспитываешь своего сына, Мартин, раз у него с самого детства мечты настоящего мужчины. Именно такие, как он будут двигать наше Отечество дальше, ты согласен со мной?

– Да, герр Штирлиц.

– Очень хорошо. А скажи мне, Мартин, насколько проще будет твоему малышу осуществить свою детскую мечту, если его отца наградят Железным крестом за помощь в предотвращении покушения на самого фюрера?

– Намного проще, герр Штирлиц.

– Великолепно, в этом мы с тобой согласны. Героям рейха живётся всегда лучше, чем простым штурмбанфюрерам, правда ведь? А скажи мне ещё вот что. Какие препятствия возникнут на пути твоего сына, если кто-то узнает, что именно по вине его отца покушение не было предотвращено?

Ответом ему было лишь затянувшееся и тяжёлое молчание.

– Мы поняли друг друга, Мартин? – спросил старик.

– Поняли, герр Штирлиц.

– Так может, всё-таки пропустишь нас?

– Так точно!

– Замечательно. И доложи Александру фон Штирлицу, что мы прибыли, он ожидает нас.

На негнущихся ногах Мартин Пфельц отошёл от автомобиля и махнул солдату, отвечавшему за шлагбаум, чтобы тот пропустил этих странных гостей. Затем, всё также ёжась от холода, штурмбанфюрер направился к себе в кабинет, вызывая личного телохранителя Гитлера. На душе у него от чего-то скребли кошки.

* * *

– Чёрт, Максим, ловко у вас получилось, – радостным и слегка дрожащим голосом обрадовался Кайл, когда автомобиль миновал ворота загородной резиденции фюрера.

– Годы тренировок, – скромно принимая похвалу, ответил Максим Максимович. – Подвязанные, к тому же, на дисциплину и коррумпированность нынешних немцев. Не имею понятия, как в них эти две черты уживаются.

– Я думал, нас схватят, – неожиданно жалобно и облегчённо признался Хельмут. – Максим... да, и Поль тоже. Я бы хотел вам сказать, пока всё не началось... Я бы хотел попросить прощения у вас от всего немецкого народа. Я сожалею о том, что мы сотворили с вашими странами. Мне действи-

тельно очень жаль. Так не должно быть.

Максим Максимович впервые с интересом посмотрел на молодого немца.

– Так ведь именно для этого ты здесь, правильно? – задал он вопрос. – Чтобы всё исправить. Пусть даже и ценой своей жизни.

– Д-да, – сглотнув, согласился Хельмут. – Именно ради этого. Я понимаю, что прощение не даётся просто так. Его нужно заслужить, в том числе, и своей собственной кровью.

На лица Максима Максимовича заиграла тёплая улыбка.

– Я рад это слышать именно от тебя. Действительно рад.

Лишь Поль хранил гробовое молчание. Он сосредоточенно вертел своими пальцами, складывая из них непонятные знаки, неотрывно при этом глядя на тыльные стороны своих ладоней. Наверное, он так успокаивался.

Автомобиль катил по широкой каменистой дороге, проложенной сквозь всю огромную площадь загородной резиденции. За окнами мелькали бесконечные сады, аллеи, заполненные мраморными статуями, оранжереи с редкими растениями и небольшие, специально высаженные, рощицы из невысоких деревьев. Все знали, как фюрер любит природу.

Когда машина подъехала к особняку гигантских размеров, выполненному в старогерманском, готическом стиле, на его широких ступенях четвёрку заговорщиков уже ждали. Там стоял высокий, идеально выбритый человек с голубыми глазами и светлыми волосами. Одет он был в чёрную фор-

му СС, однако фуражкой пренебрёг. На боку у него висела широкая кобура, судя по форме, вмещающая «Вальтер» шестидесятого года выпуска. Конечно, на первый взгляд в нём было мало от того ветхого старика, что выбирался из оставившегося автомобиля, однако, если приглядеться, можно было заметить, насколько они похожи. Настолько, насколько бывают похожи только близкие родственники.

– Отец, – поздоровался со стариком Александр фон Штирлиц. Они долго и крепко обнялись, как будто долгое время не виделись, хотя с их последней встречи прошло едва ли больше пяти дней.

– Остальные, – личный телохранитель Гитлера кивком головы поприветствовал ещё троих заговорщиков. Француз, американец и немец поприветствовали его в ответ.

– Времени у нас мало, – с ходу начал Александр. – На воротах сегодня, к сожалению, Пфелъц, а он слишком жуткий карьерист для того, чтобы не доложить о вашем прибытии. Максимум через полчаса тут будет, по меньшей мере, взвод эсэсовцев, просто для того, чтобы удостовериться, что с фюрером действительно всё в порядке. А когда начнётся кутерьма, «Лейбштандарт» тут же поднимется по тревоге, и тогда начнётся настоящая бойня. Поэтому прошу всех как можно быстрее следовать за мной.

Заговорщики согласно кивнули, а затем быстрым шагом устремились за Александром, ведущих их внутрь особняка.

– Адольф Гитлер сейчас в западном крыле, принимает у

себя в покоях доктора, – тихо объяснял Александр, ведя четвёрку по запутанным коридорам и лестницам. Вчера у него стало плохо с сердцем, поэтому при нём, помимо меня, неотрывно находятся два солдата из всё того же «Лейбштандарта», собственно, его доктор и Ева Браун. Всех их необходимо ликвидировать в кратчайшие сроки, буквально за секунды. В самом особняке ещё минимум пятеро эсэсовцев, не считая тех двоих, что неотступно следуют за Гитлером. Они немедленно сбегутся на шум. У вас есть оружие? – спросил он.

– Четырёхзарядный «Вальтер», специальный, – отозвался Кайл.

Александр неодобрительно покачал головой. Специальный «Вальтер» был оружием хоть и скрытным, но маломощным, непригодным для затяжного боя.

– Аналогично, – ответил Хельмут. Мина Александра стала ещё кислее.

Поль же безмолвно вытащил из-за пазухи старый восьмизарядный «Люгер» времён Второй Мировой. Александр удивился, но одобрительно кивнул в знак уважения.

– Тогда на вас, – он обратился к Полю. – Двое солдат. Они будут стоять возле дверей, но в само помещение, где находится фюрер, ворвутся только тогда, когда прогрехочет первый выстрел. Я подожду, пока мы, все четверо, не войдём в комнату, а затем ликвидирую Гитлера, его врача и Еву Браун. На вас – почётный караул. Готов поспорить, что ворвутся они почти мгновенно, но на вашей стороне будет элемент

неожиданности, так что вам не составит труда уложить их на месте. Вооружены они пятьдесят четвёртыми «Геверами», машины хорошие и мощные, подойдут для нашего дальнейшего прорыва. Отец? – он обернулся на Максима Максимовича.

Тому оставалось лишь виновато развести руками. Он не был вооружён.

Губы Александра на секунду сжались в тонкую линию.

– Тогда просто не суйся на линию огня, пока мы не раздобудем тебе что-то приличное. Вы же двое, – он обратился к Хельмуту и Кайлу, – на подхвате. Всё ясно? Тогда за тем коридором будут уже покои фюрера, всем заткнуться.

Они шли по длинному коричневому коридору, по бокам которого стояли бюсты древних германских королей и римских полководцев, а на стенах висели картины, изображающие героев древних скандинавских мифов. Посередине коридора находились двойные массивные двери, которые, словно церберы, сторожили двое солдат в чёрном. Александр спокойно прошёл мимо них, будто не замечая, а затем рывком распахнул двери. Заговорщики тут же последовали за ним.

Картину, представшую перед ними, можно описать как идиллическую. В центре просторной и светлой комнаты на деревянном и массивном кресле-катале развалился постаревший и укрытый шерстяным пледом фюрер германской нации, весь седой, с побелевшими от старости усами-щёткой

и свисающей кожей в коричневых отметинах. Рядом с ним, в белом халате, сидел относительно доктор, замерявший ему давление на ручном тонометре. А чуть вдали, на небольшом стульчике с мягкой спинкой находилась и постаревшая супруга фюрера, читавшая какой-то толстый роман в тёмно-синей обложке.

– Александер! – радостно поприветствовал своего телохранителя фюрер дребезжащим и сорванным голосом. – Наконец-то ты здесь. Мне кажется, что этот коновал так и жаждет...

Выстрел.

Рожа доктора резко вытягивается, глаза округляются, когда на его лицо брызгает кровь.

Выстрел.

Светило медицины, схватившись за грудь, падает на спину, суча в предсмертных агониях ногами. Из испуганных рук Евы Браун с грохотом выпадает книга.

Выстрел.

Первый из двух солдат, с грохотом ввалившихся в помещение, падает замертво.

Выстрел.

Скотская любовница диктатора валится со стула, тщетно зажимая тонкой морщинистой рукой разорванную в клочья шею.

Выстрел.

Второй привратник фюрера оседает по стене, оставляя на

ней размазанный кровавый след.

Всё кончено.

– Чемодан! – не своим голосом ревет Александр, бросаясь к двери и занимая позицию. Его манёвр повторяет и Поль, поднимая с одного из трупов штурмовую винтовку и контролируя с её помощью другую часть коридора.

Кайл немедленно, едва не споткнувшись, бросается к чемодану, стоящему у подножия кресла-качалки. Чемодан немного запачкан недавними брызгами. Кайл, однако, этого не замечает, он изо всех сил пытается открыть его, однако упрямые замки не поддаются. В конце концов, он не выдерживает и, выхватывая пистолет, бьёт его рукоятью по замкам чемодана. Тот раскрывается, бумаги тут же разлетаются по всей комнате.

– Жги! Жги бумаги! – торопит его Поль. Из коридора уже слышны тяжёлые шаги.

Дрожащими руками Кайл достаёт из кармана зажигалку. Алюминиевый квадратик со звоном открывается, щёлкает кремний. Через секунду бензиновый огонь уже жадно пожирает первый лист, а Кайл тем временем подносит к огоньку вторую бумажку. Через полминуты от ядерного арсенала Великогерманского рейха остаётся лишь пепел.

В коридоре одновременно с этим слышны выстрелы. Поль переводит винтовку в полуавтоматический режим огня и поливает наступающих солдат очередями. Александр более экономен, его пистолетные выстрелы одиночны и убийствен-

но точны. Рядом с ними, припав на одно колено и неловко держа пистолет, находится Хельмут, стараясь, по мере возможностей, прикрыть товарищей.

Наконец, выстрелы прекращаются. Из коридора слышны тяжёлые предсмертные стоны. Поль и Александр встречаются глазами и согласно кивают друг другу.

– Всё готово? – оборачиваясь, спрашивает Александр у Кайла.

– Только пепел, – утвердительно отвечает американец.

– Прекрасно, – кивает ему Александр и, распрямившись, делает контрольный выстрел в голову фюрера. – К машине, бегом!

Мёртвый диктатор молчаливо наблюдает за удаляющимися убийцами.

* * *

– Твою мать, они уже здесь! – крикнул Александр, едва в лобовом стекле показался блокпост. – «Лейбштандарт» прибыл, разворачивай, разворачивай!

Солдаты СС, занявшие позицию на блокпосте, едва заметив мчащийся на всей скорости автомобиль, вскинули автоматы и открыли ураганный огонь. Александр, Хельмут и Максим Максимович, сидящие на заднем сидении, тут же пригнулись, укрываясь от барабанивших по корпусу машины очередей и принимая напряжёнными спинами мелкую

стеклянную крошку от простреленных окон. Кайл резко дёрнул руль влево, пытаясь уйти от кинжального огня. Польш, выбивший боковое стекло, отчаянно отстреливался без каких-либо видимых результатов.

– Уходи с дороги! – орал Александр. – В рощу давай.

Автомобиль с рёвом, вырывая из ухоженного газона куски земли, рванулся в сторону ближайшей небольшой липовой аллеи. Эсэсовцы ещё некоторое время продолжали вести огонь вслед удаляющемуся автомобилю, однако вскоре бросили это гиблое дело и, запрыгнув в свои штатные армейские джипы, продолжили преследование.

Автомобиль с заговорщиками же тем временем мотыляло из стороны в сторону. Прострелянное колесо не давало водителю выровнять машину и разогнаться до хоть сколько-нибудь приличной скорости. Кайл никак не мог справиться с управлением, дёргая руль то влево, то вправо, поочерёдно давя на педали газа и тормоза. В конце концов все его манёвры закончились тем, что машину резко повело влево, прямо на толстый и массивный ствол липы. Всех, находящихся в салоне одновременно бросило вперёд, Польш расквасил нос об массивный бардачок, под капотом автомобиля что-то резко хрустнуло, а затем надрывное гудение двигателя вдруг прекратилось.

– Всё, – констатировал факт Александр. – Приехали. Давайте бегом из машины, ещё есть шанс оторваться.

– Какой шанс?! – отчаянно спросил Польш. – у нас на хвосте

по меньшей мере взвод. Они нас в порошок сотрут! Если ещё и вертолёт в воздух додумаются поднять, то нам точно крышка. А они, готов поспорить, уже летят в нашу сторону.

– Меньше болтай, балбес, – огрызнулся Александр. – Вот в той стороне, – он указал рукой. – Личный гараж фюрера. Все автомобили бронированные, с непробиваемыми стёклами. Сможем взять хотя бы один – шансы уйти живыми резко повысятся. Давай, пошёл!

Этих слов было достаточно. Никому больше не нужно было ничего объяснять. Вся пятёрка резко сорвалась с места и побежала вслед за Александром, задавшим по-настоящему сумасшедший темп. Все прекрасно понимали, что сейчас у них выбор очень простой: либо бежать быстрее немецких автомобилей, либо принять свою незавидную участь. Никто не обращал внимания ни на тяжесть штурмовых винтовок, снятых с трупов, ни на тяжёлую одышку, ни на рёв моторов позади беглецов. Никто, кроме, наверное, Максима Максимовича. Он отвлёкся лишь на секунду, лишь на миг оглянулся, чтобы понять, как близко от них была погоня, однако это мгновение стало для него роковым.

Выстрела он не услышал. Зато очень хорошо почувствовал. Первая пуля вошла в крестец, заставив старика взвыть от боли и плашмя растянуться на пыльной парковой дорожке. Вторая вошла в правое плечо, слегка развернув одуревшего от боли Максима Максимовича.

Старый советский разведчик ощущал всё, как в тумане.

не. Сквозь непробиваемую многослойную плёнку на ушах он едва мог расслышать отчаянные вопли своего сына, едва чувствовал грохот выстрелов и хлопки автоматных очередей, когда остальные заговорщики вступили в отчаянную и ненужную перестрелку. Он чувствовал, всем своим телом чувствовал, как тепло покидает его жилы. И, что самое страшное, он не мог этому противиться. За свою долгую жизнь Максим Максимович привык сопротивляться ударам судьбы, в какое бы место они не были направлены, однако теперь такая возможность была ему недоступна.

Максим Максимович попытался достать винтовку, которую прижимал к земле тяжестью своего тела, однако у него не получилось. Он чувствовал, как смерть подходит к нему всё ближе, не обращая внимания ни на огненный шквал вокруг, ни на полные ярости крики его сына. Она просто пришла, аккуратно погладила Максима Максимовича по морщинистой щеке и улыбнулась улыбкой его первой жены.

Прошло семнадцать долгих мгновений, семнадцать бесконечных ударов сердца, прежде чем Максим Максимович принял свою судьбу. Семнадцать мгновений зимы прошло, прежде чем Максим Максимович, лёжа на горячем декабрьском снегу, улыбнулся смерти в ответ.

* * *

Великогерманский рейх, Столица Мира Германия.

3 декабря, 1962 года. Вечер.

Рейнхард Гейдрих ждал звонка. Именно поэтому, едва его лакированный настольный телефон разразился трелью, рука тут же метнулась к трубке. Пусть, возможно, это было и немного недостойно для всегда выдержанного и холодного главаря СС, но сейчас ему было на это наплевать.

Интересы рейха были важнее.

– Герр Гейдрих? – спросил молодой голос в трубке.

– Да, Георг, я слушаю, – на секунду в голосе Рейнхарда промелькнуло слабovolное дребезжание, однако он моментально подавил в себе этот трусливый порыв.

Если слухи верны, то у него нет права поддаваться слабости.

– Наши предположения оказались верны. Фюрер мёртв. Убийц захватить не удалось, они ушли через северную часть Берлина в направлении Мекленбурга. Скрылись в лесах, едва вырвавшись из Столицы Мира. За ними в погоню высланы айнцагруппы при поддержке вертолётной авиации. Будьте уверены, герр Гейдрих, мы их поймаем.

– Другой вопрос, – продолжал протеже Гейдриха, юный Вальтек-Пирмонт. – Что нам делать дальше, герр Гейдрих? События развиваются... немного не по плану, а ни следа партии Геббельса, ни следа партии Геринга моим людям отыскать не удалось. Фюрера убил кто-то со стороны, имеющий, к тому же, связи в высших эшелонах рейха. На месте побоища найден труп Макса Отто фон Штирлица, бывшего руководи-

теля шестого отдела РСХА, а личный телохранитель Адольфа Гитлера, Александр, сын фон Штирлица, пропал бесследно. Я, честно говорю, герр Гейдрих, не имею ни малейшего понятия, кто бы это мог сделать. И от этого мне немного не по себе. Новость о том, что фюрер мёртв, не удастся долго сдерживать. Наши враги узнают об этом к полуночи, если уже не узнали, а народ рейха – максимум к завтрашнему вечеру. Поэтому я спрашиваю, герр Гейдрих, какие будут указания?

После этих слов своего помощника, наполненных искренним страхом, непониманием и паникой, Рейнхарда вдруг прошиб холодный пот. Он сидел за своим широким столом в своём личном кабинете и не мог вымолвить не слова, словно громом поражённый. Он вдруг очень отчётливо осознал, что именно от того, что сейчас будет сказано, его, Рейнхарда, приказов, в данный момент зависит судьба Германии. То, к чему он так долго шёл, находилось в его руках, однако...

Однако ничего, кроме дикого и животного ужаса осуществлённая мечта ему не принесла.

Тем не менее, сглотнув и смахнув каплю пота, выступившую на лбу, Гейдрих всё же взял себя в руки.

– Нам придётся немного поторопить события, Георг. Начинайте делать то, что задумали. Я хочу, чтобы уже через два дня Геринг и Геббельс грызли друг другу глотки. Также наладьте связь с полевыми командирам дивизии «Лейбштандарт» и передайте, что им необходимо немедленно прекра-

тить преследование заговорщиков и сосредоточиться на том, чтобы в кратчайшие сроки занять ключевые места в Столице Мира. Именно вы и поможете им это сделать. Мосты, теле- и радиовышки, административные здания, ты понимаешь, о чём я, учить тебя не нужно. Повторяю ещё раз: начинай операцию «Лютер». Отто Дитриху я позвоню сам. Ты всё понял?

– Так точно, герр Гейдрих.

– Прекрасно, конец связи.

Рейнхард действительно положил трубку, однако только для того, чтобы снова её понять и набрать новый номер по выделенной линии. Спустя минуту ожидания, хриплый голос наконец-то ответил шефу гестапо.

– Да, Рейнхард?

– Отто, наш час настал, – пафосно обратился Гейдрих к командиру дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» Отто Дитриху. Конечно, шеф гестапо вполне мог обойтись и без этих напыщенных фраз, однако Дитрих их обожал. И было бы совсем неразумно не тешить самолюбие человека, от которого зависели не только твои далеко идущие планы, но и твоя собственная жизнь. – Фюрер подло убит нашими врагами, а значит пришло время решительных действий. Германия стоит на краю пропасти, и только мы с тобой в силах предотвратить её падение.

– Я слушаю. Что мои солдаты должны сделать?

– Для начала – арестовать рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. Операция «Лютер» началась, мой друг...

[1] Несмотря на широкий след, оставленный в массовой культуре, в реальности Круг был достаточно пассивной и безобидной организацией.

Глава пятая

Чёрное Солнце

*«Я слил шаги во мраке трассы
С тяжелым маршем русской расы,
До глаз закованной в броню...»*

Чёрная Армия, Линия Карбышева. 6 декабря, 1962

год.

Танки с рёвом пронеслись мимо.

Грохоча километрами гусениц, ревя работающими до предела двигателями, рыхля и подбрасывая в воздух кубометры снега, танковые колонны одна за другой стальными рысаками пронеслись мимо ветхого старика. Никто и никогда при первом взгляде на этого человека, одетого в полевую генеральскую форму Чёрной Армии, ни за что не смог бы назвать его спасителем России. Никто не смог бы хотя бы на секунду поверить, что именно его уверенная рука, что сейчас с дрожью опирается на серую стену бункера, некогда самолично рыла укрепления, остановившие безудержную немецкую волну. Ни один человек на этом свете ни за что не поверил бы, будто эти старческие, залитые горькими морозными слезами глаза, некогда цепко и тщательно вылавливали малейшие неточности и недостатки в своих же собственных чертежах. И нужно было быть совсем безумцем, чтобы посчитать, будто этот, уже почти угасший, разум, когда-то ока-

зался сильнее, чем вся военная машина Германии.

Генерал Карбышев был вообще достаточно скромным человеком и за славой никогда не гнался, и эта его благородная скромность с годами только крепла. С годами, правда, ушло многое другое: мускулы, жир, зубы. Остались лишь убеждения, крепкие, как гранит. Убеждения, которые многие молодые скоты, называющие, по ошибке, себя людьми, никогда и вовсе не имели.

Мимо старого генерала с рёвом проносились танковые колонны. Их путь лежал сквозь бетонные клыки, торчащие из земли, мимо десятков бункеров, ошестинившихся противотанковыми орудиями и пулемётами. Их путь лежал туда, за пригорок, усеянный минными полями и колючей проволокой. На другой край нейтральной земли, где за жидкой зимней рощицей уже кипел ожесточённый бой.

Вслед за последним металлическим чудовищем, унёсшимся навстречу пламени войны, пошли солдаты. За строем строй, колонна за колонной они слажено грохотали своими сапогами по примятому снегу. Бесконечная вереница суровых и сосредоточенных лиц, уходящих вдаль. Воронёная сталь автоматных стволов, белые звёзды на рукавах чёрной формы. Чистота и скорбь, сосредоточенная холодная ярость.

Эти солдаты знали, что шли умирать. Шли вновь и вновь подниматься под отчаянный рёв командиров, бросаться напрямиком на огненный пулемётный ствол, снова и снова погибать за свою Родину. Солдаты шли ненавидеть своих врагов,

ненавидеть до гордости, до святости, до неукротимого лесного пожара и звериной чистоты.

Бесконечный строй солдат шёл отвоёвывать землю своих отцов.

Дрожь в левой руке генерала усиливалась. Раскрытая старческая сухая ладонь плясала на сером полотне бункерной стены. Он смотрел, не отрывая взгляда, на бесконечный походный строй молодых людей, что шли на смерть из-за слабости своих отцов. Старый генерал видел, как вынуждены были расплачиваться за прошлые ошибки и грехи двадцатилетние мальчишки, что едва-едва застали ту страну, за свободу которой тысячи из них вскоре сложат головы.

Взгляд Карбышева бежал по лицам солдат. Такие одинаковые, такие разные, такие гордые и скованные цепями своего долга. Каждому из них Дмитрий Михайлович старался улыбнуться уголками губ, каждого старался подбодрить, перед каждым старался извиниться, пусть молча, пусть не вслух, за слабость своего поколения, за свои собственные ошибки, за то, что впереди этих мальчишек ждут не весенние поля из цветов и трав, а километры мин и огня. И всё же, он не видел сожаления в этих юных глазах. Ни капли грусти, ни капли той тяжести, которой на них навалился их же собственный долг. Только то возвышенное, триумфальное чувство, которое мужчина испытывает, приближаясь к своему врагу. Не просто противнику, но именно к врагу, настоящему, кровавому и кровному.

Он ждал этого. Все эти двадцать лет, укрепляя последнюю линию обороны своей Родины, того жалкого уральского куска, что от неё остался. Он ждал этих бесконечных колонн все те двадцать лет, что прятался от немецких бомбёжек по подземельям, зажимая руками кровоточащие уши. Он спал и в горячем бреду видел этих солдат, во взгляде которых нет ни малейшего следа слабости. Он видел этих мальчишек, когда засыпал коротким и беспокойным сном, пытаясь хоть чуть-чуть отдохнуть от бесконечных чертежей.

Но генерал Карбышев никогда не мог даже и подумать, что доживёт до этого момента. До этого великого и благословенного момента, когда кровь захватчиков снова обагрит землю его России, смывая с неё весь пепел, всю ту проклятую копоть и грязь, что накопилась на ней за двадцать долгих лет рабства и бессилия.

Теперь же его старческие глаза, в уголках которых уже поселилась агониальная темнота, увидели тот завораживающий дух день, когда злобный и голодный двуглавый русский орёл наконец-то взлетел и мёртвой хваткой вцепился в горло дряхлеющего орла германского, разжиревшего на горбах собственных рабов.

Боль в груди пришла резко. Не то, чтобы старый генерал не ждал её, он уже давно миновал тот возраст, в котором мысли о смерти вводят если не в состояние паники, то в глубокую меланхолию и задумчивость. Скорее, он относился к смерти как к дорогой гостье, и давно уже прибрал дом к её

приходу. Однако, само время визита для Карбышева стало полной неожиданностью. Ещё с утра, вставая со скрипучей и проржавевшей постели, он знал, что обязательно увидит этот чёрный великолепный парад. Что его точно хватит хотя бы на эти несколько часов.

Ожидания не обманули старика. На несколько часов его действительно хватило.

И пока восьмидесятилетнее тело старого генерала медленно сползало по серой стене на глазах боевого строя, пока молодой адъютант в панике метался из стороны в сторону, хрипло выкрикивая санитар, на синеющих губах Карбышева плясала улыбка. Рука прижалась к сердцу, разрывающемуся на части, в голове лентой Мёбиуса бежала одна-единственная мысль, словно пришедшая из другого мира. Точно такого же холодного и мрачного, но где надежда ещё не превратилась в полуистлевший труп.

«Думайте о вашей Родине, товарищи. Думайте о своих домах, это придаст вам сил...»

С этими мыслями, старый и улыбающийся генерал Карбышев, чьи укрепления когда-то спасли Россию, позволив рядовому Отрепьеву и комиссару Алеутову продержаться до подхода солдат генерала Конева, умер, лёжа на холодном уральском снегу. А мимо его стремительно остывающего трупа маршировали солдаты, грохотом сапог отбивая прекрасный и яростный клич:

«Московия падёт...»

Шаг. Ещё десять. Грохот очередной колонны.

«...падёт».

Падёт. Падёт просто потому что на холодном снегу лежит этот беспокойный старик, царский офицер, советский инженер и русский солдат.

«Московия...»

Московия сгниёт на свалке истории. Сгниёт, потому что Гришка Отрепьев потерял там свой глаз.

Шаг. Ещё десять.

«...падёт».

Потому что Тысячелетний рейх сейчас разорван пламенем гражданской войны, потому что немцы грызут друг друга глотки, брат идёт против брата, и сейчас самый удобный момент для удара в спину.

«Московия падёт...»

И есть тысячи причин «почему». Из-за килотонн бомб, из-за сожжённых городов, из-за бесконечных верениц дат, которые когда-то были живыми людьми. Потому и грохочут громкой, ласкающей слух панихидой тяжёлые солдатские сапоги:

«Московия падёт! Московия падёт! Московия падёт!»

* * *

Выпуск газеты «The Washington Post» от 12 декабря 1962 года.

«THE RED DAWN RISES AND THE BLACK SUN BEGINS TO SET»

«Прекрасные новости приходят к нам из заснеженных степей Северной Азии. Некогда территории великой Российской империи, эта часть света уже двадцать лет находится под железным сапогом немцев. Сломленная и разорённая большевистской революцией, двадцать лет назад Россия стала для варварских немецких орд лёгкой добычей. Как будто этого было мало, русский народ, познавший на себе всю тяжесть немецкого вторжения, подвергся предательскому удару в спину от вероломной Японской империи, что сейчас распоряжается богатейшими регионами Сибири и Дальнего Востока. Лишь только совместными усилиями двух наших народов в ходе операции «Вашингтон» этих колоссов удалось остановить.

Целых двадцать лет из этой terra incognita не было никаких вестей. Небольшой вытянутый пятачок земли, расположенный вокруг длинного хребта Уральских гор – вот всё, что осталось от России. Зажатая с двух сторон, отрезанная от выхода к морю, не имеющая сообщения ни с кем, кроме контрабандистских банд Новосибирской республики и кланов тюркских кочевников, расположившихся в степях Средней Азии, Россия, тем не менее, продолжала жить. Подвергающаяся постоянным авианалётам, превращённая в гигантскую казарму, Чёрная Армия (так называют себя русские, избежавшие немецкого рабства) продолжала борьбу.

бу. В частности, именно русским агентом были обнаружены сведения, которые в последствие сделали возможным покушение на Гитлера, что в итоге увенчалось успехом.

Теперь же, когда нацистская империя рушится, русские мужчины и женщины единым фронтом вступили в свой последний, решительный бой. Отвергнув декадентские левые идеологии, перекованная десятилетиями страданий и горечи унижения, Новая Россия под руководством верховного маршала Жукова, блистательного стратега времён Второй Мировой войны, бросила вызов Великогерманскому рейху и перешла в наступление с целью отбить свои исконные земли. По сообщениям наших военных корреспондентов, события развиваются как нельзя лучше для русских. Первая танковая армия генерала Язова уже вышла к городу Ижевск. Некогда один из промышленных центров Советской России, ныне он представляет из себя жалкое зрелище. Сейчас Ижевск даже без воронок от танковых снарядов и разрушенных почти до основания зданий больше напоминает средневековый чумной квартал, чем современный город. Захламленные, грязные улочки, оборванное и жалкое население, трусливо жмущееся к стенам и затравлено глядящее на своих же освободителей, братьев по крови. Вот цена двадцати лет немецкого Нового Порядка – люди, словно бессловесный скот, страх, грязь и ужас. Мы все должны быть безмерно благодарны тем русским храбрецам, что сражаются сейчас в заснеженном Приуралье за то, чтобы коричневая

чума никогда не пришла ни в один дом на планете.

Нацистская империя, ещё несколько лет назад казавшаяся действительно тысячелетней, продолжает рушиться. Война русского народа за освобождение собственной страны, прозванная уже Великой Отечественной, является лишь одним кусочком огромного паззла. В самом рейхе почти сразу же после кончины фюрера вспыхнула гражданская война, солдаты Южно-Африканского союза и Бельгийского королевства в изгнании продолжают наступление против немецких колониальных сил в Экваториальной Африке, а партизаны из французского Сопротивления подняли мятеж в Марселе и джунглях Индокитая.

Люди по всей Америке с содроганием сердца наблюдают за борьбой русского народа. Антифашистским фондом имени президента Рузвельта благодаря неравнодушным американцам уже собрано пятьсот тысяч долларов, на которые будут осуществлены закупки продовольствия, медикаментов и многих других предметов первой необходимости для отправки в Россию. Более пятнадцати тысяч добровольцев уже направляются к северным портам Чёрной Армии, с нетерпением ожидая момента, когда смогут вступить в священную войну за свободу всех и каждого от господства хищного германского орла. Наши же военные корреспонденты, уважаемые читатели, будут внимательно следить за развитием ситуации.

Штатный корреспондент Джон Т. Семплер

* * *

Новосибирская республика, Новосибирск. 21 декабря, 1962 год.

Кира Шикаро ненавидел этот кабинет. В узкой, словно самурайский меч, и прямой душе японского чиновника до сих пор не могло уложиться, как русские вообще могут работать в таком бардаке. Он, отработавший больше тридцати лет в родном Киото, ставший уважаемым человеком, теперь вынужден прозябать в этой сибирской глуши, наблюдая за тем, чтобы русский гайдзины исправно выполняли свою работу. Отвратительно, просто отвратительно! Кто же виноват, что из всех варварских народов, ему достались именно русские? Не прирождённые гении Кореи, не трудолюбивые, словно пчёлки, китайцы, даже не, пусть и экспрессивные, но всё-таки ответственные филиппинцы! Русские! Чёртовы русские! Недисциплинированное, необразованное, пьющее, как не в себя, быдло. Которое, к тому же, абсолютно безответственно и не умеет ценить вышестоящее начальство. Никакого чувства иерархии, работа выполняется из-под палки и кое-как, лишь бы сделать, а в спину межзубным шёпотом летят оскорбления. К тому же, Кира дико ненавидел здешнюю кухню...

Ах, если бы не тот инцидент с первокурсницей Импера-

торской академии, не было бы никакой опалы. Не было бы никакой Сибири, не было бы никаких бессрочных «командировок», не было бы никаких русских! Он, потомственный чиновник, двадцать лет выстраивал карьеру в Императорском торговом консорциуме не для того, чтобы в один миг, из-за какой-то малолетней шалавы всё полетело к чертям собачим! Откуда он вообще мог знать, что эта малолетка была дочерью столичного префекта?!

Кабинет, в котором находился Кира, действительно сложно было назвать опрятным. Это было просторное овальное помещение, освещаемое электрическим светом громадных потолочных ламп и длиннющими прямоугольниками многочисленных окон. Располагался этот кабинет в недавно построенном, вычурном здании, стилистически слегка напоминающим старые японские храмы. Впрочем, сходство это было очень отдалённым и мимолётным, само строение было выстроено из надёжного железобетона, оставив хлипкие картонные и почти что прозрачные стены в тёплой Японии. Помещение же, в котором сейчас находился японский чиновник, недовольно развалившись в кожаном кресле, было как раз приспособлено для деловых совещаний. Обычно здесь собиралась вся торговая и политическая верхушка Новосибирской республики. Кабинет был оборудован длинным и просторным овальным столом из тяжёлого лакированного дуба, небольшим баром и даже видеопроектором на стальной треноге, которым, правда, ни разу не пользовались.

Впрочем, деловые совещания – это громко сказано. Скорее, это было похоже на доклад. Раз в месяц чиновники местной администрации, состоящей почти полностью из русских туземцев, собирались вокруг овального стола и, отчаянно пыхтя и соря кучами ненужных бумажек, зачитывали месячный отчёт перед имперским соглядатаем. Затем, поджав хвостики, внимательно слушали его указания, участливо кивая и роня горячие капли пота.

Правда, в последнее время гайдзины осмелели. Почувствовав мимолётную и временную слабость империи, вызванную недавним финансовым кризисом, они решили попытаться счастья и немного показать зубы. Огрызаются на хозяйскую руку, лают и пытаются укусить, не понимая, что вся их мнимая «автономия» прекратится сразу же, как только Сфера справится со своими экономическими проблемами. И тогда все эти гордые русские «фашисты» и чернорубашечники очень близко познакомятся с тугой кожей императорского кнута. Они всё равно пережиток прошлого. Все эти Родзаевские, Матковские и прочие непримиримые борцы против советского режима были полезны, когда Квантунская группировка брала Владивосток. После этого от них был только вред. Постоянно что-то пытаются выторговать, постоянно просят какой-то автономии, какого-то уважения к местному населению. Идиоты. Их всех было бы легче просто-напросто заменить новым поколением японских колонистов. Они бы тут в миг порядок навели.

Так думал Кира Шикаро, пока вокруг него суетливо носились слуги, разливая высокому начальству кофе и коньяк, подкуривая сигареты. Предлагали и ему, однако чиновник ограничился обычной стеклянной бутылочкой минералки. Табачных дым Кира вообще на дух не переносил, а чай и кофе предпочитал пить в более спокойной, нерабочей обстановке. И уж тем более не собирался разделять благородную чайную церемонию с дебилами-гайдзинами. Так что ему оставалось лишь сурово хмурить бровь, с недовольной яростью глядя на курящих русских. Замечания, однако, он им почему-то решил не делать. Наверное, выиграли остатки чувства порядочности, которое из Киры Шикаро старательно выбивали сперва на юридическом факультете, а затем и на рабочем месте. Империи не нужно порядочные люди, ей нужны люди продуктивные, желательно, не делающие перекуров.

Наконец, стареющий, но подтянутый и гладко выбритый человек с гладкими и благородными чертами лица поднял руку. Зал, за секунду до этого напоминавший копошащуюся муравьиную кучу, моментально замер. Видно было, что этого человека, одетого в чёрную рубашку со значком РФП приколотым на груди, все собравшиеся глубоко уважают.

– Что же, господа, – начал Михаил Алексеевич Матковский, президент, а по сути диктатор, Новосибирской республики. – Кажется, самое время начинать.

Все собравшиеся согласно закивали. Русские, все как

один видные чернорубашечники, начали бросать на Киру задумчивые и озорные взгляды. Такое обращение ещё больше взбесило чиновника, отчего тот грохнул по столу бутылкой с водой и, изменив своей японской выдержке, начал первым.

– Наконец-то вы соизволили приняться за работу, господин Матковский. Я уж было думал, что у вас есть дела поважнее, чем обеспечивать процветание вверенного вам региона. В таком случае, нижайше прошу вашего внимания. Торговый консорциум просил довести до вашего сведения, что поставки драгметаллов в метрополию опять снизились...

Кира ещё долго распинался. Он говорил всё больше и больше, не замечая, как нахмурил брови Матковский, как двое охранников шкафообразного телосложения закрыли на ключ две массивные входные двери, как все остальные собравшиеся с какой-то суровой, непрощающей жалостью обернулись на японского чиновника.

Одинокого японского чиновника, сидящего в окружении более чем десятка русских фашистов.

Когда Кира наконец-то закончил изливать свою желчь, триумфально сомкнув руки на груди и с вызовом глядя на Матковского, тот в ответ лишь печально вздохнул.

– Вы закончили, господин чиновник?

– Я закончил, – горделиво, слегка задрав голову, ответил Кира.

– Прекрасно, – пожал плечами Матковский. – В таком случае, я вынужден вас огорчить. Ваши требования мы вы-

полнить не можем.

– Не понял?.. – бронезилет высокомерия японского чиновника наконец-то треснул. Ему хватило, в конце концов, чуйки, чтобы на секунду погасить чувство собственного превосходства и оглядеться вокруг. И увиденное ему не понравилось. На переносице, между тонкими чёрными бровями вспыхнула первая капелька холодного пота.

– Тут нет ничего особенно сложного. Новосибирская республика отказывается выполнять требования Японской империи. Ровно, как отказывается выполнять требования Сферы Процветания.

– Это... это... – начал, задыхаясь, чиновник.

– Да, это именно бунт. Мало того, мы прекрасно осознаём свою безнаказанность и поэтому так открыто об этом вам заявляем. Любая война сейчас для империи смертельна, любое противостояние, даже с таким относительно слабым противником, как Новосибирск – подобно гибели. Ваша экономика работает на пределе и любое бряцанье оружием окончательно её надорвёт. Именно поэтому вы, со всем своим ядерным арсеналом, со всей многомиллионной армией и Сферой Процветания бессильны, если мы захотим от вас уйти. А мы захотим. Точнее, уже захотели. Иван Максимович, – сказал Матковский, обращаясь к человеку, сидящему от него по правую руку. – Я считаю, что стоит послать телеграмму в Магадан. Думаю, им самое время тоже выступить.

– Хорошо, Михаил Алексеевич, – добродушно согласился

с фашистским предводителем человек, смахивающий своей рыжей щетиной на дикого кабана.

– Родзаевскому, я думаю, писать не стоит, – продолжал как бы размышлять вслух Матковский. – Он до сих пор застрял в своём сорок четвёртом. По-прежнему воюет с большевиками и Кировским правительством. Лучше просто разобраться с ним позже.

– Будет сделано, Михаил Алексеевич, – подтвердил всё тот же кабаноподобный мужчина.

– А вы, Дмитрий Андреевич, – Матковский обратился к ещё одному чернорубашечнику. – Отзвонитесь на границу. Нашим хлопчикам пора выступать. Пусть они разоружат все японские патрули, лучше будет, если даже без насилия всё обойдётся, а потом вышлите проверенных и примелькавшихся контрабандистов в сторону границ Чёрной Армии. Георгию Константиновичу необходимо знать, что Новосибирск уже готов присоединиться к Чёрной Армии.

– Так точно, Михаил Алексеевич! – по-военному гаркнул ещё один мужчина с круглыми очками, но выразительным и покрытым шрамами лицом.

– А с вами, – Матковский наконец-то соизволил вновь обратить внимание на Киру. – Мы поступим вот как...

Двое охранников, до того големами застывшие возле дверей, одновременно сделали шаг к столу. Киру прошиб холодный пот. Ему впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Так он не боялся даже в тот момент, когда его застукали

с малолетней студенткой.

– А... – начал было он, однако тут же закрыл рот. Открыл было ещё раз, однако снова захлопнул.

– Не нужно бояться, вашей жизни ничего не угрожает, – успокаивающим, но холодным тоном произнёс Матковский. – Вы просто посидите в тюрьме до тех пор, пока все дипломатические недоразумения, связанные с выходом республики из состава Сферы, не будут утрясены. Витя, Володя, – попросил он, обращаясь к двум дуболомам. – Сопроводите господина посла.

Лишь когда крепки и жёсткие ладони легли ему на плечи, Кира Шикаро позволил себе расплакаться.

* * *

Рейхспротекторат Британниен, Лондон. 26 декабря, 1962 год.

Гул нарастал с обеих сторон. Сперва это было просто недовольное ворчание нескольких десятков забастовщиков, волком глядящих на ровные и безмолвные ряды эсэсовцев, однако так было целых два часа назад. Сейчас ситуация немного поменялась.

Англичан было больше. *Намного* больше. Казалось, будто небольшой прямоугольник солдат, одетых в чёрную униформу, вот-вот потонет в гудящем, словно рассерженный пчелиный улей, море недовольных работяг, что в воскресный

вечер вдруг повылезали из своих пабов и съёмных комнаток и в едином порыве направились на Трафальгарскую площадь.

Впрочем, ничего необычного в таком единодушии, столь несвойственном Британским островам, не было. Свою лепту внесло и чувство имперской гордости, и собственное оскорблённое достоинство, и горечь поражения двадцатилетней давности. Ведь несмотря на отчаянное сопротивление, операция «Морской Лев» завершилась успехом для вермахта. В конце сорок четвёртого года немцы-таки высадились на берега туманного Альбиона.

Британский лев сопротивлялся долго. Последние дивизии королевской армии были задушены в котлах аж к зиме сорок шестого. Королевская семья вместе с двадцатилетней королевой Елизаветой едва сумела сбежать в Южно-Африканский союз, а над бывшей британской столицей, некогда управлявшей империей, над которой никогда не заходило солнце, реял флаг со свастикой.

Все эти годы британское Сопротивление ограничивалось только лишь разрозненными пропагандистскими акциями и редкими столкновениями с гестапо. На что-то более масштабное у него просто не было сил.

До сегодняшнего дня.

На стенах древнего города, построенного ещё античными римлянами, то тут, то там виднелись надписи.

«МЫ ПОМНИМ МОНТГОМЕРИ»

«НАЦИСТЫ, УБИРАЙТЕСЬ ВОН!»

«ГЕРИНГА – НА ВИСЕЛИЦУ»

Странно, почему именно на рейхсмаршала авиации был направлен гнев уличных вандалов. Наверное, за то, что именно его асы когда-то стёрли с лица земли Королевские ВВС. Хотя логичнее было бы для англичан желать увидеть повешенным Эдуарда VIII, герцога Виндзорского, коллаборациониста и предателя, с широкой улыбкой и большим удовольствием сотрудничавшего с захватчиками ещё в сороковых.

Над столицей рейхспротектората Британниен стоял туман. Мелкая морось витала в воздухе, наряжая уличные фонари и вечерние стёкла в жёлтые шубы отражавшегося от капель воды света. Повсюду сновали подозрительные личности, чаще всего с закрытыми шарфами лицами. Такие люди то тут, то там собирались на перекрёстках или в подворотнях группами до пяти человек и, едва заслышав тяжёлый топот военного патруля, тут же разбегались в разные стороны.

Все знали, что тянутся последние дни господства Германии над Альбионом. В разразившейся гражданской войне рейхспротекторат принял сторону Геббельса, и по всей Британии установилось военное положение. Как ни старались вездесущие сторожевые псы нового фюрера скрыть информацию о том, что Фатерлянд в огне, слухи всё равно просочились. А затем они были подтверждены всё тем же Сопротивлением, что перехватывало радиосообщения с материко-

вой части Европы, разделённой теперь, как и два десятилетия назад, бесчисленными линиями фронтов. СС под руководством Гейдриха арестовали собственного же рейхсфюрера, заняли Берлин и Западную Германию и объявили о начале священной войны против предателей и сибаритов, поставивших Великогерманский рейх на грань уничтожения. Геринг, чьи лояльные части сумели занять восточные и северные области Германии, немедленно вгрызся Гейдриху в глотку. А пока эти двое со всей дури мутузили друг друга, сжигая города и убивая собственных же соотечественников, Геббельс, по-настоящему легитимный наследник Гитлера, заполучивший в распоряжение лояльную Центральную и Южную Германию с Австрией в придачу, ударил в спину им обоим. И не помогли никакие договорённости, которые он составлял с Герингом накануне кончины фюрера. Впрочем, может не всё так однозначно?

Весь *Rex Germanica*[1] разрушился в один момент. Колонии в Африке атакуют остатки британских армий и бельгийцев. На востоке наступают русские, все эти двадцать лет уютившиеся на Урале. На западе американский десант занял Исландию, а французы вспомнили о своей национальной гордости.

Настал черёд севера. Наступил роковой день для Британии, тот самый день, когда её народ предал собственные же традиции. Великий английский стоицизм, воспетый Киплингом, прославленный в веках герцогом Веллингтоном,

лейтенантом Бромхедом и Уинстоном Черчиллем, сегодня был предан забвению. Вместо него наружу, из глубины веков, вылезла древнесаксонская ярость, дыша на лица работаг, студентов и подпольщиков жарким песком средневековой Акры, конским потом и нечеловеческим криком Ричарда Львиное Сердце, дерущимся без доспехов плечом к плечу со своими солдатами.

Трафальгарская площадь напряжённо молчала. Тысячи разгневанных англичан со злостью напирали на немногочисленные ряды эсэсовцев. Те отвечали им вскинутыми винтовками и мушками, совмещёнными с перекрестьями. Замер, казалось, весь Лондон. Лишь люди муравьиными ручейками стекались к главной площади города.

– С Новым Годом и Рождеством вас, суки!

Никто не мог взяться объяснить, откуда раздался этот возглас. Никто не проследил за тем, откуда прилетела бутылка с горючей смесью. Никто не знал, кто из эсэсовцев выстрелил первым. Никто даже не мог предположить, что ту женщину, что повела людей на строй, ошетилившийся винтовками, звали Маргарет.

Впрочем, свою известность она получит чуть позже. Её назовут «Железной леди», она проведёт свой народ через все бури и невзгоды, её имя будут носить улицы и корабли, проспекты и целые острова. В её честь королевская семья даже переименует центральную площадь Лондона, преклоняясь перед заслугами этой свирепой и отважной женщины.

Но это всё будет потом. А пока, ревущая и обезумевшая от гнева толпа, сжимая в руках камни, палки и коктейли Молотова, идёт прямо на оцетинившееся стволами оцепление. Вторая битва за Лондон началась.

* * *

Рейхскомиссариат Московия, Леебштадт. 5 января, 1963 год.

Франц Гальдер пил. Несмотря на бурную молодость и зрелость, в последние годы он вообще редко притрагивался к спиртному. Здоровье, расшатанное старостью и промозглыми ветрами бывшей русской столицы, начало давать о себе знать. Болели старые раны, болели раны новые, вызванные истощённостью его организма. Болели нервы, заставляя старого генерала по полночи ворочаться в своей постели, мучаясь бессонницей и мочевым пузырём.

Разве кто-то мог представить, что всё закончится именно так?

Начальник генштаба и потомственный офицер теперь вынужден прозябать в этой дыре, ощущая, как славянские орды с каждым днём приближаются всё ближе и ближе. Где они сейчас? Под Гудерианбургом? Рвутся к Гренцу или, как его называют русские, Нижнему Новгороду? Под Ижевском он потерял в котле минимум четыре немецкие дивизии. Четыре! Из двенадцати! Власовцев вообще никто не считал, рус-

ские убивают их даже в больших количествах, чем его, Франца, соотечественников. У немца хотя бы есть шансы попасть в плен и попытаться пережить зиму в суровых и бесчеловечных сибирских лагерях. Коллаборационистов же расстреливают на месте, не жалеют никого. Впрочем, это не придаёт власовцам смелости. Те, по донесениям командиров, дрожат, словно осиновые листья на ветру и массово дезертируют, надеясь либо раствориться среди местного населения, либо влиться в ряды наступающей Чёрной Армии.

Скоты. Скоты и предатели. Франц Гальдер запрокинул рюмку, опрокидывая пятьдесят грамм шнапса прямо в сухую глотку. За годы своего пребывания на продуваемом всеми ветрами побережье Финского залива, покрытого свинцовыми балтийскими тучами, он научился пить почти как русские, залпом, не закусывая после первой. Он даже понял, почему русские пьют именно водку или почти чистый самогон. Крепости немецкого шнапса в этих широтах явно не хватало.

А ведь всё так хорошо начиналось. После окончания кампании против СССР его тут же назначили командующим немецким гарнизоном в Московии. Надзирателем и пистолетом, приставленным к виску русского рейхскомиссара на случай, если тот вдруг начнёт взбрыкивать. По сути, собственное государство, богатое лесами и рабами, где Гальдер был полноправным диктатором. Конечно, и у Вишневого, здешнего комиссара, был свой Власов и была своя РОА, но разве может необученное русское быдло противостоять луч-

шим немецким солдатам?

Как оказалось – может. По крайней мере, *обученное* русское быдло месяц назад взломало его оборону по всей границе рейхскомиссариата и теперь ударными темпами движется в сторону Москвы. И помощи ждать неоткуда, потому что сам рейх в огне. Разделённый на три части, и ни одного из претендентов не заботит судьба окраин, лишь только личное положение. Все они надеются забрать обратно своё, как только закончится гражданская война. Вот только «своим» оно уже не будет. Оно будет русским, английским, норвежским, каким угодно, но только не германским.

Франц Гальдер опустошил ещё одну рюмку. Всё это бесполезно. Теперь помощи ждать неоткуда. Он с середины прошлого месяца забрасывал и Геббельса, и Геринга, и даже проклятого Богом Гейдриха просьбами о помощи. Просил прислать если не солдат, то хотя бы оружие и бронетехнику. Без толку. Немцы заняты тем, что с ожесточением рвут друг друга на части. Всего его телеграммы, донесения и телефонные звонки уходили куда-то во вселенскую пустоту. А русские танки тем временем утюжили его солдат где-то в татарских степях.

Командующий армией «Московия» с тоской поглядел на ополовиненную бутылку шнапса. Всё-таки двадцать градусов – это действительно мало для России. Настолько же мало, насколько и его двенадцать жалких дивизий.

Впрочем, даже если и так. Если русские думают, что смо-

гут так легко его взять, то они сильно ошибаются. Пусть приходят сюда, в свою старую северную столицу, некогда сровнённую с землёй немецкими бомбардировщиками, посмотрим ещё, кто кого! Бежать он не станет и без боя не сдастся.

Франц Гальдер, оставив в покое несчастный алкоголь, перевёл взгляд на серый город, выстроенный на мёртвых костях предыдущего. И в который раз за последний месяц где-то вдалеке ему померещился силуэт медной конной статуи, которой двадцать лет назад снёс голову снарядом один очень меткий артиллерист.

* * *

**Рейхскомиссариат Московия, окрестности Гренца.
8 января, 1963 год.**

Даниил ненавидел немецкие пулемёты. Точнее, ненавидел он то старьё из поздних сороковых, которое немцы скидывали местным формированиям. Старые, почти что нерабочие машины, забракованные войсками из вермахта, имели кучу критических недостатков. Перекос патрона, например, был скорее данностью, чем исключением. Скорострельность и система охлаждения тоже оставляла желать лучшего, и машина совершенно не годилась для прямого боестолкновения. Остальное снаряжение было, прямо скажем, не лучше, а поэтому Даниилу в бытность свою власовцем частенько приходилось щеголять со старенькой самозарядной винтовкой

«Gewehr-41», от которой сами немцы отказались ещё до того, как кампания против России была закончена.

Конечно, зачем же снаряжать туземные формирования хорошим оружием? Гораздо легче выдать им плохо работающее, морально устаревшее и давным-давно списанное старье, чтобы, если вдруг недочеловекам вздумалось побунтовать против своих хозяев, их бы тут же смели вооружённые по последнему слову техники части вермахта.

Именно поэтому, кстати, у РОА никогда не было вертолётов.

В другое время Даниил обязательно бы поехидничал по поводу бывших коллег, однако в данный момент у него были куда более важные дела. Например, постараться-таки выдернуть проклятый застрявший патрон из ствола. Металлическая падла, в раскоряку вставшая прямо посреди затворной рамы, никак не хотела выходить.

Учитывая критичность момента, в котором на позиции взвода под командованием Даниила мерно наступал как минимум целый батальон, такая своенравность снаряда была совершенно не к месту.

Что испытывал тогда Даниил, дремучий и деревенский паренёк, двадцати с небольшим лет от роду, что почти четверть собственной жизни вынужден был служить предателям собственной страны? Какие эмоции переполняли его на той по ночному тёмной опушке зимнего леса, освещаемой прерывистыми линиями трассеров? Страх? Безусловно, как

и в любом бою. Гнев? Всенепременно, учитывая то, какие именно эмблемы носили на рукавах наступавшие. Злость? В первую очередь, наверное, всё-таки на проклятый патрон.

Но по-настоящему переполняла его гордость. Гордость за самого себя, за своих товарищей, стоявших с ним плечом к плечу в неглубокой траншее и изо всех сил стрелявших в темноту боевой ночи. Гордость за то, что больше его рукав не жжёт ненавистный Андреевский крест.

Гордость и радость, что он сможет, наконец-то, смыть этот тяжкий позор со своей души. Что клеймо предателя больше не тяготит его.

Вместо этого поганого бремя, сдавливающего виски сильнее, чем терновый венок, на его плечах теперь лежит тяжесть клятвы. Нерушимой присяги, что он дал почти год назад в дрянной гостинице агенту Чёрной Армии. Что сейчас с ним? Выполнил ли он своё задание? Даниил не знал этого. Он знал, он верил, всем сердцем верил в то, что сможет исполнить обещание, данное всему русскому народу тогда, в Ижевске. Исполнит, несмотря ни на что. Ему не смогут помешать ни чёрные громады немецких танков, ни заклинивший патрон, ни даже поганый, давным-давно споротый Андреевский крест.

Нет большего счастья для человека, чем исполнить свой долг. Нет большей радости, чем смыть с себя позор. Пусть даже и собственной кровью. Так думал русский солдат Даниил, когда звонко щёлкнула, наконец освободившаяся от за-

стрывшего патрона пулемётная лента.

* * *

Территория, подконтрольная Чёрной Армии, окрестности Астрахани. 22 января, 1963 год.

– Ты хотел со мной что-то обсудить?

– Хотел, – согласно кивнул полковой врач. – Садись, майор.

Майор Боровой послушно сел на скрипучий стул, на который указал доктор. Теперь они оба находились по разным краям светло-жёлтого лакированного стола, заваленного медицинскими справочниками и кучами бумаг. По правую руку от доктора стояла металлическая лампа, дававшая тусклый свет. Впрочем, выполняла она скорее рудиментарные функции, на дворе было всего лишь два часа дня и стемнеть ещё не успело.

– Так о чём... – начал было майор, однако военврач опять его перебил.

– Сколько мы с тобой знакомы, Жень? – спросил он, устало снимая с переносицы круглые очки.

Майор пожал плечами.

– Лет семь, наверное, нет?

Врач устало кивнул, соглашаясь.

– Семь лет... – в его голосе вдруг прорезалась такая печаль, что Евгению Боровому вдруг показалось, что его

друг сейчас взвоят по-волчьи. Однако, доктор всё-таки сумел взять себя в руки. – Да, наверное. Ты же знаешь, что я воцерковленный?

– Конечно знаю, Кирилл, – поражаясь очевидности вопроса, ответил майор. – Ты поэтому и в армию не пошёл.

– Вот тут-то ты ошибаешься, в армию я пошёл, – военврач с улыбкой кивнул на свои погоны. – Просто отказался брать в руки оружие. Сказал тогда, что смогу послужить Чёрной Армии много лучше, если буду спасать жизни, а не отнимать их. Чуть не расстреляли, помнишь?

Евгений помнил эту историю. Тогда они с Кириллом ещё не были знакомы и он, стоя на призывном пункте, всё поражался, какой нужно быть сволочью, чтобы отказываться служить своей стране. Оказалось – очень рукастой и умной сволочью. Такой, которую солдаты полка готовы носить на руках в благодарность за спасённые жизни и конечности.

– Помню, а ты к чему это? – спросил майор, всё ещё не понимая сути вопроса.

– Тогда скажи мне, – попросил его военврач. – Против кого мы сейчас сражаемся?

– Против немцев... – непонимающе начал Евгений, однако натолкнулся на злобный взгляд друга.

– Я прекрасно понимаю, что не против зулусов, – раздражённо огрызнулся он. – Я имею в виду, против какой конкретно части? Какой дивизии, полка, что там сейчас против нас?

– А, – просиял Боровой, наконец-то понимая, что конкретно от него хотят. – Против поволжских немцев воюем. «Волжский легион». Набрали и обучили колонистов немецких и теперь обороняют, как они думают, «свои» дома. Драться, правда, умеют. Это не какой-то сброд с винтовками. Настоящие звери.

– По количеству раненых я уже понял, что это не пионеры с ножичками перочинными, – задумчиво пробормотал Кирилл. – Звери... Как ты ладно выразился-то, Жень, я бы лучше не придумал. Скажи мне теперь вот что...

Военврач поднял свои карие глаза на майора и, не мигая, спросил:

– Могу я попросить тебя об одной услуге?

– Конечно, – Евгений был ошарашен, однако виду не подал. – Всё, что в моих силах.

– Не бери их в плен, – ровным, но холодным голосом попросил доктор.

На секунду в помещении повисла довлеющая тишина.

– Не понял?

– Не. Бери. Их. В. Плен, – медленно, с расстановкой произнёс доктор. – Ни одного человека, ни солдата, ни офицера, ни единого сраного легионера. Расстреливай на месте, не давай им времени поднять рук, делай что угодно, но не бери их в плен!

– Хорошо-хорошо, – поспешил успокоить разбушевавшегося друга Боровой. – А как же тогда...

– В жопу шестую заповедь! – рявкнул на это военврач. – В жопу! Убивай их всех! До единого!

– Я понял, понял, – состояние боевого товарища всё сильнее беспокоило Евгения. – Ты можешь толком объяснить, что случилось?

– Что случилось?! – окончательно рассвирепел Кирилл. – Рейхскомиссариат Московия случился! План «Ост» случился! Поволжские немцы случились! Вот что случилось!..

На успокаивание разошедшегося доктора ушла примерно четверть часа и почти треть бутылки ценнейшего на фронте спирта. Наконец, выдохнув, осунувшись в плечах и закурив папиросу, друг майора соизволил дать объяснения.

– Посмотри вот на это, – он протянул Евгению три фотокарточки, сделанные совсем недавно. На них были изображены четыре девочки, лет двенадцать-тринадцать от роду. Изнеможённые, грязные, с огромными выпученными глазами. Узницы концлагеря, который Чёрная Армия не так давно освободила.

– Бедные дети... – сочувственно пробормотал майор. Несмотря на свою жестокую профессию, детей он просто обожал.

– Бедные, как и всё здешнее население. Но это ещё не самое страшное. Как помнишь, когда мы освобождали лагерь, я в принудительном порядке заставил всех заключённых пройти медицинское обследование. В целях не только гуманности, но и банальной гигиены. Их нужно транспор-

тировать куда-то в более спокойные районы освобождённой России, а везти их туда со вшами и тифом – значит спровоцировать эпидемию. Закончили мы только вчера ночью. Одними из последних осмотр проходили как раз вот эти девочки...

– Кажется, я понимаю... – начал смутно догадываться майор. От этих предположений его кулаки непроизвольно сжались.

– О нет, не понимаешь! Их осматривала моя сестричка. Я её потом часа два валерьянкой отпаивал, попеременно с водкой. У девочек *там*, – Кирилл сделал недвусмысленный жест. – Разорвано всё. Это даже не насилие, это... это... это людоедство. Самое настоящее. Девочки никогда не смогут больше родить. Ник-ког-да. А самой старшей, нет, чего ты отворачиваешься-то, ты послушай! Самой старшей всего тринадцать! Тринадцать, Женя!

– Хватит! – грохнул кулаком по столу майор.

– Нихрена не хватит! – взвился в ответ доктор. – Не хватит! Эти легионеры ещё живы. Сколько их там осталось, неважно, это твоя вина! Ты их, сука, никак не добьёшь! И из-за тебя подобное происходит. Не бери их в плен, понял?! Никого не щади. Души руками, стреляй в них, танками дави, но чтобы всё это поганое племя до последнего человека уничтожить! А если какой солдат и проявит «милосердие», то его тоже немедленно расстреливай, он своим слюнтяйством только хуже делает. А лучше так до бойцов достучись, чтобы

у них даже желания такого не появилось. Это не люди ни-хрена, это животные, звери, с ними нельзя по-другому. Ты меня понял?

– Понял, – мрачно и сипло ответил майор, хватая со стола бутылку водки и отправляясь к выходу из кабинета.

– Убей их, Жень, – устало взмолился ему в спину доктор. – Убей их всех. Чтобы больше никогда такого не было. Бог хочет их смерти...

* * *

Территория, подконтрольная Чёрной Армии, пригород Москвы. 18 февраля, 1963 год.

– Слава, слава родным бойцам...

Вася никак не хотел заткнуться. «Славься» у него выходило хреново, хотя конкретно вот этот куплет он вытянул плюс-минус сносно. А вот женская партия у него была настолько плохой, что Артём, когда слышал её, постоянно затыкал уши и пытался как можно быстрее покинуть помещение.

– ...Родины нашей отважным сынам!

Не допел. Точнее, не добубнил. Переключился на «Марш Сибирских стрелков». Почему-то с конца.

– ...Нашей верою горя! И услышат эту песню стены древнего Кремля!

– Вася, да хорош уже! – не выдержал я. – Чего распелся с утра пораньше?

Вася Громов очень любил петь. Нет, не так. Василий Андреевич Громов просто обожал петь. Пел он помногу, подолгу, но, слава Богу, почти всегда тихо, себе под нос. Главная его проблема состояла в том, что медведь Васе на ухо не просто наступил, но ещё и основательно там потоптался. Музыкальный слух у Громова не просто отсутствовал, он, казалось, уходил в минус, а поэтому Вася фальшивил даже там, где сфальшивить было просто невозможно.

Проще говоря, существовать в том месте, где Громов решил в очередной раз надругаться над вокальным искусством, было просто невозможно.

– А чего? – недоумевал он совершенно искренне. Его сознание в этом вопросе работало как-то странно и очень избирательно. Все замечания и откровенную ругань в адрес своего пения он просто пропускал мимо ушей, никак на неё не реагируя. – В тему же. Песню-то и вправду услышат. Считанные километры остались.

Я выразительно хмыкнул, пытаюсь дать ему понять, что против самой песни не имею ровным счётом ничего. Гораздо больше я имею против того, каким образом её сейчас исполняют.

И тут же потёр позолоченное кольцо на безымянном пальце правой руки. Достаточно новая привычка для меня, кстати. Только в октябре заимел. Никогда не думал, что оно вообще там хоть когда-нибудь висеть будет.

– Гриш, – тихо позвал меня Вася, выглядывая из разбито-

го окна небольшого амбарчика, где располагался штаб моего полка. – Мы дошли...

В его голосе звенела такая чистая и детская простота, что я поневоле улыбнулся.

– Дошли, – также тихо, добро и успокаивающее согласился я.

– Я в это поверить не могу. Вижу, слышу, как канонада грохочет, – продолжал он, глядя в окно. – А всё равно не верю. Ты был хоть раз в Москве, Гриш?

– Да, – печально ответил я. – Только совсем не в той.

Громовой обернулся на меня и на секунду его глаза расширились от удивления. Лишь через мгновение до него дошло.

– Ах да, точно... А до войны был?

– Какой там! – я отмахнулся от настолько бредового предложения. – Я кроме своего родного села только в Калинин и был. Да и то разок.

– Раньше Москва красивой была, – мечтательно, словно совсем не заметив моего ответа, продолжил Вася. – Папа всегда её с гордостью вспоминал. А я так ни разу и не побывал.

– А сейчас – отвратительна. Серые бетонные коробки да орлы со свастиками.

– Это ничего, – махнул ладонью Вася. – Это ничего. Слышишь? Это наша артиллерия работает. Сейчас разнесут в клочья всю эту срань бетонную, а мы потом Москву заново отстроим. Всё восстановим! От Большого и до Китай-горо-

да...

Васину болтовню я слушал в пол-уха. Был занят тем, что никак не мог нащупать на дне длинных карманов полковничьей формы спичечный коробок.

Честно говоря, с началом операции «Валькирия» моя жизнь круто повернулась. Первое – это, конечно, женитьба. Я вообще никогда не думал, что когда-то буду женат. Ещё буквально год назад сама мысль о том, чтобы законодательно закрепить за собой женщину казалась мне не то чтобы противной, но просто очень странной. Несмотря на достаточно долгое сожителство с Аней, я не рассматривал её как законную избранницу, предназначенную мне самой судьбой. Скорее, как привычное для себя существо, значительно облегчающее мне быт. Теперь же я частенько потирал обручальное кольцо и с нежностью на него посматривать. Оно стало для меня отдушиной в череде одинаково тяжёлых штабных дней.

Вторым знаменательным событием для меня стала армейская служба, которую я уже несколько лет как покинул. В конце сентября Алеутов подошёл ко мне и по секрету сообщил, что в грядущей войне толку от единичных оперативников контрразведки (пусть даже и очень толковых) будет очень мало толку. А вот армейские капитаны, в звании которого я и вступил в ряды «Стальной руки», пусть даже и бывшие, будут в большом почёте. Особенно, если они за время службы в разведке поднялись по карьерной лестнице аж до звания полковника. Тот факт, что полковничье звание в

разведке равнялось генеральскому в армии, Алеутов благополучно проигнорировал. Всё-таки не настолько широк мой офицерский опыт, чтобы с ходу командовать целым корпусом. А вот с полком я вполне справлялся.

Так что пришлось принимать командование. Семнадцатым мотопехотным. Учился прямо на ходу, вспоминал всё, что успел усвоить и понять за то недолгое время, что командовал батальоном. В целом, выходило неплохо. Воевать у моих ребят получалось здорово, а мои тактические ошибки с лихвой компенсировала солдатская храбрость. Поэтому мы с подчинёнными были довольны друг другом. Я не занимался шапкозакидательством, следил, чтобы солдат не кормили откровенной парашей, а за это получал искреннее уважение и высокий боевой дух подразделения.

Впрочем, сильно подбадривать солдат мне и не приходилось. Они сами горели диким желанием, объединяющим всех нас. Желанием отомстить. А поэтому военная дорога, что довела нас от Казани и Ижевска до самых ворот Москвы оказалась очень короткой.

* * *

Трель штабного телефона стала для меня неожиданно. Я всё же надеялся ещё на пару часов отдыха, пока не закончится артподготовка.

– Полковник Отрепьев? – спросила меня телефонная

трубка знакомым, но искажённым помехами голосом.

– Да! – я поморщился, чувствуя, как затряслись в амбаре стёкла от рёва реактивных бомбардировщиков, заходивших на цель.

– Александр Сергеевич Алеутов вызывает вас к себе, – узнал я наконец-то голос адъютанта начальника разведки.

– По какому вопросу?

– Узнаете на месте. Скажите пожалуйста, полковник Громов сейчас с вами?

– Да, – ответил я, глядя на Васю, сосредоточенно разглядывающего боевой пейзаж за окном.

– Его Александр Сергеевич тоже требует. Немедленно отправляйтесь в распоряжение шестого артиллерийского полка. Знаете, где это?

– Примерно, – слегка задумавшись, прикинул я.

– В таком случае, выезжайте немедленно, вас уже ждут – на этих словах адъютант бросил трубку, оставив меня в глубокой задумчивости.

– Вась, – обратился я к другу.

– Ау?..

– Ты знал, что Алеутов на фронте?

– До этой секунды – нет, – ответил он, оторвавшись, наконец-то, от квадрата окна. – Это же вы с ним друзья-товарищи. Или с началом войны котлеты отдельно, а мухи – отдельно?

– Именно, что отдельно, – с начала декабря я действитель-

но оставался в неведении о положении дел у своего бывшего шефа. – Вызывает вот к себе.

– Это куда? – удивился Громов. – В Свердловск что ли?

– Ты, мля, Свердловск, – огрызнулся я. – Ты чего такой глушёный сегодня, Вась?

– Ничего я не глушёный, – Вася огрызнулся в ответ. – Просто задумчивый. Я Москву в первый раз вижу, понимаешь?

– Вот раз такой задумчивый, то и думай, как нам с тобой эту белокаменную ковырять. Там внутри минимум две немецкие дивизии, «Поволжский легион», который нам и так порядочно крови попил, и ещё чёрт знает сколько власовцев. Хотя нет, отставить думать. Собирайся, со мной поедешь.

– Куда? – не понял Громов.

– К Алеутову. Он и тебя тоже вызывал. Я сейчас своего ординарца вызвоню, пусть транспорт нам организует.

– А куда едем-то? – спросил Громов, когда мы уже выходили из моего импровизированного штаба.

– В расположение шестого артиллерийского. Алеутов сейчас там, судя по словам его адъютанта.

Ординарец справился с поручением довольно неплохо, а что самое главное – быстро. Уже через пять минут около штаба стоял тёмно-зелёный джип «КЗ-1» нашей собственной сборки. Конечно, американцы тоже поставляли нам машины, однако отечественному качеству я в данном вопросе

доверял больше. Нашим кулибиным, например, ещё очень долго доводить до ума американскую «М-16», прежде чем её станет возможно использовать в русских лесах и грязи. В конечном итоге, разработали и поставили на штамповку собственный автомат с очень специфичным названием. «АД-62» – Автомат Драгунова был гораздо современнее и мощнее морально устаревшего «ППШ-51» и в разы надёжнее американской «эмки».

Покачиваясь в такт подпрыгивания автомобиля на дорожных кочках, покрытых грязью и снегом, мы достаточно быстро добрались до правого фланга наших позиций, где и располагался шестой артиллерийский. По пути нам попадались колонны грузовиков и танков, кружащие, словно стервятники, вокруг осаждённой Москвы. Всем в Генштабе было предельно ясно, что падение города – вопрос решённый, загадка состояла лишь в том, чтобы захватить оккупированную столицу с как можно меньшими потерями.

– Алеутов где? – спросил я у первого попавшегося часового.

Тот стоял по стойке смирно, вооружённый как раз новым «АД» и подозрительно смотрел на нашу машину.

– Кто? – с каким-то южным говором уточнил он.

– Алеутов Александр Сергеевич, – терпеливо повторил я.

– Не знаемо таких, – ответил он, поудобнее перехватывая оружие.

Я тяжело вздохнул.

– Начальника караула позови.

Он снова пристально посмотрел на меня, а затем, видимо успокоившись видом моих полковничьих погон, куда-то упёрся.

Вернулся, правда, быстро. На этот раз вдвоём со смуглым лейтенантом.

– Фамилия и звание? – без лишних слов перейдя к сути дела, спросил он.

– Полковник Отрепьев, семнадцатый мотопехотный полк, восьмая гвардейская дивизия. К Алеутову Александру Сергеевичу.

– Ваши документы, – попросил он, кивком головы соглашаясь со справедливостью причины моего приезда. То, что Алеутов находится в расположении его полка он, как минимум, знал.

Я протянул ему документы. То же самое сделали и Громов с моим ординарцем, сидящим за рулём автомобиля. Бегло их просмотрев, лейтенант снова кивнул и отпустил нас, объяснив перед этим, как попасть в штаб.

Сам штаб полка представлял из себя типично немецкую бетонную коробку. Скорее всего, это был бывший полицейский или армейский пост, хозяев которого словно ветром сдуло при приближении нашей армии. По крайней мере дыр от пуль и снарядов я не обнаружил, ровно как и закопчённых стен, а поэтому захватили здание, скорее всего, без боя.

Внутри оказалось достаточно спокойно и привычно. Шта-

бисты ровным шагом сновали туда-сюда, решая тактические вопросы и внимательно рассматривая карты местности, слышались негромкие разговоры. На нашу троицу глядели с интересом, особенно после того как я поинтересовался, где именно находится Александр Сергеевич, однако с распросами не приставали.

Обнаружив требуемый кабинет, я отпустил ординарца покурить, а сам без стука распахнул дверь. Вася последовал за мной.

– Гриша! – радостно приветствовал меня Алеутов, вставая из-за своего стола.

Мы крепко обнялись и помяли друг-другу бока.

– Окончательно заматерел, – с удовлетворением заметил Алеутов, разжимая объятия. – Свежий воздух, физические нагрузки, да?

– Встречи с интересными людьми, которых я вынужден убивать, – с улыбкой ответил я.

– Хочешь сказать, скучаешь по тихой штабной должности? – с улыбкой спросил мой бывший шеф.

– А она у меня когда-то была? – картинно поразился я, чем вызвал искренний и радостный смех.

– Что верно, то верно, – подметил Алеутов. – А, и Вася здесь?

Они пожали друг другу руки. До объятий, понятно, дело не дошло, всё-таки они были не такими крупными приятелями.

– Тебя-то какими сюда ветрами занесло? – спросил я, располагаясь на одном из хлипких стульчиков, стоящих в кабине.

– Ветрами войны, какими же ещё. Должен же шеф разведки присутствовать при освобождении архивов ОГПУ. Или ты оттуда и так всё, что можно вытащил? – улыбка не сходила с его губ.

Я лишь виновато развёл плечами, мол, конечно всё.

– И всё же?

– Не поверишь, Гриша, но я действительно тут по этой причине. Банальной, соглашусь, но всё же. Нужно все эти старые бумажки собрать, каталогизировать и перевезти в Свердловск. Плюс немецкие и власовские документы тоже надо бы прибрать к рукам, что не успеют уничтожить. Нечего добру пропадать. Однако, не всё так грустно...

Его голос в момент посерьезнел.

– Едва я прибыл на фронт, тут же обнаружил кое-что интересное. Помнишь «Метро-2»?

Я кивнул. Сложно было забыть.

– Так вот, наша карта с тобой была неполной. Точной, но неполной. До какой точно степени – неизвестно, но одно могу сказать точно: у нас с тобой сейчас под ногами вход в сеть подземных тоннелей, которого на наших с тобой картах и в помине нет.

– В этом здании?! – я даже немного подскочил. – Хочешь сказать, немцы, что работали здесь, за столько лет его не об-

наружили?

– Да не прямо здесь, балбес, – мимоходом осадил меня Алеутов. – В расположении полка. Лес видел, когда подъезжал? Вот на самой его опушке, где артиллерийские батареи стоят. Солдаты и обнаружили. Сперва сами пробовали сунуться, но особист, слава Богу, осадил, послал за мной. Я-то здесь уже, по сути, прописался. Залезли вместе с бойцами внутрь, а там батюшки! Видимо, советские вожди готовили этот ход на самый-самый крайний случай, когда понадобится срочно оказаться как можно дальше от Москвы. Здесь даже железнодорожных путей нет, только длинный коридор к ним ведущий. Понимаешь, что это всё значит?

Я понимал. Это был шанс взять город почти без боя. Сеть подземных тоннелей, почти как в древности, когда посреди осаждённого города вдруг появлялась вражеская армия.

– Знаю, что понимаешь, парень неглупый, – не дождавшись ответа, продолжил мой бывший шеф. – Переброска войск, удар в тыл, всё как по учебнику. Однако нас с тобой интересует другой вопрос. А конкретно – Владимир Вишнеvский.

– Рейхскомиссар? – удивлённо спросил я.

– Именно он, – улыбнулся Алеутов. – Знаешь, чем он так важен?

– Предатель?.. – неуверенно уточнил я.

– Именно, Гриша. Единственный не немецкий рейхскомиссар во всей нацистской империи. Обычно их назначают

прямо из Германии, но здесь особый случай. Вишневский сотрудничал с немцами почти с самого начала Последней войны. Перешёл на их сторону ещё до Власова. До этого, говорят, много раз пытался достучаться до советского командования, предупреждая их о грядущем немецком вторжении. Был закономерно проигнорирован, а само вторжение началось почти на месяц раньше, чем он предсказывал. Видимо, очень хорошо он немцам сапоги вылизывал, раз его назначили аж рейхскомиссаром. Его, славянина и недочеловека. Просто неслыханно.

– И что с ним? – подал голос Громов, также усевшийся на какой-то тахте. – Ликвидировать?

– Узко мыслите, Василий. Ликвидировать всегда успеем. Гораздо лучше будет его именно захватить, а затем судить. Сделать из этого зрелище, всенародный трибунал, создать прецедент. Финал-то заранее ясен – эшафот и верёвка, однако политическое значение такой акции трудно переоценить. Россия, Василий, больше не в изоляции. Особенно – после признания Соединённых Штатов и присоединения к нам Новосибирска и Магадана. Теперь нам нужно думать не только о мести, на которую мы, безусловно, имеем право, но и о том, что будет дальше. Мы не горные дикие варвары, которых интересуют лишь головы немецких шавок. И мы должны показать это всему международному сообществу. А поэтому так важно взять живьём как можно больше именитых коллаборационистов и Вишневского – в первую очередь. Пусть даже

расправа с ними будет самой, что ни на есть кровавой, но правосудие должно стоять на первом месте в таких вопросах. Это понятно?

Мы с Громовым согласно кивнули.

– И поэтому, ребята, вы оба переходите под моё командование, – с ехидной ухмылкой сообщил Алеутов, потрясая перед лицом каким-то приказом. – Передадите своим заместителям все дела, а через полтора часа я буду ждать вас прямо возле этого здания. Всё ясно?..

* * *

Через указанный срок я стоял перед уже знакомой бетонной коробкой. Рядом со мной переминался и Громов, тихонько выкуривая вонючую американскую сигарету, к которым в последнее время пристрастился. Наконец, входная дверь штаба артиллерийского полка распахнулась, и на пороге показался Алеутов.

Вместе с ещё одним человеком.

– Артём?! – удивлённо воскликнул я.

– Гриша?! – изумлению моего сына также не было предела.

Мгновенно повторилась сцена приветствия, которая уже имела место быть в кабинете Алеутова. Правда, на этот раз объятия были намного дольше, а похлопывания по спине – намного сильнее.

– Надо же, уже капитан... – пробормотал я, отстраняя его от себя и глядя на погоны.

– А то! – похвастался Артём. – Ещё и орден «Отечественной войны» недавно получил. Второй степени.

– Это за что?

– А, – махнул он рукой. – Долгая история.

– Матери похвастался? – с напускной строгостью спросил я.

– Неделью назад письмо написал, сразу после вручения.

– А меня тогда почему не известил?

– Так до тебя попробуй ещё допишись, – с лёгкой обидой пояснил Артём. – Ты то под Казанью, то под Астраханью, то вообще под Москвой. Я пытался тебе пару раз писать, но почтальон с ног сбился, в итоге мне письма обратно пришли, с извинениями.

– Ну и хрен с ними, – махнул я рукой. – Свиделись – и слава Богу.

– И слава Богу! – радостно повторил за мной Артём.

– Хочешь сказать, – обратился я к Алеутову. – Мы втроём пойдём?

Такой расклад имел свой смысл. В конце концов, мы с Артёмом уже работали вместе, и я знал, чего от него можно ожидать. К тому же, я лично наблюдал за его тренировками ещё в детстве, и сам же его воспитывал. С Громовым мы вообще сдружились именно в боевых условиях и тоже имели за плечами совместный опыт.

Однако, нас троих было явно мало для проникновения в самый центр осаждённой Москвы.

– Почему втроём? Впятером! Сейчас ещё один оперативник должен подойти. Тоже с боевым опытом, не волнуйся.

И действительно, Алеутов ещё не успел даже закончить фразу, как возле нашей четвёрки остановился военный джип и из него вылез, одетый в форму Чёрной Армии...

– Джеймс! – воскликнул я.

– Я тоже рад вас видеть, Григорий, – вежливо и ехидно, как и всегда, поздоровался со мной американец.

Ещё один крепкий удар по рукам.

– Какого чёрта ты тут делаешь?! – продолжал удивляться я.

– Воюю, разве не видно? – не изменял своему сарказму американец. – Записался добровольцем, параллельно обеспечиваю работу всей логистической системы Чёрной Армии в освобождённых частях России.

– Агентуру разводишь? – недоверчиво спросил у него Артём.

Американец с пренебрежительной миной повернулся к нему, будто только заметил.

– Нет, Артём, всего лишь обеспечиваю бесперебойные поставки припасов в армию. Или вы собираетесь воевать без патронов, танков и фуража?

– До этого как-то справлялись, и ничего, – с вызовом произнёс Артём.

– Так, хорош собачиться, – пресёк разгорающийся спор Алеутов, сделав при этом вид, что не заметил презрительной усмешки американца. – Не затем здесь собрались. Джеймс, вы полностью уверены в своём решении?

– «Цивус романус сум»[2], – подтвердил шпион. – С нашего с вами последнего диалога я не изменил решения, господин Алеутов. Я готов оказать помощь своим русским друзьям, – он широко улыбнулся. – Только хорошо было бы выдать мне, штабной крысе, хотя бы какую-нибудь амуницию.

– Вооружим всех, не беспокойся, – успокоил его мой начальник. – Все готовы?

Мы согласно кивнули.

– Ну пойдём тогда что ли?

– Э, стой! – прервал я Алеутова. – А пятый где?

– Чего?

– Ты сказал, что нас будет пятеро, – повторил я его слова. – Нас четверо. Где ещё один?

Александр Сергеевич вдруг улыбнулся мне доброй и тёплой улыбкой.

– Дурак ты, Гриша. Я и есть пятый. Не могу же я такое веселье пропустить.

* * *

На этот раз в подземельях было влажно. Даже слишком. Если в мае вода доставала мне до колен, то теперь затхлая и

холодная жидкость поднималась аж до пояса.

Мы шли уже несколько часов, не издавая лишнего шума и не разговаривая, лишь изредка показывая друг другу знаками, где можно оступиться. Все препирания остались наверху. Осталась там взаимная неприязнь Артёма и Джеймса, молчаливая задумчивость Громова и мои пререкания с начальством. Старик никак не хотел отправить нас вчетвером, ссылаясь на то, что слишком засиделся на кабинетной должности, а пятьдесят – не шестьдесят, и он вполне ещё боеспособен. На все мои упрёки о том, что это чистой воды политическая дурость – начальнику разведки ходить в атаку с шашкой наголо, он отвечал, что в случае чего покончить с собой всегда успеет, живым его не возьмут, а преемником своим назначает меня. На моё замечание по поводу того, что я тоже в этом отряде, он лишь весело усмехнулся и ответил, что в таком случае у меня больше причин остаться в живых и выполнить задание.

Мы шли в тишине, вооружённые чем попало, кто в лес, кто по дрова. У меня в руках вместо любимой «Мосинки», оставшейся в арсеналах Свердловска, удобно лежал новенький «АД». Хорошая машинка, перед спуском в подземелья я успел чуть-чуть с ней поработать. При стрельбе автомат уводило немного вверх, но в условиях боя в замкнутом помещении, который нам, судя по всему, и предстоял, это было не критично. Артём предпочёл всё тот же пятьдесят четвёртый «гевер», с которым, как мне кажется, успел сродниться.

Не понимаю, чем ему конкретно нравилось это оружие, как по мне – слишком громоздкое и маломощное. Однако, в таких вещах больше решают привычка и опыт, чем характеристики пушки. Джеймс и Вася предпочли американские «эмки», и если в первом случае я понимал обоснованность такого решения, то вот выбор Громова стал для меня полной неожиданностью.

Вася вообще сегодня был слишком задумчивым для самого себя. Когда мы только спускались в подземелье, но на секунду остановил меня и предупредил:

– У меня странное предчувствие.

Я не то, чтобы был суеверным человеком, однако опыт разведчика сообщал, что в таких случаях предчувствиям других людей лучше доверять.

– Хочешь сказать, нас ждут неприятности?

Вася на секунду задумался.

– Нет, – уверенно ответил он. – Ничего плохого, но... то, что мы встретим там, – он кивком головы указал на тёмный провал подземелья. – Нам не понравится. Что-то очень противное и... мерзкое. Понимай как хочешь.

И с этими словами спустился в темноту. Мне же ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Несмотря на большую продолжительность пути, в этот раз для меня он, несмотря на возросшее расстояние, был несравнимо легче. У меня были мои товарищи, подсказывающие в случае чего путь, у меня был фонарик, а не обжигающие

руки свечи. В конце концов, у меня была даже штурмовая винтовка, так что я был готов ко всему, и в этот раз засада из темноты не смогла бы застать меня врасплох.

В конце концов, Алеутов, идущий в голове колонный, остановился. Достал из нагрудного кармана, до уровня которого вода так ни разу и не поднялась, потрёпанную карту. Начал водить по ней указательным пальцем, что-то шепча одними губами. Наконец, после двух перепроверок, он поднял глаза от пожелтевшего листка и обратился к нам:

– Это здесь, – и кивнул на массивную металлическую дверь, брата-близнеца той, что вела в здание ОГПУ.

– Уверены? – недоверчиво спросил Джеймс.

– Процентом на девяносто. Мы сейчас должны быть прямо под Кремлём. Точнее, под той бетонной коробкой, которая стоит на его месте.

– И вы хотите сказать, что немцы просто так оставили вход оттуда прямо в подземные коммуникации города? Ни патрулей, ни растяжек? – продолжал сомневаться американец.

– А почему бы и нет? Хочешь сказать, им самим в случае чего «Метро-2» не понадобится что ли?

– Что-то не спешат они им воспользоваться.

– Исключительно их проблемы, – тоном, прекращающим всякие споры, ответил Алеутов. – Мы заходим. Ребятки, займите позиции, я открою вентиль. Будьте готовы встретиться там с чем угодно: от одинокого часового и до укреплённой огневой точки. Готовы?.. Поехали!

Дождавшись, пока мы встанем выгнутой дугой и наведём стволы на громаду металлической двери, Алеутов начал откручивать запорный вентиль. Он очень хорошо поддавался, как и аналогичный ему механизм на станции под штабом ОГПУ.

Это могло означать только одно.

– Алеутов, стоять! – заорал я, однако было уже поздно.

Дверь, сбросив с себя великую тяжесть застоя, начала медленно открываться, не издав при этом ни звука.

За ней стоял, слегка сгорбившись, но всё же в полный рост тучный старик, силуэт которого был мне до боли в отсутствующем глазу знаком.

– А я уже и не надеялся, что здесь кто-то появится...

[1] лат. Немецкий мир.

[2] лат. Я римский гражданин.

Глава шестая

Откровения

*«У Братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На Братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!»*

Рейхскомиссариат Московия, подземелья под Москвой. 18 февраля, 1963 год.

– А я уже и отчаялся ждать, что здесь кто-то появится... – произнёс Владимир Вишневецкий, едва металлическая створка двери отворилась.

Первой моей реакцией на эти слова было, конечно же, вскинуть автоматный ствол и расстрелять подонка, что решил театрально поиграть на наших и так напряжённых нервах. Однако, едва поймав силуэт старика на мушку, я неожиданно понял, что никакой опасности он из себя не представляет. Старый, располневший, бочкообразный предатель не был ни вооружён, ни окружён охраной. Он стоял на грязном металлическом полу, слегка покачиваясь и хрипя на вдохе. Он не предпринимал попыток убежать от нас, свистнуть, закричать, не пытался размахивать стволом и угрожать.

Он просто стоял и смотрел. Улыбаясь.

Кажется, одновременно со мной похожие выводы сделали и остальные члены команды, а посему, переглянувшись друг

с другом, мы опустили стволы. Не убрав, при этом, пальцев со спусковых крючков.

– Чему это вы улыбаетесь, Владимир? – сурово спросил Алеутов, заметив, как и все мы, такую неподходящую по ситуации улыбку на лице предателя.

– А почему не должен? – спросил рейхскомиссар, однако улыбку с морды убрал. – Кажется, я уже говорил о том, что достаточно долго ждал вас. И вот – вы пришли. Чем не радость?

– Не думаю, что остроумие и сарказм помогут вам в этой ситуации, – Алеутов продолжил ровным и спокойным голосом, пропустив иронию рейхскомиссара мимо ушей. – Владимир Вишневский, вы обвиняетесь в многочисленных преступлениях против русского народа, измене Родине и сотрудничестве с врагом. Вы пройдёте с нами.

Вишневский лишь поднял глаза (он был на полголовы ниже Алеутова), внимательно посмотрел на моего шефа и абсолютно спокойно произнёс:

– Хорошо.

Я поймал недоумённые взгляды Артёма и Васи.

«Хорошо»?

Этот человек что, совсем не понимает, зачем мы здесь? Не понимает, что его ждёт в случае ареста?

– Я готов пройти с вами, господа-товарищи, – продолжил, тем временем, Вишневский. – Только перед этим, прошу вас, ответьте мне на два вопроса. Всего лишь два несложных во-

проса, а затем я преспокойно дам себя заковать в наручники, связать верёвками и отконвоировать в расположение ближайших частей Чёрной Армии.

– Брехня, – резко отозвался Джеймс.

– Согласен, – кивнул головой Алеутов, вновь наводя ствол на нашего пленника. – Владимир, вы не в том положении, чтобы ставить какие-либо условия. Если вы до сих пор не поняли, наш отряд находится здесь с конкретной целью: доставить вас в местоположение наших частей живым и здоровым. И как можно скорее. Мы просто не имеем права здесь дольше задерживаться...

– Погоди, – прервал вдруг их Вася. – Давай попробуем поговорить с ним. Живым или свободным он всё равно отсюда не уйдёт. Если мы его не захватим, то хоть порешить всегда успеем, даже если сюда целая дивизия власовцев спустится.

Помня странное предчувствие, что сопровождало моего друга перед выходом в подземелья, я крепко призадумался.

– Я тоже за то, чтобы послушать, – неожиданно проявил несвойственное милосердие Артём. – Не, ну правда. Если бы у них была цель нас в ловушку заманить, то легче было бы поставить сюда огневую точку. Через какой-нибудь крупнокалиберный пулемёт мы бы всё равно не прорвались.

Теперь взгляды всех присутствующих были обращены ко мне.

– Ну, что скажешь? – спросил у меня Алеутов.

– В смысле, «что скажешь?»?! – справедливо возмутился

Джеймс. – У нас тут не Сенат, а военная операция! Александр Сергеевич, вы какого хрена демократию развели?!

Доля истины в его словах, безусловно, была.

– Давай, разведчик, – спокойной обратился ко мне Вишневский. – Тебе ведь очень интересно узнать...

– ... зачем вы отдали мне те документы? – закончил я за него фразу.

– Что?.. – изумлённо вырвалось у Алеутова, однако он тут же вновь взял себя в руки. У остальных реакция была менее многословна, но всё равно выразительна. Проще говоря, у всех глаза на лоб полезли.

Только Вишневский остался спокоен. Он пристально посмотрел на меня, будто изучая что-то внутри меня, а затем согласно кивнул.

– Как догадался? – спросил он.

– Старый, толстый, обладающий достаточной властью для того, чтобы убрать почти всех часовых из застенков московского рейхскомиссариата, – я пожал плечами. – И ещё форма. Вы очень характерно её носите, поднимая воротник, – я указал на его шею, прикрытую параллелограммами твёрдой ткани. – Больше я вообще ни у кого так не видел.

– Значит, успел рассмотреть? Там, тогда, в камере? – спросил меня коллаборационист.

Я кивнул.

– И именно поэтому я готов выслушать те два вопроса, что вы нам хотите задать, – похлопав по цевью автомата, продол-

жил я. – Потому что что-то не сходится. За последние месяцы я всё пытался сложить у себя в голове внятную картину, но ничего не получалось. Всё рушилось, не хватало одной маленькой детальки. И я думаю, что вы, предатель уже дважды, сумеете дать мне понять, что я упускаю в моих размышлениях. Почему вы отдали тогда мне эти документы? По-че-му?!

Вишневский печально, по-старчески, вздохнул.

– Дважды предатель, а? Неплохо сказано. Из-за трусости, молодой человек. Всё это, – он махнул рукой, пытаясь показать одновременно всё вокруг. – Исключительно из-за трусости. Трусости, тщеславия и заблуждения, будто ты знаешь всё лучше всех на свете. Впрочем, это лишь лирическое отступление перед действительно тяжёлой беседой. Я не знаю, – Вишневский заглянул мне в глаза. – Смогу ли я дать ответ на ваш вопрос. По крайней мере, смогу ли я дать ответ, который удовлетворит вас, и которому вы поверите. Потому что то, что я расскажу дальше, немного... нереалистично. По крайней мере, будь я на вашем месте, ни за что бы не поверил.

– Не тяните кота за хвост, Владимир, – прервал его Алеутов. – Задавайте свои вопросы, и пройдемте с нами. Время не ждёт.

Вишневский с усилием поднял старые, морщинистые ладони в знак того, что уже приступает.

– Без проблем Александр Сергеевич. Уже почти всё. Ска-

жите мне только, когда началась Последняя война?

Я бросил на Алеутова задумчивый взгляд, однако мой шеф, словно по учебнику, ни на секунду не запинаясь, выговорил:

– Пятнадцатого мая одна тысяча девятьсот сорок первого года. День памяти и скорби моего народа. Пятнадцатого мая *эти*, – от ткнул пальцем наверх. – Хлынули в мою Родину, словно орда чумных крыс, а такие, как ты, вылизывали им сапоги и саботировали оборону, рассказывая сказки про какое-то двадцать второе июня!

– Хорошо, я понял, – ответил Вишневский, не обратив внимания на яростный монолог. – В таком случае, скажите мне, Александр Сергеевич, знаете ли вы, что произошло второго апреля девятьсотого года в грузинском городе Тифлисе?..

* * *

Российская империя, Тифлис. 2 апреля, 1900 год.

Жаркий апрельский день шёл к полудню. Наблюдатель Тифлисской обсерватории, двадцатидвухлетний Сосо, быстро шагал по пыльной пригородной дороге, надеясь хоть чуть-чуть сократить непомерный разрыв во времени. Всё дело было в том, что сегодня утром он, зачитавшийся вчера ночью, проспал просто в пух и прах, не проснувшись не то, чтобы к третьим петухам, но продремавший даже утреннее солнце,

нещадно бьющее сквозь тонкие занавески его съёмной квартиры.

И теперь ему, юному марксисту, работающему в местной обсерватории и запоем читающему по вечерам запрещённую литературу, необходимо было как можно быстрее попасть на место работы. Просто потому что голод – не тётка.

Скалы Грузии в тот день были особенно знойными и пыльными.

– Иосиф! – окликнул незнакомый голос юного революционера.

Сосо обернулся, не понимая, кто мог его домогаться. Он уже вышел из города и теперь продвигался по окрестностям Тифлиса, по предгорным зарослям и разогретым на солнце серпантинам. Все его знакомые и товарищи в такой час должны были находиться в городе, на своих рабочих местах или в тайных конспиративных квартирах, а никак не скакать, словно козлы, по окрестным горам.

Позади него, игнорируя оглушающую жару, широкими скачками бежал коротко стриженный мужчина. На вид ему было, наверное, около тридцати, вряд ли больше. Белый халат, в который мужчина был одет, развевался на ветру огромным плащом, делая незнакомца похожим на огромного белого голубя или безумного врача, сбжавшего из стен своей же больницы.

– Иосиф, подожди! – снова окликнул Сосо незнакомец.

Молодой революционер остановился и с интересом при-

смотрелся к бегущему. Нет, это точно был не его коллега. Конечно, он ещё не всех знал в лицо настолько хорошо, чтобы сходу распознать за сотню метров, однако...

Нет, его Сосо точно ни разу не видел. Да ещё и эти странные синие штаны...

– Слава Богу, – запыхавшись, произнёс незнакомец, наконец-то нагнав юношу. – Фух, ну и жарко же тут у вас. Скажи, пожалуйста, Иосиф, у тебя нет с собой воды? А то я, знаешь ли, – на этих словах он улыбнулся. – Не привык к таким пробежкам по горам.

– Откуда вы меня знаете? – спросил Сосо, снимая с пояса металлическую флягу и передавая её незнакомцу.

Едва он протянул жестяную бутылку, как незнакомец тут же резко рванулся вперёд, вырывая флягу из его ладони и, одновременно с этим, сильно стискивая его правое запястье. Сосо намеревался тут же двинуть наглецу по морде, как вдруг...

– Это... – пробормотал Сосо. – Этого не должно быть...

Он сам не понимал, откуда у него появилось это знание. Он просто в одну секунду понял, что всё это жутко неправильно. И отнятая фляга, и встреча на пустынном бездорожье, и даже этот незнакомец. Всё это было неправдой, театральной постановкой, фикцией. Так просто-напросто не могло быть!

И от осознания этого факта юному Сосо стало настолько отвратительно, настолько мерзко и гадостно, что он в ту же

секунду захотел уйти. Не просто развернуться и убежать в направлении города или обсерватории, а уйти глубже, внутрь самого себя, скрыться от этой чудовищной, переворачивающей само мироздание с ног на голову неправды.

Это было сложно. Очень сложно, однако Сосо справился. Его жгучее юное сердце за один миг смяло ненадёжную оболочку плоти, за секунду разорвало ещё более слабую оболочку человеческого разума, свернуло за одно мгновение все процессы жизнедеятельности, а затем устремилось куда-то туда, за горизонт. За грань мироздания, где не существовало ни правды, ни неправды, где гулко звучали великие барабаны космоса, а вторили им протяжные нити судеб. Туда, где не было этой чудовищной лжи, что породило одно нелепое рукопожатие.

– Да, собственно, – произнёс Владимир Вишневский, наблюдая как от тела молодого юноши, осталась лишь белая невесомая пыль, уносимая куда-то вдаль горным ветром. – Я тебя и не знал никогда.

Лишь после этого он сделал глоток из фляжки, которую крепко держал в руке. Грузинское солнце палило нещадно.

* * *

– И что? – возмутился Алеутов. – При чём тут вообще мальчик Сосо и его Тифлисская обсерватория? Как это вообще вяжется с началом Последней войны?

Вишне夫斯基 печально вздохнул. Печально и горестно, да так, что Алеутов-таки прервал свой поток вопросов. Артём отвернулся, а я едва сдержал подступивший к горлу комок.

На рейхскомиссара, коллаборациониста и предателя жалко было смотреть.

– Для вас, молодые люди, – тихо продолжил он, глядя себе под ноги. – Мальчик Сосо был никем. Он ушёл куда-то в подпространство ещё тогда, в начале двадцатого века. Не было ни Тифлисских забастовок, ни внутривластной борьбы. Как и не было одного из ужаснейших тиранов во всей мировой истории. Не было самого страшного морового поветрия в истории нашей страны, не было голода, не было миллионов трупов! И не было... не было победы! Как странно, – предатель поднял на нас глаза, полные слёз. – Я в детстве очень любил День Победы. Прекрасный праздник. Помню, как сидел на закорках у совсем уже седого деда, размахивая пластиковым кинжалом с жёлтой рукоятью. Мне его тогда купили, в тот день, одна из первых игрушек, что я помню...

И, осев на пол и прислонившись спиной к холодной бетонной стене, разразился горькими, старческими рыданиями.

– Что ты несёшь? – не выдержал уже американец. – Какой кинжал, какой праздник? О чём ты?..

– Подождите, Джеймс, – перебил американца Громов. – Кажется, я потихоньку начинаю понимать...

– И я, – согласился я с Васей.

Я забросил автомат за спину и быстро подошёл к Влади-

мир, присев на корточки. Тронул его за плечо, разворачивая к себе заплаканным лицом, и спросил:

– Владимир, чем вы занимались до встречи с Иосифом?

Сквозь неутешные рыдания я услышал кашляющий, стариковский смешок.

– О, молодой человек, – то ли кашляя, то ли смеясь, выдавливал из себя Вишневецкий. – Слава Богу, что я передал документы именно вам. Ваша проницательность делает вам много чести. Сколько же вам лет, юноша?

– Тридцать три, – спокойно ответил я. – Владимир, это не ответ на мой вопрос. Скажите, чем вы занимались?

– В тридцать три года... – старик закашлялся. – Что же, я не сильно удивлён. Ваши мозги ещё не зачерствели, как, например, у него, – он указал двумя дряхлеющими пальцами на Алеутова. – Хотя я и надеялся, что быстрее всего дойдёт до самого юного члена вашего отряда.

– Владимир, – уже с нажимом повторил я.

– В двадцать семь лет я защитил докторскую по теме «Исследования и осуществление на практике возможностей манипуляции континуумом ПВ», – вытирая слёзы, ответил-таки старик.

– А если говорить проще?

– Физика, квантовая механика, исследования, связанные с управлением временем, – чётко, сложно на докладе, пояснил Вишневецкий.

Вот тут до меня дошло окончательно. В позвоночник как

будто вонзились тысячи холодных и острых игл. Дыхание сбилось. На лбу выступила крохотная капелька пота, змейкой сбежавшая вниз, прямо на чёрную повязку, закрывавшую потерянный глаз.

– То есть, вы хотите сказать... – начал Артём.

– Что вы не отсюда? – закончил Джеймс. – Не из этого времени?

– Да, – тихо ответил Вишневский. – И даже, как я понял, не совсем из этого пространства.

– Как это понимать?

– Я не уверен, – продолжив Вишневский. – Но скорее всего, когда я пожал руку Иосифу, я создал временной парадокс, тем самым во вселенной появилось две реальности. Одна – где я жму правую руку мальчика Сосо, вторая – где не жму, и вообще не появляюсь в грузинских горах в начале века. В противном случае, меня вообще бы не существовало, учитывая дальнейшие события.

– И из какого же вы тогда года? И из какого пространства?

– Вы что все, с ума посходили?! – рявкнул вдруг Алеутов. – Вы чего ему верите-то?! Это же брехня, полная брехня! Какая ещё квантовая механика? Какое управление временем? Вы вслушайтесь вообще, что он несёт! Это же просто-напросто попытка обелить себя, спасти, по возможности, свою шкуру.

– Вы неправы, Александр Сергеевич, – неожиданно возразил моему шефу Вася. – Насколько мне позволяет судить

мой опыт, так – не плачут. На публику, по крайней мере. Я разбираюсь в людях, столько лет в казарме просидел, и я говорю, что так люди не плачут. По крайней мере, специально. Он действительно тоскует по тому празднику, как бишь?.. – Он резко обратился к Владимиру.

– День Победы, – в последний раз тонко всхлипнув, ответил старик.

– По Дню Победы, – продолжил Вася. – По-настоящему тоскует, до смертной дрожи. Так на публику не играют, даже когда за жизнь свою боятся. Тогда не тоска из человека льётся, а слюна и ссанина из штанов.

– Я тоже ему верю, Алеутов, – согласился с Васей я. – Если бы хотел самого себя спасти – давно бы уже утёк. Про подземные тоннели он, судя по всему, прекрасно знает. Препятствий для этого у него не было. Взял бы с собой с пяток самых верных шавок, и дёру, только его и видели. А здесь смотри – сам вышел, вопросы какие-то наводящие задаёт. Я ему верю.

– You, russians, are all fucked up, – пробормотал себе под нос Джеймс.

– Ну хорошо, хорошо, – подходя ко мне, и помогая мне поднять на ноги Владимира, возмутился Алеутов. – Допустим, стал бы твой мальчик Сосо жутким людоедом и тираном. Как Гитлер, только у нас. Так чего ты тогда к немцам-то переметнулся? Ты им сапоги, собака, вылизывал, пока мы с Гришей в окопах вшей кормили. Что же ты, патриот хренов,

с нами не сидел, винтовку в руках не держал?

– Я скажу, – ответил Владимир, утирая рукавом формы текущие сопли. – Только сперва, должен вам кое-что показать. А что до вашего вопроса, молодой человек – он снова обратился ко мне. – Я должен был попытаться исправить. Хоть как-то. Исправить тот ужасный, проклятый мир, который сам же и создал...

* * *

– Сперва, конечно, было особенно тяжело. Приходилось натурально это всё воровать, зарывать в городских парках, чтобы немцам не досталось. Потом откапывать, переносить на личные склады, на которые надзирателям было плевать. Они думали, представляете, что у меня там шнапс да золото, а у меня... ха-ха-ха, картины и Фёдор Михайлович!

Помещение, куда нас привёл Владимир, поражало. Это был настоящий Ноев ковчег, саркофаг, тайная крипта знаний, спрятанная от посторонних глаз метрами бетона и земли.

Это был огромный ангар, расположенный под самой московской администрацией. Метров пять в высоту, в ширину он вполне способен был вместить реактивный самолёт. Как объяснил нам Владимир, раньше это помещение использовалось партийными бонзами для складирования особо важных вещей: документов, оружия, ассигнаций. Немцы, понят-

но, всё это дело вывезли, освободив помещение. А уже потом Вишневский забил до его отвала своими... трофеями.

Хранилище достижений русской цивилизации, спасённое от рук немецких шакалов. Третьяковка, Эрмитаж, Оружейная палата... Всё то, что не досталось врагу. Всё, что единственный маленький человек сумел вырвать из прожорливой немецкой пасти. Сокровище, бесценное сокровище, запрятанное у них прямо под носом. В сердце самого большого рейхскомиссариата, надругательства над русской государственностью, располагалось тайное убежище, бесценный архив, спрятанный прямо под носом предателей и палачей.

И всё это было сделано не отважными бойцами Чёрной Армии, нет. И даже не хитрыми и непримиримыми народными мстителями. Столетнее русское наследие было сохранено руками предателя, верой и правдой служившего своим хозяевам.

Но всё равно. Всё равно это были лишь жалкие крохи...

На металлических стенах подземного ангара висели картины. Огромное множество картин: Левитан, Васнецов, Аммосов, Киселёв и Бог знает кто ещё. Где не было картин – стояли книжные полки, доверху забитые рукописями. Среди них виднелись, как и знакомые фамилии, так и совершенно неизвестные мне. Кто такой, например, Булгаков? А Платонов? Чьи это фамилии, отпечатанные на жёлтых официальных листках? Я не слышал про них, ни разу не слышал за все

свои восемь классов образования. Возможно, услышал бы в дальнейшем, если бы не помешала война, однако наблюдая за тем, с каким презрением Алеутов ухватился за край «Белой гвардии» того же Булгакова, я понял, что это одни из тех самых, «нежелательных» авторов. Правительство Кирова таких, конечно, не арестовывало и не расстреливало, однако и в печать не пускало. Несчастные критики советской системы, вынужденные прозябать на подсобных работах и спускать свой талант в ящик письменного стола получили вторую жизнь руками предателя. Получили второй шанс на признание своего гения. Действительно ли их рукописи были стоящими, или это были лишь дешёвые антисоветские памфлеты, покажет лишь время. Теперь только время.

Я ни за что не отпущу это сокровище из своих рук. Никогда...

Поведение нашей компании в этой святой святых разнилось. Алеутов, подавив первоначальное удивление, ходил между картин и книжных полок с равнодушным выражением лица, стараясь показать, что титаническая работа Вишневого его совершенно не трогает. Выдавали его лишь только редкие изумлённые взгляды, бросаемые на бобины кинофильмов, которые, пусть и в гораздо меньшем числе, также присутствовали здесь.

Мы с Васей вели себя менее сдержано. С удовольствием и немного детским восторгом мы бродили по этим лабиринтам, трогая, читая и рассматривая. Мы с моим другом, каза-

лось, вернулись куда-то туда, на школьную скамью, в страну, которой уже давным-давно не существовало. Пусть тогда мы и видели Васнецова только в качестве школьной репродукции, само осознание того, что когда-нибудь ты сможешь приехать в московскую Третьяковку и посмотреть на эти шедевры в живую, уже несказанно грело сердце.

Впрочем, почему «мы»? Скорее уж я. Вася-то наверняка был знаком в детстве и с Васнецовым, и с Босхом. Воспитание, всё-таки. Расти в семье белоэмигранта не то же самое, что проводить детство в селе Калининской области.

Джеймс пребывал в хранилище в состоянии своего извечной невозмутимой иронии. Он не был мне сильно интересен. Но вот на Артёма любо-дорого было посмотреть. Мой мальчик ходил среди книжных стеллажей с широко открытым ртом, подолгу останавливаясь возле каждой картины, трепетно беря за корешок каждую книгу.

Его восторгу не было предела.

– А это кто? – перебил он поток сознания Вишневого, указав на очередную картину.

На ней был изображён молодой Наполеон, в своей извечной двуколке. Верхом на белом коне, он указывал своим войскам, не иначе верным гренадёрам, путь к победе. Известная картина. Даже я её видел в свои школьные годы.

Вишевский, резко заткнувшись, обернулся к Артёму.

– Это Бонапарт, молодой человек.

Артём кивнул, сделав вид, будто с ходу понял и отвернул-

ся, с усилием разглядывая французского императора. Однако, через пару секунд, не выдержав, уточнил:

– А какой Бонапарт? Который Тухачевский, или который Наполеон?

Владимир звонко шлёпнул себя ладонью по лысому лбу.

– Молодой человек... – печально протянул он. – У вас, в Чёрной Армии, совсем всё туго было с образованием?..

Фразу закончить он не успел. К старику вдруг неожиданно подлетел Вася и, с глазами пылавшими чистым гневом и яростью, размашисто залепил ему в ухо.

Всё произошло настолько быстро, что мы, изумлённо наблюдая за скоротечной дракой, даже не успели среагировать. Старик, сидевший до этого на небольшом табурете, кубарем покатился назад, сделав при этом кувырок через голову. Очухался он только спустя пару секунд. Инстинктивно перебирая руками, он отползал всё дальше и дальше от надвигающегося на него Васи. В его глазах я видел ужас, неподдельный ужас человека, столкнувшегося со стихией, с диким зверем, которым сейчас и был мой друг.

Из левой ноздри старого предателя бежала струйка крови.

– Туго с образованием было, гад?! – взревел Вася. – Туго было?! Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь?! Ты, гнида, понимаешь?! Это ты сделал, ты, ты, ты! Это из-за тебя парень путает «Красного Бонапарта» и обычного. Из-за тебя ему глотки нужно резать, а не на баяне в филармонии играть. Добрый и хороший, архангел Михаил, решил диктато-

ра кровавого уничтожить? Скажи мне, сколько мы потеряли в той войне, сколько?

– Двадцать миллионов, – слабым голосом продребезжал старик.

– Двадцать! – завопил Вася. – Двадцать миллионов! Хочешь, я скажу, сколько *мы* потеряли? Семьдесят. Семьдесят миллионов, гнида! Из-за тебя, из-за одного тебя, уroda, почти половина моего народа была уничтожена. Половина! И бесконечные бомбёжки, и голод, и сровнённый с землёй Петербург. Такова цена твоей победы? Такова цена спасения Отечества от жуткого тирана? Ну что, козлина, спас ты Родину, а?! Вон, у Артёмки спроси, хорошо ли ему живётся, без Дня Победы-то.

Громов всё сильнее и сильнее напирал на Вишневого. В один момент, когда старик уже вжался приподнятыми плечами в стену, а Васе уже стало некуда наступать, мне показалось, что ещё чуть-чуть, и Громов его просто-напросто начнёт душить.

Однако, то ли вспомнив о задании, то ли руководствуясь любопытством, которое в человеке всегда сильнее любой ненависти, Вася решил-таки отстать от старика. Он отошёл на шаг назад, разжал побелевшие кулаки и громко сплюнул, метя старику под ноги.

– Если ты думаешь, подстилка немецкая, – чуть более сдержанным, но не менее презрительным тоном продолжил он. – Что то, что ты вывез сюда часть Третьяковской гале-

реи, хоть как-то искупает твою вину, ты ошибаешься. Будь ты обычным предателем, да, возможно. Поехал бы в Сибирь жопу морозить на вечном поселении. Но теперь... теперь я ни за что не прощу тебе мальчика Сосо, который мог бы всё изменить.

Вишне夫斯基 воспринял отповедь достойно. Не стонал и не скулил. А потом начал говорить.

– Очень легко в двадцать девять лет думать, будто ты умнее всех. Особенно, когда именно ты автор изобретения, перевернувшего с ног на голову весь мир. Машина времени, швейцарская Женева, огромные исследовательские комплексы и Нобелевская премия по физике. А ведь тебе ещё нет и тридцати. Каким нужно быть идиотом, чтобы решиться отправиться на сотню лет назад и сделать так, чтобы твоих предков никогда не репрессировали? Особенно, если ты знаешь, что будет дальше. Знаешь про Пивной путч, про первый том «Майн Кампфа» и поджог рейхстага? И как сложно чувствовать себя последним ослом, стучась в непробиваемые двери командарма Конева, накануне катастрофы, ещё даже не подозревая, что он сгорит в ядерном пламени, оттягивая на себя как можно больше частей немецкой армии. А ведь в моём мире он брал Берлин. Тогда, весной сорок пятого. Той самой жуткой весной, когда в вашем мире был нанесён атомный удар на пермском направлении.

Старик перевёл дыхание и продолжил.

– А потом... потом позорные годы трусости. Трусости,

трусости и ещё раз трусости. До отвращения, до презрения к самому себе. Когда ты лижешь сапоги завоевателям, жгущим и убивающим твой народ. Преклоняешься перед ними не из-за благой цели, которую потом сам себе придумал в оправдание, а из-за того, что очень сильно хочешь жить. Как собака, как предатель и сволочь, но жить. И тогда ты понимаешь, что никакой ты не спаситель Родины. А просто умный, но жалкий Иуда, продавший всех и вся из-за собственной гордыни. Гордыни, которая ослепила, заставила думать, будто сам ты умнее хода истории.

В глазах предателя блестели слёзы.

– Прогрессоры, регрессоры... – продолжал он, задыхаясь. – Как я потешался, как смеялся над наивным Антоном из Мира Полудня, как ненавидел и презирал всех этих людей, сующих нос не в своё дело. Они были лишь сказкой. Были лишь фантастикой, сказкой, мифом. Их кровь была настоящей, чувства картонными, а смерть нарисованной. На моих же руках кровь настоящая. Кровь миллионов моих соотечественников, которых я жаждал спасти от неминуемого зла, но обрёл лишь на два десятилетия ада, который я сам же и создал. Я ненавижу себя. Ненавижу всеми теми крупинками сожжённой души, что у меня осталась. Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!..

И эхо его подлинной, искренней ненависти ещё с минуту разносилось по пустым коридорам русского ковчега.

– Ты веришь ему?

– Что!?! – крикнул Джеймс, стараясь перекричать гул танкового двигателя.

– Я говорю, ты веришь ему?! – повторил я свой вопрос, наклонившись к уху американца.

Джеймс очень снисходительно посмотрел на меня.

– Ни в малейшей мере. И тебе не советую. Вы, русские, слишком идеалистический народ. Вам нужно пострадать, побить себя плетьюми, позаламывать руки. Особенно, когда вы понимаете, что ваш час пробил. Предатель просто попытался навешать вам лапшу на уши, всего-то и делов. А что, ты действительно поверил во всю ту чушь, что он наговорил про путешествия во времени?..

Я ничего не ответил ему. Лишь отвернулся прочь от американца, внимательно разглядывая стелящийся перед нами проспект. Стальная машина, на броне которой мы сидели, быстрым ходом шла по освобождённой Москве. Рядом с нашим танком, виднелась ещё парочка таких же, которые, словно мухи каплю варенья, облепили солдаты Чёрной Армии. Где-то среди этих потных, уставших и провонявших гарью тел находились и Вася с Артёмом. Алеутов покинул нас, едва закончилась эвакуация всех тех сокровищ, что мы обнаружили в тайнике у Вишневого. Перед самым штурмом

Москвы он, вместе с ещё парочкой оперативников «Стальной руки», погрузил арестованного рейхскомиссара в армейский джип и укатил куда-то в сторону штаба командования, передавать ценного заключённого под стражу.

Москва встречала своих освободителей чёрным снегом, вперемешку с сажей. А я, глядя на разорванные огнём и сталью широкие проспекты, ловил копоть истории своим небритым лицом.

Свободная Москва встречала своих героев.

Эпилог

Последняя победа

«Взмывает в небо за моим за окном

Непобеждённая страна.

Взмывает в вечность за моим за окном

Непокорённая страна».

Здесь и сейчас.

Город встретил пса затишьем.

Обычно, когда кто-то из его хвостатых сородичей подходил к неведомому людскому логову, тут же следовал жуткий, пронзающий кости вой и быстрый топот лап убегающей собаки. Все его сородичи прекрасно знали, что город – это гиблое место. Гиблое примерно с того момента, как в небе над ним начали появляться чёрные крылья.

Самые старые или, вернее, самые невезучие псы помнили, что раньше всё было иначе. До появления чёрных птиц город был совсем другим. Без этой гнетущей тёмной ауры, окружавшей его, без этого сводящего с ума чувства опасности и непостижимого опасного голода, которое появлялось, едва кто-то из них приближался к нему. Старые псы помнили, и безуспешно, вновь и вновь пытались как можно ближе подойти к нему, стараясь прорваться сквозь непреодолимую стену страха и кошмаров, что окружала город по сей день.

В их сердцах ещё жила память о тех днях, когда люди не устраивали на собак охоту. Память, чуждая ему, гордому и одинокому псу, привыкшему полагаться только на себя. Однако, сегодня эта память, не существующая для него, стала единственным шансом на выживание.

Иначе он попросту умрёт с голоду.

Остановившись у самой черты, за которую его племя не смело ступить уже долгие собачьи поколения, пёс опасливо принялся. Нет. Ничего нет. Ни той пелены ужаса, ни того необратимого страха, что он испытывал раньше. Всё исчезло, словно та самая невидимая стена рухнула в один миг, расступилась перед ним, голодным и жалким, давая шанс найти пропитание где-нибудь у людских жилищ.

И пёс-таки решился сделать первый шаг.

Затем второй, третий. И после уже неся адской, призрачной гончей, ведомой никогда доселе невиданными запахами. Тяжелое железо, смачный растопленный жир, режущий глаза до слёз порох, всё это вело голодного пса туда, к человеческим жилищам, к одноглазому человеку, сурово буркнувшему: «Чего встал?», – и поманившему пса за собой, прямым к спасению от голодной смерти.

Был светлый и погожий день. День, что разительно отличался от всех других дней. День, в котором не сильно молодой, измученный человек, вдруг присел на корточки рядом с таким же оборванным и потрёпанным псом, и ласково положил ладонь на рыжую голову собаки.

И в этом жесте одноглазого человека и была та самая, последняя победа.

Апрель – октябрь 2021 года.